ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА I.

сочиненіе

П. ЛАНФРЕ.

переводъ

М. Ѳ. Кирѣева

ТОМЪ V.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Третьякова.*

1877

ИСТОРІЯ

НАПОЛЕОНА I.

ТОМЪ V

ИСТОРІЯ НАПОЛЕОНА I.

СОЧИНЕНІЕ

П. ЛАНФРЕ.

ПЕРЕВОДЪ

М. Ѳ. Кирѣева.

ТОМЪ V.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.*

МОСКВА, *Кузнецкій Мостъ, домъ Третьякова.*

1877.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

ГЛАВА I.

Состояніе Европы и Германіи во время австрійской войны въ 1809 году.—Папа Пій VII увезенъ изъ Рима.—Сраженіе при Ваграмѣ.—Цнаймское перемиріе. (Іюнь и іюль 1809).

Важная для французовъ неудача подъ Эсслингомъ представляла врагамъ Наполеона случай нанести, если не смертельный, то, по крайней мѣрѣ, опасный ударъ его могуществу. Хотя онъ не былъ побѣжденъ окончательно, но былъ вынужденъ пріостановиться, измѣнить свои предположенія, отказаться на время отъ наступательныхъ дѣйствій, столь свойственныхъ его генію, столь лестныхъ для его гордости. Если онъ и не испыталъ унизительности полнаго пораженія, все-же его намѣренія не осуществились, его обаяніе умалилось, его положеніе стало не обезпеченнымъ. Онъ потерялъ отчасти ту чудную силу авторитета, которою онъ пользовался какъ талисманомъ; онъ очутился временно въ безсиліи что-либо предпринять. Два эсслингскіе дня выказали, на чемъ держалось столько славы, столько могущества, такіе великіе замыслы, такое необыкновенное счастье. Все это чуть было не рухнуло при переправѣ черезъ Дунай. Еще одно усиліе,—и герой столькихъ подвиговъ былъ-бы сброшенъ въ рѣку. Теперь одинокій, окруженный непріятелемъ, среди народностей, готовыхъ подняться на бой, на

далекомъ разстояніи отъ своей естественной опоры, онъ казался близкимъ къ паденію, такъ желанному его врагамъ, и которое вызвало бы всеобщее противъ него возстаніе.

Съ военной точки зрѣнія ясно опредѣлилось, что для переправы черезъ Дунай, передъ многочисленной и мужественной непріятельской арміей, недостаточно было порыва дерзкой предпріимчивости. Эта переправа оказалась предпріятіемъ опаснымъ, исполненіе котораго требовало всей энергіи и всей изворотливости ума великаго полководца, и трудности котораго почти возстановляли между сражающимися равенство на возможность успѣха. Пока эта операція французовъ оставалась невыполненною, результатъ ихъ предшествовавшихъ побѣдъ оставался необезпеченнымъ. Каждый чувствовалъ инстинктивно, что на войнѣ не сдѣлано ничего, пока остается сдѣлать еще что-нибудь. Императоръ. такъ говорили, остановился наконецъ передъ препятствіемъ, рано-ли, поздно-ли, но всегда возникающимъ противъ всемогущества; онъ коснулся той песчинки, на которой спотыкаются непобѣдимые. Самой имперіи грозитъ опасность.

По мѣрѣ того какъ подобное мнѣніе колебало умы, повсюду означались признаки разложенія: на столько было искусственно и неустойчиво созданіе новаго Цезаря. Попытки возмущеній въ Германіи дѣлались чаще. Наши союзники рейнской конфедераціи неохотно сражались въ нашихъ рядахъ, готовые обратить противъ насъ то оружіе, которымъ мы заставляли ихъ сражаться противъ отчизны. Наши союзники Русскіе, полупримиренные съ Австріей вслѣдствіе вѣроломно вызваннаго нами возстанія въ Галиціи, казалось, стали-бы охотнѣе биться противъ поляковъ, нежели помогать имъ. Нерѣшительная, но навсегда враждебная, Пруссія выжидала, для открытаго противодѣйствія намъ, болѣе гибельнаго для насъ пораженія. Англія оканчивала приготовленія къ большой экспедиціи, точная цѣль которой была тайною, но назначеніе несомнѣнно. Дѣла въ Испаніи принимали для насъ

дурной оборотъ и предвѣщали нашимъ арміямъ новыя неудачи. Папа готовился разгромить отлученіемъ отъ церкви грабителя Римскаго престола. Возстаніе тирольцевъ, на время усмиренное, тлѣло незамѣтно какъ невполнѣ потушенный огонь. Наконецъ самая Франція была недовольна и встревожена. Преувеличивали опасности Наполеонова положенія, думали, что онъ окруженъ на островѣ Лобау, тогда какъ онъ не переставалъ господствовать надъ правымъ берегомъ Дуная; и этотъ маневръ, столь оригинальный, доставившій ему, какъ въ Аркольскихъ болотахъ, укрѣпленный, почти неодолимый лагерь, казался издали только вынужденной продѣлкой.

Невозможно отрицать, чтобъ во всѣхъ этихъ элементахъ матеріальной и нравственной силы не существовало достаточнаго противувѣса огромнымъ преимуществамъ, которыя извлекалъ Наполеонъ изъ превосходства своей арміи и своихъ военныхъ дарованій. А его противники, съумѣютъ-ли они соединить и привести въ дѣйствіе всѣ свои разбросанныя средства? Научатся-ли они пользоваться случаемъ, временемъ и уроками прошедшаго? Успѣютъ-ли они совокупить свои силы въ одно цѣлое; словомъ, смогутъ-ли они, хотя бы на короткое время, перенять у своего страшнаго врага ту тактику, которая ему такъ необыкновенно удавалась? Такіе вопросы повсюду задавали себѣ встревоженные зрители этого грознаго поединка.

Разсѣянные по огромнымъ пространствамъ союзники, на которыхъ имѣла право разсчитывать Австрія, не могли преодолѣть этого неудобства иначе какъ посредствомъ дѣятельности, быстроты и одновременности. Во всѣхъ отношеніяхъ, всѣ ихъ попытки въ этомъ родѣ были несчастливы: казалось бы, это должно было вразумить ихъ и служить поводомъ къ тому, какъ-бы лучше воспользоваться необходимымъ бездѣйствіемъ французовъ, во время вынужденнаго пребыванія ихъ арміи на островѣ Лобау. Германія была готова къ возста-

нію, благодаря постояннымъ усиліямъ Тугендбунда (союза добродѣтели) и тайныхъ обществъ. Даже женщины являлись агентами заговоровъ: онѣ носили на себѣ условные знаки этихъ обществъ и стальныя украшенія—символъ возрожденія Германіи посредствомъ желѣза [1]). Конечно, ни страна, ни нравы, ни характеры не подходили къ такимъ инсуррекціоннымъ движеніямъ, какія затрудняли французскія армія въ Испаніи; но признаки общей къ намъ враждебности германцевъ обнаруживались уже съ самаго начала войны. Попытки Дорнберга въ Вестфаліи, Катта въ Магдебургѣ, рыцарскіе подвиги Шилля въ Бранденбургѣ послѣдовательно не удались за недостаткомъ единства дѣйствія, или—сказать вѣрнѣе—за недостаткомъ мѣстностей, благопріятныхъ для партизанской войны. Тѣмъ не менѣе онѣ были знаменательнымъ доказательствомъ новаго чувства, волновавшаго народонаселенія, обыкновенно столь покойныя. Орудіе освобожденія существовало, стоило только найти способъ приведенія его въ дѣйствіе, и еслибы, вмѣсто этихъ разновременныхъ, отрывочныхъ возстаній, организовано было одно совокупное движеніе, которое дѣйствовало бы стройно, еслибы хоть одно нѣмецкое правительство осмѣлилось на такую инициативу, то, можетъ быть, оно увлекло бы за собою всѣхъ и все. Какія послѣдствія произвела-бы въ Германіи большая высадка англичанъ, которые, войдя въ устья Эльбы и поднявшись вверхъ по этой рѣкѣ, напали бы на наши сообщенія, въ то самое время, когда смѣлые нѣмецкіе партизаны, поддерживаемые дѣятельнымъ правительствомъ, подняли бы народы на всемъ пространствѣ германской отчизны!

Шилль, казалось, ждалъ и вызывалъ такого рода диверсію, въ то время, когда онъ, угрожая Вестфаліи и великому герцогству Бергскому, вдругъ бросился на ганзейскіе города.

[1]) Смотри любопытные *Mémoires de Beugnot*, который управлялъ тогда великимъ герцогствомъ Бергскимъ.

Но ожидаемая имъ помощь не появилась. Шилль слишкомъ поторопился и заплатилъ жизнью за свое великодушное заблужденіе. Непризнанный своею отчизною, обезчещенный прусскимъ правительствомъ названіемъ дезертира, заклейменный именемъ разбойника въ бюллетеняхъ Наполеона, объявленный внѣ закона королемъ Іеронимомъ, [2]) который отмстилъ Шиллю за свой переполохъ оцѣнкою его головы, наконецъ преслѣдуемый, окруженный датскими войсками и отрядами генерала Граціана, онъ палъ героемъ подъ стѣнами Стральзунда, покрытый тѣмъ офиціальнымъ безчестьемъ, которое со временемъ обращается въ великую честь и вѣчную славу тому же человѣку за то, что онъ былъ первымъ изъ непреклонныхъ мучениковъ, своею кровью выкупившихъ освобожденіе германской отчизны (31 мая 1809).

Товарищи Шилля были сосланы на каторжныя работы по приказанію Наполеона: «Люди изъ *шайки* Шилля, которые не удостоились разстрѣлянія,» осмѣлился напечатать потомъ *Монитеръ*, «были отправлены въ Тулонъ на галеры, въ числѣ трехсотъ шестидесяти.... Только съ презрѣніемъ можно относиться къ такимъ людямъ, которые отличаются отъ обыкновенныхъ воровъ, своихъ товарищей по ремеслу тѣмъ, что носили мундиръ.!...» [3]) Но ни этотъ позоръ, ни воспоминаніе объ этомъ трагическомъ концѣ не изсушили источника великихъ патріотическихъ самопожертвованій. Знамя, выпавшее изъ рукъ убитаго Шилля, было тогда-же поднято Брауншвейгъ-Эльсомъ, сыномъ храбраго побѣжденнаго при Іенѣ. Несмотря на первыя неудачи, доказавшія недостаточность частныхъ попытокъ, общее дѣло вовсе не было проиграно, и возможность великаго германскаго возстанія была открыта для каждаго, кто бы ни задумалъ ею воспользоваться. Должно замѣтить, что Австрія, подъ тяготѣвшей надъ нею

---

[2]) Декретъ 5 мая 1809. Кассель.
[3]) Moniteur 18 декабря 1809.

желѣзной рукой завоевателя, не могла принять на себя почина въ народной войнѣ; поэтому такая обязанность естественно оставалась или за Англіей, или за Пруссіей, державами не менѣе другихъ нуждавшимися въ ограниченіи Наполеона. Англія уже заплатила и опять платила, щедрѣе чѣмъ кто либо, свою долю за европейскую свободу. Ея неисчерпаемыя субсидіи были открыты для каждаго союзника, желавшаго ими воспользоваться; золотая рѣка ея денежныхъ вспомоществованій пополняла тощія казначейства континента. Ея флоты блокировали непрерывно и неослабно всѣ берега Европы. Въ Испаніи она дѣлала еще болѣе: ея армія обратилась въ самое устойчивое орудіе отпора Наполеону, образовала прочный центръ, вокругъ котораго групировались всѣ силы инсуррекціи. Въ Италіи, ея экспедиціи держали короля Мюрата въ постоянной тревогѣ. Громадныя вооруженія, которыя она готовила и направляла противъ Франціи, могли бы оказать неоцѣнимую помощь Германіи при соблюденіи двухъ условій: удачнаго выбора мѣста нападенія и своевременности самаго нападенія. Въ обоихъ этихъ отошеніяхъ, насколько можно было судить по обнаруживавшимся даннымъ, это гигантское предпріятіе оказывалось несостоятельнымъ. По эгоистической преднамѣренности и желанію уничтожить наши средства въ Антверпенѣ, предводители экспедиціи потеряли изъ виду необходимость направленія всѣхъ своихъ силъ къ мѣстности главныхъ дѣйствій, для нанесенія рѣшительнаго удара. Голландія, куда, по нѣкоторымъ предположеніямъ, они хотѣли направить сильную диверсію, была слишкомъ эксцентричнымъ и удобозащищаемымъ боевымъ полемъ, такъ что даже полная надъ нами тамъ побѣда не могла имѣть окончательнаго вліянія на исходъ нѣмецкой войны. Только Германія, на пространствѣ между теченіями Эльбы и Везера, представляла искомый базисъ для англичанъ. Гановеръ, эта колыбель британской династіи, возсталъ-бы немедленно, нерѣшительная Пруссія была-бы увлечена, ни-

чтожное правленіе вестфальскаго короля Іеронима было-бы мгновенно сметено въ прахъ, а за тѣмъ ни что не препятствовало бы походу союзниковъ на Дунай. Организаторы экспедиціи не только не дали себѣ отчета въ предстоявшихъ имъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, но даже не сообразили, на сколько былъ необходимъ скорый приступъ къ дѣйствіямъ. Ихъ медленность обращала въ безполезный фактъ неоцѣненную остановку въ наступательныхъ движеніяхъ французовъ—послѣ сомнительнаго ихъ успѣха подъ Эсслингомъ. Проходили дни, недѣли; Австрія, доведенная до крайности, напрасно вопила о помощи: тайна по прежнему облекала ближайшую цѣль англійской экспедиціи.

Но какіе бы ни были недосмотры, отчасти невольные, британскаго кабинета, главная доля отвѣтственности за послѣдовавшія событія, безъ сомнѣнія, лежала на прусскомъ правительствѣ. Своими тайными происками и пламенными желаніями оно не только вызвало послѣднюю войну, но и много содѣйствовало образованію противъ Наполеона великаго заговора тайныхъ обществъ. Государственные люди Пруссіи, генералы, офицеры, чиновники всѣхъ вѣдомствъ наполняли ряды Тугендбунда. Шилль былъ другомъ и собратомъ Штейнамъ, Шарнгорстамъ, Блюхерамъ. Вся армія горѣла желаніемъ отплатить за Іенское униженіе. Берлинскій кабинетъ не только не встрѣчалъ препятствія своимъ преднамѣреніямъ въ чувствахъ народа, но скорѣе долженъ былъ сдерживать, нежели возбуждать народные порывы. Французскіе дипломатическіе агенты, генералы, коменданты крѣпостей, которыми мы еще владѣли въ Пруссіи, Раппъ — въ Данцигѣ, Мишо—въ Магдебургѣ, единогласно свидѣтельствовали о чувствѣ ненависти и глубокой враждѣ, которыя питала къ намъ прусская нація. Общее нетерпѣніе сдерживали до времени перспективой неизбѣжной войны. Намѣренія короля, жившаго еще въ Кенигсбергѣ, были столько-же несо-

мнѣнны, какъ и намѣренія министерства, находившагося въ Берлинѣ. Вѣнскій кабинетъ такъ твердо разсчитывалъ на содѣйствіе Пруссіи, что преимущественно въ виду этого союза придалъ такое большое значеніе отряду эрцгерцога Фердинанда въ Польшѣ. Если бы эрцгерцогъ, оттѣснивъ Понятовскаго за Вислу, приблизился къ границамъ старой Пруссіи, все болѣе и болѣе удаляясь отъ своего операціоннаго базиса, то это послѣдовало-бы единственно въ надеждѣ соединиться съ прусскими войсками. Надежда эта была основана на положительныхъ данныхъ. Принцъ Оранскій завѣрилъ императора Франца, отъ имени короля Фридриха Вильгельма, обѣщаніемъ скорой помощи. Послѣ Эсслингской битвы Францъ II разсудилъ, что наступило время потребовать исполненія этого обѣщанія. Онъ отправилъ въ Кенигсбергъ полковника Штейгентеша съ письмомъ, отъ 8 іюня 1809 г., въ которомъ напоминалъ королю прусскому о полученныхъ отъ него завѣреніяхъ, объ общности интересовъ, связывающихъ Пруссію съ Австріей, о необходимости поспѣшной и энергической рѣшимости, чтобы положить предѣлъ «завоеваніямъ и грабительствамъ императора Наполеона.» Въ сущности невозможно было отрицать своевременности подобнаго предложенія. Но король Фридрихъ Вильгельмъ выказалъ такую-же опасливость, какъ и въ эпоху Аустерлица. Очутившись внезапно въ виду случайности, которую самъ на себя накликалъ, онъ усомнился, и, скрывая свое замѣшательство, встрѣтилъ полковника съ необыкновенною холодностью, и выказалъ опасеніе, что Австрія, заручившись имъ, заключитъ отдѣльный миръ съ Наполеономъ, а его оставитъ на произволъ судьбы; а какъ Штейгентешъ выразилъ свое удивленіе относительно того, что оспаривается дѣло, которое онъ считалъ уже совсѣмъ рѣшеннымъ, то король, невольно выдавая тайну своей нерѣшимости, сказалъ: «Еще не время.... требовать, чтобъ я выступилъ теперь-же,

значитъ желать моей гибели.... нанесите еще одинъ ударъ и тогда я приду; но приду не одинъ [4].»

Слишкомъ ясно было высказано желаніе воспользоваться плодами побѣды, не отваживаясь на битву. Такимъ образомъ исчезали одинъ за другимъ выгоднѣйшіе шансы противниковъ Наполеона. Патріотическія стремленія нѣмцевъ тратились на безплодныя и отрывчатыя вспышки, раздраженіе пруссаковъ пропадало въ бездѣйствіи напрасныхъ ожиданій; британскій эгоизмъ дѣйствовалъ медленно и приготовлялъ себѣ новые недочеты за неумѣстную заботу объ исключительныхъ своихъ выгодахъ. Единственною поддержкою Австріи, въ то время когда она въ ней такъ нуждалась, представилось такого рода содѣйствіе, которое не могло ей принести ни малѣйшей пользы въ тогдашнихъ критическихъ обстоятельствахъ. Шенбрунскій декретъ, по которому папскія владѣнія присоединялись къ французской имперіи, былъ опубликованъ въ Римѣ 10 іюня 1809 г., и тогда папа Пій VII рѣшился наконецъ обнародовать противъ Наполеона актъ объ отлученіи его отъ церкви: эта булла была давно уже заготовлена, но папа, по трусости, до сей поры не объявлялъ ея. Послѣ долгаго совѣщанія, въ которомъ высказывались самыя противоположныя мнѣнія, обнаруживались чувства негодованія, горя, злобы и страха, слабый старикъ уступилъ настояніямъ своего довѣреннаго совѣтника кардинала Пакка [5]) и согласился предать анаѳемѣ предъ всѣмъ католическимъ міромъ того самаго человѣка, пагубное самовластіе котораго онъ прежде самъ возвысилъ и утвердилъ. Если смотрѣть на отношенія папы къ императору, какъ на борьбу слабаго противъ сильнаго, то конечно, можно пожалѣть Пія VII, но, смотря на это дѣло съ болѣе возвышенной точки, мы увидимъ другое положеніе, полное спасительной наставительности.

[4]) Депеша барона Линдена, вестфальскаго уполномоченнаго въ Берлинѣ, къ графу Фюрстенштейну.

[5]) *Мемуары* кардинала Пакка.

Пій VII, какъ беззащитный старикъ передъ непреклоннымъ и всемогущимъ врагомъ, возбуждаетъ своимъ несчастіемъ жалость. Но, если вспомнимъ, что этотъ старикъ былъ духовнымъ главою столькихъ милліоновъ людей, отцомъ совѣсти, представителемъ божества на землѣ, то почувствуемъ, что его дѣйствія подлежатъ разбору другаго рода, что имѣемъ право требовать отъ него отчета въ употребленіи имъ своего безграничнаго авторитета. Справедливость и общественная польза заставляютъ насъ судить объ историческихъ личностяхъ по мѣрѣ исполненія ими обязанностей, налагаемыхъ на нихъ ихъ призваніемъ и личнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Пій VII торжественно отрекся отъ этихъ обязанностей и измѣнилъ имъ, совершивъ коронацію и міропомазаніе Наполеона, и тѣмъ освятивъ самые злодѣйскіе подвиги того человѣка, котораго теперь обвинялъ. Всѣ внутренніе и внѣшніе захваты Наполеона, всѣ его государственные перевороты, его измѣны, его насилія, даже недавнее убійство герцога Энгіенскаго, все это онъ простилъ и узаконилъ съ тою глубокою безнравственностью, которую всегда выказываютъ католическіе попы, когда имъ предстоитъ выборъ между справедливостью и выгодами церковничества. Онъ одобрилъ все въ надеждѣ воспользоваться страшнымъ союзомъ съ императоромъ. Онъ прикрылъ папской эгидой клятвопреступленіе и человѣкоубійство; онъ даровалъ этимъ злодѣйствамъ свою нравственную поддержку противъ всѣхъ поборниковъ справедливости. На что-же могъ теперь жаловаться папа? Къ нему примѣняли только тотъ законъ, который былъ имъ самимъ признанъ хорошимъ и справедливымъ относительно другихъ людей.

Послѣдствіемъ и наказаніемъ за это поведеніе было равнодушіе, съ которымъ принята была вѣсть о паденіи папы и его жалобахъ. Громы папскихъ проклятій не заглушали уже, какъ бывало прежде, шума оружій. Папскіе вопли беззвучно пронеслись надъ озабоченной болѣе важными дѣлами

Европой; а если, спустя нѣкоторое время, симпатіи мало-помалу стали возвращаться къ Пію VII, то не какъ къ главѣ церкви, а къ его терпѣнію, простотѣ, неизмѣнной кротости, которыя онъ показалъ во время своихъ долгихъ испытаній. Съ самаго начала этихъ распрей было очевидно, что дальнѣйшее пребываніе папы въ Римѣ было невозможно уже потому только, что онъ отказывался подчиниться той участи, которую ему готовили. Наполеонъ, привыкнувшій добиваться всего отъ папскаго престола угрозами и страхомъ, казалось, сначала разсчитывалъ на уступку со стороны папы. Два милліона франковъ, прибавленные къ папскимъ доходамъ, по шенбрунскому декрету, казались императору достаточнымъ залогомъ безропотнаго подчиненія Пія VII: «Вы видѣли изъ моихъ декретовъ, писалъ онъ Мюрату 17 іюня, что *я дѣлаю много добра папѣ*, но съ условіемъ, чтобы онъ былъ безпрекословенъ... Если онъ вздумаетъ созвать въ Римъ сплетниковъ, подобныхъ кардиналу Пакка, прибавляетъ онъ тутъ-же, то *надобно дѣйствовать въ Римѣ такъ, какъ я дѣйствовалъ-бы противъ парижскаго архіепископа.*» Два дня спустя, 19 іюня, недоразумѣнія стали невозможны: Наполеонъ уже узналъ о своемъ отлученіи отъ церкви, провозглашенномъ 10 іюня со всѣми протестами, объявленными тогда-же ко всеобщему свѣдѣнію. Какъ-бы то ни было, но тогда-же Наполеонъ далъ Мюрату и генералу Моллису инструкціи, такъ точно примѣнимыя къ тогдашнему положенію дѣла, что имъ не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того какъ дѣйствовать: «Я уже далъ вамъ понять, писалъ онъ Мюрату, что желаю покончить какъ можно скорѣе съ дѣлами Рима, не щадя никого изъ сопротивляющихся. *Не останавливайтесь ни передъ какимъ убѣжищемъ*, гдѣ бы ни оказалось неповиновеніе моимъ декретамъ; не допускайте ослушанія — подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Если папа вздумаетъ проповѣдывать бунтъ и захочетъ воспользоваться неприкосновенностью своего дома *для печатанія цир-*

куляровъ,—арестуйте его [6].» Моллисъ получилъ такого-же рода предписаніе, помѣченное тѣмъ-же числомъ [7]).

Едва-ли было возможно отнестись къ представлявшейся случайности въ болѣе точныхъ выраженіяхъ. Приказаніе обнимало не только провозглашенное въ Римѣ отлученіе отъ церкви, но даже уполномочивало взять подъ арестъ папу за напечатаніе какихъ нибудь *циркуляровъ*. Замѣчательно, что при этомъ распоряженіи, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, когда Наполеонъ сознавалъ себя въ будущности отвѣтственнымъ за свое рѣшеніе, онъ—всегда столь повелительный, столь точный — выражался условно, какъ-бы оставляя за собою право сказать: «это не я!» Такіе приказы, хотя и формальные, были составляемы въ выраженіяхъ общихъ, съ замѣтнымъ умысломъ свалить потомъ на исполнителей отвѣтственность за иниціативу.

Эта недобросовѣстность подтверждается тѣмъ, что, по совершеніи дѣла, онъ умываетъ себѣ руки, отрицаетъ, осуждаетъ, мало того, оплакиваетъ созданное имъ самимъ событіе: «Какая страшная глупость, пишетъ онъ къ Фуше, право мнѣ очень жаль, что это случилось [8]).» Въ письмѣ къ Камбасересу онъ идетъ еще далѣе: «*Безъ моего приказанія и вопреки моему желанію вывезли папу изъ Рима* [9]).» Но онъ отнюдь не отмѣняетъ исполненнаго, и пишетъ потомъ: «что сдѣлано, то сдѣлано!» Въ своихъ запискахъ на островѣ Святой Елены, онъ старается доказать необходимость этого дѣла, но тѣмъ не менѣе сваливаетъ отвѣтственность на рвеніе своихъ сподвижниковъ [10]). Остается объяснить, по какой странной причинѣ, когда всѣ передъ нимъ преклонялись въ страдательномъ по-

---

[6]) Наполеонъ къ Мюрату, 19 іюня 1809.
[7]) Міоллису, отъ того-же числа.
[8]) Наполеонъ къ Фуше, 18 іюля.
[9]) Къ Камбасересу, 23 іюля.
[10]) Наполеоновы замѣтки на *Четыре конкордата* Аббата Прадта.

слушаніи до такой степени, что лучшіе его генералы были имъ какъ-бы парализованы, его агенты, обыкновенно такіе раболѣпные, вдругъ становились на столько смѣлыми, что брали на свою отвѣтственность такія рѣшенія, за которыя тогда-же могли поплатиться головами! Несчастные агенты, всегда некстати черезчуръ ревностные, особенно въ обстоятельствахъ самыхъ затруднительныхъ, болѣе всего для нихъ опасныхъ и менѣе всего обезпечивавшихъ принятіе ими на себя окончательныхъ рѣшеній! Въ дѣлѣ герцога Энгіенскаго—рвеніе Савари, въ дѣлѣ Испаніи—рвеніе Мюрата, въ дѣлѣ папы Пія VII—рвеніе Моллиса все перепортило. И, однакожъ, ни изъ чего нельзя заключить, чтобъ это неумѣстное рвеніе повредило имъ въ глазахъ Наполеона; напротивъ, онъ наказываетъ ихъ только новыми милостями и наградами! Звѣзда императора, должно быть, такъ вліяла на исполнителей его воли, что они постоянно его компрометировали, и такія странности бывали только съ нимъ однимъ!

Во всякомъ случаѣ должно сказать въ оправданіе его римскихъ агентовъ, что они не могли бы поступить съ большей увѣренностью и точностью, еслибы даже получили отъ него вполнѣ положительный и обстоятельный приказъ, и надобно также сознать, что — по разсчету собственныхъ выгодъ — имъ не приходилось ошибаться въ этомъ дѣлѣ. Инструкціи Мюрату и Міоллису были писаны 19 іюня, а 6 слѣдующаго іюля, между двумя и тремя часами утра, то есть въ ночное время, назначенное по примѣру Эттенгеймской западни, три отряда французскихъ солдатъ, подъ предводительствомъ генерала Раде, украдкой пробрались въ Квиринальскій дворецъ и обезоружили папскую стражу. Генералъ съ нѣсколькими офицерами силою проникаетъ въ покои святаго отца; именемъ императора требуетъ отъ него отреченія отъ свѣтской власти, а на его отказъ объявляетъ, что имѣетъ приказаніе его арестовать. Одинъ изъ свидѣтелей

этого насилія увѣряетъ, что старикъ, припомнивъ съ горечью все прошлое, простоналъ: «Такъ вотъ благодарность вашего императора за все то, что я для него сдѣлалъ! Вотъ награда за мое снисхожденіе къ нему и къ церкви Франціи [11])!»

Безъ замедленія папа Пій VII былъ увезенъ по пути къ Флоренціи въ запертой на ключъ каретѣ и окруженный жандармскимъ конвоемъ.

Единственная изъ европейскихъ странъ, въ которой это насиліе могло бы возбудить немедленное противодѣйствіе, была Италія; но поповское правленіе было тамъ по справедливости слишкомъ ненавистно, и боязнь нашей расправы, вполнѣ основательная, подтверждалась такими кровавыми уроками, что возстанія не могло въ ней проявиться. Съ тѣхъ поръ какъ эрцгерцогъ Іоаннъ принужденъ былъ отступить отъ рѣки Адижіо (Эча) къ Альпамъ для подкрѣпленія своего брата, всякая опасность этого рода исчезла съ полуострова, и незначительныя вспышки возмущенія, именно въ Падуѣ, замѣнились покорностью и привычнымъ безмолвіемъ. Что касается экспедицій, снаряжаемыхъ Англіей изъ Палермо, то онѣ только пугали и тревожили Мюрата, но отнюдь не могли быть достаточными опорами для сколько нибудь опасныхъ противъ насъ дѣйствій. Въ Италіи, даже менѣе нежели въ Германіи, нашимъ дѣламъ не проявлялось такого рода противодѣйствія, которое могло-бы имѣть вредныя для насъ послѣдствія. Въ Испаніи, напротивъ, наступало тогда время самой важной попытки противъ французскаго владычества; но отдаленность отнимала у Веллингтона всякую возможность непосредственнаго вліянія на развязку австрійской войны, и только гораздо позднѣе это вліяніе сильно отозвалось на европейскихъ дѣлахъ. Иберійскій полуостровъ

---

[11]) *Мемуары* кардинала Пакка. Двѣ *реляціи* генерала Раде, повѣствованіе графа Гауссонвилля: *Римская Церковь и Первая Имперія.*

представлялъ въ то время замкнутое поприще, гдѣ сражающіеся, предоставленные собственнымъ средствамъ, не могли сдѣлать ничего существеннаго для своихъ австрійскихъ союзниковъ, бившихся на такомъ огромномъ отъ нихъ разстояніи: военные подвиги и испытанія иберійцевъ изложимъ въ особомъ разсказѣ.

Изъ этого краткаго очерка понятно, что при всей надеждѣ на внѣшнюю помощь, при разсчетѣ на поддержку отъ народовъ, за права которыхъ сражалась Австрія, въ концѣ концовъ, она вынуждена была разсчитывать исключительно на собственныя силы, и конечно такой источникъ сопротивленія есть наилучшее средство для государства, угрожаемаго въ своемъ національномъ существованіи. По несчастью, Австрія была создана вовсе не для войнъ за независимость; виною тому было ея прошлое и недостатки ея государственнаго устройства. Федеральная по природѣ и по существу, Австрія стала государствомъ почти однороднымъ, благодаря деспотическимъ преданіямъ ея монархіи: отсюда ея чисто-искусственная совокупность, поддерживаемая только силой, и естественнымъ слѣдствіемъ этого было ослабленіе патріотическаго чувства въ большей части провинцій, исключая развѣ тѣхъ, которыя раздѣляли съ императорскимъ домомъ выгоды этой обширной эксплуатаціи. Венгрія въ особенности, менѣе подверженная опасностямъ вторженія и менѣе доступная страху завоеванія, вовсе не выказывала того воинственнаго рвенія, которымъ прославилась во времена Маріи-Терезіи. Венгерскія войска, родъ ополченія, призываемаго къ оружію въ военное время, и на которыхъ основывали такъ много надеждъ, собирались медленно и безъ одушевленія. Галиція, владѣніе новое—по раздѣлу Польши, ожидала только случая къ возстанію противъ только-что утверждавшагося австрійскаго господства. Одинъ только Тироль, по ненависти къ баварскому игу, выказывалъ энтузіазмъ, соотвѣтствовавшій важности обстоятельствъ. Все остальное въ монархіи, за исклю-

ченіемъ организованной силы, не имѣло энергіи, необходимой для самопомощи.

При такомъ положеніи дѣлъ, ополченія обыкновенно суть ничто иное какъ отраженіе общественнаго возбужденія, и хотя они поддерживаются патріотическимъ чувствомъ, но при всемъ томъ представляютъ недостаточный отпоръ противъ врага и слабую помощь своимъ регулярнымъ войскамъ. Вообще мало годныя для противодѣйствія завоевателямъ, они были весьма умѣренно проникнуты воинственнымъ духомъ, а эрцгерцогъ Карлъ не былъ человѣкомъ способнымъ придать имъ недостающіе пылъ и отвагу. Его геній, крайне методическій и холодный, не былъ способенъ увлечься соображеніями энтузіастической войны. Во время предшествовавшее битвамъ при Эсслингѣ, онъ постоянно готовился къ сраженіямъ наступательнымъ, и вмѣсто того постоянно принималъ сраженія оборонительныя. Его смущеніе передъ присутствующимъ на войнѣ Наполеономъ доходило иногда до помраченія его замѣчательныхъ способностей, и онъ даже не былъ въ состояніи скрывать отъ подчиненныхъ тайну своего волненія: «Но, государь, сказалъ однажды въ Регенсбургѣ генералъ Бубна, его адъютантъ, представьте себѣ, что передъ вами не Наполеонъ, а Журданъ [12])!» При Эсслингѣ эрцгерцогъ поднялся какъ въ своемъ собственномъ о себѣ мнѣніи, такъ и во мнѣніи своей арміи; но вмѣсто того, чтобъ почерпнуть болѣе смѣлости и дѣятельности изъ своихъ успѣховъ для дальнѣйшихъ предпріятій, онъ считалъ себя счастливымъ тѣмъ, что успѣлъ дать отпоръ противнику, внушавшему ему безграничное удивленіе, и боялся скомпрометировать себя излишнею отвагой.

Его армія занимала, противъ острова Лобау, прежнія позиціи, нѣсколько измѣненныя вслѣдствіе опытовъ, пріобрѣтенныхъ въ предшествовавшихъ битвахъ. Онъ приказалъ ук-

---

[12]) *Мемуары* Мармона.

рѣпить и соединить окопами, вооруженными артиллеріею, деревни Асперпъ, Эсслингъ и Энцерсдорфъ; но эта укрѣпленная линія угрожала только одной сторонѣ острова Лобау. Сторона же, простирающаяся отъ Энцерсдорфа къ Мюльгейтену, то есть, до входящаго угла Дуная, оставалась открытою, хотя и было возможно укрѣпить это пространство и тѣмъ придать ему недоступность. Этотъ неукрѣпленный промежутокъ представлялъ Наполеону возможность обойти укрѣпленную линію, и потому она становилась безполезною. Казалось, цѣлью эрцгерцога было привлечь Наполеона на поле битвы, заранѣе избранное и изученное, а не воспрепятствовать ему переправиться черезъ Дунай. Дѣйствительно, стратегическія позиціи отъ Бисамберга къ Ваграму и Нейзиделю были давно ему извѣстны. Гораздо ранѣе битвъ при Эсслингѣ, и еще непредвидя, какія неизгладимыя воспоминанія на его военномъ поприщѣ оставятъ по себѣ эти мѣстности, онъ говорилъ о нихъ въ своемъ сочиненіи по тактикѣ, какъ о позиціяхъ образцовыхъ для защиты переправы черезъ рѣку. Отъ него не могло укрыться, что доступъ къ долинѣ Маршфельда былъ открытъ для Наполеона; но онъ съузилъ это доступное пространство, и оставилъ тутъ свободный проходъ только съ одной стороны, чтобъ быть въ возможности напасть на французовъ внезапно и снова отбросить ихъ къ Дунаю, до совершеннаго окончанія переправы черезъ рѣку.

Сверхъ этихъ предосторожностей, которыя оказались на дѣлѣ совершенно недостаточными, онъ потребовалъ присоединенія къ себѣ всѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, располагать которыми онъ считалъ возможнымъ, не ослабляя защиты важнѣйшихъ пунктовъ. Но это сосредоточеніе войскъ было выполняемо безъ единства и безъ той быстрой рѣшимости, которыя требовались тогдашними обстоятельствами. Эрцгерцогъ Фердинандъ былъ оставленъ въ Польшѣ съ большимъ числомъ войскъ, нежели было нужно для противодѣйствія Понятовскому. Эрцгерцогъ Іоаннъ, пропустивъ удобное время

для соединенія съ старшимъ братомъ въ Линцѣ, направился на Кормондъ. Предоставленный собственному вдохновенію и ревнуя къ славѣ эрцгерцога Карла, этотъ принцъ горѣлъ желаніемъ создать себѣ болѣе громкое военное имя, чѣмъ то, которое доставила ему побѣда при Сацилѣ: предстояла опасность, какъ бы его заносчивая личность не навлекла бѣды, подобной Гогенлинденской. Сильно разстроенный при своемъ отступленіи преслѣдовавшими его войсками принца Евгенія, эрцгерцогъ Іоаннъ прихватилъ на своемъ пути уцѣлѣвшіе остатки корпуса Іелашича, съ трудомъ избѣгнувшіе преслѣдованія Лефевра въ горахъ Тироля. Онъ привелъ не болѣе двадцати пяти тысячъ человѣкъ въ Кормондъ, гдѣ отчасти усилился подкрѣпленіемъ отъ венгровъ, но вмѣсто того, чтобъ доспѣшить отступленіемъ къ Пресбургу, откуда онъ былъ въ возможности соединиться съ своимъ братомъ и занять стратегическій пунктъ капитальной важности для дальнѣйшихъ военныхъ операцій, онъ вздумалъ опять возобновить самостоятельное наступленіе, не заботясь ни о полученныхъ инструкціяхъ, ни о необходимости подчинить свои дѣйствія дѣйствіямъ главной арміи.

Между тѣмъ какъ противники Наполеона тратили въ бездѣйствіи, въ нерѣшительности, въ пустыхъ догадкахъ, въ безконечномъ выжиданіи чего-то, преимущества, цѣну которыхъ они должны были узнать слишкомъ поздно, ихъ врагъ, возбужденный опасностью, которой онъ только-что избѣгнулъ, употреблялъ неусыпную дѣятельность для усиленія и совокупленія своихъ средствъ. На сколько ихъ рѣшенія были неопредѣленны и усилія разъединены, на столько его дѣйствія были точны, быстры и прямо шли къ цѣли. Заранѣе увѣренный въ недостаткѣ ихъ предпріимчивости и рвенія, въ ихъ колебаніи, и тайныхъ раздорахъ, имъ самимъ вызываемыхъ, Наполеонъ тотчасъ рѣшилъ, что, даже представивъ себѣ все съ худшей стороны и предположивъ ихъ способными довести дѣло до конца, онъ во всякомъ случаѣ—побѣ-

дитъ ихъ быстротою. Онъ созналъ, что если ему удастся вскорѣ уничтожить армію эрцгерцога Карла, то возмущенія, которыя старались раздуть въ Германіи, или уничтожатся сами собою, или сдѣлаются для насъ мало опасными. Равнодушный къ опасеніямъ своего брата Іеронима, онъ старается его ободрить, возбудить его энергію, но отказываетъ ему въ просимомъ имъ подкрѣпленіи: «Англичане не страшны; всѣ ихъ силы въ Испаніи и Португаліи; они не въ состояніи предпринять что либо въ Германіи; а если,—*тогда посмотримъ!*... Шилль, отступившій къ Стральзунду, потерялъ всякое значеніе. У Брауншвейгскаго не болѣе восьми сотъ человѣкъ. Прежде начала дѣйствія надобно всмотрѣться. *Я всегда выжидаю, пока дѣло не созрѣетъ и пока не узнаю хорошо всѣхъ обстоятельствъ, а дѣйствовать начинаю потомъ*.... Меньше безпокойтесь, вамъ нечего бояться, все это только пустая тревога [13]).»

Не возможно соединить правило съ примѣромъ лучше того, какъ это сдѣлалъ императоръ въ данную минуту. Никогда это правило, столько разъ доказанное его военными соображеніями и подвигами, столь вѣрное во всякомъ искусствѣ, а въ особенности при веденіи войны, не было прилагаемо и осуществлено съ большею дѣятельностью и цѣлесообразностью; никогда никто не умѣлъ такъ кстати подчинять и приносить въ жертву второстепенное главному, что, въ особенности, большая заслуга на войнѣ, потому что для этого нужно столько-же силы характера, сколько и ума. Самыя опасныя усложненія, которыхъ онъ наиболѣе страшился становились для него, временно, какъ-бы не существующими. Никакое второстепенное событіе не въ состояніи было отклонить его отъ той великой задачи, которую онъ заранѣе себѣ опредѣлилъ. Подъ ударами столькихъ грозныхъ случайностей, столькихъ неожиданностей, становившихся съ каждымъ днемъ

[13]) Наполеонъ къ Іерониму, 9 іюня 1809.

болѣе и болѣе осуществимыми, другой потерялъ-бы голову, или, по крайней мѣрѣ, время, въ неопредѣленныхъ попыткахъ, въ излишнихъ предосторожностяхъ, въ несущественныхъ мѣропріятіяхъ; онъ, напротивъ, не дозволялъ своей мысли отвлекаться отъ главнаго предмета, въ полной увѣренности, что наидѣйствительнѣйшая предосторожность противъ предвидимыхъ имъ опасностей была, прежде всего, побѣда надъ самымъ сильнымъ противникомъ.

На другой же день послѣ сраженія при Эсслингѣ, всѣ усилія его грознаго ума обратились къ единственной цѣли: перейти черезъ Дунай и истребить армію эрцгерцога Карла. Увѣренный въ томъ, что, съ достиженіемъ этой цѣли, все остальное приложится ему само собою, онъ устремилъ къ обдуманному имъ дѣлу всю плодовитость своей изобрѣтательности, всю неутомимость своей возбужденной воли. Первою его заботою было—преобразить свое пораженіе при Эсслингѣ въ побѣду, чтобы подѣйствовать на общественное мнѣніе: никто не зналъ лучше его, на сколько самоувѣренность вліяетъ на людей, особенно въ военное время, потому что въ ней заключается тогда залогъ успѣха. Циркуляръ Марэ распространилъ по Германіи, Франціи и Италіи извѣстіе о нашихъ подвигахъ подъ Эсслингомъ, а подъ перьями его агентовъ они преобразились немедленно въ побѣдный тріумфъ [14]). Нѣсколько дней спустя истина открылась, но впечатлѣніе было произведено. Въ глазахъ большинства, а въ этомъ отношеніи оно составляетъ законъ, онъ сохранилъ видъ побѣдителя, чего противники его не умѣли достигнуть. Какъ ни были рѣшительны опроверженія, впечатлѣніе, основанное на страхѣ, продолжало существовать, а вскорѣ подоспѣли бюллетени, оспаривавшіе все и всѣхъ и утверждавшіе, «что только маневры генерала Дуная спасли австрійскую армію отъ конечнаго истребленія [15]).»

---

[14]) *Мемуары* Беньо.

[15]) 13-й бюллетень германской арміи.

Онъ старался также, но не настолько успѣшно, а тѣмъ не менѣе настоятельно, унизить принцевъ австрійскаго дома въ мнѣніи ихъ народовъ. Почти не появлялось бюллетеня безъ порицательной оцѣнки ихъ личности, чтобы повредить имъ въ умахъ народа. Онъ особенно упрекалъ ихъ въ страданіяхъ, претерпѣваемыхъ бѣднымъ людомъ, упрекалъ ихъ въ неурожаѣ и голодѣ, какъ послѣдствіяхъ веденной ими войны. «*Озлобленіе* принцевъ лотарингскаго дома *противъ города Вѣны,* говорилъ онъ, обрисовывается одною чертою: столица продовольствовалась отъ сорока мельницъ, находившихся на лѣвомъ берегу рѣки, — они ихъ разрушили [16])!» Зная по опыту легковѣріе, съ которымъ народонаселенія принимаютъ подобные нападки, онъ обвинялъ принцевъ и въ томъ, что они останавливаютъ подвозъ припасовъ, чтобъ выморить Вѣну голодомъ, и тутъ-же припоминалъ «нашего Генриха IV», который самъ кормилъ осаждаемый имъ Парижъ [17]).

Но преимущественно въ честь народовъ итальянскихъ Наполеонъ считалъ нужнымъ расходовать, въ то время, свой запасъ краснорѣчія. Этотъ властелинъ, обыкновенно такой требовательный и жосткій, расточалъ имъ въ своихъ бюллетеняхъ завѣренія разсчитанной благодарности. Въ продолженіе короткаго пребыванія эрцгерцога Іоанна, послѣ его побѣды при Сацилѣ, въ провинціяхъ верхней Италіи, эти народы, привыкнувшіе, послѣ паденія венеціанской республики, такъ часто мѣнять иго, сохраняли ту молчаливую неподвижность, которую менѣе всего можно бы было принять за вызывающее положеніе. Наполеонъ, сильно желавшій навязать подражаніе ихъ поведенію и другимъ народамъ, особенно въ провинціяхъ рейнской конфедераціи, возводилъ предусмотрительную сдержанность итальянцевъ на степень необыкновеннаго

---

[16]) Тамъ-же.

[17]) 14 бюллетень.

патріотизма и вѣрности: «Народы Италіи вели себя такъ, какъ могли-бы вести себя народы *Эльзаса, Нормандіи, или Дофине*. При отступленіи нашихъ солдатъ, они провожали ихъ добрыми пожеланіями *и слезами!*... Прокламаціи эрцгерцога Іоанна вызывали только ненависть и отвращеніе... Между семью милліонами людей, непріятель успѣлъ найти только трехъ негодяевъ, которые не отвергли обольщеній.... Вознагражденіе не замедлится... Эта прекрасная часть континента, которую римская курія и тучи монашеской саранчи совсѣмъ было погубили, снова появится съ честью на міровомъ поприщѣ!»

Наканунѣ онъ объявилъ великолѣпныя изъявленія благодарности итальянской арміи, которую принцъ Евгеній только-что привелъ ему въ Зимрингъ, гдѣ она присоединилась къ арміи, дѣйствовавшей въ Германіи. Эта армія отчасти загладила свои неудачи въ прежнихъ дѣлахъ, но Наполеонъ цѣнилъ въ ней не столько ея подвиги, сколько ту важную помощь, которую она ему принесла. Онъ осыпалъ похвалами солдатъ и народъ итальянскій не столько за то, что они уже сдѣлали, сколько за то, чего онъ хотѣлъ отъ нихъ впослѣдствіи потребовать. Въ сущности-же онъ отлично понималъ, чего держаться относительно покорности своихъ итальянскихъ подданныхъ, и изъ его частной переписки видно на сколько приходится сбавить съ этой притворной благодарности, такъ нагло опубликованной. «Мой сынъ, писалъ онъ принцу Евгенію, въ тотъ самый день какъ объявилъ эти поздравленія, я знаю, что въ Падуѣ есть личности, которыя вели себя дурно: дайте мнѣ объ этомъ отчетъ, чтобы я могъ показать надъ ними строжайшій примѣръ. Я знаю, что меръ Удино имѣлъ подлость снять съ себя пожалованный ему знакъ отличія... Если въ Падуѣ найдется семейство познатнѣе, которое вело себя не такъ какъ бы слѣдовало, *я прикажу ихъ истребить до основанія, отца, брата и прочихъ*, чтобы этотъ примѣръ остался въ лѣтописи Падуи. Велите

исполнить съ строжайшею точностью декретъ *относительно тѣхъ итальянцевъ, которые поднимали противъ васъ оружіе* [18]).»

Но это дурное расположеніе духа онъ проявлялъ только въ сношеніяхъ съ близкими людьми; для всѣхъ остальныхъ онъ желалъ казаться самымъ счастливымъ, самымъ любимымъ государемъ. Онъ хотѣлъ убѣдить всю Европу въ томъ, что заключилъ съ Италіей неразрывный союзъ, а чтобъ распространить это мнѣніе въ умахъ всѣхъ, онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, разсыпалъ благословенія, слова благодарности и либеральныя обѣщанія. Парадизи заявилъ ему, отъ лица итальянскаго сената, довольно позднее завѣреніе въ вѣрности, которое имѣло бы конечно больше цѣны, если бы австрійцы занимали тогда еще Миланъ, или еслибы оно было голосовано до отступленія эрцгерцога Іоанна. Наполеонъ отвѣчалъ ему въ выраженіяхъ, заимствованныхъ у такъ называемыхъ имъ идеологовъ и представляющихъ любопытный контрастъ съ циническимъ мнѣніемъ, высказаннымъ имъ относительно итальянской сволочи. Онъ такъ привѣтствовалъ теперь свои итальянскіе народы: «Вы отвергли съ презрѣніемъ и негодованіемъ злостныя внушенія и призывы къ возмущенію, предложенные вамъ этимъ клятвопреступнымъ и неблагодарнымъ царственнымъ домомъ, свинцовый скипетръ котораго цѣлые вѣка тяготѣлъ надъ несчастной нашей Италіей.... Провидѣніе, добавляетъ онъ, предоставило мнѣ необычайное утѣшеніе—видѣть Италію соединенною подъ моими законами, *возраждающеюся для великихъ и либеральныхъ идей*, которыя «наши предки», *въ ряду властителей новыхъ временъ—провозгласили послѣ вѣковъ варварскихъ* [19]).» «Наши предки» въ Парижѣ — это былъ Карлъ Великій и его наслѣдники; въ Миланѣ—это были итальянцы

---

[18]) Наполеонъ къ Евгенію, 28 мая 1809. *Мемуары* принца Евгенія.
[19]) Къ Парадизи, 16 іюня 1809.

временъ возрожденія; «предки наши» мѣнялись — смотря по мѣстности. Что же касалось либеральныхъ идей, то онѣ также измѣнялись, смотря по времени. Какъ только миновала опасность, итальянцы вскорѣ узнали цѣну этихъ льстивыхъ завѣреній.

Такія уловки, употребленныя для привлеченія колеблющихся, для поддержанія общаго обаянія, для достиженія нравственнаго вліянія, которое онъ хотѣлъ имѣть надъ Европой, служили ему развлеченіемъ при громадныхъ работахъ, имъ производимыхъ для укрѣпленія своего военнаго положенія. Сосредоточить всѣ свои войска въ одномъ мѣстѣ, чтобы стать на немъ непобѣдимымъ, уменьшить исподоволь препятствіе, представляемое ему Дунаемъ, до степени ничтожности, такова была двойная задача, грани которой онъ себѣ опредѣлилъ, и къ разрѣшенію которой онъ устремилъ всѣ силы своего генія. Онъ непремѣнно хотѣлъ перейти черезъ Дунай, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ его первая попытка потерпѣла неудачу; впослѣдствіи онъ самъ объяснилъ причины такого рѣшенія въ письмѣ къ Евгенію, предлагавшему переходъ напротивъ Рааба.

«Отъ Вѣны до Рааба, писалъ Наполеонъ, шесть переходовъ. Если бы у меня былъ мостъ на позиціи, гдѣ вы находитесь, я не могъ-бы перейти тамъ черезъ Дунай, потому что въ то время, какъ я шелъ бы къ Раабу, эрцгерцогъ Карлъ переправился-бы черезъ рѣку на Вѣну позади меня: мостъ онъ устроилъ бы въ два дня. Между тѣмъ Раабъ не стоитъ Вѣны. Мой центръ и мой путь сообщенія были-бы разстроены, и я очутился бы въ дурномъ положеніи [20].» Если-же онъ вздумалъ бы отступить до Линца, чтобы воспользоваться мостомъ въ этомъ городѣ, то неудобства хотя-бы и были менѣе важны, но все-таки достаточно велики,

[20]) Къ Евгенію. 19 іюня.

тѣмъ болѣе, что и въ этомъ случаѣ также приходилось уступить Вѣну. Островъ Лобау казался ему, какъ и прежде, самымъ удобнымъ пунктомъ для военной переправы. Онъ уставилъ этотъ островъ артиллеріей и обратилъ его въ неодолимый плацдармъ. Тамъ были сосредоточены его лучшія войска подъ начальствомъ Массены; они въ точности знали свою мѣстность и окрестныя позиціи. Прежде всего онъ занялся устройствомъ для нихъ сообщенія съ правымъ берегомъ рѣки, — задача, относительно, легко исполнимая. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, прибыль и возвышеніе воды въ Дунаѣ, оказавшіяся столь роковыми для нашихъ судовыхъ мостовъ въ оба эсслингскіе дня, съ каждымъ днемъ уменьшались; съ другой стороны, этотъ берегъ былъ въ безопасности противъ возвращенія туда непріятеля, потому что Даву наблюдалъ за окрестностями Пресбурга, кавалерія Монбрюна разъѣзжала по дорогѣ на Венгрію, корпусъ Бернадотта, стянутый къ Вѣнѣ, защищалъ Дунай до Кремса, гдѣ находился Вандамъ, наконецъ Лористонъ былъ въ связи съ принцемъ Евгеніемъ черезъ Земрингъ.

На этотъ разъ Наполеонъ рѣшился вполнѣ обезпечить безопасность своихъ мостовъ какъ отъ разрыва, такъ и отъ пожара. По его приказанію, генералъ Бертранъ построилъ два моста на сваяхъ длиною въ четыреста сажень: по одному изъ нихъ могли свободно проѣзжать три повозки въ рядъ, а другой, исключительно предназначенный для пѣхоты, былъ восьми футовой ширины. Оба моста были защищены противъ зажигательныхъ судовъ эстакадами тоже на сваяхъ, и при томъ постоянно охраняемы были гвардейскими моряками; кромѣ того, для болѣе быстраго сообщенія, былъ устроенъ еще мостъ на судахъ.

Эти работы, оконченныя въ двадцать дней, возбудили общее удивленіе; но странно было сравнивать ихъ съ восьмидневной постройкой Цезаремъ моста черезъ Рейнъ; а именно такую мысль внушаетъ самъ Наполеонъ въ двадцать четвер-

томъ бюллетенѣ своимъ будущимъ историкамъ, и эти господа, конечно, не преминули раздуть и разукрасить свои повѣствованія на эту тему [21]). Съ разнородными средствами, которыя, въ наши времена, имѣютъ столицы, подобныя Вѣнѣ, всегда возможно возобновить это мнимое чудо постройки двухъ мостовъ на сваяхъ въ двадцать дней, потому что для этого достаточно дѣятельнаго инженера и нѣскольихъ тысячъ рабочихъ. Не болѣе представляется смысла въ сравненіи этихъ сооруженій съ мостомъ, переброшеннымъ Цезаремъ черезъ Рейнъ, среди лѣсовъ дикой Германіи, какъ и въ сопоставленіи перехода черезъ Сенъ-Бернардъ съ переходомъ Альповъ Аннибаломъ. Впрочемъ, самое важное и самое удачное соображеніе Наполеона, въ предпринятой имъ операціи, было не по сооруженію мостовъ съ острова Лобау на правый берегъ, черезъ главное русло Дуная; нѣтъ, онъ поразилъ непріятеля болѣе грозною неожиданностью, устроивъ дѣло такимъ образомъ, что могъ въ два часа времени, въ виду австрійской арміи, навести шесть мостовъ черезъ меньшій рукавъ этой рѣки, отдѣляющій островъ Лобау отъ лѣваго берега.

Въ то время, какъ и въ дни сраженій при Эсслингѣ, разсчеты эрцгерцога были основаны на предполагавшейся австрійцами невозможности дебушировать въ одну ночь съ двухсотъ-тысячной арміей черезъ узкое дефиле двухъ и даже трехъ мостовъ; эрцгерцогу не приходило на умъ, что число мостовъ можно было увеличить до такой степени, что создавался родъ подвижнаго помоста, которымъ такъ сказать, уничтожался Дунай, и давалось нашей арміи возможность маневрировать какъ бы на сушѣ.

Между тѣмъ какъ производились эти огромныя работы,

---

[21]) «Мостъ Цезаря, говорилъ онъ, обращая всю выгоду сравненія на свою сторону, хотя и былъ построенъ въ восемь дней, *но по немъ не могла проѣхать никакая повозка.* (24 бюллетень). Безполезно выяснять всю мелочность подобнаго сопоставленія.

однѣ въ виду мѣстнаго населенія, другія искусно скрытыя отъ наблюденій непріятеля, Наполеонъ съ не менѣе достойными удивленія дѣятельностью и искусствомъ стягивалъ свои военныя силы. Принцъ Евгеній привелъ къ нему 27 мая главный корпусъ итальянской арміи въ числѣ до сорока тысячъ человѣкъ, и по дорогѣ расплатился съ эрцгерцогомъ Іоанномъ счастливыми сраженіями, именно при Таліаменто, при Мальборгеттто и Тарьисѣ. Сильный отрядъ его арміи остался позади подъ предводительствомъ Макдональда для преслѣдованія и истребленія кроатскаго бана Гіулая, оставленнаго Іоанномъ въ Штиріи. Макдональдъ не проходилъ еще Граца; у него было около двадцати тысячъ войска [22]). Еще далѣе позади слѣдовалъ Мармонъ съ незначительной арміей въ одиннадцать тысячъ человѣкъ. Онъ велъ это войско изъ Далмаціи труднымъ и долгимъ путемъ, и также на каждомъ шагу долженъ былъ сражаться противъ кроатскихъ инсургентовъ, предводимыхъ генераломъ Стоицевичемъ. Мармонъ былъ еще въ Лайбахѣ, въ Карніоліи. Оба эти войска должны были, маневрируя на соединеніе съ итальянской арміей, покончить съ остатками войскъ Гіулая и, подобно тому какъ Евгеній не допустилъ соединенія съ эрцгерцогомъ Іоанномъ Іеллаишича, перехватить отрядъ Шастеляра. Наполеонъ особенно настаивалъ на захватѣ въ плѣнъ маркиза Шастеляра, бельгійскаго эмигранта, которому онъ довольно ошибочно приписывалъ наши неудачи въ Тиролѣ; онъ приказалъ, по захватѣ маркиза, немедленно его разстрѣлять для примѣра,—довольно обыкновенное выраженіе императора. Съ прибытіемъ въ Зимрингъ армія Евгенія была немедленно обращена къ исполненію дѣла, предназначеннаго ей Наполеономъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ находился еще въ Кормондѣ: надобно было съ одной

---

[22]) Эта цифра есть результатъ исчисленій самого Наполеона, который полагалъ въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ всю наличность подкрѣпленій, приведенныхъ ему Евгеніемъ. (Къ Бернадотту, 27 мая 1809).

стороны отнять у него возможность нападенія на Макдональда, съ другой—заставить его перейти черезъ Дунай на возможно дальнемъ разстояніи отъ Вѣны. Для этого слѣдовало обходить его слѣва, угрожая ему опасностью очутиться между двухъ огней, то есть между корпусами Даву и Евгенія. Такимъ образомъ вице-король долженъ былъ двигаться отъ Оденбурга, черезъ Гюнсъ и Штейнамангеръ на Кормондъ, потомъ спуститься вдоль Рааба, слѣдя шагъ за шагомъ за своимъ противникомъ. Съ выполненіемъ такого маневра, ближайшимъ изъ пунктовъ, на которыхъ эрцгерцогъ Іоаннъ могъ перейти Дунай, оказывался Коморнъ, а въ этомъ случаѣ обходъ, который онъ долженъ-бы былъ сдѣлать на присоединеніе къ своему брату, былъ гораздо длиннѣе пути, предстоявшаго Евгенію для соединенія съ Наполеономъ.

Это передвиженіе и сосредоточеніе войскъ, производимое тогда императоромъ, постепенно приводило къ его рукамъ все то, чѣмъ онъ могъ располагать не только въ Германіи, но и во Франціи и даже въ Италіи. Наконецъ онъ двинулъ полки изъ войскъ, содержавшихъ гарнизонъ въ Римѣ [23]). Послѣдніе рекруты, предварительнаго набора за 1810 годъ, хотя и могли выставить только солдатъ новичковъ, тѣмъ не менѣе были формируемы и обучаемы въ нашихъ депо на Рейнѣ, и оттуда двинуты къ Дунаю. Войска, наблюдавшія или занимавшія Тироль, подъ предводительствомъ Лефевра и Вреде направлены къ Линцу для замѣны тамъ саксонцевъ Бернадотта, отозванныхъ подъ Вѣну. Предоставленные собственнымъ силамъ, баварскіе гарнизоны въ Тиролѣ были вскорѣ охвачены инсурекціей. Вандамъ съ виртембергцами, занимая Кремсъ, поддерживалъ связь съ Лефевромъ. Жюно организовалъ на Майнѣ рекрутовъ конфедераціи.

---

[23]) Къ Мюрату, 28 мая.

Въ своемъ рвеніи сгруппировать и употребить въ свою пользу всѣ средства, на которыя можно было разсчитывать, Наполеонъ былъ увлеченъ на довольно странную выходку, объ которой до сихъ поръ не упоминалось, хотя она и заслуживаетъ вниманія, потому что хорошо рисуетъ и недостатокъ его совѣстливости и силу, съ какою главная мысль овладѣвала его умомъ. Въ тѣ дни лихорадочной дѣятельности, когда его проницательное зрѣніе выискивало повсюду людей и оружіе, чтобы сосредоточить ихъ на опредѣленномъ имъ для новой борьбы мѣстѣ, взглядъ его, отъ котораго ничто не укрывалось, остановился на русской эскадрѣ, стоявшей тогда въ тріэстской гавани. Тотчасъ-же у него является мысль завербовать для себя экипажи этой эскадры, сформировать изъ нихъ батальоны и отправить ихъ на Дунай. Онъ предложилъ командовавшему эскадрой адмиралу, отчасти зависимому отъ Франціи, какъ державы тогда союзной Россіи, но отнюдь ему не подчиненному, «немедленно разоружить корабли, свезти и сдать въ Венецію артиллерію, снасти, якоря, паруса и прочее,» а наконецъ отправить свои экипажи въ Пальманову, гдѣ они будутъ переформированы и оттуда направлены на Вѣну. Такое-же распоряженіе готовилось и для русской флотиліи, находившейся въ Венеціи. Предписывая адмиралу такое необыкновенное самопожертвованіе, Наполеонъ не высказывалъ ему положительно, что имѣетъ на то формальное согласіе императора Александра, но увѣдомлялъ, что этотъ приказъ «сообразенъ съ намѣреніями царя», и добавлялъ, что цѣлью распоряженія было не допустить русскіе экипажи попасться въ руки австрійцевъ или англичанъ. Адмиралъ не послушался Наполеона. Чтобъ по достоинству оцѣнить это странное распоряженіе, надобно себѣ представить, какъ встрѣтилъ бы самъ Наполеонъ того изъ своихъ адмираловъ, который подчинился бы подобному требованію въ русскихъ портахъ (16 іюня).

Принцъ Евгеній продолжалъ свои дѣйствія противъ эрц-

герцога Іоанна. Выступивъ 5 іюня изъ Оденбурга, 7 онъ былъ въ Гюнсѣ, а 19 въ Кормондѣ, гдѣ присоединился къ нему Макдональдъ. Этотъ генералъ оставилъ передъ Грацкой цитаделью часть своего корпуса, которую долженъ былъ присоединить къ своимъ силамъ Мармонъ послѣ паденія этой крѣпости. Эрцгерцогъ поднялся по Раабу, а потомъ спустился къ Панѣ, гдѣ Монбрюнъ, близко за нимъ слѣдовавшій, завязалъ съ его арріергардомъ блестящее кавалерійское дѣло. 13 іюня обѣ арміи находились, одна передъ другой, подъ стѣнами города Рааба.

Эрцгерцогъ Іоаннъ рѣшился дать намъ битву. Ничто не могло быть болѣе несвоевременно и болѣе наперекоръ интересамъ монархіи, какъ подобное рѣшеніе. Предположивъ даже, что оно увѣнчалось-бы успѣхомъ, и въ такомъ случаѣ оно привело бы только къ побѣдѣ—безъ дальнѣйшаго результата. По свидѣльству генерала Марціани, старшіе офицеры эрцгерцога были противъ такого кровопролитія,—поменьшей мѣрѣ безполезнаго, потому что во всякомъ случаѣ нужно же было переходить черезъ Дунай. За позиціеѣй Евгенія были расположены такія силы, что всякая наша неудача на этомъ мѣстѣ была бы легко поправима.

Итакъ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, невозможно было льстить себя надеждою на наше пораженіе. Евгеній былъ подкрѣпленъ многими полками изъ лучшихъ нашихъ войскъ. У него было такое численное превосходство, что онъ могъ безъ всякой для себя опасности оставить позади у Папа корпусъ Макдональда; [24]) въ случаѣ неудачи, ему удобно было отступить или къ этому отряду, или къ корпусу Даву. Эрцгерцогъ, напротивъ, получилъ въ подкрѣпленіе только плохо дисциплинированныя войска вен-

---

[24]) Это отдѣленіе отряда, за которое его позже упрекали какъ за военную ошибку, было ему предписано самимъ Наполеономъ (въ письмѣ отъ 10 іюня), чтобы обезпечить «тылъ итальянской арміи». *Мемуары* принца Евгенія.

герскаго ополченія, приведенныя къ нему братомъ его Райнеромъ; въ арміи его было не болѣе тридцати тысячъ человѣкъ. Съ того для, какъ онъ пропустилъ случай перейти Дунай въ Пресбургѣ, по требованію эрцгерцога Карла, ему оставался единственный разумный исходъ, именно, какъ можно поспѣшнѣе перейти Дунай въ Коморнѣ, оставивъ на обязанности инсуррекціонныхъ отрядовъ заботу о нападеніяхъ на наши стоянки. Но эрцгерцогъ Іоаннъ горѣлъ желаніемъ дѣйствовать самостоятельно и создать себѣ военную репутацію, которая могла бы соперничать со славою его брата. Вызывая на битву своего противника, онъ сталъ на позиціяхъ хорошо выбранныхъ: правое его крыло упиралось на укрѣпленный городъ Раабъ, въ центрѣ была приведенная въ оборонительное состояніе ферма Кисмейеръ, лѣвая сторона была прикрыта болотами; наконецъ весь его боевой порядокъ былъ расположенъ такимъ образомъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не потерять своихъ сообщеній съ Коморномъ.

Битва завязалась около полудня 14 іюня 1809 года, въ годовщину Маренго. Честь первой аттаки выпала на долю Монбрюна. Оттѣснивъ передовые отряды непріятеля, онъ началъ обходить лѣвый флангъ эрцгерцога, состоявшій преимущественно изъ кавалеріи, а затѣмъ началось общее сраженіе. Дивизіи Североли и Дюрюта пошли на деревню Шабадеги, занятую лѣвымъ крыломъ австрійцевъ, между тѣмъ какъ дивизіи Гренье и Сераса двинулись на приступъ фермы Кисмейеръ, гдѣ укрѣпился ихъ центръ. Обѣ эти аттаки были отражены съ необычайнымъ мужествомъ. Дивизія Североли отбита къ своей позиціи съ значительнымъ урономъ. Австрійскія войска выступили изъ деревни на преслѣдованіе, но Дюрютъ подоспѣваетъ на помощь своему сотоварищу, и вскорѣ непріятель укрывается назадъ въ деревню. Серасу также не посчастливилось противъ фермы Кисмейеръ, у которой разгорѣлась ожесточенная борьба: стремительныя нападенія нашихъ солдатъ на ферму не преодолѣваютъ ея зубчатой ог-

рады, земля вокругъ покрывается нашими убитыми. Но общее нападеніе нашей кавалеріи подъ предводительствомъ Монбрюна и Груши сметаетъ войска, охранявшія доступы къ фермѣ; защитники ея, предоставленные самимъ себѣ, начинаютъ ослабѣвать. Они однакожъ и не думаютъ сдаваться, а выстрѣлы ихъ по прежнему смертоносны. Послѣ долгаго и кроваваго сопротивленія, они наконецъ изнемогаютъ подъ усиленными нападеніями генераловъ Сераса и Русселя. Ворота фермы падаютъ подъ ударами топоровъ, наши озлобленные солдаты бросаются черезъ эту брешь, убиваютъ все, что ни попадается имъ подъ руку, а потомъ, чтобы скорѣе покончить дѣло, поджигаютъ постройки, и остальные защитники, изъ переживших эту бойню, сгараютъ живьемъ вмѣстѣ съ фермой. Послѣ такого страшнаго успѣха, всѣ полки, оказывавшіеся излишними въ центрѣ, бросаются на помощь дивизіямъ Дюрюта и Североли. Благодаря подкрѣпленію, этимъ дивизіямъ удается взять деревню Шабадеги. Побѣда, долго оспариваемая, переходитъ на нашу сторону, и эрцгерцогъ Іоаннъ принужденъ отступить на Коморнъ, потерявъ около трехъ тысячъ человѣкъ убитыми и ранеными и до тысячи пятисотъ плѣнныхъ. Наши потери простирались до двухъ тысячъ человѣкъ выбывшихъ изъ строя [25]).

Сраженіе подъ Раабомъ, независимо отъ непосредственныхъ выгодъ, именно: очищенія доступовъ къ Венгріи и паденія, послѣ кратковременной осады, укрѣпленій города Рааба, представляло еще большую важность по своему нравственному вліянію. Оно распространило снова уныніе и безпорядокъ въ рядахъ нашихъ непріятелей, парализировало ихъ предпріимчивость, разстроило ихъ предположенія и не допустило ихъ воспользоваться многими частными успѣхами одер-

---

[25]) *Переписка* принца Евгенія, 19 бюллетень германской арміи. *Исторія войны 1809 года*, генерала Пеле-Жанины. *Мемуары* маршала Груши, изданные маркизомъ Груши.

жанными ими около того же времени. На патріотическіе призывы Андрея Гофера тирольская инсурекція отозвалась съ самымъ грознымъ одушевленіемъ: рѣшено было пока ограничить, по возможности, кругъ ея дѣйствій, съ тѣмъ, чтобы въ болѣе удобное время подавить ее окончательно. Замкнули тирольскіе проходы, поставивъ на хорошо выбранныхъ мѣстахъ отряды изъ войскъ генерала Дероа, Лефебвра и Руска; потомъ предоставили возмущенію истощаться на мѣстѣ, не распространяясь далѣе. Проявившіяся во Франконіи попытки къ возстанію были усмирены королемъ виртембергскимъ; наконецъ набѣги герцога Брауншвейгъ-Эльса на Саксонію привлекли ему мало сподвижниковъ, несмотря на то, что ему сочувствовали почти всѣ германскія народности. Время, невозвратимое время, проходило. По неумѣнью пользоваться случаемъ съ необходимой энергіей и настойчивостью, противники Наполеона, въ значительной степени, утратили выгоды двудневныхъ сраженій при Эсслингѣ. Можно увлекать другихъ только тогда, когда увлекаешься самъ: колебанія нѣмецкихъ вождей отозвались повсюду; даже тѣ личности, которыя вначалѣ выказывались самыми неустрашимыми, и тѣ не рѣшались дѣйствовать, пока болѣе положительный успѣхъ не обезопаситъ ихъ предпріятій.

Въ Штиріи и Каринтіи, гдѣ оставалась часть корпуса Макдональда, занятая, подъ предводительствомъ Бруссье, осадой крѣпости Граца, и немногочисленныя войска Мармона, назначенныя для захвата отряда Шастелера, предположенія Наполеона хотя и не вполнѣ осуществились, но тѣмъ не менѣе онъ достигъ своей главной цѣли: соединенія своихъ войскъ на Дунаѣ. Мармонъ, желая возстановить силы своихъ солдатъ, послѣ утомительнаго и дальняго похода, промешкалъ въ Лайбахѣ почти двѣ недѣли, съ 3 по 16 іюня, что доставило Шастелеру возможность спастись отступленіемъ черезъ Клагенфуртъ. Бруссье, въ своемъ нетерпѣніи соединиться съ

Мармономъ, имѣлъ неосторожность оставить передъ Грацомъ одинъ только полкъ, который вскорѣ былъ окруженъ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ: но оба эти предводителя немедленно исправили свои ошибки: первый побилъ въ нѣсколькихъ схваткахъ отряды кроатскаго бана Гіулая; второй же выручилъ во время храбрый полкъ, подвергнутый имъ опасности. Нѣсколько дней спустя оба эти полководца привели свои войска къ Вѣнѣ и тамъ соединились съ великою германскою арміею.

Прибытіе этихъ послѣднихъ отрядовъ дополнило наличность войскъ, которыя хотѣлъ Наполеонъ двинуть за Дунай на истребленіе арміи эрцгерцога Карла. Всѣ приготовительныя для этого работы были окончены, и наконецъ для него наступила минута нанести послѣдній ударъ. Прошло пять недѣль со времени Эсслинга. Онъ не потерялъ съ тѣхъ поръ ни одной минуты, тогда какъ его противники тратили время на безцѣльные маневры и предпріятія безполезныя. Съ одной стороны, опираясь на линію Рааба, а съ другой на корпуса, расположенные эшелонами вдоль Дуная до Линца, мало тревожимый извѣстіями о боевыхъ схваткахъ, болѣе громкихъ, нежели важныхъ, и происходившихъ на мѣстахъ довольно отдаленныхъ, — Наполеонъ заботился только объ одномъ: онъ сталъ теперь опасаться, какъ-бы эрцгерцогъ Карлъ, разгадавъ его предположенія, не попытался-бы самъ перейдти Дунай въ Коморнѣ или въ Пресбургѣ, въ то время какъ самъ онъ станетъ переправляться черезъ эту рѣку съ острова Лобау. Чтобы предупредить эту опасность, онъ приказалъ маршалу Даву, во чтобы то ни стало, уничтожить мостъ на судахъ, остававшійся эрцгерцогу въ Пресбургѣ. Но такъ какъ австрійцы придавали не меньшее значеніе сохраненію этого моста, то попытки маршала остались безуспѣшными. Пресбургскій мостъ былъ защищенъ не только передовыми укрѣпленіями, но и прочными ретраншаментами, воздвигнутыми на островахъ, которые

образуетъ Дунай передъ этимъ городомъ. Батальоны, занимавшіе эти острова, уничтожали всѣ наши усилія, направленныя къ разрушенію моста: напрасно старались наши изгнать ихъ оттуда учащенною стрѣльбою ядрами и картечью. Тогда Наполеонъ придумалъ небывалую мѣру, чтобъ заставить австрійскія войска покинуть острова. Онъ велѣлъ прекратить обстрѣливаніе позицій, занимаемыхъ непріятелемъ, а вмѣсто того бомбардировать самый городъ Пресбургъ, вполнѣ беззащитный, и это для того, чтобъ зрѣлищемъ гибели несчастнаго городскаго населенія добиться отъ непріятеля того, въ чемъ не могла успѣть храбрость нашихъ войскъ. Обыкновенно бомбардировали города, только для того, чтобъ выбивать оттуда непріятеля, но въ этомъ случаѣ, дѣло шло, по выраженію самого Наполеона, о томъ, чтобъ заставить непріятеля покинуть острова и *войти въ Пресбургъ.* [26]) Наполеонъ не останавливался ни передъ какимъ изъ послѣдствій этой отвратительной экзекуціи. «Такъ какъ въ Пресбургѣ готовятъ переправу, писалъ онъ, и такъ какъ въ этомъ городѣ сосредоточиваются запасы, то надобно его зажечь и спалить.»

Въ посланномъ городу объявленіи Даву говорилъ о небывалыхъ передвиженіяхъ по набережнымъ, объ оборонительныхъ работахъ на высотахъ, но въ сущности единственною его цѣлью было очищеніе острововъ, въ чемъ ему упорно противились. Даву внушалъ боязнь жесткостью своего характера даже въ такой арміи, гдѣ предводители, большею частью, уже не отличались ни великодушіемъ, ни благородствомъ чувствъ. Онъ неохотно, но съ суровою точностью выполнилъ тягостную задачу, отчетъ о которой появился въ *двадцать третьемъ бюллетенѣ* въ слѣдующихъ лживыхъ выраженіяхъ: «Непріятель *устраивалъ укрѣпленія*. Предложено было остановить работы, и на это запрещеніе не обращено

---

[26]) Наполеонъ къ Даву, отъ 23 іюня 1809 года (Первое письмо).

должнаго вниманія. Четыре тысячи бомбъ заставили непріятеля отказаться отъ исполненія своихъ намѣреній; но *несчастный городъ* занялся, и многіе кварталы выгорѣли.» На дѣлѣ, однакожъ, непріятель не прекращалъ своихъ работъ, также какъ не покинулъ и островов.

Маршалъ Даву, видя, что своей жестокостью онъ не достигаетъ цѣли, *сжалился*, то есть удержался отъ совершеннаго разрушенія города, что и для насъ было-бы совершенно безполезно. Ему удалось, впрочемъ, занять предмостное укрѣпленіе и устроить вокругъ деревни Енжеро рядъ насыпей, за которыми нѣсколько тысячъ человѣкъ могли, въ теченіе нѣкотораго времени, препятствовать выступленію непріятеля изъ Пресбурга. По разсчетамъ Наполеона, съ четырьмя тысячами пѣхоты и кавалерійскимъ полкомъ, находившимися передъ Пресбургомъ, подъ начальствомъ Бараге д'Илье, съ тысячью двумя стами въ Раабѣ, столькими-же въ Клагенфуртѣ, тремя тысячами въ Брукѣ, можно было остановить австрійскіе отряды, или, по крайней мѣрѣ, задержать ихъ въ недоумѣніи, пока корпуса Евгенія и Даву не придутъ форсированными маршами на островъ Лобау. Такимъ образомъ, въ теченіе не болѣе трехъ дней, всѣ наши соединенныя арміи могли одновременно появиться на прежнемъ полѣ битвы, тогда какъ эрцгерцогъ Карлъ не успѣлъ еще собрать туда свои войска. [27])

Приготовленія къ внезапному и быстрому переходу черезъ малый рукавъ Дуная, искусно скрытыя отъ непріятеля, благодаря множеству внутреннихъ каналовъ между островами, оканчивались въ то самое время какъ совершилось соединеніе нашихъ армій. Съ окончаніемъ постройки двухъ мостовъ на сваяхъ и эстакадъ, большой рукавъ Дуная какъ-бы перестадъ для насъ существовать: до такой степени доступъ къ переправѣ черезъ него былъ удобенъ нашимъ вой-

---

[27]) Наполеонъ къ Евгенію и Даву, 29 іюня.

скамъ. Наполеонъ озаботился устройствомъ такихъ переправъ черезъ малый рукавъ, по которымъ переходъ былъ-бы еще легче и доступнѣе. Въ этомъ отношеніи ему не предстояло недостатка ни въ чемъ: ни въ рабочихъ, ни въ инструментахъ, ни въ матеріалахъ. Достаточно бы было самой обыкновенной предусмотрительности, чтобы догадаться, что подобный ему геній, вдобавокъ испытанный кровавымъ эсслингскимъ урокомъ, не повторитъ въ другой разъ прежней ошибки. Дѣйствительно, онъ устремилъ всѣ свои способности на разрѣшеніе слѣдующей задачи: вмѣсто возобновленія отрывочныхъ нападеній, какъ при Эсслингѣ, явиться передъ непріятелемъ въ массѣ всѣхъ своихъ соединенныхъ силъ. Это рѣшеніе, весьма простое въ теоріи, но на практикѣ трудное, зависѣло въ исполненіи главнымъ образомъ отъ увеличенія числа переправъ, до такой степени, чтобъ можно было въ одну ночь перевести всѣ войска на ту часть противоположнаго берега, которую эрцгерцогъ имѣлъ неосторожность оставить открытою.

Островъ Лобау имѣетъ видъ неправильнаго треугольника съ округленными углами; основаніе его простирается вдоль праваго берега рѣки, напротивъ нашихъ прежнихъ позицій, а двѣ боковыя стороны обращены къ лѣвому берегу Дуная, занятому австрійцами. Одной изъ этихъ сторонъ угрожали съ фронта укрѣпленія, соединявшія три деревни Аспернъ, Эсслингъ и Энцерсдорфъ; передъ другою стороною, по ту сторону рѣки, была открытая равнина, гдѣ кое-когда появлялись австрійскіе разъѣзды, а въ нѣкоторомъ разстояніи виднѣлся незначительный замокъ Саксенгангъ, охраняемый австрійцами скорѣе какъ наблюдательный постъ, нежели какъ пунктъ, пригодный для сильнаго отпора. Именно на это необороняемое и открытое пространство Наполеонъ рѣшился вывести свою армію. Въ проливахъ между малыми островками, сопредѣльными острову Лобау, онъ собралъ всѣ необходимые матеріалы для постановки вдругъ шести мо-

стовъ: на плотахъ, на судахъ, на понтонахъ, наконецъ одного цѣльнаго моста, прикрѣпленнаго къ берегу только одной оконечностью, и котораго подвижная часть, въ нѣсколько минутъ переносилась къ противоположному берегу теченіемъ самой рѣки. Были приняты рѣшительныя мѣры, чтобы обезопасить предпринятое передвиженіе войскъ отъ непріятельскихъ покушеній. Всѣ доступы къ острову Лобау были защищены сильной артиллеріей; а какъ Энцерсдорфъ былъ передовою позиціей австрійцевъ, ближайшею къ той сторонѣ, гдѣ долженъ былъ совершаться переходъ, и, слѣдовательно, откуда всего удобнѣе былъ аттаковать наши фланговыя войска во время исполненія маневра, то противъ этой несчастной деревни выставили до пятидесяти восьми артиллерійскихъ орудій, которыя должны были ее сжечь и разрушить въ нѣсколько мгновеній. [28]) Другія батареи, расположенныя немного вправо, на восточной оконечности острова, предназначались для истребленія тѣхъ непріятельскихъ отрядовъ, которые осмѣлились-бы появиться на противолежащей равнинѣ. Огонь этихъ батарей велѣно усиливать огнемъ съ канонирскихъ лодокъ, направляемыхъ гвардейскими матросами. А для того, чтобы постановкѣ мостовъ не могли мѣшать даже австрійскіе патрули, приказано было переправить на плотахъ, поднимавшихъ до тысячи пятисотъ человѣкъ, цѣлую дивизію для отраженія, на лѣвомъ берегу рѣки, непріятельскихъ аванпостовъ.

Принявъ всѣ эти мѣры, Наполеонъ тогда же опредѣлилъ, съ строжайшею точностью, приказами всѣ подробности исполненія. Онъ указалъ генераламъ направленія, которыхъ они должны держаться, позиціи, которыя долженъ былъ занять каждый корпусъ арміи. Онъ назначилъ часъ, когда плотамъ съ десантомъ слѣдовало отчаливать, опредѣлилъ мѣста, откуда и куда слѣдовало ихъ переправить; часъ, въ который

---

[28]) *Распредѣленіе артиллеріи на островѣ Лобау.* 20 іюня 1809.

начать канонаду; мѣры относительно карауловъ для охраненія мостовъ и острова Лобау [29]). Громадныя средства, совокупленныя его дѣятельностью, приведены были въ дѣйствіе съ такою удивительною предусмотрительностью, такъ цѣлесообразно и даже съ такою мелочною точностью, что успѣхъ предстоялъ несомнѣнный въ тѣхъ данныхъ, на которыхъ спекулировалъ Наполеонъ. Съ той минуты, какъ эрцгерцогъ Карлъ, въ тщетной надеждѣ, если не отразить, то хотя задержать нашъ переходъ, для того, чтобы привлечь наши разъединенные корпуса на поле битвы, имъ заранѣе изученное, рѣшился стѣснить, и въ добавокъ неудовлетворительнымъ образомъ, пространство, куда мы могли переправиться, вмѣсто того, чтобъ совершенно заградить намъ доступъ на лѣвый берегъ рѣки, что ему легко было исполнить,—препятствіе представляемое Дунаемъ перестало существовать для нашей арміи. Благодаря принятымъ Наполеономъ предосторожностямъ, армія эта могла перейти Дунай какъ бы по-суху и явиться въ стройномъ составѣ и единствѣ передъ непріятелемъ, который уже только по этому терялъ всѣ выгоды своего положенія.

Къ совершенію переправы была назначена ночь съ 4 на 6 іюля. Для успѣха предпріятія тайна была необходима. Съ 3 іюля стали задерживать парламентеровъ, высылаемыхъ непріятелемъ въ нашъ лагерь. Въ тоже время разными продѣлками старались увѣрить, что переправа черезъ Дунай будетъ предпринята на томъ же мѣстѣ, гдѣ она производилась передъ Эсслингомъ. Втораго іюля овладѣли островомъ Муленомъ, расположеннымъ противъ Асперна. Третьяго іюля генералъ Легранъ занялъ своей дивизіей, подъ огнемъ австрійскихъ редутовъ, лѣсокъ, куда была произведена наша прежняя высадка. Вечеромъ, въ тотъ же день, при наступленіи ночи, корпусъ Бернадотта, кавалерія Бессьера и гвардія начали постепенно за-

[29]) *Приказы для переправы через Дунай*, 2 и 4 іюля 1809

нимать свои позиціи на островѣ Лобау, занятомъ уже корпусами Массены и Удино. Вечеромъ, четвертаго числа, корпуса Мармона, принца Евгенія и наконецъ—корпусъ Даву, который, искусно замаскировавъ свои линіи подъ Пресбургомъ, ушелъ оттуда, въ свою очередь перебрались на островъ. Къ десяти часамъ вечера почти вся армія находилась въ сборѣ на Лобау. Оба берега рѣки были еще безмолвны; но если на сторонѣ непріятеля все спало, на нашей сторонѣ все было на ногахъ и готово дѣйствовать. Ночь наступила мрачная, небо покрылось непроницаемой темнотой; при сильныхъ порывахъ вѣтра накрапывалъ дождь, — вскорѣ дождь пошелъ проливной.

Въ это время, барки съ вольтижерами изъ бригады Конру, подъ прикрытіемъ канонирскихъ лодокъ капитана Баста, тихо отчаливаютъ отъ южнаго берега острова Лобау. Онѣ плывутъ въ темнотѣ къ малому рукаву, потомъ причаливаютъ къ лѣвому берегу Дуная пониже Мюльгейтена, гдѣ наши солдаты тотчасъ нападаютъ на австрійскіе аванпосты. Начавшаяся перестрѣлка послужила намъ сигналомъ. Фронтъ острова Лобау немедленно озаряется огнями изъ ста двадцати артиллерійскихъ орудій. Между тѣмъ какъ фальшивая атака, направляемая Леграномъ, задерживаетъ у Асперна-Эсслинга гренадеровъ Кленау, охранявшихъ этотъ постъ, наши батареи разрушаютъ ядрами дома Энцерсдорфа, который вскорѣ воспламеняется отъ разрывающихся гранатъ. тогда сплошной мостъ, выдвинувшійся изъ канала острова Александра, черезъ нѣсколько минутъ занимаетъ свое мѣсто и представляетъ нашей пѣхотѣ прочный помостъ длиною въ восемьдесятъ туазовъ. Затѣмъ еще три моста переброшены послѣдовательно противъ пунктовъ, гдѣ корпуса нашей арміи заняли позиціи; къ двумъ часамъ утра у насъ было четыре, немного позже шесть мостовъ, что доставило намъ столь удобный переходъ съ острова Лобау, какъ по любой дорогѣ, и даже лучше, потому что ни одна дорога, какой бы ее ни

предположить ширины, не могла-бы представить подобнаго простора. Наши войска дефилировали черезъ мосты въ продолженіе цѣлой ночи, не находя на лѣвомъ берегу Дуная никакихъ препятствій, исключая развѣ нѣсколькихъ непріятельскихъ отрядовъ, которые они забирали, или которые быстро уходили по мѣрѣ нашего приближенія. Вступая на берегъ, корпуса нашей арміи размѣщались и развертывались въ томъ порядкѣ, какой былъ имъ предназначенъ для ожидаемаго сраженія. На лѣвомъ крылѣ сталъ корпусъ Массены, въ центрѣ Удино, съ праваго фланга Даву, а за ними во второй линіи расположились войска Бернадотта, Евгенія и баварцы Вреде; резервъ составляла гвардія и тяжелая кавалерія. Всѣ силы этой арміи простирались, по крайней мѣрѣ, отъ ста восьмидесяти до двухсотъ тысячъ человѣкъ [30]. Всѣ силы эрцгерцога Карла едва-ли-бы достигли такой численности, еслибъ даже онъ и успѣлъ соединить ихъ на полѣ битвы. Между тѣмъ, изъ его войскъ, двадцать тысячъ человѣкъ были еще въ Пресбургѣ, подъ предводительствомъ эрцгерцога Іоанна, который не съумѣлъ во время послушаться призыва своего брата; около двѣнадцати тысячъ че-

---

[30]) Это исчисленіе, по обыкновенію, систематически уменьшенное, можетъ быть провѣрено только по соображенію силы каждаго корпуса въ началѣ похода, и за тѣмъ исключеніемъ вѣроятныхъ потерь. По нашему разсчету предполагается, что у Наполеона убыло съ тѣхъ поръ около половины наличнаго состава, хотя это и далеко отъ истины. Онъ, въ то время, имѣлъ подъ рукою почти всю свою армію, кромѣ нѣсколькихъ отрядовъ, находившихся подъ предводительствомъ Лефевра, Вандама и Бараге д'Иллье. Въ корпусахъ войскъ было по три, а въ нѣкоторыхъ и по четыре дивизіи пѣхоты. Корпусъ принца Евгенія, не бывшій однимъ изъ самыхъ многочисленныхъ, имѣлъ тридцать двѣ тысячи человѣкъ *въ боевомъ строю*, не считая отряда, оставленнаго у Рааба. Мармонъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ списки, по которымъ значилось до ста шестидесяти семи тысячъ человѣкъ сражавшихся подъ Ваграмомъ, что подходитъ близко и къ нашему разсчету. Наконецъ, по офиціальной вѣдомости 1 іюня, число французскихъ и союзныхъ имъ войскъ, бывшихъ въ Германіи, простиралось до двухсотъ восьмидесяти тысячъ человѣкъ *боеваго строя*.

ловѣкъ, подъ предводительствомъ князя Рейссъ, остались наблюдать за Вѣной; подъ Нусдорфомъ стояло отъ шести до семи тысячъ и столько-же подъ Кремсомъ. Итакъ армія эрцгерцога уступала нашей въ численности на сорокъ тысячъ человѣкъ, и уступала по собственной его винѣ. Непонятно почему панегиристы Наполеона стараются отнять у него преимущество численнаго превосходства, тогда какъ въ этомъ особенно и выказывается умственное его превосходство. Всѣ соображенія и дѣйствія Наполеона клонились къ тому, чтобъ всегда быть сильнѣе своего противника на извѣстномъ мѣстѣ и въ данное время: геній его постоянно держался этого основнаго правила военнаго искусства.

Восходящее солнце освѣтило нашу армію, развернутую въ боевомъ порядкѣ, на равнинѣ Маршфельда, отъ Энцерсдорфа до Виттау. Энцерсдорфъ представлялъ тогда груду дымящихся развалинъ, за которыми еще держались нѣсколько австрійскихъ батальоновъ. Массена, начальствовавшій нашимъ лѣвымъ крыломъ, выбилъ ихъ оттуда, и тогда вся наша армія, держась слѣва Энцерсдорфа, сдѣлала круговое движеніе впередъ — правымъ флангомъ; такимъ образомъ она обошла не только замокъ Саксенгангъ, но и всѣ укрѣпленія Эсслинга и Асперна, которыя за тѣмъ достались намъ безъ боя. Кленау, вынужденный ихъ оставить, отошелъ къ Штадлау и Каграну, гдѣ онъ составилъ своими войсками правое крыло австрійцевъ и примкнулъ къ Колловрату, отряды котораго были расположены около Герасдорфа. Построившаяся такимъ образомъ линія эрцгерцога представляла обширный полукругъ, упиравшійся правымъ флангомъ на Штадлау, центръ былъ отъ Герасдорфа къ Ваграму, а лѣвый флангъ простирался отъ Ваграма къ Нейзиделю. Хотя изумленная быстротою полнаго развитія нашихъ силъ, эта армія тѣмъ не менѣе была готова къ упорной битвѣ и стояла на крѣпкихъ позиціяхъ: правый флангъ занималъ высоты, расположенныя амфитеатромъ, тогда какъ лѣвая сторона

была прикрыта потокомъ Руссбахъ, хотя не широкимъ, но глубокимъ. Эрцгерцогъ долженъ былъ отказаться отъ надежды напасть на насъ до окончательнаго нашего построенія, но онъ былъ въ состояніи хорошо выдержать оборонительное сраженіе.

Къ шести часамъ вечера, наше движеніе, едва замедленное нѣкоторыми частными стычками, окончилось съ полнымъ успѣхомъ. Французская армія заняла позиціи по концентрической линіи относительно непріятельскаго расположенія: лѣвымъ крыломъ она стояла у Асперна, центръ былъ у Расдорфа, правый флангъ при Глинцендорфѣ. Наполеонъ, разсчитывая, что эрцгерцогъ не вполнѣ готовъ къ битвѣ и по самой обширности его оборонительной линіи не можетъ имѣть на ней достаточной устойчивости, разсудилъ произвести сильную и внезапную аттаку на его центръ, что могло бы доставить рѣшительныя выгоды, не смотря на то, что день уже клонился къ вечеру. Если бы это смѣлое нападеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, то мы съ самаго начала сраженія очутились бы въ центрѣ непріятельской позиціи, и австрійская армія, разрѣзанная на двѣ половины, принуждена бы была отступить. Для приведенія этого плана въ исполненіе, Удино быстро двинулся на Баумерсдорфъ, между тѣмъ какъ принцъ Евгеній и Бернадоттъ усиливаются захватить ваграмское плоскогорье, составляющее ключъ къ австрійской позиціи. Но глубоко текущій ручей Руссбахъ, прикрывающій съ этой стороны фронтъ эрцгерцога, представляетъ намъ, сверхъ всякаго ожиданія, трудно одолимое препятствіе. Не отступая ни на шагъ, непріятель съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ выдерживаетъ атаки; напрасно Удино старается проникнуть въ Баумерсдорфъ, его войска отражены неоднократно.

Болѣе счастливому Бернадотту удается перейти черезъ потокъ: онъ увлекаетъ саксонцевъ до самаго Ваграма и удерживается тамъ на нѣсколько минутъ. Но обойденный пре-

восходными силами, ослабленный отдѣленіемъ къ Удино дивизіи Дюпа [31]), онъ въ свою очередь отступаетъ къ Адерклаа. Принцъ Евгеній, стремившійся подняться на высоты справа отъ Ваграма, испытываетъ также неудачу, не смотря на храбрость, выказанную Макдональдомъ и Греньe. Всѣ эти корпуса дѣйствовали, не поддерживая взаимно другъ друга, и безсвязныя ихъ аттаки не удались (5 іюля 1809).

Въ своемъ двадцать пятомъ бюллетенѣ Наполеонъ приписалъ свой неуспѣхъ невольной ошибкѣ нѣсколькихъ саксонскихъ и французскихъ батальоновъ, которые стрѣляли одни по другимъ. Но этотъ эпизодъ, если бы и случился на самомъ дѣлѣ, что, однакожъ, сомнительно, такъ какъ объ немъ не упоминалось вообще свидѣтелями, очевидцами сраженія [32]),—конечно не имѣлъ приданныхъ ему Наполеономъ размѣровъ и не могъ особенно вліять на исходъ дѣла, мало достойнаго генія такого великаго полководца. Нападеніе не удалось, потому что было плохо обдумано и недостаточно поддержано,—вотъ истина. Дѣйствительная же, или лживо представленная стычка нашихъ войскъ между собою нашла себѣ мѣсто въ бюллетенѣ для прикрытія неудачи, сознать которую не допускала Наполеона ни его гордость, ни его политика.

Съ одной и съ другой стороны ночь прошла въ приготовленіяхъ къ утренней битвѣ. Всѣ знали, что она должна быть рѣшительною. Никогда еще въ тѣ времена не была соединяема на одномъ полѣ битвы такая огромная масса людей. Около трехсотъ пятидесяти тысячъ солдатъ приготовились къ взаимному истребленію на обширной равнинѣ Марш-

---

[31]) *Письмо генерала Герсдорфа къ Гурго.*

[32]) Даже и Герсдорфомъ, который писалъ для оправданія саксонцевъ. Прибавимъ, что лучшіе военные писатели, какъ напримѣръ Жомини, обходятъ этотъ случай молчаніемъ. Также умалчиваютъ о немъ Мармонъ, Савари и другіе, участвовавшіе въ битвѣ. Генералъ Пеле упоминаетъ о немъ съ сомнѣніемъ и не придаетъ ему никакого важнаго значенія.

фельда. Съ разсвѣта, тысячи зрителей взобрались на кровляхъ вѣнскихъ зданій, въ разстояніи немногимъ болѣе одной лье отъ театра дѣйствій, съ томленіемъ ожидая исхода битвы, которою рѣшалась ихъ участь.

Наполеонъ придалъ болѣе связи своей арміи, чѣмъ она имѣла наканунѣ. Бернадотта онъ оставилъ на его передовой позиціи у Адерклаа; но онъ озаботился подкрѣпить его корпусомъ Массены, ставшимъ слѣва Бернадотта, во второй линіи; дивизія Буде была оставлена для охраненія Асперна. Другіе наши корпуса расположились отъ Адерклаа къ Гросгофену — напротивъ Ваграмскаго плато, и даже Даву, стоявшій на нашей крайней правой сторонѣ, получилъ приказаніе приблизиться къ этому пункту. Императоръ, казалось, ставшій осторожнѣе послѣ вчерашняго неуспѣха, рѣшился выждать починъ непріятеля, прежде чѣмъ опредѣлить себѣ окончательный планъ сраженія; между тѣмъ эрцгерцогъ, подъ вліяніемъ совершенно противоположнаго настроенія, рѣшился на этотъ разъ перейти въ наступленіе; поэтому можно сказать, что оба они помѣнялись ролями: Наполеонъ по своей природѣ не имѣлъ обыкновенія выжидать инициативы своего противника, а эрцгерцогъ Карлъ, въ прежнихъ битвахъ, не отваживался предупреждать его въ нападеніи. Онъ теперь приказалъ австрійской арміи начать аттаку всей линіей; но при этомъ хотѣлъ произвести начальное нападеніе войсками лѣваго фланга—болѣе другихъ многочисленными. Эти войска, подъ начальствомъ Кленау и Колловрата, должны были идти отъ Зюссенбруна и Каграна въ направленіи къ Асперну. Они должны были произвести смятеніе въ тылу французскихъ отрядовъ, угрожая нашимъ мостамъ на Дунаѣ; тогда и остальная австрійская армія, пользуясь нашимъ замѣшательствомъ, могла бы съ вѣроятнымъ успѣхомъ произвести на насъ общее наступленіе.

Боевое расположеніе эрцгерцога, хотя и было выгодно относительно дѣйствительности выстрѣловъ, имѣло однакожъ

и свое неудобство по затруднительности сообщеній, на большихъ пространствахъ, между частями арміи. Значительное разстояніе отъ нихъ главной квартиры было причиною несвоевременнаго полученія ими необходимыхъ для успѣха общаго дѣла приказаній. По гибельному для австрійцевъ недоразумѣнію, лѣвое ихъ крыло аттаковало насъ прежде праваго. Розенбергъ, командовавшій этимъ крыломъ, спустился съ высотъ Нейзиделя, перешелъ Руссбахъ, и къ четыремъ часамъ утра прямо наткнулся на фронтъ корпуса Даву, который оканчивалъ движеніе къ сосредоточенію своихъ силъ между Гроссгофеномъ и Глинцендорфомъ. Удивленный этою эксцентрической и очень смѣло начатой атакой, императоръ лично привелъ въ подкрѣпленіе четыремъ дивизіямъ Даву еще два полка тяжелой кавалеріи и двѣнадцатипушечную батарею, боковой огонь которой сталъ пронизывать войска Розенберга. Австрійцы, внезапно остановленные въ маневрѣ, который могъ быть удачнымъ только какъ диверсія, теряютъ пространство ими захваченное, отступаютъ за Руссбахъ и снова занимаютъ позицію Нейзиделя.

Въ то же время нашъ лѣвый флангъ также вступаетъ въ битву, но съ меньшимъ успѣхомъ. Бернадоттъ, занимавшій передовой пунктъ у Адерклаа, въ центрѣ полукружія, означавшагося линіями австрійскихъ войскъ, видитъ себя уединеннымъ, плохо поддержаннымъ, окруженнымъ непріятелемъ и потому рѣшается отступить къ корпусу Массены; онъ покидаетъ деревню, которую немедленно занялъ Беллегардъ. Соединивъ силы, оба маршала вмѣстѣ возвращаются къ Адерклаа; совокупнымъ нападеніемъ они изгоняютъ оттуда непріятеля, но на помощь Беллегарду является со своими резервами эрцгерцогъ Карлъ: неудержимымъ порывомъ онъ проникаетъ въ Адерклаа. Бернадоттъ медленно передъ нимъ отступаетъ, тогда какъ Массена долженъ обратиться къ Зюссенбруну, на встрѣчу Колловрату и Кленау, которые уже начали свои дѣйствія и выходятъ на его флангъ. Массена,

еще больной послѣ паденія съ лошади, разъѣзжаетъ по полю битвы въ коляскѣ. Съ своимъ обычнымъ безстрашіемъ, еще болѣе выдающимся при его болѣзненномъ состояніи, онъ является въ мѣстахъ наиболѣе угрожаемыхъ. Никогда не казался онъ болѣе великимъ передъ опасностью, никогда восклицанія болѣе восторженныя не привѣтствовали его славнаго имени! Но численность его войскъ не можетъ выдерживать почти двойныхъ силъ Кленау и Колловрата. Онъ оттѣсненъ къ Асперну, гдѣ присоединяетъ къ себѣ дивизію Буде. Вскорѣ онъ принужденъ отступить еще дальше за Эсслингъ, снова занятый непріятелемъ.

Итакъ, къ девяти часамъ утра нашъ правый флангъ отразилъ со славою атаку Розенберга, но лѣвое наше крыло было почти разбито, потеряло около двухъ лье прежде занятаго пространства, и австрійцы, пробираясь между нами и Дунаемъ, готовы были насъ окружить и завладѣть нашими мостами. Но грозная масса нашего центра была нетронута и еще не вступала въ битву, хотя и можно было распорядиться этими силами благовременнѣе. Тутъ были сосредоточены корпуса принца Евгенія, Мармона, Удино, баварцы, гвардія, множество орудій и кавалерія. Необъяснимая бездѣятельность этихъ силъ въ то время, когда непріятель подавлялъ наше лѣвое крыло, можетъ быть объяснена только усталостью императора и затруднительностью управленія такими многочисленными силами на большихъ разстояніяхъ. Очевидно, Наполеонъ былъ ниже самого себя въ этихъ послѣднихъ битвахъ, равно какъ и въ неудачахъ предшествовавшаго дня. Можетъ быть его геній, преимущественно способный къ наступательнымъ дѣйствіямъ, былъ какъ бы смущенъ неожиданностью столь смѣлыхъ и сильныхъ аттакъ непріятеля; можно даже предположить, что онъ на время исчерпалъ средства своего ума въ достойной удивленія переправѣ черезъ Дунай.

Какъ бы то ни было, совершившаяся ошибка не пред-

ставляла ничего непоправимаго, и онъ успѣлъ еще принять мѣры къ блестящему возстановленію своего дѣла. Массена, которому онъ посылаетъ подкрѣпленія, будетъ достаточно силенъ на то, чтобъ задержать правый флангъ эрцгерцога; въ это время главная масса нашей арміи бросится всею силой на ослабленный австрійскій центръ. Даву воспользуется этимъ стремительнымъ нападеніемъ, чтобъ обойти препятствіе представляемое Руссбахомъ, а потомъ уже поведетъ вмѣстѣ съ Удино фронтальныя аттаки. Чтобъ подготовить успѣхъ нашей центральной массы, громадная батарея, въ сто орудій. выскакиваетъ впередъ подъ начальствомъ Лористона и Друо. Она немедленно открываетъ смертоносный огонь, сбиваетъ линію непріятеля и производитъ страшные проломы въ рядахъ австрійскихъ войскъ. Тогда на глазахъ ободренной французской арміи выступаетъ наша аттакующая колонна подъ предводительствомъ Макдональда. Этотъ генералъ увлекаетъ за собою дивизіи Брусье, Ламарка, Сераса, часть гвардіи подъ командою Рейлля и кирасирскіе полки Нансути. Австрійцы отступаютъ подъ напоромъ этой неодолимой силы; она на своемъ ходу опрокидываетъ все и не замедляя своего ровнаго, безстрашнаго и побѣдоноснаго движенія, достигаетъ Зюссенбруна; тутъ она останавливается передъ отчаянными усиліями эрцгерцога Лихтенштейна и Колловрата. Въ самомъ дѣлѣ, австрійскому главнокомандующему необходимо, было во что бы то ни стало пріостановить наше движеніе впередъ, чтобы выручить изъ опаснаго положенія войска своего праваго фланга, слишкомъ далеко зашедшія между нашими отрядами и Дунаемъ. Онъ приказываетъ этому флангу отступать передъ Массеной, который, въ свою очередь, слѣдуетъ за австрійцами; затѣмъ эрцгерцогъ сосредоточиваетъ всѣ остающіяся въ его распоряженіи запасныя войска противъ колонны Макдональда. Эта выдавшаяся впередъ колонна подвергается жестокому огню и выноситъ громадныя потери. Опустошенія, произве-

денныя въ ея рядахъ смертью, вскорѣ пополняются съ приходомъ баварцевъ Вреде и дивизіи Дюрютта. Не смотря на это подкрѣпленіе, успѣхъ нашего центра, въ началѣ столь поразительный, становился сомнительнымъ, еслибъ атаки Даву на Нейзидель, а потомъ на Ваграмъ, не обезпечили за нами окончательной побѣды.

Въ то время, какъ Макдональдъ производилъ свой по истинѣ знаменитый маневръ на центръ непріятеля, Даву перешелъ Руссбахъ съ двумя дивизіями и кавалеріей Монбрюна, внѣ кругозора австрійцевъ, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя долженъ-бы защитить эрцгерцогъ Іоаннъ, если бы этотъ принцъ во время исполнилъ приказанія своего брата. Какъ только Руссбахъ былъ обойденъ частью нашихъ войскъ, другія части повели фронтальную аттаку, и Розенбергъ, охранявшій Нейзидель, увидѣлъ, что на него наступаютъ дивизіи Даву съ фронта и съ фланга. Послѣ жестокаго боя, въ продолженіи котораго Нейзидель переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, деревня эта наконецъ взята нами, и Даву, двумя дивизіями отбросивъ Розенберга на бокфлійскую дорогу, съ двумя остальными направляется къ ваграмскому плато, гдѣ стояли еще стройныя войска Гогенцоллерна. Увидѣвъ появленіе Даву на возвышенности, Удино, только и ждавшій этого сигнала, въ свою очередь, устремляется на битву. Встрѣченныя самымъ смертоноснымъ огнемъ, его первыя бригады жестоко пострадали, но онъ учащаетъ нападенія, и открытою силою врывается въ Баумерсдорфъ; потомъ примыкаетъ къ дивизіи Гюдена изъ корпуса Даву, и всѣ вмѣстѣ направляются на Ваграмъ. Гогенцолернъ, обойденный дивизіями Даву, понялъ невозможность дальнѣйшей защиты этой позиціи, и, по примѣру Розенберга, начинаетъ отступать. Австрійскій центръ сопротивляется, на сколько необходимо, для выручки своего праваго фланга, и когда этотъ послѣдній достигъ Леопольдау, эрцгерцогъ сталъ также отступать по направленію къ Волькерс-

дорфу. Какъ только опредѣлилось, что эрцгерцогъ Іоаннъ не можетъ подоспѣть на поддержку лѣваго фланга австрійцевъ, они уже не могли удерживать долѣе за собою поля битвы.

Было не болѣе двухъ часовъ по полудни. Австрійцы отступали въ замѣчательномъ порядкѣ, оставивъ въ нашихъ рукахъ весьма небольшое число плѣнныхъ, — большею частью раненныхъ [33]). Случилось небывалое дѣло въ арміи Наполеона: кавалеріи дано было нѣсколько разъ приказаніе идти въ аттаку, что составляло ея прямую обязанность при такомъ окончаніи битвы; но приказанія эти остались не исполненными. Странному этому факту приводили многія причины: рану главнаго начальника кавалеріи Бессьера, смерть Лассаля, его лучшаго генерала, смятеніе и безпорядокъ, происходившіе при этой громадной бойнѣ. Надобно къ тому добавить и ту особенность, что отступленіе австрійцевъ прикрывалось страшно истребительной артиллеріей. Въ самомъ дѣлѣ, съ обѣихъ сторонъ отъ шести до семисотъ орудій гремѣло въ продолженіе этого сраженія, и только немногія австрійскія орудія были покинуты на полѣ битвы. Они потеряли около двадцати пяти тысячъ человѣкъ, а число нашихъ убитыхъ, по исчисленію наполеоновскаго бюллетеня, простиралось до тысячи пятисотъ человѣкъ и отъ трехъ до четырехъ тысячъ раненныхъ [34]); на самомъ-же дѣлѣ мы потеряли нисколько не менѣе австрійцевъ. Преслѣдованіе было ведено такъ вяло, что на другой день, 7 іюля, въ нашей главной

[33]) По бюллетеню эрцгерцога Карла, они взяли у насъ шесть тысячъ плѣнныхъ, въ числѣ ихъ трехъ генераловъ.

[34]) Въ дѣйствительности у французовъ убыло раненными и убитыми двадцать семь тысячъ: это объясняется расположеніемъ обѣихъ армій. Наша была болѣе сосредоточена, тогда какъ австрійская линія несоразмѣрно растянута; огонь ея, понятно, былъ отъ оттого смертоноснѣе. Одинъ корпусъ Удино потерялъ, по рапорту этого маршала, восемь тысячъ девятьсотъ сорокъ шесть человѣкъ. Дивизія Сераса потерпѣла до такой степени, что послѣ сраженія—оказалось необходимымъ ее расформировать. *(Мемуары принца Евгенія.,*

квартирѣ еще не знали навѣрное, въ какую сторону отступилъ непріятель: одни предполагали, что онъ направился къ Моравіи, другіе утверждали, что онъ идетъ въ Богемію.

Къ вечеру, когда все уже было кончено, вдругъ, въ окрестностяхъ Леопольсдорфа, появились передовые разъѣзды эрцгерцога Іоанна: неописанный паническій страхъ тотчасъ-же распространился между побѣдителями. Къ несчастью для Австріи, некому было воспользоваться этимъ страхомъ, и французскіе солдаты скоро оправились отъ фальшивой тревоги; но этотъ печальный эпизодъ ясно доказалъ самымъ близорукимъ, что наши войска, въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, хотя и много выиграли въ численности, но мало въ качествѣ. Ваграмское дѣло все еще было побѣдою, но побѣдою безъ обаянія и почти безъ результата сравнительно съ прежними погромами. Таково было, смотря съ точки зрѣнія чисто-военной, послѣдствіе преждевременныхъ конскрипцій, несообразной смѣси двадцати національностей, принуждаемыхъ нами сражаться противъ собственнаго отечества, развитія колоссальныхъ массъ войска, въ которыхъ матеріальное начало подавляло духовное, пассивнаго раболѣпства предводителей, слѣпаго обожанія солдатъ, наконецъ недовѣрчиваго всевластія Наполеона и его безумной вѣры въ свою собственную непогрѣшимость. Эти зачатки упадка, зародившіеся тогда въ великой арміи, не достигли еще своей полной мѣры, но они уже значительно ослабили ея единство, ея дисциплину, ея связующую силу, ея нравственнаго двигателя, основу военной доблести, то есть, самоотверженіе, постоянство, духъ безкорыстія и безстрашія, соединенныя съ патріотизмомъ. Между нашими солдатами все еще проявлялась личная храбрость, доходившая въ извѣстныхъ случаяхъ до героическихъ порывовъ; они тысячи разъ доказали это подъ Ваграмомъ; но уже въ нихъ не было того постояннаго пыла, того непрерывнаго рвенія, которые воодушевляютъ, увлекаютъ и уносятъ впередъ армію независимо отъ полководца, ею на-

чальствующаго. Самое вѣское тому доказательство мы имѣемъ въ одномъ изъ приказовъ Наполеона. Желая предупредить многочисленные уходы съ поля сраженія во время самой битвы, подъ предлогомъ переноски раненныхъ къ перевязочнымъ пунктамъ, онъ приказалъ оставлять на мѣстѣ, до окончанія сраженія, тѣхъ раненныхъ, которые не въ силахъ отступать сами къ перевязкѣ. Впослѣдствіи онъ отказывался отъ этого безчеловѣчнаго приказа, и по своему обыкновенію упрекалъ въ клеветѣ, писателей упоминавшихъ объ этомъ распоряженіи; но въ его *корреспонденціи* можно прочесть полный собственноручный его проектъ, въ которомъ находятся подлинныя слова: «Запрещается, *во имя чести,* оставлять поле битвы для перенесенія раненыхъ, до тѣхъ поръ, пока сраженіе еще не рѣшено!» Я выставляю это обстоятельство, только по особенности его значенія, а не съ цѣлью навлечь на Наполеона обвиненіе въ безчувственности, что было-бы совершенно излишне: дѣло не въ томъ, объявлялъ-ли Наполеонъ такое запрещеніе или нѣтъ; достаточно того, что онъ такъ мыслилъ. Въ этомъ заключался фактъ новый и дурное предзнаменованіе. Подобная мѣра не оказывалась нужною ни во время республики, ни во время консульства, потому что подобнаго приказанія невозможно выдумать ни для арміи, сражающейся за отечество и свободу, ни даже для арміи, сражающейся изъ-за славы [35]).

Но геній императора, не смотря на нѣкоторый упадокъ, проявлявшійся по временамъ, соотвѣтственно его возраставшему самообольщенію, былъ еще на столько силенъ, чтобы восполнять все. Онъ побѣдилъ своего противника не только

---

[35]) Смотрите о Ваграмѣ письма и бюллетени Наполеона, бюллетень эрцгерцога Карла, рапорты Макдональда, Мармона, Бернадотта, Удино, Буде; *Корреспонденцію* принца Евгенія, *Мемуары Массены*, составленные по его бумагамъ генераломъ Кохомъ, *Мемуары Мармона*, *Мемуары о войнѣ* 1809 года генерала Пеле, *Мемуары* Груши, *Мемуары* Савари, наконецъ повѣствованія политическихъ и военныхъ историковъ Жомини, Тьера и другихъ.

многосторонностью и силою своихъ соображенiй, но и твердостью воли, предусмотрительностью, превосходствомъ какъ разсчета, такъ и усилiй, своею чудотворною дѣятельностью. Хотя по справедливости и говорятъ и вѣрятъ, что въ концѣ концовъ — торжествуетъ нравственная сила, но тѣмъ не менѣе должно помнить, что нравственна сила не всегда заключается въ одной справедливости. Еще не достаточно имѣть на своей сторонѣ дѣйствительное право и порождаемыя имъ великодушныя стремленiя, если съ ними не соединяются превосходство знанiя, энергiи, настойчивости, постояннаго изученiя и несокрушимой дѣятельности, которыя только и производятъ великихъ полководцевъ, сильныя нацiи и непобѣдимыя армiи. Съ этой точки зрѣнiя эрцгерцогъ Карлъ, который выказывалъ рѣдкiя качества въ самый день битвы, но ни наканунѣ, ни на другой день, долженъ былъ еще многому поучиться у своего счастливаго побѣдителя, и не только одинъ онъ, но и другiе противники Наполеона.

Нѣсколько дней спустя послѣ битвы при Ваграмѣ, эрцгерцогъ далъ новое доказательство нерѣшительности, которая парализовала его великiя военныя дарованiя. Наша армiя, какъ-бы на удачу и вразсыпную преслѣдовала австрiйцевъ тремя различными дорогами. Массена шелъ черезъ Голлабрунъ, Мармонъ черезъ Лаа — на Цнаймъ; Даву направился на Никольсбургъ. Наполеонъ остался позади въ Волькерсдорфѣ съ Удино и резервами. Итальянская армiя съ саксонцами и виртембергцами прикрывала Вѣну. Мармону приказано было согласовать свои дѣйствiя съ дѣйствiями Даву, который вначалѣ принялъ съ нимъ одинаковое направленiе. Но, привыкнувъ дѣйствовать самостоятельно въ своемъ маленькомъ царствѣ, Далмацiи, и сгарая нетерпѣнiемъ отличиться, Мармонъ ничего не предпринялъ для присоединенiя къ своимъ войскамъ корпуса Даву, хотя зналъ, что отступленiе австрiйцевъ было направлено къ Богемiи, а не въ Моравiю. Дѣйствительно, эрцгерцогъ уже находился при Цнаймѣ, гдѣ, пользуясь

положеніемъ этого города — онъ занималъ крѣпкія позиціи, и его армія была на столько-же сосредоточена, на сколько наша разъединена.

Днемъ, десятаго іюля, Мармонъ, съ войсками значительно слабѣйшими по численности, очутился среди всей австрійской арміи. Наши два корпуса, ближайшіе къ нему, именно Даву и Массены, были отъ него на разстояніи одного, или даже двухъ переходовъ. Наполеонъ, слѣдовавшій за ними, не выказывалъ своей обычной бдительности. Онъ былъ упоенъ побѣдою и считалъ Австрію какъ-бы уничтоженною. «Я занимаю, писалъ онъ къ Кларку, съ моею главною квартирою тотъ самый домъ, въ которомъ помѣщался *плохой Францъ II*... Я выпустилъ въ нихъ сто тысячъ ядеръ!» Эрцгерцогъ могъ-бы заставить насъ дорого поплатиться за это беззаботное хвастовство. Въ особенности оба корпуса, и Мармона и Массены, были въ такомъ опасномъ положеніи, что онъ могъ-бы легко ихъ уничтожить одинъ за другимъ. Эрцгерцогъ не съумѣлъ воспользоваться этимъ неожиданнымъ случаемъ.

Мармонъ первый понялъ опасность своего положенія, и, замѣнивъ силу дерзостью, вмѣсто отступленія онъ повелъ аттаку на австрійцевъ съ такимъ безстрашіемъ, которое было-бы безуміемъ, еслибъ это не было основано на разсчетѣ. Аттака ему не удалась, но онъ удержался въ своей позиціи до наступленія ночи. Такимъ образомъ эрцгерцогъ Карлъ, полководецъ, на этотъ разъ слишкомъ осторожный, потерялъ одинъ изъ счастливѣйшихъ случаевъ для отплаты намъ за свое пораженіе. На другой день, одиннадцатаго іюля, битва возобновилась, но уже съ содѣйствіемъ корпуса Массены и при гораздо болѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ. Извѣстіе о заключенномъ между двумя арміями перемиріи положило конецъ битвѣ. (11 іюля 1809.)

ГЛАВА II.

Португальская кампанія въ 1809 году.—Сультъ изгнанъ изъ Португаліи Веллингтономъ. (Январь—май 1809.)

Цнаймское перемиріе не было и не могло быть миромъ. На самомъ дѣлѣ Австрія далеко не была окончательно побѣждена. Она не только нанесла намъ чувствительныя потери на столь далекомъ разстояніи отъ нашихъ границъ, но, чего никогда не было видано съ тѣхъ поръ, какъ противникомъ ея сталъ Наполеонъ, побѣды наши надъ нею не разъ оказывались сомнительными. Отъ Абенсберга до Ваграма, она съ неслыханнымъ упорствомъ отстаивала противъ насъ, шагъ за шагомъ, свою территорію; — даже Наполеонова звѣзда затмилась при Эсслингѣ. Эти успѣхи, хотя и отрицательные, были тѣмъ болѣе замѣчательны, что они достались Австріи послѣ многихъ продолжительныхъ и разорительныхъ войнъ, изъ которыхъ каждая стоила ей отчужденія какой либо части изъ ея владѣній, между тѣмъ какъ силы ея врага возрастали въ подобной-же прогрессіи, но въ обратномъ смыслѣ. Послѣ столькихъ поземельныхъ отчужденій и послѣдовательныхъ пораженій, Австрія, казалось, стала могущественнѣе, нежели была при началѣ этой долговременной борьбы; напротивъ Наполеонъ, послѣ столькихъ завоеваній и поземельныхъ пріобрѣтеній, сталъ наносить

удары менѣе тяжкіе, и казалось, болѣе потерялъ, чѣмъ выигралъ въ этомъ нескончаемомъ распространеніи своей имперіи. Можно-бы было сказать, что чисто нравственное превосходство генія и дисциплины, главная причина его торжествъ и единственный залогъ прочныхъ побѣдъ, начало переходить отъ него въ противоположный ему лагерь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ разсчитывать на массу и численность. Такимъ образомъ Австрія возвысилась въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ Европы; она еще обладала значительными средствами. Партія войны, вдохновляемая неукротимою ненавистью Стадіона, нисколько не ослабѣла. Конечно, отступленіе австрійской арміи къ Богеміи, послѣ битвы при Ваграмѣ, было стратегическою ошибкой: во всѣхъ отношеніяхъ для австрійцевъ было бы гораздо выгоднѣе направиться на Венгрію. Но армія эта была еще сильна и сосредоточена, могла опираться на мѣста хорошо укрѣпленныя; она могла также разсчитывать на диверсіи, для насъ не безопасныя, потому что отряды Гіулая и Шастелера вновь формировались позади насъ и угрожали нашимъ сообщеніямъ по линіи, простиравшейся отъ Леобена почти до Тріеста; тирольская инсуррекція принимала угрожающіе размѣры. Съ такими средствами къ сопротивленію, Австрія могла считать свое дѣло далеко не проиграннымъ. Съ другой стороны, она основывала вѣрныя надежды на двухъ большихъ военныхъ операціяхъ, къ которымъ, въ то время, весь свѣтъ обратилъ свои ожиданія, именно: дѣйствія Артура Уэллеслея въ Испаніи и великую британскую экспедицію въ Голландіи.

Австрійскій дворъ надѣялся, и не безъ правдоподобныхъ основаній, что оба эти предпріятія, предполагая даже неполный въ нихъ успѣхъ, раньше или позже, поставятъ Наполеона въ одно изъ самыхъ критическихъ положеній, вынудятъ его къ уступкамъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабятъ его завоевательныя арміи, потому что онъ долженъ будетъ обратиться къ защитѣ собственной своей имперіи. Было необхо-

димо выждать этотъ моментъ до возобновленія противъ него враждебныхъ дѣйствій. До той поры можно было дѣятельно къ тому приготовляться, усиливая армію, улучшая ея расположеніе съ принятіемъ за мѣстную опору Венгрію, а не Богемію. Время, казалось, благопріятствовало нашимъ противникамъ, и полагать должно, что самъ Наполеонъ, несмотря на блескъ, отчасти искусственный, приданный имъ своей побѣдѣ, живо почувствовалъ дѣйствительную непрочность своего положенія и истощеніе силъ своей арміи, если онъ согласился дать Австріи отсрочку, вмѣсто того, чтобъ докончить ея пораженіе, по всегдашней своей методѣ. Итакъ, съ одной и съ другой стороны, по причинамъ различнымъ, но одинаково настоятельнымъ, согласились, до окончательнаго рѣшенія, выждать исхода военныхъ дѣйствій, предпринятыхъ въ долинѣ Таго, также какъ и британской высадки въ Голландію: обѣ эти операціи должны были придать событіямъ окончательный оборотъ.

Въ Испаніи все опять стало неопредѣленнымъ, невѣрнымъ и шаткимъ, съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ, въ концѣ января 1809 года, покинулъ эту страну, для того, чтобъ приготовиться къ войнѣ съ Австріей. Его короткая и блестящая кампанія противъ испанской инсуррекціи представляла, сама-по-себѣ, результаты болѣе напоказъ, нежели прочные. Благодаря храбрости его старыхъ аустерлицкихъ и іенскихъ легіоновъ, численному превосходству войскъ, наличность которыхъ достигала одно время до четырехсотъ тысячъ человѣкъ, сосредоточенности нашихъ средствъ на довольно ограниченныхъ пространствахъ, единству, придавать которое нашимъ дѣйствіямъ могло только его присутствіе, онъ легко разсѣялъ войска не устроенныя и не дисциплинированныя. Но онъ отнюдь не уничтожилъ этихъ войскъ; онъ нигдѣ не утвердился окончательно, и диверсія, противопоставленная ему сэромъ Джономъ Муромъ на сѣверѣ полуострова, лишила его случая разъиграть военное

представленіе, которое могло бы произвести сильное впечатлѣніе на умы и запугать его противниковъ. Это неудавшееся преднамѣреніе сдѣлалось очевиднымъ опроверженіемъ его горделиваго обѣщанія: «водрузить свои побѣдоносные орлы на стѣнахъ Лисабона.»

Возвратиться во Францію, не выполнивъ такого обѣщанія, не сдержавъ обязательства, принятаго на себя передъ лицомъ всей Европы, было для него относительною неудачею. Но въ этомъ заключалось нѣчто большее, нежели прискорбіе уязвленной гордости. Завоеваніе Португаліи не было только средствомъ повліять на общественное мнѣніе и могущественно поразить умы: это было дѣйствительно стратегическою необходимостью. До тѣхъ поръ, пока Португалія сохраняла свою независимость, пока возстаніе противъ насъ поддерживалось въ этой странѣ, на пространствѣ стапятидесяти лье, сопредѣльной съ значительнѣйшими провинціями испанской монархіи: Андалузіей, Эстремадурой, королевствомъ Леонъ, Галиціей,—наше владычество на полуостровѣ было только пустымъ словомъ. Поэтому, первою заботою Наполеона, передъ его отъѣздомъ въ Парижъ, была выработка очень подробнаго плана того завоеванія, котораго онъ не могъ выполнить самъ. Планъ былъ составленъ и помѣченъ въ Валладолидѣ, первымъ числомъ января 1809 года, а выполненіе его Наполеонъ предоставилъ одному изъ способнѣйшихъ своихъ маршаловъ, Сульту. Вмѣстѣ съ Неемъ, этотъ генералъ находился передъ Коруньей, куда отступили англичане, и онъ долженъ былъ, по взятіи этого города, идти оттуда съ четырьмя дивизіями на Опорто, потомъ на Лисабонъ, слѣдуя туда кратчайшимъ путемъ, то есть черезъ Туи и Брагу. Его сообщенія были бы прикрыты корпусомъ Нея, занимавшимъ Галицію. По разсчетамъ императора, Сультъ могъ достигнуть Опорто 5-го, а Лисабона 15 февраля. Въ то время, какъ онъ сталъ бы угрожать этой столицѣ, корпусъ маршала Виктора, распо-

ложенный въ долинѣ Таго, перешелъ бы, взявъ влѣво, въ долину Гвадіаны и подался бы впередъ до Мериды, съ тѣмъ, чтобы поддержать Сульта, если бы это оказалось необходимымъ; въ противномъ же случаѣ, онъ долженъ былъ продолжать походъ въ Андалузію для занятія и покоренія этой провинціи! [36]) Всѣ наши операціи на полуостровѣ, за исключеніемъ Сенъ-Сира въ Каталоніи, гдѣ, какъ на замкнутомъ полѣ, этотъ генералъ могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію и вполнѣ удовлетворить своей привычкѣ къ независимости въ командованіи, были подчинены успѣхамъ Сульта въ Португаліи. До окончанія имъ возложеннаго на него императоромъ дѣла, всѣ прежніе наши проекты относительно покоренія Испаніи были отсрочены. Остальные французскіе корпуса должны были ограничиваться удержаніемъ занятыхъ нами позицій. Маршалу Сульту была предоставлена иниціатива и ему принадлежала честь наступленія, а въ это время король Іосифъ, съ начальникомъ главнаго штаба Журданомъ, съ дивизіями Себастіани и Дессоля, долженъ былъ охранять Мадридъ и Новую Кастилію; Мортье и Сюше — занимать Арагонію, Ней — Галицію, Викторъ — наши передовыя позиціи на Таго. Лаписъ оставался въ Саламанкѣ, Келлерманъ въ Валладолидѣ, Боне въ Бискайи. Множество другихъ отрядовъ назначены къ охраненію нашихъ сообщеній — отъ Мадрида до Пиренеевъ.

По наиболѣе вѣроятнымъ предположеніямъ, всѣ разбросанные отряды и корпуса войскъ составляли массу, по крайней мѣрѣ, въ триста тысячъ солдатъ, не считая подкрѣпленій, выведенныхъ Наполеономъ изъ Испаніи, для усиленія арміи, предназначенной дѣйствовать на Дунаѣ. Но разность, всегда значительная, между нарицательною и дѣйствительною наличностью арміи, принимала въ Испаніи размѣры нигдѣ не бывалые, что представляло одну изъ осо-

[36]) Бертье къ Сульту, 1 января 1809.

бенностей, характеризующихъ эту печальную войну. Число не сражающихся, то есть больныхъ, отсталыхъ, уволенныхъ, неспособныхъ, людей, составлявшихъ прислугу, простиравшееся обыкновенно не болѣе какъ до шестой части всего числа военныхъ, доходило въ Испаніи почти до половины всей наличности. Такимъ образомъ, Сультъ, подъ начальствомъ котораго считалось сорокъ семь тысячъ человѣкъ, въ дѣйствительности имѣлъ только двадцать пять тысячъ солдатъ, годныхъ къ бою. У Нея было не болѣе семнадцати тысячъ вмѣсто тридцати пяти. Къ тому-же и прежняго одушевленія уже не было въ этихъ войскахъ. Вынуждаемые къ безпощадному грабежу, для того, чтобы добывать себѣ средства къ существованію, доведенные до необходимости предохранять свою жизнь отъ засадныхъ и нечаянныхъ убійствъ жесточайшими возмездіями испанцамъ, они, кромѣ того, были деморализованы вслѣдствіе взаимнаго соперничества, зависти и недовѣрія, видимо распространявшихся, въ отсутствіе Наполеона, между начальствующими лицами. Они роптали на то, что принесены въ жертву на предпріятіе невыгодное, полное опасностей — безъ славы, и въ которомъ ихъ самопожертвованіе, невидимое ихъ повелителю, не принесетъ имъ ни отличій, ни наградъ, достающихся ихъ болѣе счастливымъ товарищамъ.

Подобныя жалобы раздавались не въ одной только арміи, но слышались также между лицами должностными и чиновниками новаго королевства, начиная съ самаго высшаго изъ нихъ — короля Іосифа. Жестокая необходимость существовать на счетъ завоеванной страны, наложенная Наполеономъ на свои войска, приказаніе ничего не требовать и ничего не ожидать отъ Франціи, еще неумолимѣе тяготѣли надъ гражданскими чиновниками, которымъ, по прямымъ обязанностямъ ихъ званія, приходилось сколько-нибудь соблюдать законность и не черезъ мѣру злоупотреблять насиліемъ. Также какъ и войско, они не могли ожидать ни

платы, ни наградъ въ этой ссылочной странѣ [37]); они должны были прибѣгать къ самымъ жалкимъ продѣлкамъ для того только, чтобъ существовать. Это положеніе было тѣмъ невыносимѣе для короля Іосифа, что онъ болѣе чѣмъ когда-либо былъ преданъ своей любимой мечтѣ: кротостью привлечь къ себѣ испанцевъ. Со дня отъѣзда Наполеона въ Парижъ, бѣдный король постоянно преслѣдуетъ своего брата мольбами о дарованіи ему какой нибудь помощи, которая поставила бы его въ возможность, сколько-нибудь облегчить своихъ новыхъ подданныхъ, расплатиться съ чиновниками и отказаться отъ грабительской системы: «У меня нѣтъ ни одного су, не могу дать ничего кому бы то ни было... Я вижу моихъ людей все въ тѣхъ же фракахъ, которые я имъ сдѣлалъ четыре года тому назадъ... Всѣ мои служители, до сихъ поръ, живутъ по квартирнымъ билетамъ... Безъ капиталовъ, безъ податей, безъ денегъ, что мнѣ дѣлать? Всѣ испанцы были бы у моихъ ногъ, еслибы они знали, что у меня на сердцѣ [38])». Наполеонъ, чтобы немедленно доставить себѣ матеріальныя средства, конфисковалъ имущества десяти богатѣйшихъ фамилій королевства, и взялъ эти имущества въ исключительное свое распоряженіе. Іосифъ, по крайней нуждѣ въ деньгахъ, доведенъ былъ до необходимости также распространить секвестръ на вдвое большее число имуществъ. Подобныя мѣры всегда приводятъ къ очень скользкому пути, и одинъ изъ моралистовъ того времени справедливо замѣтилъ, что сначала конфискуютъ для того, чтобъ наказать, а потомъ начинаютъ уже наказывать для того, чтобы конфисковать. Февилль, назначенный Наполеономъ завѣдывающимъ конфискованными имуществами, счелъ себя вправѣ наложить руку и на имѣнія, захваченныя Іосифомъ. Послѣдствіемъ этого были столкновенія плачевныя, крайне

---

[37]) Міо де Мелито.

[38]) *Корреспонденція* короля Іосифа, 19 февраля и 7 марта 1809.

непригодныя для возвышенія въ глазахъ испанцевъ того правительства, которое приняло на себя нравственную обязанность возродить къ добру испанскую національность. «Г. Февиль дозволилъ себѣ послать ночью отобрать ключи отъ секвестрованныхъ мною домовъ; онъ даже приказалъ управляющимъ этими домами эмигрантовъ не слушаться моихъ агентовъ. Теперь распространяются объ этомъ толки по всему городу. Я велѣлъ Февиллю, который, кажется мнѣ, помѣшанъ, представить тѣ ключи въ управленіе королевскими имуществами... Февилль не признаетъ моей власти; онъ боленъ, безъ сомнѣнія!..» [39]).

Доходы съ конфискованныхъ имуществъ, продажа шерсти, захваченной въ нѣкоторыхъ городахъ, сборъ съ ввозимыхъ въ Мадридъ припасовъ, вотъ всѣ тѣ бѣдныя средства, на которыя могло разсчитывать убогое казначейство новаго правительства. Можно прибавить къ тому расплавку предметовъ, наивно называемыхъ Іосифомъ *своимъ столовымъ серебромъ,* тогда какъ въ числѣ ихъ заключались превосходныя художественныя произведенія изъ золота и серебра, составлявшія наслѣдственное достояніе испанскихъ королей. Единственное средство, представлявшееся Іосифу для умилостивленія своего брата, была полуугрожающая просьба о своемъ отреченіи отъ королевства, на что онъ однакожъ никогда окончательно не рѣшался. Въ сущности Іосифъ любилъ власть, впрочемъ, вѣрнѣе, не самую власть, сколько удовлетвореніе сопряженнаго съ нею тщеславія, а если его угрозы относительно отреченія и удаленія въ Морфонтенъ не всегда бывали притворными, то онъ вскорѣ раскаявался, и тѣмъ постоянно вводилъ въ заблужденіе тѣхъ изъ своихъ приверженцевъ, которые были на столько простоваты, что полагались на твердость его рѣшимости [40]). Такимъ образомъ жалобы Іосифа оставались всегда безъ послѣдствій, и этотъ

[39]) *Корреспонденція* короля Іосифа, 19 марта 1809 г.

[40]) Міо де Мелито, Редереръ.

поборникъ кроткихъ мѣръ, въ концѣ концовъ, по необходимости становился соучастникомъ и дѣятелемъ самой безжалостной политики. Совершенная противоположность во взглядахъ, существовавшая между имъ и Наполеономъ относительно системы дѣйствій въ Испаніи, была постоянной причиной нашего тамъ ослабленія; потому что если милосердая политика была въ сущности такою-же утопіей, какъ и жестокая, то по крайней мѣрѣ нужно было окончательно выбрать ту или другую: самою-же худшею системою было, конечно, отсутствіе всякой системы. Благодаря этимъ постояннымъ колебаніямъ, милосердая политика казалась жалкою слабостью, а строгая—жестокостью.

Это достойное сожалѣнія разногласіе относительно общей политики усложнялось отъ еще болѣе важныхъ недоразумѣній, возникавшихъ по поводу управленія военными операціями. По всѣмъ официальнымъ актамъ, Іосифу предоставлялось высшее завѣдываніе военными дѣлами — подъ наблюденіемъ Наполеона. Байленскій опытъ уже доказалъ непригодность этой системы, и кромѣ того Іосифъ былъ слишкомъ мало способенъ къ выполненію подобныхъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи маршала Журдана, совѣтника разсудительнаго, знающаго и опытнаго, а также генерала Дессолля, прежняго начальника штаба у Моро, отличнаго офицера, взысканнаго Іосифомъ послѣ долговременной немилости, можно еще было справляться съ неудобствами наполеоновскаго надзора — издали. Къ несчастью, Наполеонъ вовсе и не думалъ о такихъ пособникахъ. Онъ справедливо не довѣрялъ военнымъ дарованіямъ Іосифа, но вмѣстѣ съ тѣмъ пристрастно пренебрегалъ и способностями маршала Журдана, что было очень несправедливо. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ отдавался какъ чувству непріязни къ достойной уваженія приверженности этого генерала къ своимъ старымъ республиканскимъ убѣжденіямъ, такъ и сильнѣйшей антипатіи противъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ спокойное сужде-

ніе нисколько не ослѣплялось величіемъ новаго правленія. Безсознательная ненависть была ему сноснѣе самостоятельной и разсудительной опозиціи: онъ зналъ, что увлекающіеся страстностью умы легко переходятъ отъ одной крайности къ другой, тогда какъ разсудительные характеры крѣпко стоятъ и въ своемъ порицаніи, и въ своей похвалѣ. Всего невыносимѣе для него было сознаніе, что и онъ самъ можетъ быть обсуждаемъ. Поэтому онъ предоставилъ Іосифу и Журдану только номинальный авторитетъ, и то лишь на сколько было нужно для приданія приличной внѣшности слабому королю. Всѣ корпусные командиры обязаны были непосредственно сноситься съ военнымъ министромъ Кларкомъ, который одинъ имѣлъ право сообщать имъ приказанія. Они тѣмъ охотнѣе подчинялись такому порядку, что видѣли въ немъ поощреніе къ личной своей независимости и потворство своему тщеславію.

Отъ этого происходили безчисленныя пререканія между этими маршалами, желавшими дѣйствовать самостоятельно, гордившимися своею новою независимостью, ревновавшими другъ передъ другомъ за свои прерогативы, и между мадридскимъ дворомъ, упрямо не сознававшимъ, что предоставленное ему первенство по дѣлу войны было не что иное какъ церемоніальная формальность, или, по большей мѣрѣ, роль совѣщательная — и только. Итакъ корпусные начальники должны были получать инструкціи изъ Парижа, откуда онѣ доходили къ нимъ въ теченіе двухъ недѣль, а зачастую и въ два мѣсяца. Затѣмъ, эти инструкціи надобно было отстаивать противъ Іосифа и его совѣтниковъ, или, по крайней мѣрѣ, стараться согласовать ихъ съ приказаніями получаемыми изъ Мадрида, потому что, какъ бы то ни было, а приходилось щадить достоинство брата императора. Безполезно останавливаться долѣе на противорѣчіяхъ и несообразностяхъ, присущихъ такому способу веденія дѣлъ; но что можетъ показаться невѣроятнымъ, такъ это то, что главный

изобрѣтатель этой роковой системы, проводившій ее вопреки указаніямъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, въ своихъ письмахъ къ Іосифу выражаетъ негодованіе на то, что дѣламъ въ Испаніи недостаетъ *«почина центральнаго и быстраго!»*

Какимъ-же образомъ этотъ починъ могъ бы идти отъ центральнаго управленія Испаніей, когда каждый маршалъ смотрѣлъ на себя, какъ на начальника независимаго, дѣйствующаго подъ своею личною отвѣтственностью передъ Наполеономъ, и при этомъ получалъ или позднія, или противорѣчивыя приказанія, одни изъ Парижа, другія изъ Мадрида? Какъ могъ быть этотъ починъ быстрымъ, когда повелѣнія, вслѣдствіе медленной и не всегда вѣрной передачи, достигали своего назначенія часто послѣ событій, и потому представлялись совершенно непримѣнимыми къ вполнѣ измѣнившемуся положенію дѣлъ? Іосифъ писалъ очень основательно, что инструкціи Наполеона должны бы содержать «главныя указанія, которыя можно было бы измѣнять сообразно съ перемѣною обстоятельствъ, со времени составленія этихъ инструкцій въ Парижѣ до полученія ихъ въ Мадридѣ», и что посылать ихъ должно исключительно одному «маршалу Журдану, чтобы всѣ войска знали, что военныя дѣйствія направляются главнымъ штабомъ испанскаго короля [41]).» Только при такихъ условіяхъ, починъ могъ быстро исходить отъ центра, что, въ самомъ дѣлѣ, было необходимостью, такъ какъ самое малоспособное командованіе, но дѣйствующее въ виду событій, было бы въ тысячу разъ предпочтительнѣе этого несообразнаго управленія — издали.

Къ такимъ, пока еще тайнымъ, причинамъ неуспѣха, но которыя должны были разразиться съ неодолимою силою при самомъ началѣ дѣйствій нашихъ армій, надобно присоединить еще и неизцѣлимое самообольщеніе Наполеона и самого Іосифа относительно легкости ихъ предпріятія. Такъ,

[41]) *Корреспонденція* короля Іосифа. Іосифъ къ Наполеону, 19 апрѣля 1809.

напримѣръ, въ самомъ началѣ этой кампаніи мы видимъ, что Наполеонъ сообщалъ Нею, черезъ Бертье, что «если ему нельзя противопоставить своихъ батальоновъ высадкамъ англичанъ на берега, *то онъ можетъ возложить эту обязанность на жителей страны!»* [42]) Это было продолженіемъ того упорнаго заблужденія, по которому онъ вздумалъ было создать національную гвардію въ Каталоніи съ цѣлью подавить тамъ инсуррекцію. Около того-же времени, Іосифъ писалъ своему брату, что Романа крайне желаетъ покориться, но удерживается только страхомъ *не получить его прощенія!»* [43]) Эти черты далеко не одинаковыя, этотъ оптимизмъ, который кажется ребяческимъ, когда знаешь положеніе, въ которомъ мы тогда находились въ Испаніи, доказываютъ, въ какомъ огромномъ разстояніи отъ дѣйствительности событій жили оба эти человѣка.

На веденіи военныхъ операцій необходимо должны были отразиться всѣ эти ошибочные разсчеты. Маршалъ Сультъ, который, по императорской инструкціи отъ 1 января, долженъ-бы быть въ Опорто пятаго, а въ Лисабонѣ пятнадцатаго февраля, пришелъ на это число только къ Миньо, пограничной рѣкѣ между Галиціей и Португаліей. Его армія, въ дѣйствительной наличности уменьшившаяся до двадцати пяти или двадцати шести тысячъ человѣкъ, была реорганизована въ Сантъ-Яго де Компостелла; но она еще не вполнѣ возобновила свои силы послѣ труднаго похода и лишеній, испытанныхъ ею во время преслѣдованія отряда Мура. Не смотря на это вынужденное замедленіе, наше вступленіе въ Португалію произошло при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Съ возвращеніемъ войска Мура въ Англію, намъ приходилось бороться только съ препятствіями, отъ неудобныхъ въ зимнее время дорогъ, отъ разсѣянныхъ шаекъ Романы, которыя

---

[42]) Бертье къ Нею, 18 февраля 1809.

[43]) Іосифъ къ Наполеону, 28 марта 1809.

тревожили наше лѣвое крыло со стороны Рибадавіи, наконецъ противъ насъ были и португальскіе инсуррекціонные отряды — не очень страшные нашимъ испытаннымъ войскамъ. Въ Лисабонѣ хотя и находился англійскій отрядъ, оставленный тамъ Муромъ подъ начальствомъ сэра Джона Крадока, но этотъ малочисленный отрядъ не могъ выступить изъ столицы, потому что долженъ былъ защищать ее отъ нападеній со стороны долины Таго.

Увѣренный въ необходимости воспользоваться этими обстоятельствами для того, чтобы застать врасплохъ и разстроить непріятеля немедленнымъ нападеніемъ, Сультъ съ прибытіемъ на Миньо открылъ кампанію. Къ несчастью, эта рѣка чрезвычайно увеличилась полноводьемъ отъ зимнихъ дождей; всѣ средства къ переправѣ были заранѣе истреблены; а попытка нашихъ войскъ къ переходу черезъ рѣку, близъ ея устья, въ Кампо-Санкосъ, не удалась, при чемъ мы понесли довольно чувствительныя потери. Не теряя времени въ борьбѣ противъ природы вещей, Сультъ немедленно измѣняетъ свои предположенія: въ Туи онъ оставляетъ главную часть своихъ тяжестей, и поднимается вдоль Миньо до Орензе — при постоянныхъ стычкахъ съ шайками Романы, защищавшими каждый шагъ по испанской территоріи. Въ Орензе онъ наконецъ переправляется за рѣку, и отогнавъ, но не истребивъ Романа, вступаетъ въ тѣснины Трасъ-осъ-Монтеса, страну горную, главныя ущелья которой выходятъ на долину Дуэро. Маркизъ де ла Романа, недовольный своими португальскими союзниками, участвовавшими съ нимъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, вовсе не переходилъ границы, раздѣляющей обѣ страны. Онъ воротился въ Испанію и расположился въ тылу нашихъ войскъ въ долинѣ рѣки Силь. Сульта упрекали въ томъ, что онъ дозволилъ ему ускользнуть; но еслибъ онъ вздумалъ до конца преслѣдовать, въ подобной странѣ, этого неуловимаго противника, и идти далѣе — не прежде совершеннаго его истребленія, то можно

положительно сказать, что онъ никогда бы не вступилъ въ Португалію.

Какъ бы то ни было, этотъ маршалъ подошелъ къ Шавѣ, ближайшему къ границѣ португальскому городу, не ранѣе десятаго марта 1809 года. Португальскія силы, сгруппированныя въ окрестностяхъ Шавы, простирались, послѣ отступленія Романы, только до восьми или десяти тысячъ человѣкъ. Онѣ были подъ начальствомъ генерала Сильвейра и состояли изъ нѣсколькихъ регулярныхъ отрядовъ, изъ ополченій, наконецъ изъ крестьянъ: это была первая оборонительная линія. Затѣмъ стояла вторая армія, около двадцати пяти тысяча человѣкъ, собранныхъ въ Брагѣ, подъ начальствомъ Бернардина Фрейра и д'Эбена; потомъ сборище еще болѣе значительное было сведено въ Опорто и поступило подъ управленіе епископа этого города. По правдѣ сказать, это были скорѣе толпы, нежели правильно устроенныя войска; но эти толпы отличались фанатизмомъ, доведеннымъ до такихъ крайностей, примѣры которыхъ едвали представляла даже испанская война.

Во всѣхъ обстоятельствахъ, когда управленіе, какое бы оно ни было, гражданское, политическое или военное, попадаетъ въ зависимость отъ народныхъ страстей, рѣшенія самыя безразсудныя слѣпо принимаются толпой преимущественно передъ прочими, лишь бы первыя были прикрашены какими-нибудь патріотическими выходками. По невозможности отстоять городъ Шаву, португальскіе генералы рѣшили не оспаривать его у французовъ, считая болѣе выгоднымъ сберечь свои силы для партизанской войны, то есть для нечаянныхъ нападеній и засадъ, которыя причиняли намъ много вреда. Но чернь, возбуждаемая своими коноводами, принудила Сильвейра оставить въ городѣ трехтысячный отрядъ, слѣдствіемъ чего было только безполезное разореніе и неизбѣжная капитуляція послѣ трехдневнаго сопротивленія (13 марта). Отъ Шавы, Сультъ

немедленно пошелъ на Брагу, гдѣ возобновились такія же сцены съ добавленіемъ, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, убійствъ. Бернардинъ Фрейра, убѣдившись, что Брага не болѣе Шавы пригодна къ защитѣ, рѣшился избавить городъ отъ ужасовъ взятія приступомъ, а португальское дѣло отъ послѣдствій неудачной битвы: онъ отдалъ своимъ ополченіямъ приказаніе выступить изъ Браги. Они взбунтовались и растерзали своего генерала, почти на глазахъ нашего авангарда, предводительствуемаго Франчески [44]). Нѣсколько часовъ спустя, они также убили его адъютанта, Виллабоа, а на другой день нѣсколькихъ плѣнныхъ изъ своихъ, которыхъ Сультъ послалъ къ нимъ съ мирными предложеніями. Но жестокость не только не возбуждаетъ, а, напротивъ, ослабляетъ храбрость, и подобныя неистовства, конечно, не придали ополченцамъ ни стойкости, ни отваги, безъ которыхъ войско есть ничто иное, какъ безпорядочный, волнующійся и безсильный сбродъ. Позиціи, занятыя португальцами передъ Брагой, на Монте Адауѳѣ, были аттакованы нами 20 марта, въ 9 часовъ утра: въ 10 часовъ они были взяты. Бѣглецы разсыпались по всѣмъ направленіямъ, преслѣдуемые нашими кавалеристами, которые нещадно ихъ рубили, въ отмщеніе за прежде выказанную ими жестокость. Только регулярныя войска противопоставили намъ нѣкоторое сопротивленіе при Понтѣ-Понто и Фалперрѣ [45]).

Сультъ оставилъ въ Брагѣ дивизію Гейделе; онъ озаботился успокоеніемъ городскаго населенія и постарался возвратить жителей въ обезлюдѣвшій городъ мѣрами кроткими и человѣчными. Давъ своимъ войскамъ отдыхъ и воспользовавшись значительными средствами, которыя можно было

---

[44]) Донесеніе генерала Эбена сэру Джону Крадоку.

[45]) *Мемуары о военныхъ операціяхъ въ Галиціи и Португаліи* Ленобля. *Исторія войны на полуостровѣ*, Непира.

взять отъ города, онъ пошелъ на Опорто съ арміей, уже сильно уменьшенной отдѣленіемъ отрядовъ для занятія Браги, Шава и Туи, а также битвами на походѣ, хотя не очень страшными, но за то ежедневными. Печальныя событія, совершившіяся въ Брагѣ, давали только слабое понятіе о безмѣрномъ безпорядкѣ, царствовавшемъ въ Опорто. Здѣсь главнымъ начальствомъ оказался епископъ, принявшій на себя управленіе военными дѣйствіями. Все населеніе вооружилось. Жители ревностно, но безъ толку, принялись устраивать длинную линію укрѣпленій, которая тянулась отъ Дуэро къ морю, и нигдѣ не имѣла достаточной крѣпости, хотя и была вооружена двумя стами пушками. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, чернь стала обвинять въ измѣнѣ тѣхъ людей, которые предвидѣли и указывали опасность предпринимаемой защиты. При извѣстіи о бѣдствіи, постигшемъ Брагу, народъ убилъ до двадцати изъ лучшихъ гражданъ Опорто, и трупы ихъ таскали съ безчестьемъ по улицамъ города. Тотъ-же народъ, менѣе жестокій въ отношеніи къ иностранцамъ, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ, пощадилъ генерала Фоа, который при рекогносцировкѣ попался въ плѣнъ.

Сультъ подошелъ къ городу 27 марта. Онъ заявилъ объ этомъ письмомъ, въ которомъ напрасно доказывалъ епископу безполезность сопротивленія и неизбѣжныя бѣдствія уличной битвы въ городѣ, столь богатомъ и населенномъ. 29-го онъ двинулъ свои войска на приступъ къ городу. Самыхъ несложныхъ маневровъ было достаточно для овладѣнія укрѣпленіями. Онъ раздѣлилъ свою армію на три корпуса: обоимъ фланговымъ назначено было произвести ложныя аттаки на оконечности несоразмѣрно длинной линіи укрѣпленій, а затѣмъ центральный корпусъ долженъ былъ проникнуть въ городъ. Мерль, наканунѣ занявшій часть окоповъ, устроенныхъ португальцами влѣво отъ Опорто, энергически возобновляетъ свою аттаку и привлекаетъ ихъ

силы на свою сторону; между тѣмъ, Делабордъ и Франчески стремительно нападаютъ на ихъ правый флангъ. Португальское многолюдство, простиравшееся отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, въ страшномъ безпорядкѣ бросается то на лѣвую, то на правую сторону, оставляя беззащитными укрѣпленія центра. Это предвидѣлось, и Мерме съ своей центральной колонной также вступаетъ въ бой, ниспровергаетъ все, что ни встрѣчаетъ на своемъ пути, и вторгается въ городъ съ неодолимой силой, направляясь прямо къ мосту на судахъ черезъ Дуэро, единственному пути отступленія для множества бѣглецовъ, которыхъ онъ гонитъ передъ собою. Тамъ у моста толпились въ невообразимомъ безпорядкѣ женщины, дѣти, солдаты разнаго вооруженія, угрожаемые съ одной стороны нашими штыками, а съ другой—пронизываемые выстрѣлами изъ артиллерійскихъ орудій, направляемыми португальцами съ противоположнаго берега для отогнанія насъ отъ моста. Вскорѣ, отъ множества тѣснившагося на мосту народа, суда погружаются, мостъ рушится, бѣглецы поглощаются рѣкою. Обезоруженные этою сценою ужаса, наши солдаты пріостанавливаются, чтобы подать помощь утопающимъ; потомъ они поспѣшно возстановляютъ мостъ и устремляются занять позиціи на лѣвомъ берегу. Битва въ городѣ продолжалась, и когда защищающіеся наконецъ поняли безполезность дальнѣйшаго сопротивленія, то уже не было возможности остановить разъяренныхъ нашихъ солдатъ; битва переходитъ въ убійство. Опорто предается разграбленію, опустошенію, всѣмъ насиліямъ войска, когда оно, потерявъ уваженіе къ дисциплинѣ, обращается въ вооруженную чернь: епископъ опортскій съ вечера укрылся отъ бѣды, заблаговременно перебравшись на лѣвый берегъ Дуэро [46]),

---

[46]) По свидѣтельству очевидца, который писалъ, такъ сказать, подъ диктовку самого Сульта, португальцевъ было убито въ Опорто восемь

Маршалъ Сультъ долженъ былъ остановиться въ Опорто для отдохновенія войскъ, для обожданія обоза, оставленнаго въ Туи и для возстановленія, по возможности, своихъ сообщеній съ Галиціей. Опорто, важнѣйшій городъ Португаліи, послѣ Лисабона, представлялъ побѣдителямъ множество всевозможныхъ средствъ; рѣка Дуэро могла служить намъ почти неодолимою оборонительною линіей противъ всякой аттаки съ юга:, слѣдовательно можно было прочно утвердиться въ Опорто; но какъ еще было далеко до полнаго осуществленія программы, начертанной Наполеономъ! Наступали первые дни апрѣля, а была пройдена едва четвертая доля пространства, отдѣляющаго Лисабонъ отъ границъ Галиціи. Не завоевали даже и десятой части этого желаннаго королевства, а уже приходилось стать, если не въ оборонительное, то, по крайней мѣрѣ, въ выжидательное положеніе. Между тѣмъ, однакожъ, Сультъ выполнилъ все, что только дозволили ему обстоятельства, и пока невозможно его упрекать въ чемъ бы то ни было. Единственно виноватымъ былъ тотъ человѣкъ, котораго самомнѣніе отрицало всѣ препятствія, противустоявшія его химерамъ. Въ Португаліи, какъ и въ Испаніи, инсуррекція отовсюду окружала, какъ бы живою стѣною, отряды нашихъ солдатъ, и едва имъ удавалось пробить себѣ кровавый проломъ впередъ, новая такая же стѣна выростала вокругъ нихъ — будто изъ земли. Надобно было безпрестанно возвращаться назадъ для обратнаго завоеванія мѣстности, занятой наканунѣ. Едва мы оставили Туи, гдѣ находилось наше главное депо, какъ разсѣянныя передъ тѣмъ банды Романы опять явились для блокады этого города. Въ Шавѣ случилось еще худшее: разбитый нами Сильвейра возвратился

тысячъ, а французовъ восемьдесятъ человѣкъ. Можно судить по этому о нашей популярности въ Португаліи. (Ленобль: *Мемуары о военныхъ дѣйствіяхъ въ Галиціи и Португаліи.)*

и захватилъ нашъ гарнизонъ и нашихъ больныхъ. Лоржъ и Гейделе подоспѣли вовремя на защиту Туи, но Луазонъ даже не попытался опять завоевать Шавъ, и послѣ нѣсколькихъ стычекъ долженъ былъ ограничиться занятіемъ позиціи въ Балтарѣ, на уступахъ Трасъ-осъ-Монтесъ.

Въ то время, какъ Сультъ былъ, такимъ образомъ, остановленъ въ своемъ походѣ, всѣ прочія наши операціи въ Испаніи подверглись той же участи, потому что по плану Наполеона всѣ дѣйствія нашихъ войскъ были подчинены успѣшному завоеванію Португаліи. Въ случаѣ неуспѣха этой экспедиціи, все останавливалось и въ Испаніи. Болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Мадридѣ не имѣли никакихъ извѣстій отъ Сульта. Съ 24 февраля не знали, что съ нимъ сталось, и, по неимѣнію объ немъ извѣстій, вынуждены были довольствоваться гадательными и разнорѣчивыми предположеніями о вѣроятныхъ его дѣйствіяхъ. Съ 13 марта, Наполеонъ, разсчитывая, что этотъ маршалъ уже овладѣлъ Лисабономъ, или, по крайней мѣрѣ, очень близокъ къ этой столицѣ, предписывалъ своему брату заставить Виктора начать условленный походъ на Мериду и Андалузію, и Іосифъ съ такимъ же нетерпѣніемъ торопилъ Виктора выполненіемъ приказаній императора [47]). Но наши арміи въ Испаніи точно также затруднялись въ своихъ движеніяхъ, какъ и армія въ Португаліи. Каждая изъ нихъ имѣла противъ себя испанскія войска, почти одинаковой съ ними силы. При рѣшимости истребить эти войска, увлекались за центръ своихъ дѣйствій и могли терять изъ виду свой истинный объективъ — содѣйствіе маршалу Сульту; оставляя же эти войска за собою, приходилось терять свои сообщенія.

Противъ Виктора, въ Эстремадурѣ дѣйствовалъ старый

---

[47]) Наполеонъ къ Іосифу, 13 марта 1809. Іосифъ къ Наполеону, 22 марта.

Грегоріо-де-ла-Куэста, генералъ мало искусный, но воинъ очень храбрый и упорный; Лаписса блокировали въ Саламанкѣ многочисленныя шайки инсургентовъ, изъ которыхъ главная была подъ предводительствомъ Роберта Уильсона. Викторъ и Лаписсъ, оба предназначенные содѣйствовать Сульту, сами были достаточно озабочены окружавшимъ ихъ непріятелемъ, и не очень спѣшили на поддержку предпріятія, результаты котораго были еще довольно загадочны. Наша ламанчская армія, подъ командою Себастіани, содѣйствовавшая имъ на довольно далекомъ разстояніи, имѣла противъ себя другую испанскую армію, подъ предводительствомъ Картойяла, защищавшую дефилеи Сіерра-Морены. Во всякомъ случаѣ, необходимо было начать наступленіе, хотя бы для того только, чтобъ охранить свободу нашихъ движеній. Въ половинѣ марта, Викторъ выступилъ изъ Талаверы навстрѣчу Куэстѣ. Переправившись черезъ Таго, онъ опрокидываетъ его авангардъ при Меса д'Иборъ, потомъ слѣдуетъ за нимъ въ долину Гвадіаны, и, при Меделинѣ, наноситъ ему кровавое пораженіе, въ тотъ самый день, когда Сультъ вступилъ въ Опорто (23 марта 1809). Въ то же время, Себастіани настигаетъ Картойяла у Ціудадъ-Реаля, разбиваетъ его войска, захватываетъ артиллерію инсургентовъ и преслѣдуетъ ихъ до подошвы Сіерра-Морены (27 марта).

Но эти блестящіе успѣхи въ сущности не имѣли важнаго значенія. Даже среди побѣдъ, наши арміи видѣли, что сообщеніямъ ихъ отовсюду угрожаетъ непріятель: сбитый съ одного мѣста, онъ разсѣевался только для того, чтобы собраться на другомъ [48]). Викторъ дошелъ до Мериды, и тамъ, не будучи въ силахъ ни идти въ Андалузію, ни достигнуть Португаліи, сверхъ того связанный инструкціей Наполеона,

---

[48]) Извлеченіе изъ *неизданныхъ мемуаровъ* маршала Журдана, приводимое Тьеромъ.

воспрещавшей ему рѣшительныя операціи до вступленія Сульта въ Лисабонъ, онъ ограничился присоединеніемъ къ себѣ дивизіи Лаписса, съ удаленіемъ которой изъ Саламанки, вся окрестная, важная для насъ, провинція очутилась во власти инсуррекціи. Исполнивъ это, онъ сталъ выжидать дальнѣйшихъ событій. Историки, вдохновлявшіеся апологіями Сульта, упрекаютъ Виктора за это бездѣйствіе [49]). Но приказанія, полученныя имъ отъ Наполеона, были положительны: не ему было ихъ измѣнять. Еслибъ онъ вздумалъ на это рѣшиться и началъ бы дѣйствовать на собственный страхъ и отвѣтственность, то судьба Дюпона могла-бы достаточно указать, чего-бы стоила ему подобная иниціатива. Сверхъ того, слѣдуетъ задать себѣ вопросъ: къ чему привелъ бы его походъ на Лисабонъ, въ то время, когда Сультъ находился еще въ Опорто? Если сообщенія Виктора съ Мадридомъ были уже затруднительны изъ Мериды, каковы же они бы стали, еслибъ онъ двинулся еще на пятьдесятъ лье впередъ, оставляя за собою такую крѣпость какъ Бадахосъ, не говоря уже объ остаткахъ арміи Куэсты и многочисленныхъ гверильясахъ, носившихся по всей странѣ.

Еслибы Наполеонъ былъ тогда въ Испаніи, или еслибы онъ уполномочилъ кого-нибудь необходимымъ авторитетомъ на принятіе рѣшительныхъ мѣръ въ подобныхъ обстоятельствахъ, то, очевидно, что при такой продолжительной неизвѣстности о Сультѣ, попытались-бы на какое нибудь великое усиліе, чтобы его выручить и подкрѣпить, напримѣръ, двинувъ Нея изъ Галиціи въ Португалію, или выславъ на Дуэро сильный отрядъ изъ стоявшаго въ бездѣйствіи при Логроно пятаго корпуса — Мортье. Но Мортье былъ стѣсненъ въ свободѣ своихъ движеній не менѣе другихъ нашихъ генераловъ. Журданъ требовалъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, перешелъ въ Валладолидъ, а оттуда постарался бы

---

[49]) Между прочими Непиръ.

войти въ сообщеніе съ Сультомъ и съ Неемъ, отъ котораго также давно не имѣли никакихъ извѣстій. Но по этому требованію Мортье счелъ возможнымъ только занять Бургосъ, гдѣ его пребываніе не приносило пользы никому.

Къ счастью, Ней могъ обходиться безъ поддержки. Онъ устоялъ въ Галиціи, не смотря на то, что ему приходилось защищать береговую линію въ сто лье. Но при этомъ, сражаясь безпрерывно, онъ долженъ былъ пожертвовать своими сообщеніями съ нашей португальской арміей, которыхъ ему невозможно было сохранить, потому что сосредоточенность его войскъ была необходимымъ условіемъ ихъ существованія, и, наконецъ, вынужденъ былъ не повиноваться даже самому Наполеону. Императоръ предписалъ ему утвердиться въ Луго, какъ центрѣ Галиціи, и оттуда направлять дѣйствія на покореніе этой провинціи. Луго, въ самомъ дѣлѣ, былъ *географическимъ* центромъ Галиціи; но, ни въ какомъ случаѣ, не былъ центромъ относительно населенности, богатства, вліянія и политическаго значенія. Корунья, соединявшая въ себѣ эти преимущества, была поэтому естественнымъ центромъ нашего военнаго занятія, не смотря на выдающееся ея положеніе. А такъ какъ главную опасность, угрожавшую намъ въ Галиціи, надобно было ожидать не изъ центра этой провинціи, но въ мѣстахъ приморскихъ, гдѣ мы постоянно должны были защищаться противъ высадокъ англичанъ, то, можно сказать, что и съ стратегической точки зрѣнія, Ней поступилъ очень разумно, утвердившись предпочтительно въ Коруньѣ, а не въ Луго.

Весь апрѣль мѣсяцъ прошелъ въ томительной для насъ неизвѣстности. Въ продолженіе этой вынужденной выжидательности, которая была слѣдствіемъ ошибочности нашей операціонной системы, а не превосходства силъ нашихъ противниковъ, событіе великой важности, по своимъ неодолимымъ послѣдствіямъ, произошло въ Португаліи. Побѣдитель при Вимеиро, сэръ Артуръ Уеллеслей, высадился

въ Лисабонѣ 22 апрѣля 1809; онъ былъ принятъ тамъ съ энтузіазмомъ, и его появленіе должно было придать новую силу и новое направленіе португальской инсуррекціи.

Въ продолженіе всей зимы 1809 года генералъ Крадокъ, значительно ослабленный посылкою войскъ и боевыхъ принадлежностей къ сэру Джону Муру въ предшествовавшую кампанію, ограничивался занятіемъ Лисабона и нѣсколькихъ крѣпкихъ позицій въ окрестности, оставленныхъ было почти беззащитными. Британскій кабинетъ былъ тогда занятъ проектомъ, по которому предполагалось принять за операціонный базисъ для англійской арміи, вмѣсто Лисабона, кадикскій полуостровъ. Въ самомъ дѣлѣ, Лисабонъ представлялъ много важныхъ неудобствъ какъ мѣсто опоры для арміи, назначенной дѣйствовать въ долинѣ Таго, или на Гвадіанѣ. Такая армія неизбѣжно подвергалась нападеніямъ съ фланговъ и даже съ тыла со стороны непріятеля занимавшаго Старую Кастилію, королевство Леонъ и вообще сѣверныя провинціи. Опираясь на Кадиксъ, позицію неодолимую, для дальнѣйшихъ дѣйствій въ ла-Манчѣ, можно было, оставивъ за собою дефилеи Сіерра-Морены, проникнуть въ средину Испаніи, не подвергая ни разу своего фланга внезапному нападенію, а свои сообщенія опасности.

Но по недовѣрію испанцевъ, оправдываемому, быть можетъ, близостью Гибралтара, хотя можно было разубѣдиться потомъ въ такомъ опасеніи, проектъ этотъ не осуществился. Отрядъ, посланный для занятія Кадикса, не былъ допущенъ въ этотъ городъ и возвратился въ Лисабонъ (12 марта 1809). Снова приняли намѣреніе начать наступательныя дѣйствія со стороны Португаліи. Послано было послѣдовательно нѣсколько подкрѣпленій генералу Крадоку, который воспользовался ими съ большимъ умѣньемъ и дѣятельностью для того, чтобы образовать и подчинить дисциплинѣ ополченія португальской инсуррекціи. Наконецъ, послали опять въ Португалію тѣхъ офицеровъ, которые были

неосновательно вызваны оттуда послѣ цинтрской капитуляціи, а самому замѣчательнѣйшему изъ нихъ, Артуру Уэллеслею возвратили начальническое званіе, въ которомъ онъ заставилъ насъ ненавидѣть и уважать знаменитое имя Веллингтона. Не только признали его свободнымъ отъ всякаго порицанія, но и назначили главнокомандующимъ; власть эту признало за нимъ и португальское правительство, какъ за самымъ достойнѣйшимъ человѣкомъ изъ всей арміи.

Уэллеслей былъ во главѣ двадцатипятитысячной арміи англичанъ, регулярныхъ войскъ португальскихъ въ числѣ отъ пятнадцати до двадцати тысячъ человѣкъ и ополченій инсургентовъ такого-же количества, но весьма низкаго качества. Ему предлежали два пути. По своему выбору онъ могъ идти или противъ Сульта, или противъ Виктора. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, онъ оставлялъ Лисабонъ если не совершенно открытымъ, то и не вполнѣ защищеннымъ. Но Викторъ находился въ восемнадцати переходахъ отъ Лисабона; онъ не могъ идти на эту столицу, не оставивъ за собой въ тылу войскъ Куэсты, вновь сформировавшихся въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ, и крѣпостей Бадахоса и Эльваса; слѣдовательно оставалось довольно времени на то, чтобъ видѣть его приближеніе и принять мѣры къ затрудненію его похода. Сультъ, напротивъ, могъ въ четыре или пять дней перейти пространство, отдѣляющее Опорто отъ Лисабона, не подвергаясь подобнымъ опасностямъ [50]). По этому Уэллеслей рѣшилъ нанести первый ударъ Сульту; планъ кампаніи онъ опредѣлилъ по первому обзору расположенія нашихъ армій, то есть немедленно по своемъ прибытіи [51]). Приведя Лисабонъ въ оборонительное положеніе, размѣстивъ эшелонами наблюдательные отряды, подъ началь-

---

[50]) *Dispatches of the Duke of Wellington*. Napier: *Peninsular war*.

[51]) *Dispatches*: Кастельри, 25 и 27 апрѣля 1809; Куэстѣ, 29 апрѣля Фрере, 20 апрѣля; Макензи, 1 мая 1809.

ствомъ Мекензи, вдоль Таго, по той самой дорогѣ, которую предстояло пройти Виктору въ предполагаемомъ походѣ на Лисабонъ, наконецъ давъ знать Куэстѣ, чтобъ его войска ограничивались оборонительными дѣйствіями, до тѣхъ поръ, пока Сультъ не будетъ побитъ имъ самимъ, онъ пошелъ къ Опорто съ двадцати пяти тысячною англо-португальской арміей. 2 мая 1809 онъ былъ въ Коимбрѣ.

Въ то время, какъ эти угрожающія приготовленія направлялись противъ насъ, Сультъ оставался въ Опорто, въ полной беззаботности, — не подозрѣвая даже и той совершенно другаго рода опасности, которая возникла для него въ собственномъ его лагерѣ, и которую онъ неосторожно самъ себѣ создалъ. Послѣ своей легкой побѣды, вынужденный остановиться въ Опорто, вслѣдствіе возраставшаго числа непріятельскихъ войскъ, собиравшихся у него въ тылу, Сультъ счелъ нужнымъ докончить покореніе завоеванной страны, прежде выступленія въ дальнѣйшій походъ. Въ Опорто онъ также дожидался прибытія подкрѣпленій, хотя самъ хорошенько не зналъ, откуда могли-бы они придти, такъ какъ всѣ другія наши операціи были подчинены его вступленію въ Лисабонъ. Прочно утвердившись въ крѣпкихъ своихъ позиціяхъ на Дуэро, онъ сталъ смотрѣть на провинцію Опорто какъ на завоеваніе, подлежащее окончательной организаціи, не сомнѣваясь въ томъ, что за этой провинціей, раньше или позже, ему покорится вся Португалія. Прежде всего онъ старался успокоить жителей, снова привлечь ихъ въ города мѣрами гуманными и примирительными и возстановленіемъ въ арміи порядка и дисциплины.

Достаточный и миролюбивый классъ, напуганный пережитыми катастрофами: разграбленіемъ Опорто, военными экзекуціями, безсмысленными и отвратительными жестокостями инсургентской черни, слушалъ съ легко-объяснимымъ удовольствіемъ деклараціи Сульта и старался, въ свою очередь, заручиться у него возможно-большими обезпеченіями. Жи-

тели городовъ, особенно купцы, посылали къ нему депутаціи съ изъявленіями своей благодарности, расточая передъ нимъ самыя льстивыя завѣренія. Тщеславный по природѣ, очарованный нежданною уступчивостью населенія, которое до той поры выражало къ намъ только ненависть, или выказывало подвиги неодолимаго фанатизма, Сультъ не замедлилъ ошибочно истолковать себѣ сущность такихъ изъявленій преданности. Въ томъ, что проявляло только утомленіе отъ бывшихъ безпорядковъ, сожалѣніе объ утраченномъ богатствѣ, желаніе мира во что бы то ни стало, онъ усмотрѣлъ зараждающіяся симпатіи, довѣріе, внушаемое высокими качествами его личности, наконецъ возможность создать въ Португаліи положительный и прочный порядокъ посредствомъ особаго рода соглашенія между партіей, готовой покориться, и партіей мечтавшей о полной независимости. А если соглашеніе было возможно, что, казалось, подтверждали событія, то почему-бы этому соглашенію не осуществиться во имя и въ пользу того, который все придумалъ и подготовилъ? И отчего-бы Сульту не стать залогомъ и высшимъ олицетвореніемъ такого примиренія великой имперіи съ враждебнымъ, до этой поры, народомъ? Развѣ это не было-бы вступленіемъ въ столь хвалимую систему вассальныхъ королевствъ? Заслуги Сульта развѣ не были столько-же блистательны, какъ и подвиги Мюрата? Развѣ не стоили онѣ тѣхъ случайныхъ титуловъ, которые не всегда достойно оправданный почетъ родства съ императоромъ создалъ для Іосифа, Жерома и Лудовика?

Очень возможно приписать Сульту подобныя мысли, чѣмъ только и можно правдоподобно и соотвѣтственно его характеру объяснить тогдашнія его дѣйствія. Съ гуманными и податливыми инстинктами, съ беззаботностью кондотьери онъ соединялъ хвастливую самонадѣянность, большую шаткость, врожденную наклонность къ интригѣ и хотя довольно мелкое, но задорное честолюбіе, отъ котораго позже осталась

только ненасытная жадность, какъ дурной исходъ его обманутыхъ надеждъ. Обойденный и подстрекаемый своими угодниками, изъ которыхъ одни не менѣе его были утомлены службою на господина, хотѣвшаго сохранять исключительно за собою привилегію заботиться только о самомъ себѣ, а другіе нетерпѣливо желали попользоваться щедростью новаго царствованія, онъ, можетъ статься, былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ прикрывать предлогомъ гражданской и политической организаціи военное бездѣйствіе, до котораго онъ былъ доведенъ. Отдаленность и малая зависимость отъ главнаго управленія дозволяли ему дѣйствовать безконтрольно, до того времени, когда, по собственному выбору, онъ, вмѣсто отчета, могъ-бы сослаться или на совершившійся фактъ, или отречься отъ неудавшейся попытки. Поэтому маршалъ Сультъ не устрашился офиціально вызывать въ провинціяхъ Миньо и Опорто, въ видѣ адресовъ и петицій, нѣчто въ родѣ *пронунсіаміенто* въ свою пользу: «Его превосходительство герцога Далматскаго просятъ принять бразды правленія, заступить мѣсто государя, *облечься всѣми преимуществами верховной власти*, пока императоръ и король не назначатъ принца изъ своего дома, или *по своему выбору*, для царствованія въ Португаліи [52]).

Къ несчастью, этотъ планъ, который маршалъ считалъ такимъ макіавелическимъ, этотъ эгоистическій разсчетъ, которому отдавалась тщеславная и мелкая душа Сульта, принадлежалъ сколько ему, столько-же и всякому выслужившемуся при немъ офицеру, въ мѣру его честолюбія и его личныхъ разсчетовъ. Когда армія не сражается болѣе въ пользу отечества, ни даже за идеалъ славы и величія, который до нѣкоторой степени можетъ отождествляться съ иде-

---

[52]) Циркуляръ генерала Рикара, начальника штаба 2-го корпуса арміи, отъ 19 апрѣля 1809. Этотъ любопытный документъ былъ напечатанъ въ первый разъ, кажется, Тьеромъ.

ями справедливости и цивилизаціи, тогда корыстолюбивые инстинкты берутъ верхъ, деморализація наступаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упадокъ военныхъ учрежденій. Если въ подобномъ состояніи войска постигнетъ неудача или только появятся признаки неуспѣха, то послѣдняя пружина обрывается, и со всѣхъ сторонъ открываются признаки незамѣтнаго разложенія. Причина зла крылась въ далекомъ прошломъ. Можно утвердительно сказать, что она всецѣло коренилась въ жестокой и алчной политикѣ человѣка, предпринявшаго войну въ Испаніи. Не было-ли чего-то болѣзненнаго въ его умѣ, возлагавшемъ на французскихъ солдатъ неправое дѣло, требовавшее такого самоотреченія, безкорыстія и жертвъ, тогда какъ онъ самъ руководился лишь эгоизмомъ чудовищнымъ и единичнымъ, нѣкотораго рода яростной мономаніей гордости и честолюбія? Какъ могъ онъ требовать отъ воиновъ такихъ добродѣтелей, когда самъ онъ предавался пошлымъ увлеченіямъ? Конечно, до извѣстной степени, оказывалось возможнымъ обманывать общественное мнѣніе относительно причинъ большей части предшествовавшихъ войнъ, прикрывая ихъ благовиднымъ колоритомъ свободы, революціи, независимости; но въ Испаніи никто даже не задавалъ себѣ труда лгать объ этомъ кому бы то ни было. Все въ этой отвратительной испанской войнѣ, отъ перваго дня и до послѣдняго, было хищничествомъ, мошенничествомъ, насиліемъ и безуміемъ.

Пока завоеваніе казалось легкимъ и обѣщало почести и добычу, невольно подчинялись этому печальному сообщничеству, потому что легко прощается то преступленіе, при которомъ дѣлятъ барыши. Но съ той поры, какъ дѣла пошли дурно, когда въ вознагражденіе за множество страданій имѣлись въ виду только безконечная война, безпощадное за нее возмездіе, неудовольствіе вѣчно неудовлетвореннаго властелина, а въ концѣ концовъ безславная смерть въ тѣснинахъ какихъ нибудь ущелій, тогда пылъ войскъ значительно остылъ;

наступила пора размышленій, за которыми послѣдовали сомнѣнія, упадокъ духа, ропотъ.

Большинство офицеровъ этой арміи начали свою службу въ эпоху еще не лишенную всякой независимости, всякаго гражданскаго достоинства, когда одинъ человѣкъ не былъ еще всѣмъ во всей Франціи, и когда можно было вѣрить, что, ведя войну, жертвуешь собою чему-то болѣе высшему, нежели чьи-бы то ни были личные замыслы. Когда эти офицеры, уже усталые и недовольные, увидѣли, что ихъ начальники, вмѣсто того, чтобы подавать имъ примѣры самопожертвованія, котораго требовали отъ нихъ, стали постепенно обнаруживать своекорыстныя стремленія, тогда и они, въ свою очередь, предались мечтамъ, облегчавшимъ ихъ утомленіе: одни подстрекали Сульта къ смѣлому захвату той короны, къ которой онъ то робко, то нетерпѣливо простиралъ руку, другіе старались распространить среди арміи тайный заговоръ, направляемый противъ самого Наполеона. Третья партія съ генералами Лоазономъ и Делабордомъ во главѣ, болѣе всего преданная обязанности охранять незапятнанною честь своихъ знаменъ, зорко и строго слѣдила за попытками Сульта и выжидала только акта принятія имъ короны, чтобъ его арестовать и отвести армію обратно во Францію. Одинъ изъ заговорщиковъ, д'Аржантонъ, офицеръ очень храбрый, но съ умомъ болѣе предпріимчивымъ, нежели здравымъ, возъимѣлъ нелѣпую и преступную мысль увлечь въ заговоръ ни болѣе, ни менѣе, какъ самую англійскую армію вмѣстѣ съ ея предводителемъ Уэллеслеемъ. По довольно несообразнымъ предположеніямъ, представленнымъ д'Аржантономъ англійскому полководцу, въ трехъ послѣдовательныхъ свиданіяхъ, которыя онъ съ нимъ имѣлъ въ Лиссабонѣ и потомъ въ Коимбрѣ, Уэллеслею слѣдовало сначала, подъ рукою, побудить португальскіе города выразиться въ пользу новаго царствованія. Какъ только Сультъ будетъ провозглашенъ королемъ, слѣдовало, смотря по обстоятельствамъ, или взбунтовать про-

тивъ него армію, или-же употребить его какъ орудіе для того, чтобъ увлечь остальныя занимавшія полуостровъ французскія арміи въ походъ противъ Наполеона [58]). Въ случаѣ, если-бы этотъ проектъ не согласовался съ видами Уэллеслея, д'Аржантонъ брался разъяснить такой планъ аттаки, по которому можно-бы было захватить въ плѣнъ французскую армію.

Изъ этого можно заключить, что помысломъ офицеровъ, остававшихся вѣрными Наполеону, также какъ и тѣхъ, которые составляли противъ него заговоры, было возвращеніе во Францію. Въ этомъ стремленіи заключалось все то, что было наиболѣе существеннаго въ разномысліи, проникшемъ въ войска, и что вполнѣ соотвѣтствовало сознанію очевидно грозившей опасности, а также тайному негодованію и утомленію отъ этихъ войнъ безъ цѣли и конца. Подобное расположеніе умовъ было, въ виду ожидаемыхъ событій, слишкомъ благопріятно для замысловъ англійскаго полководца, а потому онъ и не пренебрегъ случаемъ къ поддержанію неурядицы между французами. Онъ очень поощрилъ д'Аржантона, выдалъ ему просимый имъ паспортъ для поѣздки, съ цѣлью продолжать интриги, во Францію; но оцѣнивъ своимъ здравымъ умомъ какъ человѣка, такъ и положеніе дѣлъ, онъ не захотѣлъ побуждать португальцевъ къ предложенію Сульту короны, потому что этотъ шагъ, говорилъ онъ, имѣлъ-бы послѣдствіемъ потерю довѣрія къ нему со стороны его союзниковъ. Онъ тщательно скрылъ отъ д'Аржантона расположеніе, численность и составъ своихъ войскъ. Держась на готовѣ къ содѣйствію предпріятіямъ заговорщиковъ, онъ однакожъ не принялъ на себя, по отношенію къ нимъ, никакихъ обязательствъ: по своей проницательности, онъ съ перваго-же свиданія понялъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ,

---

[58]) *Disaptches of the duk of Wellington:* маршалу Бересфорду, 7 мая 1809; виконту Кастлери, 27 апрѣля, 7 и 15 мая 1809.

заговоръ этотъ не приведетъ ни къ чему и разлетится дымомъ. Единственное послѣдствіе, котораго, по его мнѣнію, можно было ожидать, состояло въ томъ, чтобы Сультъ былъ вынужденъ очистить сѣверную часть Португаліи, что соотвѣтствовало и предположенной имъ для себя цѣли [54]).

По всей вѣроятности, преступныя интриги д'Аржантона благовременно раскрыли передъ Сультомъ неизбѣжность грозящаго ему вскорѣ нападенія Уэллеслея. Д'Аржантонъ открылъ заговоръ генералу Лефебвру, при которомъ состоялъ адъютантомъ; онъ имѣлъ двоякую цѣль, во первыхъ, предостеречь его отъ опасности расположенія на лѣвомъ берегу Дуэро, а во вторыхъ вовлечь его въ заговоръ. Лефебвръ поспѣшилъ открыть все это маршалу, который велѣлъ арестовать д'Аржантона и его главныхъ сообщниковъ. Извѣстно, что Сультъ узналъ о предположеніяхъ Уэллеслея 8 мая; арестъ-же произведенъ 9 утромъ [55]); доносъ слѣдовательно былъ сдѣланъ наканунѣ: трудно не допустить совпаденія и связи между этими фактами. Внезапно пробужденный отъ своихъ царственныхъ сновидѣній, Сультъ понялъ, что ему остается только скорѣе уходить. Но, оттого-ли, что ему трудно было разстаться съ предстоявшей ему блестящей будущностью и перемѣнить ее на роль генерала-бѣглеца; оттого-ли, что ему еще не выяснилась вся неотложность грозившей ему опасности, онъ не съумѣлъ во время привести своего рѣшенія въ исполненіе. За нимъ осталось впрочемъ то достоинство, что онъ оказался не болѣе строгимъ въ отношеніи къ другимъ какъ къ самому себѣ. При слабомъ надзорѣ, за нимъ учрежденномъ, д'Аржантону удалось, спустя нѣсколько дней, убѣжать, и если онъ вскорѣ потомъ опять попался, былъ преданъ суду и разстрѣлянъ, то могъ винить въ томъ только собственную неосторожность.

---

[54]) *Dispatches:* виконту Кастлери. 27 апрѣля 1809.

[55]) Къ Вилліерсу, 15 мая.

Предположенія Уэллеслея къ разбитію нашей арміи, не смотря на ея крѣпкую позицію, были составлены очень искусно. Пользуясь прибытіемъ, въ тылъ французской арміи, къ Амарантѣ и къ Шавѣ, корпуса инсургентовъ Сильвейры, онъ заградилъ намъ выходъ въ долину Тамеги; потомъ направилъ на нашу лѣвую сторону, къ Ламего и Виллареалю, Бересфорда съ сильнымъ отрядомъ, чтобы также отрѣзать намъ доступъ въ долину Дуэро. Въ тоже время самъ онъ съ главными силами долженъ былъ напасть на насъ съ фронта, — слѣдуя отъ Коимбры на Опорто кратчайшею дорогою. Сультъ, которому такимъ образомъ заграждались оба выхода изъ Трасъ-осъ-Монтеса черезъ тѣ долины, былъ-бы вынужденъ направить свое отступленіе къ сѣверу по самому длинному пути, то есть по дорогѣ на Брагу. Уэллеслей разсчитывалъ гнать его съ такою быстротою къ Минчо, что переправа черезъ эту рѣку стала-бы для французовъ не только затруднительною, но даже невозможною [56]. Во всякомъ случаѣ, Сультъ былъ-бы отброшенъ въ глубь Галиціи и поставленъ въ невозможность подать какую-бы то ни было помощь Виктору, когда Уэллеслей обратится противъ послѣдняго.

Бересфордъ пришелъ 8 мая въ Визе, а черезъ день въ Ламего: мы и не подозрѣвали его прибытія туда. Въ тотъ-же день, 10 мая, небольшой наблюдательный нашъ отрядъ, подъ начальствомъ генерала Франчески, расположенный на лѣвомъ берегу Дуэро, вблизи Альбегарія-Нова, былъ почти окруженъ арміей, предводительствуемой лично Уэллеслеемъ. Еслибы не замедленіе англійской кавалеріи, заблудившейся со своими вожатыми, вслѣдствіе чего отрядъ посланный черезъ озеро Оваръ, для загражденія намъ отступленія, не могъ вступить въ дѣйствіе, то Франчески очутился-бы въ безвыходномъ положеніи. Благодаря своей храбрости и присутствію духа, ему

[56]) Къ Кастлери, 18 мая.

удалось высвободиться и отступить къ Опорто [57]), куда наши войска прибыли въ ночь съ 11 на 12 мая. Маршалъ Сультъ отдалъ приказанія для обезпеченія отступленія арміи по долинѣ Тамеги; но совершенно увѣренный въ крѣпости своей позиціи въ Опорто, онъ вовсе не торопился покинуть этотъ городъ. Со 2 мая, когда еще не помышляли о предстоящей печальной необходимости отступленія, генералъ Луазонъ, по его приказанію, снова занялъ Амарантъ, откуда прогналъ шайки Сильвейры: именно на этотъ городъ Сультъ направлялъ наши отдѣльные отряды, занимавшіе провинцію Опорто, и преимущественно войска Делоржа, перешедшія отъ Лимы на Тамегу. Въ самомъ дѣлѣ, Амарантъ былъ ключемъ въ долину Тамеги. Сохранить этотъ пунктъ, столь необходимый для нашей безопасности, мы могли, только постоянно наблюдая мѣста по теченію Дуэро, отъ Мезамфріо къ Виллареалю и вообще до моря, потому что эта рѣка представляла неодолимую преграду противъ всякаго нападенія съ юга, лишь-бы она была сколько нибудь защищаема. Обезпеченная этимъ естественнымъ прикрытіемъ, наша армія легко бы могла отступить черезъ Шавъ и Браганцу къ Саламанкѣ, и тамъ хотя вынужденная къ дѣйствіямъ оборонительнымъ, она угрожала-бы флангамъ англійской арміи, а въ случаѣ необходимости, сообразуясь съ движеніями Уэллеслея, идти оттуда на помощь Нею въ Галицію, или Виктору въ долину Таго.

Такое предположеніе было конечно лучшимъ изъ всего, что можно было предпринять при жестокой и унизительной необходимости покинуть Португалію. Планъ этотъ былъ-бы вполнѣ осуществимъ при одномъ только условіи: надобно было понимать, что имѣешь дѣло не съ одними инсуррекціонными недисциплинированными толпами, но съ врагомъ столько-же искуснымъ, сколько дѣятельнымъ и предпріимчивымъ. Казалось, что Сультъ, предупрежденный, по

---

[57]) Napier: *History of the Peninsular War.*

дѣлу д'Аржантона, объ опасностяхъ, грозившихъ ему въ собственномъ его лагерѣ, и отступленіемъ Франчески, извѣщенный о походѣ и намѣреніяхъ непріятеля, долженъ бы былъ удвоить бдительность и быстроту. Но вмѣсто немедленнаго выполненія рѣшенія, сообразнаго угрожающимъ обстоятельствамъ, онъ и на 12 мая остался въ Опорто. Единственная мѣра предосторожности, имъ принятая, было приказаніе переправить къ правому берегу Дуэро суда, стоявшія на этой рѣкѣ вблизи Опорто. Онъ на столько былъ увѣренъ въ невозможности переправы непріятеля, что приказалъ не отвѣчать на огонь англійскихъ стрѣлковъ, занимавшихъ противоположный берегъ [58]). И, еще болѣе странное дѣло, предувѣдомленный съ шести часовъ утра относительно внезапнаго нападенія, предпринимаемаго Уэллеслеемъ, онъ едва позаботился провѣрить этотъ фактъ, да и то недостаточно и поверхностно [59]).

Уэллеслей занималъ уже предмѣстье лѣваго берега и размѣстилъ свои войска за незначительною горною возвышенностью де-ла-Сарея, откуда, незамѣтно для насъ, можно было наблюдать наши позиціи и наши движенія. Замѣчая необыкновенную безпечность, съ которою мы охраняли доступы къ правому берегу Дуэро, онъ немедленно рѣшился на попытку наступательной переправы, не смотря на препятствія, казавшіяся намъ неодолимыми, именно: теченіе рѣки въ сто пятьдесятъ туазовъ шириною и присутствіе цѣлой арміи на противоположномъ берегу. Передъ высотой Сареи, по ту сторону Дуэро, находилось недостроенное зданіе, представлявшее однако весьма крѣпкую ограду и называвшееся *Семинаріею*. Онъ выбралъ это мѣсто для высадки своего войска. Съ помощью небольшой лодки, во время скрытой отъ нашего ро-

---

[58]) Показаніе секретаря губернатора Опорто, 13 мая 1809. *Supplementary dispatches of the duke of W.*, часть VI.

[59]) *Mémoires sur les operations militaires en Galice et en Portugal*, par Lenoble. Этотъ свидѣтель тѣмъ менѣе подозрителенъ, что писалъ подъ вліяніемъ Сульта.

зыска, одинъ изъ его офицеровъ доставляетъ ему три судна изъ подведенныхъ французами къ правому берегу. Первое судно перевозитъ двадцать пять человѣкъ, которые смѣло занимаютъ мѣсто посреди нашихъ войскъ, и, не замѣченные нами, овладѣваютъ *Семинаріею*. За ними слѣдуютъ остальныя два судна, также съ десантными войсками. Когда причалило третье судно, одинъ изъ нашихъ караульныхъ поднялъ тревогу: на берегу тотчасъ раздаются крики и выстрѣлы. Но ограда *Семинаріи* уже преобразовалась въ настоящую крѣпость: оттуда насъ обдаютъ смертоносною пальбою. Было десять часовъ утра, время неслыханное, невѣроятное для подобнаго нападенія, еслибы непріятель не разсчитывалъ на французское легкомысліе. Въ то же время, на возвышенности Сареи выставляются артиллерійскія орудія, обстрѣливающія всѣ подходы къ *Семинаріи*. Отрядъ, посланный съ ранняго утра въ Авинтасъ, гдѣ мы не приняли никакихъ предосторожностей, переправляется тамъ черезъ Дуэро, подъ предводительствомъ Муррея и идетъ на помощь защитникамъ импровизированной цитадели. Вскорѣ Шербрукъ, въ свою очередь, переправляется черезъ рѣку, при Вилланов̃ѣ. Напрасно генералы Делабордъ, Фоа, Мерме, одинъ за другимъ, усиливаются отвоевать ограду *Семинаріи* и отогнать англійскія войска, которыя уже проникли въ улицы Опорто; первые два генерала тяжело ранены; солдаты держатся твердо, но не могутъ выбить непріятеля изъ занятыхъ имъ позицій. Французская армія поспѣшно выходитъ изъ Опорто, предоставляя своихъ раненыхъ великодушію Уэллеслея.

Убѣжденный, что Амарантъ находится во власти генерала Лоазона, Сультъ направляетъ свое отступленіе къ этому городу черезъ Бальтаръ и Пенафіель. Приближаясь къ этому мѣсту, въ часъ поутру, маршалъ получилъ извѣстіе столько-же неожиданное, сколько и ужасное: Лоазонъ вышелъ изъ Амаранта и непріятель занялъ городъ съ утра. Отступ-

леніе арміи было заграждено, и Сультъ очутился въ положеніи, точь-въ-точь, напоминавшемъ положеніе Дюпона при Байленѣ. Въ окрестностяхъ Амаранта и до Виллареала были расположены войска Бересфорда и Сильвейры. Эти генералы, одинъ, переправившись черезъ Дуэро, другой, спустившись по долинѣ Тамеги, принудили Лоазона отступить на Гимараенсъ; они преградили намъ доступъ къ Амаранту и дорогу на Шавъ. Еслибы мы начали наступленіе съ цѣлью открыть себѣ проходъ силою, то, конечно, Уэллеслей, болѣе чѣмъ вѣроятно, поспѣлъ бы вовремя придти къ нимъ на помощь; если же, напротивъ, мы стали бы отступать для выхода на дорогу къ Брагѣ, то приходилось возвращаться къ Опорто по пути занятому корпусомъ Муррая, и притомъ проходить подъ огнемъ всей англійской арміи, подставляя ей свой флангъ.

Такимъ образомъ, впереди и позади насъ находился непріятель, опасный и ободренный своими успѣхами; справа Дуэро и Тамеги представляли неодолимыя препятствія; слѣва возвышалась утесистая цѣпь Сіерры-де-ла-Каталина. Въ такой неминуемой опасности, Сультъ, передъ тѣмъ слабый до посредственности, снова выказалъ тѣ качества, которыя возвели его на степень одного изъ лучшихъ генераловъ Наполеона. Извѣщенный разнощикомъ, что отъ Панафіеля существуетъ почти непроходимая тропа, ведущая по крутымъ скатамъ Сіерры-де-Каталина къ Гимараенсу, онъ тотчасъ принимаетъ новое рѣшеніе, не колеблясь жертвуетъ своимъ багажемъ, припасами, артиллеріей, даже казною арміи, потомъ подымается на кручи горъ, идетъ на Гимараенсъ и соединяется тамъ съ дивизіями Лоазона и де Лоржа.

Какъ только онъ туда прибылъ, намъ опять представился выборъ между двумя дорогами: на Брагу — влѣво и черезъ Шавъ на Браганцу — вправо. Но было болѣе чѣмъ вѣроятно, что Уэллеслей предупредитъ насъ въ Брагѣ, а Шавъ давно уже былъ во власти непріятеля. Сультъ, по

этимъ причинамъ, рѣшился идти по дорогѣ промежуточной, но чрезвычайно затруднительной, которая могла вывести насъ къ Орензе черезъ Саламондъ, Рюиваенсъ и Монталегръ. Вслѣдствіе этого, дивизіямъ Лоржа и Лоазона пришлось понести такія же лишенія, какимъ подверглась главная армія: онѣ должны были также истребить свои багажи и припасы, побросать свои пушки. Облегченная такимъ образомъ армія вступила въ ущелья горной страны; насъ сопровождало страшное ненастье, обратившее каждый ручей въ непроходимый потокъ; намъ приходилось постоянно выдерживать кровавыя схватки, то съ мѣстными инсургентами, то съ англійскими авангардами; каждый нашъ переходъ обозначался тѣлами убитыхъ, которыхъ мы оставляли за собою. Два раза наша армія едва не попала въ безвыходное положеніе и почти погибала передъ самыми ничтожными препятствіями. При переходахъ черезъ Кавадо, потомъ Мизереллы, мы были обязаны своимъ спасеніемъ только неосмотрительности инсургентовъ, охранявшихъ мосты; армія перебралась какимъ-то чудомъ неустрашимости и отваги. Два раза, сверхъ всякаго ожиданія, она была выручена героизмомъ маіора Дюлонга. Наконецъ, послѣ неслыханныхъ страданій, она вступила въ Орензе, 18 мая 1809 г., измученная усталостью, въ лохмотьяхъ вмѣсто одежды, безъ обуви, безъ багажа, безъ припасовъ и безъ артиллеріи. Два съ половиною мѣсяца тому назадъ она торжественно проходила черезъ этотъ же городъ на завоеваніе Португаліи. Теперь возвратилась она оттуда побѣжденная, утратившая королевство и шесть тысячъ человѣкъ изъ прежней наличности, оставленныхъ въ больницахъ, павшихъ въ битвахъ или зарѣзанныхъ въ горныхъ ущельяхъ, сторожившимъ ихъ въ засадахъ непріятелемъ.

Уэллеслей достигъ своей цѣли. Если онъ и не въ конецъ истребилъ армію Сульта, на что онъ одно время надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, заставилъ его уйти изъ Португаліи,

отбросивъ французскія войска въ Галицію на дальнее разстояніе отъ той операціонной линіи, которую Сультъ предполагалъ занять противъ фланговъ англійской арміи; наконецъ, онъ привелъ, по его собственному выраженію, этотъ корпусъ войскъ въ такое «искалѣченное состояніе», что, нѣкоторое время, съ нимъ ничего нельзя было предпринять. Если англійскій полководецъ не нанесъ намъ еще сильнѣйшихъ пораженій при нашемъ отступленіи, такъ это, по его вѣрному замѣчанію, въ одномъ изъ его писемъ къ Кастлери, потому что армія, сохранившая свою артиллерію и обозы, не могла слѣдовать по такимъ путямъ, какіе проходили войска, побросавшія свои принадлежности, лишь-бы уйти. Всѣ его дѣйствія, съ открытія этой короткой и блестящей кампаніи, столь для насъ пагубной, были ведены крайне смѣло и притомъ съ неизмѣнной предусмотрительностью. Уже одно завладѣніе городомъ Опорто, гдѣ французская армія, предводительствуемая однимъ изъ способнѣйшихъ учениковъ Бонапарта, была смята и побита въ неприступной позиціи, доказываетъ присутствіе въ Уэллеслеѣ настоящаго военнаго генія. Если эти дѣйствія, столь предусмотрительныя, въ которыхъ ничего не было предоставляемо случайности, эти распоряженія, внушенныя и смѣлостью и разсчетомъ, сопоставимъ съ нашими возгласами, столько разъ повторенными и перепечатанными даже въ сочиненіи такого писателя, какъ Жомини, относительно «*счастія Веллингтона*», то нельзя воздержаться отъ улыбки при чтеніи такихъ наивностей, принятыхъ на вѣру. Къ нашему несчастью, непрерывность и постоянство этого счастія были на столько-же удивительны, на сколько и блестящи, и оно ни разу не измѣнило англійскому полководцу, среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, отъ Вимейро и до Ватерлоо; исторія представляетъ мало примѣровъ подобнаго счастья. Но для того человѣка, который бы слѣдилъ за событіями и близко наблюдалъ за генераломъ еще малоизвѣстнымъ, но уже нанес-

шимъ, на краю Европы, столь отдаленномъ отъ театра, куда было устремлено общее вниманіе, Наполеону два изъ самыхъ тяжкихъ пораженій, когда-либо имъ испытанныхъ; для того, кто могъ бы видѣть его высокія качества въ приложеніи къ дѣлу, его соображенія, столь вѣрныя, несокрушимую и разсудительную волю, нравственную его власть надъ собою и надъ другими, его презрѣніе ко всякому шарлатанству, его отвращеніе къ предпріятіямъ гадательнымъ, хотя-бы и выгоднымъ для собственной его личности, его стратегію, отчасти методическую и выжидательную, но приспособленную къ ограниченности предоставленныхъ ему средствъ и возведенную его оборонительной системой до степени страшнаго искусства, его умѣнье вступать только въ такія сраженія, успѣшность которыхъ онъ заранѣе себѣ обезпечилъ, его заботливость о своихъ сподвижникахъ и строгую честность въ отношеніи къ противникамъ,—для такого человѣка, говорю я, обманывать себя было бы невозможно: противъ насъ появился непріятель грозный, и Англія, еще оплакивавшая Нельсона и Питта, опять нашла человѣка.

ГЛАВА III.

Талаверская кампанія.—Вальхеренская экспедиція. (Май—сентябрь 1809).

Въ то время, какъ Уэллеслей во второй разъ отнялъ у насъ Португалію, а Сультъ заканчивалъ свою не очень славную кампанію, въ которой выказалъ большую подвижность и недостаточную стойкость, всѣ остальныя наши военныя дѣйствія на полуостровѣ пріостановились, вслѣдствіе выжидательной системы, которой Наполеонъ, по своему плану, подчинилъ прочія наши арміи. По этому плану, только тогда, когда Сультъ двинется отъ Опорто на Лисабонъ, маршалъ Викторъ и генералъ Лаписсъ должны были слѣдовать къ границамъ Португаліи, чтобъ оттуда вторгнуться въ Андалузію. А такъ-какъ по недостаткамъ, присущимъ операціямъ, разрозненнымъ и лишеннымъ взаимной поддержки, и также вслѣдствіе ограниченности предоставленнаго главному штабу короля Іосифа права на военныя распоряженія, основное условіе Наполеонова плана не было выполнено, а поправить этого упущенія не было возможности, то и всѣ остальныя наши дѣйствія оказывались несвоевременными. Наши сообщенія были повсюду прерваны, что заранѣе можно было предвидѣть по соображенію обширности и пересѣченности страны, упорно отстаиваемой испан-

цами. Въ Мадридѣ ничего не знали о положеніи Сульта, ничего не знали о высадкѣ Уэллеслея, объ его походѣ на Опорто; только 14 іюня 1809 года пришла вѣсть о нашемъ отступленіи отъ этого города, послѣдовавшемъ 12 мая. Несмотря на такую неопредѣленность положенія, маршалъ Журданъ, завѣдывавшій, при королѣ Іосифѣ, военными операціями, благовременно распорядился условленными передвиженіями. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля, Викторъ, послѣ своей побѣды надъ Куэстой, при Меделлинѣ, перешелъ на позиціи къ Меридѣ. Лаписсъ двинулся отъ Саламанки къ Ціудадъ-Родруго. Онъ нашелъ этотъ укрѣпленный городъ занятымъ непріятелемъ, и, не имѣя средствъ къ осадѣ, воротился на соединеніе съ Викторомъ въ Меридѣ. Тамъ оба они стали ожидать извѣстій о походѣ Сульта на Лиссабонъ.

Наполеонъ, въ своихъ инструкціяхъ, никогда не допускалъ возможности неуспѣха въ выполненіи даннаго имъ приказанія. Поэтому онъ и не могъ предвидѣть, чтобы Сультъ вынужденъ былъ остановиться въ Опорто; а развѣ имѣли право предвидѣть подобное обстоятельство въ Мадридѣ и, соотвѣтственно тому, измѣнять планы императора? Наполеонъ не только бы этого не потерпѣлъ, но даже принялъ предосторожности, чтобы мадридскій дворъ не могъ дозволить себѣ такого присвоенія императорской прерогативы. Корпусные начальники войскъ переписывались непосредственно съ военнымъ министромъ Кларкомъ, а благоразумныя наставленія маршала Журдана принимались ими только какъ условная формальность. Вслѣдствіе возраставшихъ въ Мадридѣ опасеній относительно Сульта, Журданъ послалъ Виктору положительное приказаніе идти къ границѣ Португаліи, чтобы произвести диверсію въ его пользу и разузнать о его положеніи [60]) Викторъ предпочелъ буквально

---

[60]) Донесеніе Журдана военному министру, отъ 26 іюня 1809.

держаться инструкцій Наполеона, въ которыхъ ничего подобнаго ему не предписывалось. Онъ оставался въ бездѣйствіи до 25 апрѣля, въ Меридѣ; потомъ, по собственному усмотрѣнію, отступилъ къ Торремохѣ.

Въ оправданіе своего передвиженія онъ ссылался на усиленіе арміи Куэсты, на присутствіе португальскихъ ополченій въ Алькантарѣ, на инсуррекціонныя сборища мѣстныхъ жителей въ тылу его арміи, наконецъ, на необходимость размѣстить свои войска въ странѣ болѣе обезпечивающей ихъ продовольствіе [61]). Маршалъ Журданъ, преимущественно убѣжденный въ необходимости охранить большую дорогу по долинѣ рѣки Таго, ближайшій путь къ Мадриду и необходимѣйшую линію нашихъ сообщеній какъ съ Сультомъ, такъ съ Мортье и Неемъ, приказалъ тогда Виктору утвердиться въ Алькантарѣ, гдѣ существовалъ мостъ, крайне для насъ необходимый. Викторъ опять его не послушался: казалось, онъ исключительно занялся своей экспедиціей въ Андалузію, тогда-какъ этотъ проектъ, по тогдашнему времени, былъ уже не осуществимъ; но маршалъ увлекался призракомъ блестящей будущности и возможностью разыгрывать роль независимаго главнокомандующаго. Вслѣдствіе этого, португальцамъ осталось достаточно времени на взорваніе алькантарскаго моста, и Викторъ, не смѣя дать битвы вновь образовавшейся въ его глазахъ арміи Куэсты, вынужденъ былъ къ жалкому отступленію на Талаверу [62]).

Послѣдствіемъ недостаточнаго единства и соотвѣственности въ дѣйствіяхъ оказались повсюду одинокія несчастія, хотя, по справедливости, въ нихъ нельзя было обвинять

---

[61]) Письмо Виктора къ маршалу Журдану, 25 апрѣля 1809. *Correspondance du roi Joseph*.

[62]) Вышеприведенное донесеніе Журдана. — Викторъ къ Журдану 29 мая 1809; къ королю Іосифу, 8 іюня 1809. — Журданъ къ Виктору 1 іюня.

тѣ лица, которыя казались виноватыми. Каждый корпусный начальникъ повиновался только Наполеону, то есть, дѣйствовалъ за отдаленностью почти независимо, и естественно гораздо болѣе заботился объ обезпеченіи собственнаго положенія, нежели о затруднительныхъ обстоятельствахъ другихъ своихъ товарищей. Эгоистическая поговорка: „каждый для себя" стала главнымъ правиломъ при веденіи такой войны, которая, напротивъ, преимущественно требовала самопожертвованія и самоотреченія. Въ то время, когда Сультъ болѣе всего нуждался въ сильной военной демонстраціи на границѣ Португаліи, Ней, которому ничего не сообщалось о движеніяхъ этого маршала, готовилъ, по соглашенію съ Келлерманомъ, большую экспедицію въ Астурію и направлялся на сѣверъ Галиціи, тогда какъ его присутствіе могло быть столь полезнымъ на югѣ.

Ней выступилъ изъ Луго 13 мая, на другой день послѣ ухода Сульта изъ Опорто. Маркизъ де-ла-Романа, который бросился было въ Астурію, не былъ въ силахъ защитить этой провинціи противъ такого противника какъ Ней: онъ старался только отъ него ускользнуть, избѣгая общаго сраженія. Когда-же Ней, отнявъ у него открытою силою Овіедо, сталъ маневрировать такъ, чтобъ загнать его къ морю и принудить тамъ къ сдачѣ, то пришелъ къ Гижону только для того, чтобъ увидѣть какъ Романа отплывалъ отъ берега на англійскомъ кораблѣ. Искусный партизанскій предводитель заблаговременно и мало-по-малу распустилъ свои войска, и они пробрались, помимо нашихъ, на западъ. Нѣсколько дней спустя, Романа высадился въ Галиціи на соединеніе съ ними, и въ то время какъ мы расхаживали по Астуріи, отыскивая тамъ неуловимаго непріятеля, его шайки уже осаждали Луго, такъ недавно покинутый Неемъ и Келлерманомъ [63]).

Итакъ Галиція была какъ-бы оставлена нами и на по-

---

[63]) Донесеніе Нея Іосифу, 21 мая 1809. Napier, Jomini.

ловину подпала власти непріятеля, когда Сультъ опять появился въ этой провинціи со своими истомленными войсками. Онъ безъ особыхъ затрудненій вошелъ въ Луго, куда подоспѣлъ къ нему и Ней 30-го мая. Этотъ маршалъ поспѣшилъ отдать въ распоряженіе Сульта всѣ средства, имѣвшіяся въ арсеналахъ Ферроля и Короньи. Благодаря такому пособію, второй корпусъ, сверхъ ожиданія, пополнилъ свои матеріальныя утраты, вскорѣ поотдохнулъ и пришелъ въ порядокъ. Но разсказы солдатъ раскрыли въ подробности всѣ печальныя приключенія кратковременнаго царствованія въ Опорто и отступленія изъ Португаліи: нравственное вліяніе было крайне неблагопріятно.

Въ продолженіе этого мая мѣсяца, столь важнаго и рѣшительнаго, Наполеонъ, всецѣло поглощенный дѣлами въ Германіи, конечно стоившими того, чтобъ онъ ими занялся, такъ какъ онъ только-что потерпѣлъ неудачу при Эсслингѣ, не отдалъ ни одного приказанія относительно Испаніи, кромѣ развѣ распоряженій о присылкѣ оттуда войскъ и офицеровъ, нужныхъ ему на Дунаѣ. Только 3-го іюня начинаетъ высказываться его озабоченность, по полученіи извѣстія о томъ, что англичане аттаковали Сульта, а съ 11-го онъ принимается внимательно обсуживать положеніе дѣлъ въ Испаніи.

Онъ немедленно открываетъ сдѣланныя ошибки, но вмѣсто того, чтобъ отнести ихъ къ собственной своей системѣ, обращаетъ отвѣтственность на тѣ лица, которыя только исполняли его-же приказанія. Ошибочно допустили англичанамъ утвердиться въ Лиссабонѣ, ошибочно не открыли сообщеній съ Сультомъ, а также съ Неемъ, ошибочно не истребили Куэсты, ошибочно не вытѣснили инсургентовъ изъ Сіерра-Морены за Каролину, ошибочно распространили дѣйствія по всѣмъ пунктамъ окружности, — какъ будто не самъ онъ раскидалъ наши арміи во всѣ концы полуострова, въ Каталонію, въ Арагонію, въ Галицію, въ Португалію, и притомъ лишилъ ихъ центральнаго управленія! Преимущественно

на маршала Журдана возлагалъ онъ отвѣтственность за всѣ эти ошибки, произвольно забывая, что самъ поставилъ его въ невозможность дѣлать нужныя распоряженія, что запретилъ своимъ генераламъ ему повиноваться, что именно этотъ маршалъ выполнилъ все ему возможное, какъ для предупрежденія случившихся несчастій, такъ и для поправленія сдѣланныхъ ошибокъ: Виктору онъ предлагалъ маневрировать на Лиссабонъ, потомъ предписывалъ ему аттаковать Куэсту, а Мортье перейти изъ Логроно въ Валладолидъ. Наконецъ, какую-же мѣру придумываетъ Наполеонъ, чтобъ вывести насъ въ Испаніи изъ положенія затруднительнаго и становившагося опаснымъ. Онъ полагаетъ соединить три корпуса Нея, Сульта и Мортье въ одну армію, поставивъ ей въ обязанность прежде всего идти на англичанъ и отбросить ихъ въ море; мѣра совершенно разумная, хотя поздняя, но которую онъ тогда-же извращаетъ. Вмѣсто того, чтобъ довѣрить начальство надъ этой арміей разсудительному Журдану, генералу скромному и опытному, власть котораго была-бы охотно признана всѣми, онъ подчиняетъ эту армію Сульту, ставшему самымъ непопулярнымъ изъ всѣхъ маршаловъ; Сульту, потерявшему общее уваженіе вслѣдствіе своего пораженія и интригъ въ Португаліи, Сульту дозволившему себѣ наконецъ такія дѣйствія относительно Нея, которыхъ человѣкъ уважающій себя не прощаетъ никогда. Это значило однимъ разомъ обезсилить болѣе прежняго мадридское центральное управленіе, создавая на ряду съ нимъ власть равную, если не высшую, и заранѣе ослаблять всѣ пружины новой наступательной силы, которую признавалось необходимымъ противопоставить Уэллеслею [64]).

Сультъ находился въ Заморѣ, въ королевствѣ Леонъ, когда императорскій приказъ былъ полученъ въ Испаніи. Между этимъ маршаломъ и его сотоварищемъ, Неемъ, воз-

---

[64]) Наполеонъ къ Кларку, 3, 11 и 12 іюня 1809.

никло сильное неудовольствіе, дошедшее до открытой вражды въ то самое время, когда послѣдній становился въ подчиненныя отношенія къ Сульту. Передъ тѣмъ какъ они разстались въ Луго, когда уже второй корпусъ вновь устроился и пополнилъ свои потери, благодаря попечительной готовности Нея, оба маршала положили, по обоюдно составленному плану, произвести экспедицію съ цѣлью уничтожить шайки де-ла-Романа, а также береговыя стоянки и склады англичанъ въ Виго.

Съ выполненіемъ этого предпріятія наше шаткое положеніе въ Галиціи снова утвердилось бы, и Сультъ могъ-бы снова начать свой походъ къ португальскимъ границамъ съ тѣмъ, чтобъ расположиться на флангѣ арміи Уэллеслея для наблюденія и слѣдованія за нимъ. Сообразно съ этими условіями, изложенными для большей вѣрности письменно, Ней направился къ Виго по приморскому берегу Галиціи, а Сультъ спустился вдоль Миньо до Монфорте, откуда изгналъ Роману. Но вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать испанскаго предводителя по дорогѣ на Орензе и докончить его пораженіе, поставивъ инсургентовъ между двухъ огней, Сультъ остановился въ бездѣйствіи въ Монфорте. Потомъ онъ направилъ свой авангардъ совершенно въ другую сторону къ долинѣ Силя, Бибея и по дорогѣ въ Замору. Въ оправдательномъ письмѣ, перехваченномъ англичанами [65]), этотъ маршалъ доказывалъ, что онъ выполнилъ свое дѣло, и что на Орензе слѣдовало идти его сотоварищу для истребленія тамъ Романы. Но если Сультъ могъ, при незначительныхъ пожертвованіяхъ, достигнуть такого важнаго результата, то, спрашивается, имѣлъ ли онъ право предоставлять это дѣло другому генералу, силы котораго могли быть недостаточными для выполненія этой задачи? Ней съ

[65]) Это письмо Сульта, отъ 25 іюня 1809, напечатано въ VI томѣ *Supplementary Dispatches* of Wellington.

своей стороны нашелъ заведенія англичанъ въ Виго гораздо сильнѣе защищенными нежели можно было ожидать, и не рѣшился повести аттаки, не заручившись навѣрное содѣйствіемъ маршала. Онъ ограничился тѣмъ, что оттѣснилъ англо-португальскіе аванпосты до Санъ-Пайо, гдѣ встрѣтилъ энергическое сопротивленіе, и тамъ же узналъ о появленіи шаекъ де-ла-Романы на своемъ лѣвомъ флангѣ. Угрожаемый двойною аттакою превосходными силами, онъ написалъ объ этомъ Сульту и не получилъ отъ него никакого отвѣта, а потомъ узналъ, что движеніе втораго корпуса къ Заморѣ продолжается все далѣе и далѣе. Тогда онъ, съ сердцемъ полнымъ гнѣва, предпринялъ отступленіе на Санъ-Яго-де-Компостела, громко обвиняя своего сотоварища въ томъ, что тотъ преднамѣренно и предательски хотѣлъ устроить на него западню.

Обманутое ожиданіе привело маршала Нея къ рѣшенію болѣе важному. Съ тѣхъ поръ какъ имъ была занята Галиція, онъ долженъ былъ постоянно сражаться, и численность его войскъ значительно уменьшилась. Онъ могъ вывести на бой всего не болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Для успѣшной борьбы противъ двухъ армій, встрѣченныхъ имъ въ окрестностяхъ Виго, этого было слишкомъ недостаточно, въ особенности предвидя вѣроятность и возможность ихъ усиленія; при томъ онъ зналъ, что подкрѣпленій своимъ войскамъ ожидать ему не откуда. Но это еще не все. Нею также было извѣстно, что армія Уэллеслея готовилась къ переходу за границу Португаліи. Что будетъ, если этотъ генералъ вздумаетъ возобновить кампанію Мура и отмстить за его гибель взятіемъ въ плѣнъ французской арміи, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ недавно видѣли бѣгство британскаго войска? Въ такомъ случаѣ, судьба Нея опредѣлялась заранѣе: тѣснимый одновременно войсками Уэллеслея, ла Романы и Норуны, который начальствовалъ въ Виго, онъ не могъ бы отъ нихъ спастись: напротивъ, его присутствіе было бы

полезно на другихъ пунктахъ полуострова, гдѣ наше положеніе становилось сомнительнымъ. По этимъ соображеніямъ Ней рѣшился оставить Галицію, а разъ принявъ такое рѣшеніе, онъ осуществилъ его немедленно: взялъ съ собою своихъ раненыхъ, больныхъ, всю свою артиллерію, и въ первыхъ числахъ іюля былъ уже въ Асторгѣ.

Итакъ, когда приказъ Наполеона, по которому въ рукахъ Сульта сосредоточивалось командованіе надъ тремя корпусами арміи, пришелъ въ Испанію, этотъ маршалъ былъ въ Заморѣ, Мортье въ Валладолидѣ, а въ Асторгѣ Ней, болѣе готовый послать вызовъ своему бывшему товарищу, нежели служить подъ его начальствомъ. Наши остальныя военныя позиціи въ центрѣ полуострова были чисто оборонительныя. Викторъ, имѣя передъ собой армію Куэсты, отступилъ до Талаверы, наблюдая за долиной Таго и охраняя дорогу къ Мадриду. Себастіани занималъ ла Манчу; онъ отбрасывалъ въ ущелья Сіерра-Морены, какъ только они оттуда показывались, войска арміи, настоящая сила которой была неизвѣстна, и которою предводительствовалъ Венегасъ. Что же касается Сенъ-Сира и Сюше, державшихся одинъ въ Каталоніи, другой въ Арагонѣ, но не успѣвшихъ вполнѣ покорить этихъ провинцій, то они не могли оказывать никакого вліянія на операціи, отъ нихъ отдаленныя. Все, чего можно было ожидать отъ ихъ содѣйствія, состояло въ томъ, чтобъ они сохранили свои позиціи противъ инсуррекціи, постоянно поражаемой, но никогда не унывающей.

Первымъ послѣдствіемъ сосредоточенія власти надъ войскомъ въ рукахъ Сульта было ослабленіе настоящаго центра сопротивленія, который находился на Таго и въ районѣ, окружающемъ Мадридъ. Послѣ очищенія Португаліи и отступленія Сульта въ Галицію, Журданъ очень вѣрно предусматривалъ, что Уэллеслей обратится противъ Виктора, который тѣмъ менѣе былъ въ состояніи ему противиться, что не

могъ одолѣть бывшей передъ нимъ отдѣльной арміи Куэсты. Онъ понималъ, что обѣ арміи Уэллеслея и Куэсты непремѣнно пойдутъ противъ столицы, кромѣ того угрожаемой арміей Венегаса. Еслибы такое опасеніе осуществилось, то Іосифъ, обезпечиваемый только корпусами Виктора и Себастіани и войскомъ, составлявшимъ его гвардію, былъ-бы не въ состояніи выдержать этой тройной аттаки.

Журданъ тогда усиленными настояніями убѣдилъ маршала Мортье занять позицію у подошвы Гвадаррамы, въ Виллакастинѣ, откуда, если бы того потребовали обстоятельства, онъ могъ-бы поспѣть на помощь къ королю Іосифу, не слишкомъ удаляясь между тѣмъ отъ главной квартиры Сульта въ Заморѣ. Но Сультъ, уже имѣвшій собственный планъ для себя и желавшій установить только-что доставшуюся ему власть, отозвалъ Мортье изъ Виллакастина къ Валладолиду, нисколько не обращая вниманія на вопли короля Іосифа объ опасности. Не довольствуясь начальствомъ, столь неблаговременно порученнымъ ему императоромъ, этотъ маршалъ намѣревался привлечь къ себѣ и всѣ остальныя наши военныя силы въ Испаніи.

Весьма недостаточно ознакомленный съ предположеніями Уэллеслея, онъ задумывалъ второй походъ въ Португалію, который должно было начать осадой Ціудадъ-Родриго и Алмейды, двухъ укрѣпленныхъ мѣстъ, очень пригодныхъ для продолжительной обороны. Приступая къ выполненію этого плана, нужно было прежде всего образовать два наблюдательные корпуса, взявъ туда людей изъ войскъ, стоявшихъ въ Арагонѣ, Каталоніи и ла-Манчѣ, тогда какъ изъ этихъ провинцій невозможно было тронуть ни одного полка, не подвергая остальныхъ большой опасности; нужны были также запасы провіанта, вооруженія, денегъ, несравненно превышавшія средства, бывшія въ распоряженіи короля Іосифа [66]). Письмо, въ которомъ Сультъ излагалъ свои виды,

[66]) Сультъ королю Іосифу, 13 іюля 1809.

было помѣчено 13-мъ іюля 1809. Этого-же числа Уэллесли двигался къ Мадриду долиною Таго. Онъ былъ въ Пласенціи, куда Сультъ предлагалъ королю поставить туда одинъ изъ двухъ предполагаемыхъ наблюдательныхъ корпусовъ.

По свойству и цѣли своей операціи, также какъ и по собственному разсчету, англійскій главнокомандующій долженъ-бы былъ прибыть въ Пласенцію гораздо раньше. Его задержали разныя обстоятельства, независѣвшія отъ его воли: недостатокъ денегъ, въ чемъ было виновато англійское министерство, не способное ни понимать, ни подерживать его важныхъ предпріятій; потеря времени въ ожиданіи разрѣшенія на распространеніе дѣйствій арміи въ Испанію за провинціи, смежныя съ португальскою границею; наконецъ необходимость согласовать свои предпріятія, то съ дѣйствіями генерала Куэсты, то съ рѣшеніями центральной испанской юнты. Куэста, предводитель болѣе чѣмъ посредственный, характера неуживчиваго, навязывалъ побѣдителю при Опорто свои планы, имъ-же самимъ безпрестанно измѣняемые, и которые часто отличались нелѣпостью. Уэллеслей, не имѣя возможности обходиться безъ этого своенравнаго союзника, выслушивалъ его съ удивительнымъ терпѣніемъ, стараясь,— часто безуспѣшно, привести его къ болѣе выполнимымъ предположеніямъ: „Моя корреспонденція съ Куэстой, писалъ онъ по этому поводу, самая любопытная, и, по крайней мѣрѣ, доказываетъ, что этотъ генералъ на столько упрямый джентльменъ, на сколько этого можно желать въ начальникѣ войскъ. Онъ отказывается отъ перемѣны своихъ позицій, хотя бы то было нужно для обезпеченія успѣховъ его арміи, и это подъ тѣмъ предлогомъ, что такая перемѣна была бы унизительна для его чести, а между тѣмъ такое передвиженіе имѣло бы слѣдствіемъ уничтоженіе арміи Виктора [67]).

Уэллеслей принужденъ былъ уступить непреодолимому

---

[67]) *Well. Dispatches.* Кастлери, 17 іюня 1809.

упорству испанца и слѣдовать его планамъ, слегка измѣненнымъ, когда отступленіе Виктора на Талаверу избавило его отъ непріятности приводить ихъ въ исполненіе [68]).

Это отступленіе, въ самомъ дѣлѣ, упрощало относительное положеніе обѣихъ союзныхъ армій, которымъ оставалось только подняться вмѣстѣ по долинѣ Таго до встрѣчи съ нашими войсками. Уэллеслей имѣлъ свиданіе съ Куэстой въ Пуэрто де Мирабете. Было рѣшено идти вмѣстѣ противъ арміи Виктора, а Венегасъ тогда-же долженъ былъ дебушировать изъ Сіерры-Морены и угрожать Мадриду отъ Фуэнте-Дуэнасъ. Уэллеслей не зналъ о сосредоточеніи трехъ корпусовъ арміи подъ начальствомъ Сульта; онъ полагалъ, что Ней еще находится въ Галиціи, и не подозрѣвалъ, что въ окрестностяхъ Саламанки собрано около сорока тысячъ войска. Во всякомъ случаѣ, онъ сознаъ необходимость охранить проходы въ цѣпи горъ, отдѣляющей Старую Кастилію отъ долины Таго; съ этою цѣлью онъ привелъ Бересфорда съ корпусомъ англо-португальцевъ въ Ціудадъ Родриго и герцога дель Парка въ Альмейду. Два очень важныя ущелья, именно проходы Баносъ и Пералесъ оставались открытыми на его лѣвомъ флангѣ: охраненіе этихъ ущелій онъ поручилъ Куэстѣ, который едва согласился послать туда нѣсколько отрядовъ. Какъ только это было исполнено, англо-испанская армія пошла противъ Виктора, съ цѣлью его настигнуть и разбить до прибытія подкрѣпленій, которыя долженъ былъ къ нему привести король Іосифъ. Уэллесли имѣлъ съ собою двадцать двѣ тысячи англичанъ [69]). Куэста предводительствовалъ тридцатью восемью тысячами испанцевъ; войска эти были храбры, но неспособны маневрировать на полѣ битвы. Всего было до шестидесяти тысячъ человѣкъ, одна треть

---

[68]) *Ibid.* полковнику Бурку, 9 іюня; Куэстѣ, 10 іюня; Кастлери, 17 іюня.

[69]) По спискамъ у англичанъ было 20,997 человѣкъ, не считая офицеровъ; въ дѣйствительности на лицо было всего 22,000.

которыхъ была дѣйствительно страшна; но въ соединеніи съ тридцатью тысячами инсургентовъ Венегаса, чего можно было опасаться, они составили бы въ срединѣ полуострова дѣйствительно грозную силу.

Однакожь, какъ ни былъ Уэллеслей предусмотрителенъ и терпѣливъ, онъ все-же не имѣлъ понятія о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя ему предстояли въ союзѣ его съ испанцами. Едва онъ началъ свое движеніе, какъ страшный недостатокъ въ продовольствіи далъ себя почувствовать войскамъ. Испанское правительство не снабжало его ни провіантомъ, ни припасами, ни перевозочными средствами, какъ то было условлено, а страна, уже прежде истощенная, не представляла никакихъ запасовъ. Взамѣнъ продовольствія ему давали много наилучшихъ обѣщаній, и онъ согласился продолжать свой походъ. 20-го іюля онъ былъ въ Оропезѣ; 23-го, онъ настигъ французовъ на Альберчѣ, одномъ изъ притоковъ Таго. У Виктора былъ одинъ только его корпусъ, справа его обходили гверильясы Уильсона, выдвинувшіеся до Аренаса: представлялся самый удобный случай разбить маршала. Но вдругъ новая неожиданность остановила Уэллеслея: никакія настоянія не могли заставить Куэсту вступить въ битву, и Викторъ имѣлъ возможность въ ночное время отступить и высвободить свои войска изъ опаснаго положенія. Не успѣлъ онъ уйти, какъ Куэста пустился за нимъ въ погоню, не зная навѣрное по какому направленію тотъ отступалъ. Безкормица въ англійскихъ войскахъ не только не уменьшалась, а все увеличивалась. Оскорбленный, доведенный до крайности столькими недочетами, Уэллеслей объявилъ, что дальше не пойдетъ, и предоставилъ своему причудливому союзнику свободу дѣйствовать по собственному его усмотрѣнію.

Къ своему счастью, Куэста не могъ пройти очень далеко, потому что Іосифъ наконецъ присоединился къ Виктору близъ Толедо. Король привелъ всѣ силы, какія онъ только могъ въ скорости собрать, то есть, свою гвардію, часть мадридскаго

гарнизона и корпусъ генерала Себастіани. Въ соединенномъ составѣ армія имѣла отъ сорока пяти до пятидесяти тысячъ наличныхъ людей. Этого было достаточно, для того, чтобы противустать англо-испанской арміи и отстаивать дорогу на Мадридъ, но не достаточно для увѣренности въ побѣдѣ, а такую увѣренность каждый генералъ обязанъ себѣ обезпечить, если въ его распоряженіи есть на то средства. Неоспоримо, Іосифъ имѣлъ такія средства. Еслибы онъ привелъ только одинъ изъ корпусовъ Сульта въ Мадридъ, то имѣлъ-бы надъ Уэллеслеемъ рѣшительный перевѣсъ; еслибы привелъ два корпуса, то былъ-бы непобѣдимъ. Таковы были, очевидно, предположенія Журдана, когда онъ призвалъ Мортье въ Виллакастинъ, но Сультъ, перемѣстивъ его къ Саламанкѣ, измѣнилъ этотъ разумный планъ. Вслѣдствіе того, вмѣсто передвиженія арміи Сульта къ Мадриду, черезъ Авилу, съ тѣмъ, чтобы немедленно идти на непріятеля съ большими силами, нежели сколько было нужно для его уничтоженія, рѣшились принять другой планъ, можетъ быть болѣе привлекательный, но гораздо менѣе вѣрный: положили направить Сульта съ тремя его корпусами въ тылъ англо-испанской арміи на Пласенцію, а въ тоже время Іосифу аттаковать ее съ фронта. Этотъ планъ представлялъ довольно много вѣроятностей на успѣхъ, при условіи положительной одновременности обѣихъ аттакъ. Но это было весьма трудно исполнимое условіе, и даже въ случаѣ нашей удачи, Уэллеслей легко-бы могъ отступить за рѣку Таго, какъ это и замѣтилъ Наполеонъ въ своемъ превосходномъ разборѣ дѣйствій подъ Талаверой.

Какъ-бы то ни было, Сультъ предрѣшилъ вопросъ даннымъ имъ корпусу Мортье направленіемъ, а Журданъ, чтобъ устранить неумѣстныя въ то время пререканія, счелъ себя обязаннымъ принять предположенія этого маршала, и послалъ ему приказъ *какъ можно скорѣе перейти отъ Саламанки въ Пласенцію*. Это приказаніе, написанное 22 іюля,

было передано Сульту въ Саламанкѣ 24-го числа генераломъ Фоа [70]). Отъ Саламанки до Пласенціи четыре перехода: полагая на это передвиженіе отъ пяти до шести дней, можно было разсчитывать на его прибытіе, вмѣстѣ съ Мортье, въ Пласенцію къ 30-му іюля. Что касается Нея, стоявшаго еще въ Асторгѣ, онъ пришелъ-бы нѣсколькими днями позже; но сорока-тысячнаго войска было-бы пока достаточно для пресѣченія наступательнаго движенія Уэллеслея, и даже для принужденія его къ отступленію передъ арміей Іосифа. Поэтому Іосифу отнюдь не слѣдовало аттаковывать союзныхъ англо-испанскихъ войскъ до прихода Сульта къ Пласенціи, такъ какъ наибольшій нашъ успѣхъ зависѣлъ отъ одновременности обоихъ наступленій.

Но Іосифъ былъ черезъ мѣру озабоченъ сохраненіемъ своей столицы. Мадридъ оставался безъ него подъ впечатлѣніемъ невыразимаго страха. Всѣ тамъ жившіе французы, наши чиновники, лица, принявшія нашу сторону, укрылись со своими семействами и съ тѣмъ, что у нихъ было подороже, въ Ретиро, преобразованный въ крѣпость и защищаемый четырьмя тысячами солдатъ, укрѣпившихся тамъ подъ начальствомъ генерала Беліара. Еслибы Іосифъ направился къ Гвадаррамѣ, куда велъ его ближайшій путь отступленія, и еслибы Венегасъ, вышедшій изъ Сіерра-Морены, подошелъ къ беззащитной столицѣ, все было бы покончено съ ея слабымъ гарнизономъ, также какъ и съ семействами, которыя

---

[70]) Долго разсуждали о томъ: на кого должна пасть отвѣтственность за это распоряженіе; одни обвиняли въ томъ Журдана, другіе Сульта. Переписка этихъ двухъ генераловъ, намъ кажется, разрѣшаетъ вопросъ: „*Изъ вашихъ писемъ*, говоритъ Журданъ, въ той самой бумагѣ отъ 22 іюля, которою разрѣшалось передвиженіе, и изъ того, что генералъ Фоа доложилъ королю, оказывается, что вы предвидѣли необходимость этого движенія, и *что вы къ тому приготовились, соединивъ ваши три корпуса у Саламанки;* за симъ остается только это исполнить.“ Окончательно-же отвѣтственность должно перенести на того, кто далъ Сульту право независимаго командованія, то есть, на Наполеона.

онъ защищалъ противъ мести городскаго населенія. Къ этимъ гуманнымъ разсужденіямъ присоединялись и не менѣе важныя политическія соображенія. Іосифъ не забылъ ни нравственнаго потрясенія, произведеннаго удаленіемъ изъ Мадрида послѣ байленской капитуляціи, ни жестокихъ упрековъ, полученныхъ по этому поводу отъ императора. Онъ очевидно былъ подъ вліяніемъ подобныхъ опасеній, до нѣкоторой степени основательныхъ, но во всякомъ случаѣ непригодныхъ на войнѣ, когда приходилось отражать англо-испанскую армію.

Куэста, вопреки благоразумному предостереженію Уэллеслея, упорно продолжалъ преслѣдованіе Виктора, и его авангардъ 25-го іюля наткнулся на наши аванпосты, между Алькабономъ и Торрихосомъ. Въ нѣсколько мгновеній, этотъ авангардъ былъ обращенъ въ бѣгство кавалеріей Латуръ-Мобура и Мерлина. Это начало намъ польстило, и наша армія, вмѣсто того, чтобъ остановиться въ оборонительномъ положеніи, что было-бы всего благоразумнѣе, пошла опять къ Альберчѣ въ слѣдъ за испанцами. Они потянулись къ Талаверѣ, поддерживаемые при своемъ отступленіи англійскими отрядами, весьма кстати высланными къ нимъ Уэллеслеемъ. 27-го іюля Куэста переправился черезъ Альберчу, живо преслѣдуемый по пятамъ нашими войсками. Онъ наконецъ безпрекословно согласился занять назначенное ему мѣсто на позиціи, выбранной Уэллеслеемъ для вступленія съ нами въ битву.

Наша армія появилась передъ Талаверой къ концу дня 27-го іюля. Она нашла тамъ союзныя войска, расположенныя по перпендикулярной линіи отъ Таго къ цѣпи горъ, окоймляющихъ рѣку. Такимъ образомъ, непріятельская позиція захватывала правый берегъ рѣки и совершенно преграждала намъ дальнѣйшій путь. Отъ города къ цѣпи горъ возвышался рядъ холмовъ, трудно доступныхъ и оканчивающихся наиболѣе крутою высотою. Эта возвышен ность, отдѣленная

отъ горъ небольшой лощиной, была опорнымъ пунктомъ лѣваго крыла англо-испанской арміи, правое крыло которой простиралось до Талаверы и Таго: возвышенность представляла ключъ ко всей позиціи. На этихъ холмахъ, мало доступныхъ, но открытыхъ и подверженныхъ артиллерійскому огню, Уэллеслей расположилъ англійскія войска подъ начальствомъ своихъ подчиненныхъ генераловъ Гилля, Маккензи, Шербрука и Кампбелля. Въ самой Талаверѣ за рвами, строеніями, земляными насыпями, оливковыми садами, укрѣпилась испанская армія въ позиціи очень пригодной для поддержки ея недостаточной стойкости и опытности: при сколько нибудь дѣльной защитѣ позиція эта была неодолима. На сколько Уэллеслей выказалъ смѣлости и предпріимчивости въ кратковременной португальской кампаніи, гдѣ онъ начальствовалъ надъ своими британскими войсками, на столько онъ сталъ осторожненъ и опасливъ, съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ на дѣлѣ эту союзную армію Куэсты, безпричинно переходящую отъ заносчивости къ робости, и какъ обыкновенно бываетъ съ инсуррекціонными ополченіями, положительно неспособную выполнить какой-бы то ни было маневръ на полѣ битвы. Рѣшившись сражаться не иначе какъ навѣрняка, онъ ограничился неизмѣнно оборонительной системой, которая могла бы, при всякихъ случайностяхъ, обезпечивать его арміи безопасность и даже успѣхъ.

День уже склонялся къ вечеру, когда наши войска развернулись передъ Талаверой. Не смотря на то, Викторъ, корпусъ котораго шелъ впереди, не задумался, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, начать битву. Издавна зная мѣстоположеніе, онъ съ перваго взгляда понялъ важность той возвышенности, которая служила опорнымъ пунктомъ лѣваго фланга англичанъ. Это мѣсто, казалось, не привлекло вниманія Уэллеслея, потому что осталось почти безъ обороны и было занято только бригадою генерала Донкина. Итакъ представлялась возможность сразу овладѣть возвышенностью,

потомъ обойти лѣвое крыло англичанъ, чѣмъ принудили бы ихъ къ перемѣнѣ фронта — операціи всегда затруднительной во время битвы, которую имъ пришлось-бы выдерживать, имѣя рѣку уже въ тылу, а не съ правой стороны. Аттака крутаго холма началась передъ наступленіемъ ночи. Дивизія Руффина храбро пошла на приступъ высоты, съ трудомъ на нее взбираясь, и подъ сильнымъ огнемъ англичанъ — наконецъ достигла вершины. Французы ударили въ штыки. Защитники плато, слишкомъ малочисленные для успѣшнаго сопротивленія, начали подаваться назадъ; тогда генералъ Галль, замѣтившій опасность, подоспѣваетъ съ бригадою отъ ближайшаго холма, возстановляетъ битву и принуждаетъ нападающихъ отступить въ свою очередь. Слабо поддержанная другими дивизіями Виктора, бывшими въ резервѣ, дивизія Руффина сброшена съ плато, гдѣ оставляетъ триста человѣкъ убитыми и раненными, и аттака отложена на завтра.

Эта неудача была предзнаменованіемъ нехорошимъ. Слѣдовало-ли упорствовать и рисковать на общую битву? Было только 28-е іюля; невозможно, чтобы Сультъ уже совершилъ свое передвиженіе въ Пласенцію. Хотя по настоящему ему было достаточно четырехъ дней на переходъ изъ Саламанки, но войска его не были тамъ въ сборѣ и ихъ нужно было свести къ этому городу, прежде чѣмъ двинуться къ Пласенціи. При самой большой скорости, онъ не могъ туда поспѣть раньше 30 или 31-го іюля, и только съ двумя третями своей арміи, потому что Нею необходимо было на походъ два или три дня лишнихъ. Сражаться 28-го числа значило произвольно лишать себя огромнаго преимущества совокупной съ Сультомъ аттаки. Можно-бы еще рѣшиться на такую невыгоду, еслибъ битва представляла намъ вѣрные залоги на успѣхъ, но ничего подобнаго нельзя было ожидать послѣ того, что Викторъ возбудилъ бдительность непріятеля своею неудачною попыткою. Уэллеслею онъ указалъ слабо защищенный пунктъ англійской позиціи; должно было понять, что

тотъ приметъ всѣ мѣры предосторожности. По такимъ уважительнымъ причинамъ, Журданъ совѣтовалъ обратиться къ выжидательной системѣ. Было очевидно, что, имѣя передъ собою армію очень медленную въ своихъ движеніяхъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, такъ сказать, хромую, наше отступленіе къ верховьямъ Альберче могло быть произведено безопасно. Но Іосифъ, все продолжавшій страшиться за столицу, которая оставалась-бы открытою въ продолженіе нѣсколькихъ дней, предпочелъ возобновить аттаку, за успѣхъ которой настойчивѣе чѣмъ когда либо ручался Викторъ, надѣявшійся загладить неудачу, понесенную имъ передъ непріятелемъ.

28-го іюля, на разсвѣтѣ дня, обстрѣлявъ англійскія линіи сильною канонадою, Викторъ снова ведетъ на приступъ высоты полки Руффина, на этотъ разъ поддерживаемые дивизіей Виллата. Эти храбрыя войска стремительно бросаются на гору, поражаемыя огнемъ ея защитниковъ; ничто не можетъ остановить ихъ перваго порыва. Достигнувъ вершины, они находятъ на плато всѣ прежнія силы, расположенныя въ боевомъ порядкѣ, съ добавкою новыхъ резервовъ, посланныхъ туда Уэллеслеемъ. Они не колеблясь вступаютъ въ битву, не смотря на жестокую пальбу, разрѣжающую ихъ ряды. Но вскорѣ общій натискъ войскъ Гилля принуждаетъ нашихъ солдатъ къ отступленію; они опять сброшены съ горы съ потерею болѣе тысячи пятисотъ человѣкъ въ продолженіе сорока минутъ.

Это второе пораженіе было гораздо важнѣе и несравненно менѣе простительно перваго, потому что если уже признали необходимость овладѣть, во что бы то ни стало высотою, чтобы выиграть сраженіе, то имѣли къ тому всѣ средства, но не умѣли ими воспользоваться. Викторъ послалъ двѣ дивизіи на эту гибельную аттаку, тогда какъ должно было ввести въ дѣло, еслибы то потребовалось, даже половину арміи. Послѣ этихъ двухъ послѣдовательныхъ по-

раженій успѣхъ становился менѣе и менѣе вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что доступъ къ высотѣ, которою мы хотѣли овладѣть, былъ гораздо удобнѣе для англичанъ, чѣмъ для насъ, а сверхъ того, она была ближе къ ихъ позиціямъ нежели къ нашимъ, и они могли посылать подкрѣпленія благовременно и соразмѣрно съ тѣмъ, сколько мы водили туда войскъ въ аттаку. Доводы, которые представлялъ съ утра Журданъ въ пользу отступленія, получали еще болѣе значенія по мѣрѣ охлажденія рвенія нашихъ солдатъ. Но маршалъ Викторъ былъ задѣтъ за живое, его военное самолюбіе было уязвлено. Онъ снова и съ такою увѣренностью настаивалъ на продолженіи битвы, что Іосифъ еще разъ уступилъ столько-же по слабости, сколько и по убѣжденію, и не смотря на полученное, въ то самое время, письмо отъ Сульта съ извѣщеніемъ, что маршалъ будетъ въ Пласенціи не ранѣе какъ между 3-мъ и 5-мъ августа.

Принявъ такое рѣшеніе, сознали необходимость начать сраженіе одновременно по всей линіи, чтобы предоставить солдатамъ Виктора, по крайней мѣрѣ, выгоды диверсіи, привлеченіемъ вниманія англичанъ на другіе пункты мѣстности. Это рѣшеніе было тѣмъ болѣе естественно, что непріятельскій центръ, до сихъ поръ не вступавшій въ сраженіе, нисколько не былъ недоступенъ, а если позиція испанцевъ казалась неодолимою, то всегда можно было разсчитывать относительно ихъ на какую нибудь неожиданность. Даже наканунѣ, въ первую минуту ихъ изумленія при появленіи нашей кавалеріи, одна часть ихъ войскъ была охвачена такимъ паническимъ страхомъ, что бѣжала до Оропеза въ величайшемъ безпорядкѣ. Слѣдовательно живая аттака на ихъ позицію могла произвести необыкновенное дѣйствіе, не смотря на представлявшіяся затрудненія.

Около двухъ часовъ пополудни, солдаты обѣихъ сражавшихся армій, по взаимно безмолвному соглашенію прекратившіе битву и довѣрчиво сходившіеся къ ручейку, раздѣ-

лявшему ихъ позиціи, для того, чтобъ напиться воды, стали опять въ свои ряды. Корпусъ Себастіани, при содѣйствіи грозной артиллеріи, началъ битву въ центрѣ. Нѣмецкая дивизія Леваля, неразсчетливо направленная безъ поддержки на то мѣсто, гдѣ англійскія позиціи соприкасались съ позиціями испанскими, пришла къ необходимости отступить, причемъ потеряла часть своей артиллеріи; но другая аттака, предводимая Лаписсомъ и Себастіани, противъ дивизій Кампбеля, Шербрука и Макензи, была удачнѣе: наши солдаты стали овладѣвать полемъ сраженія въ центрѣ непріятельскихъ войскъ. Въ то же время Викторъ вновь приготовился на приступъ возвышенности, овладѣть которою онъ поручился: «Если я этого не достигну, вскричалъ онъ, то надобно отказаться отъ войны!» Онъ аттаковалъ возвышенность одновременно съ фронта и съ фланга, сдѣлавъ обходъ по лощинѣ, отдѣляющей ее отъ горы. Это обходное движеніе выполнялось дивизіей Виллата. Въ ту минуту, когда она проходила лощину, кавалерійская бригада, поставленная тамъ Уэллеслеемъ, поскакала на нее во весь опоръ. Наши солдаты частью уклоняются отъ нападенія, но дальнѣйшее ихъ движеніе пріостановлено, и маневръ Виктора оказывается безполезнымъ. 23-ій англійскій драгунскій полкъ, увлекаемый своей отвагой, проскакиваетъ далѣе, съ неудержимою яростью прорываетъ нашу линію и аттакуетъ нашъ аріергардъ. Но тамъ на драгунъ нападаютъ въ свою очередь наши уланы и вестфальская конница: полкъ оставляетъ на полѣ битвы половину своей наличности, павшей подъ сабельными ударами. Битва продолжалась въ центрѣ. Лаписсъ и Себастіани, на минуту отбитые бригадою гвардейцевъ, прибѣжавшей на помощь Шербруку, возобновляютъ противъ нея сильную аттаку, потомъ опрокидываютъ англо-нѣмецкій легіонъ, который отступаетъ въ безпорядкѣ. Англійскій центръ былъ наполовину разбитъ и все уклонялось отъ насъ на этомъ пунктѣ, какъ вдругъ аттака, по-

веденная столько-же энергично, сколько и кстати, полковникомъ Донеланомъ съ 48-мъ лполкомъ, разомъ измѣняетъ судьбу сраженія. Англійскія войска оживляются подвигомъ Донеллана, примыкаютъ къ нему и завоевываютъ себѣ побѣду, которая отъ нихъ ускользала. Англійская артиллерія, лучше нашей направляемая, пронизываетъ наши ряды, и унывающіе наши солдаты въ третій разъ отброшены на свои позиціи.

Битва при Талаверѣ была нами проиграна: мы потерпѣли неудачи во всемъ, что ни предпринимали; но при томъ мы не понесли тяжкихъ послѣдствій пораженія. Англійская армія была истощена выдержанной ею неравной борьбой. Вся тяжесть потерь легла на нее, испанцы принимали только косвенное участіе въ сраженіи. Кромѣ того, англичане должны были страдать отъ недостатка въ продовольствіи, получая только полпайка съ 22 іюля. Они потеряли немногимъ болѣе шести тысячъ, а французы немногимъ болѣе семи тысячъ человѣкъ; но потеря была чувствительнѣе для англичанъ, по причинѣ ихъ относительной малочисленности. Уэллеслей воздержался отъ преслѣдованія, которое могло обратиться въ невыгоду для его арміи и умалить добытый ею успѣхъ. Его войска остались на мѣстности, которую они такъ стойко обороняли.

Въ ночь, съ 28 на 29 іюля, наша армія начала свое отступательное движеніе, нетревожимая непріятелемъ. Съ утра Іосифъ отдѣлилъ корпусъ Себастіани на защиту Мадрида противъ Венегаса, — очевидное доказательство того, что онъ могъ произвести этотъ маневръ раньше, такъ-какъ даже послѣ проиграннаго сраженія, выполнилъ безнаказанно такое раздѣленіе войскъ. Венегасъ не оказалъ никакого полезнаго содѣйствія англо-испанской арміи. Онъ оставался празднымъ въ Дайміелѣ, въ Ламанчѣ, именно въ то время, когда его участіе въ войнѣ было всего болѣе необходимо. Дѣло невѣроятное для того, кто не видывалъ завистливыхъ

столкновеній между политическими партіями: Венегасъ былъ даже поощряемъ къ бездѣйствію севилльскою юнтою, которая опасалась излишняго усиленія Куэсты. Овладѣвъ Мадридомъ, нѣсколькими днями ранѣе, онъ произвелъ бы въ Испаніи одно изъ тѣхъ потрясеній, которыя мгновенно совершенно измѣняютъ положеніе страны; произвольно пропустивъ благопріятный къ тому случай, и когда ему предстояло только понести пораженіе, онъ пошелъ съ увѣренностью на непріятеля, который и безъ того былъ готовъ избавить его отъ долгихъ поисковъ.

Викторъ остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки Альберчѣ, въ ожиданіи предвидимаго послѣдствія отъ появленія въ тылу англичанъ Сульта. Этотъ маршалъ, предшествуемый въ Пласенцію корпусомъ Мортье, самъ прибылъ туда 3 августа, а Ней тогда слѣдовалъ за нимъ черезъ Саламанку. Насколько Іосифъ былъ неразсудителенъ въ поспѣшности, съ которою аттаковалъ непріятеля 28 іюля, настолько Сультъ былъ непростительно медлителенъ въ своемъ походѣ. Оба они въ этихъ дѣйствіяхъ руководствовались тайнымъ преднамѣреніемъ — играть главную роль при истребленіи англійской арміи, что обнаруживается въ каждой строкѣ ихъ переписки. По плану маршала, король долженъ былъ ограничиться задержкою англичанъ, до той поры, когда Сультъ появится для нанесенія имъ рѣшительнаго удара; по плану короля, маршалу предоставлялось только докончить ихъ пораженіе, послѣ того какъ Іосифъ отброситъ ихъ армію къ Пласенціи. Оба они мысленно предоставляли другъ другу только второстепенное значеніе въ этихъ дѣйствіяхъ, и каждый изъ нихъ готовилъ главную роль для себя; этого уже было достаточно для потери всѣхъ нашихъ преимуществъ. Такія столкновенія были послѣдствіемъ раздѣльности подчиненія введенной на полуостровѣ Наполеономъ [72]).

[71]) Переписка о Талаверѣ короля Іосифа, іюль и августъ 1809; доне-

Уэллеслей былъ еще занятъ приведеніемъ въ благоустройство и возстановленіемъ силъ своей арміи послѣ ея подвиговъ и потерь въ сраженіи при Талаверѣ, когда 2 августа узналъ о прибытіи первыхъ отрядовъ Сульта въ Пласенцію. Все еще убѣжденный въ томъ, что туда могъ прибыть только отрядъ, занимавшій Португалію, онъ немедленно пошелъ къ нему навстрѣчу съ семнадцатью тысячами англичанъ, а въ Талаверѣ оставилъ испанскую армію, предоставивъ ей заботу о раненыхъ и защиту переправы черезъ Таго. 3 августа, въ одно и тоже время, онъ получаетъ извѣщенія, что въ Пласенцію пришли, по крайней мѣрѣ, два корпуса арміи, и что Іосифъ готовъ присоединиться къ Виктору для возобновленія наступательныхъ дѣйствій. Угрожаемый двойною аттакою войсками, далеко превосходящими его силы, и понимая всю опасность своего положенія, онъ измѣняетъ направленіе своего отступленія: переходитъ черезъ Таго при Пуэнтѣ д'Арзобиспо, поспѣшно высылаетъ отрядъ для взорванія, до нашего прихода, моста въ Альмаразѣ, и, пользуясь препятствіемъ, представляемымъ намъ теченіемъ рѣки Таго, отступаетъ на Труксилло, по трудно проходимымъ дорогамъ сіерры Гвадалупы. Вслѣдствіе ли нерѣшительности или усталости, наша армія его не преслѣдуетъ. Предоставленный собственному вдохновенію, Куэста отступилъ даже прежде Уэллеслея, оставивъ въ Талаверѣ, напроизволъ судьбы, всѣхъ раненыхъ изъ англійской арміи.

Нѣсколько дней спустя, 11 августа 1809, Себастіани настигнулъ Венегаса и нанесъ ему жестокое пораженіе при

сенія Журдана и Виктора, и поучительныя препирательства этого маршала съ королемъ; донесеніе Сульта Кларку отъ 13 августа; донесеніе Куэсты, помѣченное изъ Севильи 7 сентября 1809; разсказъ генерала Депре; *Dispatches* of Wellington, 29 іюля 1809; перехваченныя письма отъ Журдана къ Бертье и Сульту, отъ 30 іюля 1809; Napier *History of the peninsular war*. Лордъ Лондондери, Жомини, Торено и другіе.

Альмонасидѣ, недалеко отъ Толедо. Но, ни эта побѣда, которую, впрочемъ, оспаривали у насъ испанцы съ большой стойкостью, нежели какъ то бывало обыкновенно, ни поспѣшное отступленіе Уэллеслея не изгладили дурнаго впечатлѣнія похода на Талаверу. Повидимому, неудача подъ Талаверой состояла только въ томъ, что наши аттаки были отражены: непріятель же не могъ извлечь никакихъ выгодъ изъ своего успѣха. Но совокупность операцій, сопровождавшихъ весь ходъ кампаніи, представляла наше положеніе въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Предводительствуемая Уэллеслеемъ, эта маленькая англійская армія, не превосходившая численностью ни одного изъ нашихъ отдѣльныхъ корпусовъ, принудила насъ очистить Португалію, покинуть Галицію, куда уже мы и не возвратились; она проникла до самой средины полуострова, возбудила до такой степени сильную тревогу въ столицѣ, что одно время все казалось потеряннымъ, и, наконецъ, чтобы отразить это малочисленное войско, мы должны были сосредоточивать всѣ силы, которыми могли располагать. Что могло съ большею ясностью высказать всей Европѣ шаткость нашего господства въ Испаніи?

Вопреки торжественнымъ бюллетенямъ, скрѣпленнымъ недобросовѣстною въ этомъ случаѣ подписью Журдана и присланнымъ тщеславнымъ Іосифомъ, Наполеонъ ни на минуту не ошибся въ настоящемъ значеніи всего дѣла. «Государь, писалъ ему Іосифъ на другой день битвы, *вчера англійская армія была разбита на своей позиціи!*» Весь остальной отчетъ написанъ въ такомъ-же хвалебномъ родѣ. Мадридская газета публиковала, что «лѣвое крыло англичанъ было *отрѣзано* и истреблено герцогомъ Беллунскимъ [72]).» Безпощадная проницательность Наполеона проникаетъ несообразность этихъ лживыхъ показаній, и онъ въ нѣсколькихъ строкахъ, исполненныхъ здраваго смысла, высказываетъ всю ошибочно

---

[72]) См. извлеченіе, напечатанное въ «Монитерѣ» 9 августа 1809.

сть принятаго плана. Для чего раздѣлять наши силы въ такое критическое время? Отчего не былъ вызванъ Сультъ черезъ Авилу на Мадридъ, чтобы дать сраженіе при его содѣйствіи? Развѣ нельзя было предвидѣть, что вслѣдствіе движенія на Пласенцію, англичане укроются за Таго? Наконецъ, если уже рѣшились дать сраженіе, то чѣмъ оправдать столь дурно веденныя Викторомъ аттаки?

На эти вопросы можно было дать ему только одинъ отвѣтъ: для чего далъ онъ Сульту и Виктору право не обращать никакого вниманія на приказанія или совѣты Журдана? Но болѣе, нежели сдѣланными ошибками, онъ раздражался лукавствомъ своего брата. Потеряли-ли мы, да или нѣтъ, пушки подъ Талаверой? Уэллеслей говорилъ: да, Іосифъ говорилъ: нѣтъ; онъ не поколебался повѣрить скорѣе Уэллеслею, чѣмъ своему родному брату, и въ этомъ онъ также былъ правъ. Онъ продолжалъ эти дознанія до тѣхъ поръ, пока не заставилъ Сенармона хотя отчасти признаться въ истинѣ. Іосифъ, кромѣ того, по неизмѣнной методѣ наполеоновскихъ бюллетеней, чрезмѣрно преувеличилъ силы непріятеля и въ той же степени уменьшилъ свои. Наполеонъ, находившій такой способъ показаній превосходнымъ собственно у себя, непослѣдовательно осуждаетъ его у своихъ подражателей: «Мнѣ обязаны говорить правду!» восклицаетъ онъ съ негодованіемъ въ письмѣ, гдѣ указываетъ неточности присланныхъ ему сообщеній, которыя клеймитъ названіями журдановскихъ *карманьолей* (донесеній или пѣсенъ въ революціонномъ духѣ) и напыщенныхъ розсказней Себастіани. Что же дѣлать! Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, онъ былъ первымъ учителемъ; школа была основана имъ самимъ; кого-же винить за успѣхи вѣрныхъ его ученію учениковъ [73]). Но лучше всего обрисовываетъ человѣка слѣдую-

---

[73]) Эти любопытныя перебранки находятся въ *кореспонденціи* Наполеона съ Кларкомъ и Іосифомъ, а также Іосифа съ Журданомъ и Се-

щая черта: стараясь доказать Іосифу, что главнокомандующій долженъ, для посторонних глазъ, увеличивать втрое цифру наличныхъ своихъ силъ и на столько-же уменьшать силы противника, «такъ какъ умъ человѣка склоненъ вѣрить тому, что въ концѣ концовъ меньшее число должно быть побѣждено большимъ», а также для того, чтобъ придать солдату убѣжденіе въ его превосходствѣ надъ непріятелемъ, онъ прибавляетъ: «когда я побѣдилъ при Экмюлѣ австрійскую армію, *я былъ одинъ противъ пяти,* а между тѣмъ наши солдаты считали себя противъ непріятеля, по крайней мѣрѣ, въ равномъ числѣ!» показаніе нагло лживое; и далѣе: «вмѣсто того, чтобы сознаться, что у меня было подъ Ваграмомъ только сто тысячъ человѣкъ, я старался увѣрить всѣхъ, что у меня было двѣсти двадцать тысячъ человѣкъ[74]).» Невозможно опровергать самого себя полной противоположностью практики съ правиломъ.

Несмотря на все, на сдѣланныя ошибки, на поколебавшееся наше владычество, на померкнувшее обаяніе нашей непобѣдимости, окончательный исходъ кампаніи представлялся выгоднымъ для насъ въ Испаніи, также какъ въ Австріи, и Наполеонъ, искусно оттягивавшій заключеніе договора съ послѣднимъ государствомъ, былъ готовъ сослаться на совершившійся въ Испаніи фактъ, чтобъ вынудить для себя у Австріи окончательныя уступки. Въ его сношеніяхъ съ австрійскими уполномоченными до тѣхъ поръ шла рѣчь только о его желаніи возстановить миръ между обѣими странами, о его безкорыстіи, умѣренности, великодушіи: «Франція никогда не завидовала, чѣмъ обладала Австрія... великодушіе, показанное Франціей при заключеніи пресбургскаго мира,

---

нармономъ въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1809. Впрочемъ, на сколько онъ порицалъ втайнѣ ошибки Іосифа, на столько же публично осуждалъ то, что называлъ: «неумѣнье, лживость, безуміе соображеній англійскаго генерала.» (Moniteur du 28 sept. 1809.)

[74]) Къ Кларку, 10 октября.

императоръ готовъ доказать еще разъ, и такъ далѣе.» Онъ настаивалъ только на необходимости немедленнаго обезоруженія ландверовъ, на уменьшеніи регулярной арміи до половины ея кадровъ, наконецъ на изгнаніи всѣхъ французскихъ подданныхъ; что касается до прочихъ условій мира, онъ умышленно оставлялъ ихъ въ тѣни и, казалось, былъ расположенъ соглашаться на уступки [75]).

Этотъ тонъ, такъ мало ему свойственный послѣ побѣды, онъ готовъ былъ измѣнить съ полученіемъ перваго хорошаго извѣстія изъ Испаніи, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ увѣдомленія объ отступленіи англичанъ, чтобы обрушиться съ этой новостью на австрійскихъ уполномоченныхъ. Но, вслѣдствіе неудобства, свойственнаго подобнымъ отдаленнымъ операціямъ, это извѣстіе дошло до него послѣ того какъ онъ получилъ свѣдѣніе о другомъ событіи, значительно уменьшавшемъ важность перваго. Когда всѣ вопросы, казалось, близились къ разрѣшенію, новая вѣсть ставила все въ неопредѣленное положеніе. 6-го августа 1809, Наполеонъ получилъ отъ Кларка донесеніе, что двѣсти британскихъ судовъ всякихъ размѣровъ были усмотрѣны со стороны острова Вальхерена. Эти двѣсти судовъ составляли только авангардъ морскаго вооруженія, состоявшаго изъ девятисотъ судовъ всевозможной величины. Это была великая морская экспедиція англичанъ, которую наконецъ рѣшились пустить въ ходъ.

Помощь, подаваемая Англіей коалиціи, была послана слишкомъ поздно, и потому не могла быть дѣйствительной. Англійская пресса почти единогласно предсказывала, что экспедиція запоздаетъ, а нашъ «*Moniteur*» не пропускалъ случая перепечатывать такія предсказанія [76]). Въ Германіи борьба была окончена: Австрія могла быть только зрительницей усилій

---

[75]) Наполеонъ къ Шампаньи, 24 іюля 1809.

[76]) *Moniteur* за іюль мѣсяцъ 1809.

предпринятыхъ въ ея пользу. Въ Испаніи исходъ экспедиціи былъ также подъ сомнѣніемъ; битва при Талаверѣ послѣдовала въ то время, когда британскій флотъ появился у береговъ Голландіи. Англійская экспедиція, начатая не только позже того удобнаго времени, когда она могла поднять на войну всю Германію, но и направленная къ мѣсту слишкомъ отдаленному отъ той страны, гдѣ рѣшалось дѣло съ оружіемъ въ рукахъ, могла имѣть значеніе лишь эпизодическое; предполагая даже полный успѣхъ, она могла нѣсколько облегчить тягости побѣжденныхъ, но отнюдь не болѣе. Британскій флотъ такъ долго оставался въ неподвижности, въ то время, когда должно было дѣйствовать, что по неимѣнію точныхъ свѣдѣній относительно настоящей его силы, дошли до убѣжденія, что это было нѣчто въ родѣ пугала, и, по всей вѣроятности, не болѣе какъ морской конвой для транспортовъ, предназначенныхъ къ доставленію подкрѣпленій въ армію, находившуюся въ Испаніи. Такъ смотрѣлъ на это морское вооруженіе и самъ Наполеонъ [77]). Такое предположеніе нисколько не было для него страшнымъ, такъ какъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что доведетъ Австрію до крайности, прежде нежели подобная экспедиція будетъ въ состояніи измѣнить судьбу войны.

Какъ только было получено донесеніе Кларка, онъ сразу понялъ и цѣль экспедиціи, и значеніе, которое она могла пріобрѣсти. Цѣлью англичанъ, конечно, было истребленіе нашей эскадры, нашихъ складовъ и учрежденій въ Антверпенѣ. Предполагая все къ худшему, англичане безспорно могли осуществить эти намѣренія, но они не могли сдѣлать ничего болѣе. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы дать себя отвести отъ главной цѣли подобною диверсіею, какъ бы она ни была ему непріятна и отчасти опасна. Онъ немедленно рѣшилъ, «что экспедиція англичанъ нисколько не повліяетъ на наши

---

[77]) Наполеонъ къ Бертье, 30 іюля 1809.

операціи въ Австріи, и что онъ не выведетъ оттуда ни одного человѣка въ Голландію [78]).» Франціи предстояло отразить этотъ ударъ собственными средствами. Независимо отъ необходимости нисколько не ослаблять своей силы надъ Австріей, онъ кромѣ того, и по своей проницательности, имѣлъ достаточную причину распорядиться такимъ образомъ. Городъ Антверпенъ, хотя и слабо охраняемый въ то время, былъ однакоже мѣстомъ укрѣпленнымъ и очень надежнымъ для обороны; онъ могъ быть взятъ развѣ только быстрымъ и сильнымъ нападеніемъ. Еслибы такое нападеніе было совершено немедленно, то подкрѣпленія, какія можно было послать изъ Австріи, пришли-бы къ Антверпену, разумѣется, поздно; если-же, напротивъ, англичане приступили-бы методически къ правильной осадѣ, то достаточно подкрѣпленій изъ сопредѣльныхъ департаментовъ Франціи, и городъ продержался-бы противъ непріятеля болѣе полугода, а въ это время Наполеонъ, безъ сомнѣнія, нашелъ-бы средства, не ослабляя себя, выслать подкрѣпленія, или окончательно сломить вѣнскій дворъ, и затѣмъ свободно распорядиться своими силами.

Итакъ, слишкомъ исключительная забота объ уничтоженіи нашихъ морскихъ силъ, и безъ того уже не очень опасныхъ для Англіи, значительно уменьшила возможность успѣха диверсіи, которая, еслибъ была произведена основательнѣе и, въ особенности, направлена къ мѣсту менѣе удаленному отъ театра войны, поставила бы насъ въ опасное положеніе на Дунаѣ. Большая часть ошибокъ коалиціи почти всегда происходила отъ того, что каждая держава искала своихъ частныхъ выгодъ, преимущественно передъ выгодой общей, не заботясь о томъ, что при такихъ дѣйствіяхъ, лишенныхъ связи и единства, успѣхъ невозможенъ. Задуманное нападеніе на нашъ флотъ тѣмъ менѣе было нужно, что Наполеонъ,

---

[78]) Наполеонъ Кларку, 7 августа 1809.

казалось, отказался отъ всякой борьбы на морѣ, что англичане блокировали повсюду наши эскадры въ портахъ, какъ бы осажденныхъ съ моря, наконецъ и потому, что мы только-что понесли отъ нихъ жестокую потерю у острова Э.

11-го апрѣля 1809, съ наступленіемъ темной ночи, на нашу рошфорскую эскадру, блокируемую, въ продолженіе болѣе мѣсяца флотомъ подъ начальствомъ адмирала Гамбіе, проплыли, несмотря на защищавшія ее эстакады, тридцать пять пылающихъ брандеровъ, направленныхъ туда съ цѣлью сжечь наши корабли. Неописанный безпорядокъ тотчасъ распространился по нашему флоту: корабли, среди этого плывущаго на нихъ огня, искали спасенія или уходомъ, или стрѣльбою по брандерамъ, чтобъ ихъ потопить. По чрезвычайно счастливой случайности, всѣ суда предохранились, безъ особенно значительныхъ поврежденій, отъ пожара. Но на другой день, четыре нашихъ корабля, попавшіе у береговъ на подводныя скалы, были разгромлены пушечными выстрѣлами непріятеля, потомъ сожжены — одни англійскою эскадрою, другіе собственными экипажами, вынужденными ихъ покинуть.

Это несчастье, которое можно было вмѣнить въ вину только командиру эскадры, въ высшей степени раздражило Наполеона, какъ это бывало и при прежнихъ фактахъ, доказывавшихъ ему относительное безсиліе его флота. Но вмѣсто того, чтобъ обратиться къ осужденію недальновидныхъ распоряженій, въ силу которыхъ наша эскадра была сосредоточена на рейдѣ слишкомъ доступномъ непріятелю, онъ обвинилъ офицеровъ флота, бывшихъ скорѣе жертвами, чѣмъ виновниками этой катастрофы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ему нуженъ былъ, какъ онъ говорилъ: «примѣръ», любимое его выраженіе, доказывающее, что онъ въ сущности искалъ не справедливости, а распространенія, во что бы то ни стало, извѣстнаго рода страха. Для этого ему нужно

было отыскать виноватаго, хотя-бы вся вина его состояла въ томъ только, что на его долю выпало несчастье. Такимъ образомъ онъ безжалостно велѣлъ судить, приговорить и казнить офицера за небуквальное исполненіе морскаго устава. Капитанъ *«Калькута»*, Лафонъ, велъ себя въ дѣлѣ съ отличной храбростью. Выброшенный на палльскій рифъ съ неполнымъ экипажемъ и артиллеріей, на половину уже негодною къ дѣйствію, на кораблѣ, пробиваемомъ ядрами съ нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ, онъ сражался до четырехъ часовъ вечера, и самъ былъ раненъ въ битвѣ. Но когда паническій страхъ распространился между экипажемъ въ ту минуту, какъ приходилось покинуть корабль, онъ спустился съ него, для поддержанія порядка между людьми, бросившимися на лодки, тогда какъ еще не сошелъ весь экипажъ. Такимъ образомъ онъ не выполнилъ закона, предписывающаго капитану сходить съ гибнущаго корабля не иначе какъ послѣднимъ. Этимъ нарушеніемъ не столько смысла, сколько буквы закона, подлежавшимъ не болѣе какъ дисциплинарному взысканію, воспользовались для его обвиненія. Противъ воли осужденный своими товарищами по оружію, которые знали его заслуги и уважали его за храбрость, онъ искупилъ, подобно многимъ другимъ, своею смертью ошибки и самообольщенія гордости, возмущавшейся противъ закона необходимости [79]).

Антверпенская экспедиція была предпринята со средствами несравненно большими чѣмъ рошфорская, что оправдывалось важностью цѣли, которой хотѣли достигнуть. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ англичанамъ удалось овладѣть этимъ городомъ и въ немъ укрѣпиться послѣ истребленія нашей эскадры, то они пріобрѣли-бы тамъ, при значительности своего флота, наступательный постъ страшной силы. Если-

---

[79]) *Moniteur*, 11 октября 1809, процессъ Лафона; сочиненіе его внука: *Histoire des brûlots de l'île d'Aix*, par Julien Lafon, 1867.

же бы они сочли болѣе выгоднымъ для себя покинуть это мѣсто, по невозможности тамъ утвердиться, то разрушеніе нашихъ обширныхъ морскихъ учрежденій было-бы достаточнымъ вознагражденіемъ за издержки на подобное вооруженіе. 29 іюля 1809, британскій флотъ, состоявшій изъ сорока линейныхъ кораблей, тридцати фрегатовъ и отъ семи до восьми сотъ транспортныхъ судовъ, канонирскихъ лодокъ, бриговъ и корветовъ, появился въ виду острова Вальхерена. На этихъ многочисленныхъ судахъ помѣщалось сорокъ тысячъ человѣкъ десантнаго войска, девять тысячъ лошадей и сто пятьдесятъ осадныхъ орудій большаго калибра, кромѣ того множество военныхъ снарядовъ и припасовъ. Морскія силы находились подъ управленіемъ адмирала Страчана, сухопутными же командовалъ лордъ Чатамъ, офицеръ безъ военныхъ заслугъ, старшій братъ Питта, ничѣмъ не напоминавшій этого знаменитаго человѣка. Онъ, какъ говорила молва, происками добился и получилъ такое важное командованіе, имѣя въ виду поправленіе своихъ разстроенныхъ денежныхъ обстоятельствъ.

Въ то время, намъ нечего было противопоставить этому грозному вооруженію. По чрезмѣрному разширенію территоріи имперіи и войнамъ въ отдаленныхъ странахъ, задерживавшимъ въ Испаніи, въ Австріи и въ Италіи всѣ военныя силы, которыми мы могли располагать, національныя наши границы были повсюду слабо охраняемы, а морскія прибрежья, отъ Ла-Манша къ Сѣверному морю, почти беззащитны. На самомъ островѣ Вальхеренѣ, въ Флессингѣ, было нѣсколько батальоновъ, состоявшихъ изъ голландцевъ, ирландцевъ, прусскихъ дезертировъ, сдерживаемыхъ незначительнымъ числомъ французовъ и образовавшихъ гарнизонъ въ числѣ около трехъ тысячъ человѣкъ, которымъ командовалъ ветеранъ республиканскихъ войнъ — генералъ Монне. Не вдалекѣ оттуда, генералъ Руссо занималъ фортъ Брескенъ съ войсками едва достаточными для защиты этого

мѣста. Нѣсколько сотенъ солдатъ въ малыхъ фортахъ, охранявшихъ теченіе рѣки Шельды у Батца, Лилло и Санвліета, двѣ или три тысячи солдатъ въ самомъ Антверпенѣ и ни одной пушки на валу; наконецъ на прочихъ берегахъ — нѣсколько слабыхъ резервовъ, изъ конскриптовъ и изъ національной гвардіи, для охраненія гніющихъ остатковъ нашей Булонской флотиліи, эскадра Миссіеси, расположенная въ устьяхъ Шельды, но безсильная для ихъ обороны, вотъ всѣ препятствія, которыя англичане могли встрѣтить на своемъ пути. Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы, вмѣсто потери драгоцѣннаго времени подъ Флессингомъ, они высадили свою армію въ Остенде или въ Бланкенбергѣ и направились, черезъ Брюгге и Гентъ, прямо на Антверпенъ, то могли-бы захватить этотъ городъ врасплохъ и овладѣть имъ почти безъ боя [80]). Между тѣмъ, со взятіемъ Антверпена, гибель нашей эскадры рѣшалась неизбѣжно, потому что она теряла свой единственный путь отступленія.

Но обаяніе славы нашего оружія было еще такъ велико, что Чатамъ не отважился ступить на территорію имперіи и совершить по ея окраинѣ походъ въ двадцать пять лье. Онъ произвелъ свое внезапное нападеніе съ такою методическою медленностью, какъ будто маневрировалъ на учебномъ полѣ и считалъ себя обязаннымъ предоставить намъ весь досугъ, нужный на то, чтобъ разстроить его предпріятіе. Часть своихъ войскъ онъ высадилъ на сѣверную сторону Вальхерена съ тѣмъ, чтобъ направить ихъ оттуда къ Флессингу, который онъ рѣшился осадить. Остальная часть его арміи заняла Бевеландскіе острова, преимущественно южный, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобъ эти войска немедленно направились къ форту Батцу. Этотъ фортъ, расположенный въ томъ мѣстѣ, гдѣ Шельда, до впаденія своего въ море,

---

[80]) Это есть мнѣніе Жомини и Тьера, основанное на всѣхъ документахъ того времени.

раздѣляется на два рукава, командовалъ верхнимъ теченіемъ рѣки, и наша эскадра не иначе могла подняться къ Антверпену, послѣ взятія непріятелемъ Батца, какъ пройдя подъ выстрѣлами орудій его защищавшихъ, слѣдовательно путь отступленія былъ-бы ей прегражденъ. Но адмиралъ Миссіеси точно также не захотѣлъ оставаться замкнутымъ въ устьяхъ Шельды, какъ онъ не допустилъ замкнуть себя въ тѣсномъ портѣ Флессинга. Съ 31-го іюля, оставивъ за собою фортъ Батцъ, онъ поднялся изъ западной Шельды въ верхнее ея теченіе подъ защиту фортовъ Лилло и Лифкеншекъ. Когда, 2-го августа, англичане явились подъ укрѣпленіями Батца, который сдался имъ по первому требованію, наша эскадра находилась уже въ безопасности подъ стѣнами Антверпена.

Въ то время, когда Чатамъ располагалъ по всѣмъ шоссейнымъ насыпямъ, окружающимъ Флессингъ, грозныя батареи, огня которыхъ не могъ вынести городъ, особенно при разгромленіи его и артиллеріей флота, совѣтъ, облеченный полномочіемъ на управленіе Франціей въ отсутствіе Наполеона, находился въ самомъ мучительномъ недоумѣніи. Въ немъ сталкивались вполнѣ разнородныя мнѣнія; члены его предавались противоположнымъ направленіямъ и нескончаемымъ преніямъ, тогда какъ нужно было дѣйствовать. Колеблясь между двумя вліяніями, съ одной стороны, Камбасереса и Кларка, а съ другой Фуше и Декре, онъ остался бы въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, еслибъ Фуше не рѣшился на починъ помимо своихъ товарищей и не принялъ такихъ мѣръ, которыя, хотя и были сопряжены съ затрудненіями, но оправдывались угрожающею неотложною опасностью. Фуше, соединявшій тогда въ своихъ рукахъ, по случаю болѣзни своего сотоварища Крете, должности министра внутреннихъ дѣлъ и полиціи, сознаъ необходимость прежде всего повліять на рѣшимость непріятеля сильною національной демонстраціей. Онъ потребовалъ, сверхъ отсылки войскъ, ко-

торыми могли располагать, и назначенія немедленной мобилизаціи національной гвардіи въ сѣверныхъ департаментахъ.

Фуше послалъ объ этомъ приказъ префектамъ, не дождавшись утвержденія этой мѣры совѣтомъ. «Докажемъ Европѣ, писалъ онъ въ своемъ циркулярѣ, что если геній Наполеона можетъ придавать блескъ Франціи, то присутствіе его здѣсь для отраженія непріятеля — не необходимо [81]).» Кларкъ и Камбасересъ, смущаемые предполагаемою ими возможностью къ заговорамъ и революціоннымъ волненіямъ, доводили до маніи недовѣріе къ сотоварищу своему Фуше, котораго политическое прошедшее, интриги и безусловное превосходство какъ человѣка—дѣйствія внушали имъ и страхъ и отвращеніе. Въ его предложеніи поднять тридцать тысячъ человѣкъ національной гвардіи они видѣли только продѣлку для устройства имъ западни. По ихъ взгляду, эта мѣра была придумана прежнимъ террористомъ, съ единственной цѣлью создать себѣ внутри Франціи, для будущаго времени, грозную армію, готовую на всѣ случайности, такъ какъ не разъ уже предвидѣлась возможность пораженія или смерти Наполеона. Къ тому-же они очень хорошо знали, до какой степени императоръ ненавидѣлъ всякое проявленіе самостоятельнаго сужденія, общественнаго волненія, воззваній къ націи. Они знали его подозрительное, инстинктивное отвращеніе ко всему, что выходило за предѣлы административной рутины, разъ имъ установленной; они боялись навлечь на себя его гнѣвъ принятіемъ мѣръ, которыя могли вызвать какой-бы то ни было безпорядокъ. Подъ вліяніемъ такихъ странныхъ опасеній, они теряли всякій патріотизмъ, всякое сознаніе даже до непониманія настоящей опасности. Разсудительный Камбасересъ вскричалъ въ отвѣтъ на настоянія своего коллеги:

---

[81]) *Moniteur* не напечаталъ этого воззванія. Былъ публикованъ только тотъ циркуляръ, который получили парижскіе мэры (25 августа 1809).

«Г. Фуше, я не хочу, чтобъ мнѣ отрубили голову! [82]).» Вскорѣ Кларкъ и Фуше стали другъ друга обзывать, одинъ «якобинцемъ», другой «иностранцемъ, продавшимся англичанамъ» [83]). Запальчивыя настоянія Фуше остались безъ всякаго вліянія на двухъ его сотоварищей. Они рѣшались дѣйствовать только по заведенному и привычному порядку, именно: послать изъ центральныхъ и сѣверныхъ провинцій въ Бельгію тѣ незначительныя силы, которыя тамъ оставались въ жандармеріи, запасныхъ батальонахъ, артиллерійскихъ депо. Этихъ войскъ съ присоединеніемъ къ нимъ пяти или шести тысячъ солдатъ короля голландскаго Лудовика, по ихъ мнѣнію, было достаточно для защиты Антверпена; если-бы и понадобилось впослѣдствіи принять болѣе энергическія и рѣшительныя мѣры, то относительно этого слѣдовало ожидать приказаній императора.

Въ сущности ни Фуше, ни Камбасересъ не вполнѣ ошибались относительно предполагаемаго ими образа дѣйствій Наполеона. Оба они были, въ одно и тоже время, и правы, и неправы, потому что какъ тотъ, такъ и другой принимали въ соображеніе различныя стороны его характера. Одинъ видѣлъ въ немъ человѣка дѣла, другой оффиціальное лицо, учредителя неизмѣннаго порядка, отъявленнаго врага всякой идеи, которая не исходила прямо отъ него. Фуше разсуждалъ правильно, что по свойствамъ Наполеона и согласно съ собственнымъ убѣжденіемъ, прежде всего должно было дѣйствовать. Но онъ разсуждалъ неправильно, когда вообразилъ, что ему будетъ прощена заслуга, оказанная съ такой смѣлой иниціативой и съ такою независимостью сужденія. Камбасересъ угадалъ, что, разъ опасность миновала, всѣ подобныя патріотическія выходки окажутся неумѣстными и ненавистными. Фуше долженъ былъ имѣть въ свою пользу

---

[82]) Тибода.

[83]) *Mémoires* de Philippe de Ségur.

первое душевное движеніе императора, вызванное неопровержимою очевидностью опасности. Камбасересъ могъ еще съ большею увѣренностью разсчитывать на возвратъ къ прирожденнымъ свойствамъ характера, который онъ изучилъ и котораго страшился больше, нежели кто другой.

Министръ полиціи вначалѣ достигъ полнаго торжества надъ своими товарищами, когда императоръ получилъ одну за другою депеши, увѣдомлявшія о появленіи англійскаго флота передъ островомъ Вальхереномъ, а потомъ о высадкѣ арміи Чатама. Съ перваго-же увѣдомленія, полученнаго отъ Кларка, 6-го августа 1809, и прежде нежели дошло извѣщеніе о распоряженіяхъ Фуше, Наполеонъ, проникнутый необходимостью пріостановить англичанъ національнымъ движеніемъ — за невозможностью выставить достаточно сильное войско, предписалъ военному министру: «распространить необходимые циркуляры для возбужденія націи и собрать тридцать тысячъ человѣкъ національной гвардіи въ сѣверныхъ департаментахъ [84].» Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ ему на самыя поспѣшныя мѣры для задержанія непріятеля и сообщилъ планъ, которому должно было слѣдовать въ этой чисто оборонительной войнѣ. Въ особенности надлежало пополнить гарнизонъ Флессинга офицерами и артиллеристами, приказать Монне сдѣлать прорѣзы въ плотинахъ для образованія наводненія по окрестной странѣ, сосредоточить въ Гентѣ отборную національную гвардію, которою командовалъ генералъ Рампонъ, съ тѣмъ, чтобы дать ему возможность подкрѣпить гарнизонъ острова Кадзанда, двинуть къ Лиллю всю жандармерію, находящуюся въ распоряженіи генерала Монсея, а также къ Бергъ-оп-Цоомъ войска голландскаго короля, чтобы отправить ихъ въ Антверпенъ по первому требованію. Что касается флота, то онъ долженъ былъ укрыться къ самому Антверпену. При томъ слѣдуетъ избѣ-

[84]) Наполеонъ Кларку, 6 августа 1809.

гать рискованныхъ дѣйствій съ войсками такихъ сомнительныхъ достоинствъ. Флессингъ продержится два мѣсяца, а въ теченіе этого времени англійская армія можетъ погибнуть отъ наводненія и лихорадки [85]).

Когда Наполеонъ узналъ о противодѣйствіи, оказанномъ Камбасересомъ и Кларкомъ распоряженіямъ, предложеннымъ Фуше, его обыкновенное нетерпѣніе перешло въ гнѣвное настроеніе, и онъ разразился бранчивыми укорами: «Развѣ они хотѣли, чтобъ англичане застали ихъ въ постеляхъ? Слѣдовало поднять не тридцать, а шестьдесятъ тысячъ человѣкъ національной гвардіи. Принятое ими въ этомъ случаѣ положеніе было безчестно и постыдно, и только одинъ Фуше понялъ, что нужно дѣлать [86])!» Совѣтъ былъ не менѣе нерѣшителенъ и разногласенъ, когда нужно было назначить вождя для этой импровизированной арміи. Фуше предложилъ Бернадота, а Камбасересъ—голландскаго короля Лудовика. Стоило заняться дѣльнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ слабѣе была эта армія, тѣмъ необходимѣе было избрать хорошаго предводителя, чтобы хотя этимъ замѣнить въ войскѣ недостатокъ опытности и стойкости. Бернадотъ имѣлъ въ этомъ отношеніи неоспоримыя преимущества для предоставленія ему главнаго начальства; но онъ попалъ въ Парижъ только вслѣдствіе постигшей его немилости, и ни для кого не было тайной ненависть къ нему Наполеона, въ особенности со времени процеса Моро. Именно въ это самое время императоръ только-что нанесъ, почти публично, этому маршалу жестокое оскорбленіе. Послѣ ваграмскаго сраженія, Бернадотъ, обиженный тѣмъ, что не отдали справедливости саксонскому корпусу, которымъ онъ командовалъ, въ приказѣ по этому корпусу похвалилъ своихъ солдатъ за храбрость и стойкость, выказанныя ими въ сраженіяхъ 5 и 6 іюля.

---

[85]) Наполеонъ Кларку, 7, 8 и 9 августа.

[86]) Наполеонъ Камбасересу, 10 августа; Кларку, 10, 11 и 13 августа 1809.

Императоръ, раздраженный этимъ косвеннымъ ему упрекомъ, тѣмъ болѣе, что упрекъ былъ отчасти справедливъ, отвѣчалъ на это новымъ приказомъ, предназначеннымъ только для корпусныхъ начальниковъ, но который вскорѣ былъ разглашенъ злорѣчіемъ, и заключалъ въ себѣ самыя оскорбительныя для маршала выраженія: «Бернадотъ присвоиваетъ себѣ славу, принадлежащую другимъ.... его приказъ придаетъ неосновательныя притязанія войскамъ, по меньшей мѣрѣ, посредственнымъ. Онъ противорѣчитъ истинѣ, политикѣ, національной чести! [87])» Во многихъ другихъ случаяхъ онъ покушался унизить характеръ и таланты Бернадота. Но если независимость, честолюбіе и возвышенность ума этого маршала внушали ему глубокое отвращеніе, онъ въ сущности вѣрно цѣнилъ его энергію и военныя дарованія. Доказательство этому увидѣли вскорѣ послѣ того, какъ онъ написалъ упомянутый оскорбительный приказъ, не предвидя того, что ему немедленно будетъ нуженъ оскорбленный имъ генералъ. Съ 10-го августа, подъ тяжелымъ гнетомъ опасности, онъ указываетъ на него Кларку какъ на человѣка, котораго слѣдовало поставить во главѣ движенія, предпочтительно передъ маршалами Монсеемъ, Бессьеромъ и Келлерманомъ, которыми также можно было располагать: «Если Флессингъ взятъ,—писалъ онъ, нѣкоторое время спустя, къ самому Бернадоту,—я могу это приписывать только недостаточности дарованій коменданта. Въ этомъ отношеніи смотрю на Атверпенъ, какъ на городъ неодолимый... Я полагаюсь на вашу храбрость, искусство, опытность.» Бернадотъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобъ дозволить себя обмануть; эти комплименты имѣли для него одно значеніе: въ немъ нуждались. Въ то же время Наполеонъ строго порицалъ Камбасереса за то, что онъ вздумалъ предоставить начальство надъ войскомъ королю Лудовику, по тому только поводу, что онъ

---

[87]) Дневной приказъ 5 августа 1809, въ Шенбрунѣ.

былъ великимъ конетаблемъ имперіи. «Развѣ это не то же самое, говорилъ онъ, какъ еслибы на Мюрата возложили командованіе флотомъ, потому что онъ великій адмиралъ!» Но, могъ бы ему возразить архиканцлеръ, если Лудовикъ могъ быть импровизированнымъ королемъ страны, которой онъ не зналъ, то почему-же нельзя было импровизировать его генераломъ?

Мѣры, указанныя императоромъ, были приведены въ исполненіе со всею скоростью, какую требовали обстоятельства. Съ первыхъ чиселъ августа, король Лудовика отправился изъ Э-ла-Шапелль въ Бергъ-оп-Цоомъ, гдѣ собралось до восьми тысячъ голландскихъ солдатъ [88]), которыхъ онъ размѣстилъ по наиболѣе угрожаемымъ пунктамъ. Рампонъ отправился со своими національными гвардейцами на островъ Кадзандъ для подкрѣпленія генерала Руссо. Запасные батальоны конскриптовъ, депо, конные жандармы были поспѣшно отправлены къ Антверпену, гдѣ вскорѣ образовался порядочный гарнизонъ. Бернадотъ прибылъ туда 15-го августа и выказалъ большое рвеніе и дѣятельность по формированію и обученію этихъ неопытныхъ войскъ. Что касается національныхъ гвардейцевъ, такъ неожиданно вызванныхъ для пріобрѣтенія выпадавшей на ихъ долю славы, которой они впрочемъ нисколько не домогались, то съ ихъ стороны проявлялось много вялости и холодности [89]); можно-ли этому удивляться? Стоило-ли созидать такое сильное правительство, и выносить имперію со всѣмъ ея деспотизмомъ, для того, чтобъ подвергаться подобнымъ внезапнымъ нападеніямъ и паническому страху, которыхъ не испытывала самая революція? Какія-же преимущества предоставляло столь колоссальное государство, если оно даже не обезпечивало безопасности націи? Что за слава въ завоеваніи столицъ иностранныхъ госу-

---

[88]) *Documents sur la Hollande*, публикованные королемъ Лудовикомъ.

[89]) Philippe de Ségur: *Mémoires*. Этотъ писатель тѣмъ болѣе заслуживаетъ въ этомъ отношеніи довѣрія, что повѣствуетъ *de visu*; онъ командовалъ кавалеріей національнаго ополченія.

дарствъ, когда собственная столица открыта и предоставлена нашествію непріятеля? Къ чему наконецъ содержать съ такими громадными расходами шестисотъ-тысячную армію, когда въ то же время приходится прибѣгать къ поголовному ополченію народныхъ массъ, къ реквизиціямъ, ко всѣмъ первобытнымъ способамъ обороны, свойственнымъ народамъ, не имѣющимъ организованныхъ оборонительныхъ силъ?

Во всѣхъ этихъ фактахъ заключались достаточныя основанія для осужденія императорскаго правительства, и урокъ былъ понятенъ для всѣхъ. Нельзя сомнѣваться, что подобныя разсужденія могли до крайности увеличивать неохоту, съ которою покидали свой домашній очагъ люди, считавшіе, что они уже пріобрѣли право жить спокойно дома. Ихъ неудовольствіе имѣло еще и такое основаніе, котораго они и не подозрѣвали. Съ тѣхъ поръ какъ Наполеонъ сталъ убѣждаться въ полнѣйшемъ неуспѣхѣ попытокъ англичанъ противъ Антверпена, этотъ наборъ людей, который вскорѣ долженъ былъ дойти до восьмидесяти тысячъ человѣкъ, этотъ необходимый резервъ истощенной Франціи, обратился на его взглядъ въ готовый матеріалъ для продолженія войны противъ Австріи. Эту армію, по собственному его выраженію, онъ и не могъ поднять иначе какъ вслѣдствіе случайной опасности, а затѣмъ она должна будетъ, смотря по обстоятельствамъ, оказать вліяніе на переговоры съ австрійскимъ дворомъ или стать въ ряды прочихъ войскъ — противъ австрійцевъ [90]).

Все предвидѣнное Наполеономъ по нападенію англичанъ подтвердилось событіями, за исключеніемъ того, что относилось до Флессинга. Этотъ городъ, который, по его мнѣнію, могъ устоять, по крайней мѣрѣ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, на самомъ дѣлѣ былъ въ невозможности выдержать сово-

---

[90]) Наполеонъ къ Шампаньи, 19 августа 1809.

купную аттаку англійской арміи и флота. Только наводненіе могло замедлить на нѣсколько дней паденіе Флессинга, и генералъ Монне, защищавшій городъ до крайней возможности, приказалъ прорвать плотины. Но, или по возвышенію почвы, или потому, что плохо разсчитали высоту воды, эти прорывы оказались почти безполезными: вода ни мало не помѣшала англичанамъ устроить свои батареи на шоссе, окружавшихъ городъ. 12-го августа, послѣ требованія о сдачѣ, тысяча двѣсти орудій одновременно открыли огонь, какъ съ суши, такъ и съ моря, и осыпали Флессингъ ядрами и бомбами. Къ концу трехдневнаго страшнѣйшаго бомбардированія, всѣ городскія строенія были въ огнѣ или насквозь прострѣлены, наши батареи разгромлены, треть людей выбита изъ строя, а народонаселеніе, доведенное до отчаянія, громкими воплями умоляло о капитуляціи, сдѣлавшейся неизбѣжною. Монне, храбро исполнившій свою обязанность, сдалъ городъ передъ самымъ приступомъ, отбить который онъ былъ положительно не въ состояніи (15-го августа 1809) [91]).

Взятіе Флессинга было единственнымъ плодомъ, пріобрѣтеннымъ англичанами отъ этой гигантской экспедиціи, самой значительной изъ всѣхъ морскихъ вооруженій, когда либо отплывавшихъ отъ береговъ Англіи. Въ британской десантной арміи уже считалось до десяти тысячъ солдатъ, зараженныхъ болотной лихорадкой; число это увеличивалось съ каждымъ днемъ; извѣстно было, что Антверпенъ приведенъ не только въ безопасное положеніе противъ внезапнаго нападенія, но можетъ выдержать даже правильную осаду. Сверхъ того, какъ всегда случается въ предпріятіяхъ несчастливыхъ, между вождями экспедиціи возникли раздоры.

---

[91]) По свидѣтельству самого лорда Чатама и адмирала Страчана, Флессингъ былъ весь въ огнѣ съ 14 августа и городъ «представлялъ видъ страшнаго разрушенія.» Рапорты: Чатама 16-го и Страчана 17 августа 1809. *Annual register for the year* 1809.

Адмиралъ Страчанъ и лордъ Чатамъ сваливали другъ на друга отвѣтственность за вѣроятную неудачу всего предпріятія; они не могли согласиться между собою относительно того, какъ продолжать военныя дѣйствія. 26 августа, войска и флотъ достигли только Батца, а препятствія увеличивались по мѣрѣ уменьшенія ихъ силъ. Созвали военный совѣтъ, который рѣшилъ отступленіе, — если оно будетъ одобрено британскимъ кабинетомъ; этотъ послѣдній поспѣшилъ утвердить рѣшеніе совѣта, опасаясь, кромѣ потери кампаніи, потерять и войска въ ней участвовавшія. Экспедиція начала свое отступательное движеніе: вскорѣ потомъ англійская армія очистила бельгійскую территорію и островъ Вальхеренъ, на которомъ нашли могилу лучшіе ея солдаты.

Сначала Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить паденію Флессинга который онъ столько разъ объявлялъ «неодолимымъ». Когда же стало невозможно долѣе сомнѣваться въ вѣрности извѣстія, онъ ни на минуту не поколебался приписать это событіе «трусости и измѣнѣ» генерала Монне. Прежде даже полученія какого-либо отчета о дѣйствіяхъ этого офицера, онъ предписалъ Кларку напечатать въ журналахъ статьи о трусости Монне и о страшномъ наказаніи, ожидающемъ каждаго коменданта, унизившагося до подобнаго безчестья [92]). Жестокость такого предвзятаго рѣшенія справедливо набросила тѣнь подозрѣнія на приговоръ суда, наряженнаго Наполеономъ. Монне, какъ не явившійся къ отвѣту, былъ осужденъ на смерть заочно. Военная комисія сложила несчастье нашего оружія на указанную ей жертву, тогда какъ главною причиною этого печальнаго событія была насильственная политика императора [93]).

---

[92]) Наполеонъ Кларку, 2 сентября 1809.

[93]) Донесенія обоихъ предводителей британской экспедиціи, во многихъ важныхъ статьяхъ, противорѣчатъ заключеніямъ слѣдственной комиссіи, въ особенности относительно численности гарнизона. Сравните *le Moniteur* 8-го декабря 1809 съ *State papers.*

Съ той поры, какъ Наполеонъ сознавалъ, что опасность уменьшилась и что англичане, по своей медлительности, потеряли случай къ успѣшному выполненію своего предпріятія, онъ сталъ возвращаться, какъ предугадывалъ Камбасересъ, къ своему настоящему нраву. Деспотическіе его инстинкты, налагавшіе на все безмолвіе, неподвижность и пассивное повиновеніе, взяли въ немъ верхъ надъ сужденіемъ человѣка дѣла. Онъ размыслилъ, что въ концѣ концовъ надѣлали много шума попустому, что Фуше зашелъ черезчуръ далеко и что, по его выраженію, «не нужно было столько суеты и заносчивости [94]).» Къ чему повело умноженіе наборовъ и распространеніе ихъ на столь многіе департаменты прибрежья? Къ чему было перевозить на почтовыхъ національную гвардію? Не значило-ли это напрасно пугать народонаселеніе? Вскорѣ эти безотвѣтные вопросы перешли въ чувство неудовольствія, и дурное расположеніе духа, породившее подозрительное недовѣріе и къ Фуше и Бернадоту. Когда онъ окончательно убѣдился въ несомнѣнномъ отступленіи англичанъ, то не замедлилъ отнять командованіе у сотрудника, болѣе ему не нужнаго. Прошелъ едва мѣсяцъ съ тѣхъ поръ какъ оно было ему ввѣрено. Онъ обвинялъ Бернадота за переписку съ «парижскими интриганами», за новый приказъ, въ которомъ этотъ маршалъ хвалился тѣмъ, что у него было всего пятнадцать тысячъ солдатъ для отраженія англичанъ [95]).

Были-ли эти упреки искренни? Въ этомъ отношеніи можно сослаться на свидѣтельство самого Наполеона: «У меня нѣтъ причинъ, писалъ онъ, 8-го октября, къ Бессьеру, быть недовольнымъ принцемъ Понте-Корво; но я счелъ нужнымъ оставлять человѣка такихъ шаткихъ сужденій во главѣ столь значительныхъ силъ.» Бернадотъ получилъ приказаніе отправиться

---

[94]) Наполеонъ Камбасересу, 1 сентября 1809.
[95]) Наполеонъ Кларку, 11 сентября.

въ путешествіе, потомъ ему предложили начальство въ Каталоніи, отъ котораго онъ отказался; наконецъ, вслѣдствіе самаго горячаго объясненія съ Наполеономъ, ему досталось управленіе Римомъ съ двумя милліонами франковъ годоваго содержанія; эта развязка доказала, что для него было гораздо выгоднѣе внушать нѣкоторое опасеніе, нежели оказывать услуги. Впрочемъ, не замедлили произвольно лишить его этого послѣдняго назначенія. Что же касается Фуше, съ тѣхъ поръ какъ англичане, казалось, были обречены на бездѣйствіе, онъ былъ признанъ вздорнымъ агитаторомъ, хотѣвшимъ «поджечь Францію, разсѣвая смятеніе и недовѣріе къ правительству» съ своими вѣчными ополченіями. «Какого чорта ему хотѣлось этимъ достигнуть [96])?» Его рвеніе слишкомъ походило на измѣну, и этотъ сомнительный и опасный прислужникъ не минуетъ получить достодолжную награду.

---

[96]) Наполеонъ Фуше, 26 сентября 1809.

ГЛАВА IV.

Вѣнскій миръ.—Разводъ и австрійскій бракъ.—Присоединеніе папскихъ владѣній къ имперіи.—Предположенія Наполеона относительно католической церкви. (Іюль 1809 — май 1810.)

Переговоры, начатые въ Альтенбургѣ, между Наполеономъ и императоромъ Францемъ, вслѣдствіе цнаймскаго перемирія, почти не подвигались впередъ, пока не опредѣлился исходъ событій въ Бельгіи и Испаніи. Всѣмъ было понятно, что эти дѣла, рѣшавшіяся на столь отдаленныхъ окраинахъ Европы, имѣли необходимую связь съ нашими дѣйствіями въ Австріи, и что сраженіе, проигранное нами на берегахъ Таго или при устьяхъ Шельды, могло поставить въ неопредѣленное положеніе выгоды, пріобрѣтенныя Наполеономъ на Дунаѣ. При этихъ обстоятельствахъ вполнѣ оправдывалось замѣчательное изреченіе: «Если мирные трактаты пишутся дипломатами, то совершаются они генералами [97]).» До того времени, пока не пришли точныя извѣстія объ отступленіи Веллингтона изъ долины Таго и о неудачѣ англичанъ въ ихъ покушеніи на Антверпенъ, альтенбургскіе переговоры были не что иное какъ дипломатическія продѣлки, при кото-

---

[97]) Рѣчь Тьера о переговорахъ съ Пруссіей, 1871.

рыхъ съ обѣихъ сторонъ старались болѣе о выигрышѣ времени, нежели о точномъ опредѣленіи требованій договаривающихся противниковъ. На невозможное къ принятію предложеніе Наполеона, то есть, на право *uti possidetis*, по которому вся территорія, занятая нашими войсками, и жившіе на ней девять милліоновъ людей считались пріобрѣтенною нами собственностью, которая при дальнѣйшихъ переговорахъ могла представлять предметъ обмѣна на другія части, какія бы отошли къ Франціи, по обоюдному соглашенію, отъ имперскихъ австрійскихъ владѣній, вѣнскіе уполномоченные возражали ссылкою на неприкосновенность имперіи и предложеніемъ вознагражденія исключительно денежнаго, хотя они знали навѣрное, что подобною сдѣлкою, ни въ какомъ случаѣ, не удовлетворится такой требовательный побѣдитель, каковъ былъ Наполеонъ [98]).

Впрочемъ, намѣренія императора относительно уступокъ, которыхъ онъ хотѣлъ требовать отъ Австріи, опредѣлились довольно скоро, и ихъ нетрудно отличить изъ-подъ покрова дипломатическихъ туманностей, которыми онъ прикрывалъ ихъ сначала. По своей итальянской границѣ онъ хотѣлъ такой земельной прибавки, чтобъ можно было установить сухопутное сообщеніе между Венеціей и французскими владѣніями въ Далмаціи, то есть, Каринтіи, Карніоліи и части Кроаціи, вдоль адріатическаго прибрежья, до самой Далмаціи. На Иннѣ онъ хотѣлъ расширить баварскую границу, приблизивъ ее до крайней возможности къ Вѣнѣ. Въ Галиціи, наконецъ, онъ хотѣлъ, подъ предлогомъ округленія и усиленія покровительствуемаго имъ саксонскаго королевства, увеличить великое герцогство варшавское, которое стало-бы основнымъ камнемъ ожидавшагося возстановленія Польши. Но для достиженія этой цѣли надобно было обмануть справедливо

---

[98]) Письма Наполеона къ Шампаньи, отъ 24 іюля по 19 августа 1809.

опасливое недовѣріе русской политики, въ отношеніи къ которой онъ принялъ на себя формальныя обязательства. Не выполнить этихъ обязательствъ было очень опасно: хотя императоръ Александръ I лично благоволилъ къ полякамъ, но ни онъ самъ, ни подвластный ему народъ не допустилъ-бы этого возстановленія, тѣмъ болѣе, что въ то время русскіе и поляки еще враждебно относились другъ къ другу. Замѣчательная особенность, что во все продолженіе войны противъ Россіи, Наполеонъ не предпринималъ ничего въ пользу польскаго дѣла, тогда какъ онъ могъ попытаться на это если не съ успѣхомъ, то, по крайней мѣрѣ, безнаказанно, и вотъ, съ той самой поры, какъ онъ обязался отстраняться отъ этого дѣла, искушеніе начало дѣйствовать на его умъ, и онъ подъ рукою сталъ поджигать польскихъ патріотовъ. Въ Петербургѣ объ этомъ знали. Тамъ не упускали случая предостеречь его отъ подобныхъ попытокъ и предупреждали, что это положило бы конецъ союзу. Императоръ Александръ I часто разсуждалъ о польскихъ дѣлахъ съ нашимъ посланникомъ Коленкуромъ. При самомъ открытіи конференцій въ Альтенбургѣ, Александръ I повторилъ прежнія предупрежденія въ очень опредѣленныхъ выраженіяхъ. Приглашенный прислать отъ себя уполномоченнаго въ Альтенбургъ, и предвидя, что такимъ посредничествомъ онъ можетъ принять на себя участіе въ такихъ дѣйствіяхъ, которыхъ лично никогда бы не одобрилъ, императоръ предпочелъ положиться на рѣшеніе, какое постановитъ Наполеонъ въ виду обоюдныхъ выгодъ обоихъ союзныхъ государствъ. Но онъ опять напомнилъ ему съ особенной настойчивостью о томъ, чтобъ онъ не касался польскаго вопроса: «мои интересы въ рукахъ вашего величества, писалъ онъ ему 21 августа 1809. Я охотно возлагаю полную мою довѣренность на вашу дружбу ко мнѣ. Вы дадите мнѣ самый вѣрный залогъ этой дружбы, если сохраните въ вашей памяти то, о чемъ я часто говорилъ вамъ въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ относительно

интересовъ Россіи въ дѣлахъ прежде бывшей Польши, и о чемъ я потомъ поручалъ вашему посланнику повторить вамъ.»

Австрійскій дворъ несомнѣнно зналъ, какое опасное поприще представляло это дѣло для нашей политики, и потому старался всѣми мѣрами привлечь на это поприще Наполеона, который своимъ проницательнымъ взглядомъ очень хорошо видѣлъ ловушку, а между тѣмъ не могъ не поддаться прелести запрещеннаго плода. Онъ предчувствовалъ, что Австрія выставитъ его посягательство на видъ петербургскому двору и что это можетъ затруднить переговоры. Вслѣдствіе того онъ остерегся и не произносилъ до времени опасныхъ названій Галиціи и Польши, съ тѣмъ, чтобъ потомъ навязать Россіи свое рѣшеніе, при самомъ концѣ дѣла, какъ совершившійся фактъ, оправдываясь въ немъ нравственной обязанностью не предоставлять мстительности Австріи поляковъ, принявшихъ нашу сторону. Надобно было обманывать пока Россію и не доводить себя до преждевременнаго обвиненія въ посягательствѣ на Галицію. Съ этой цѣлью онъ настоятельно потребовалъ веденія подробнаго протокола конференцій; требованіе какъ нельзя болѣе непріятное Меттерниху и Нюгенту, двумъ дипломатамъ, на долю которыхъ выпала мудреная обязанность отстаивать отъ алчности завоевателя клочья растерзанной имъ австрійской монархіи. Трудно себѣ объяснить, какимъ образомъ заботливость, съ которою вѣнскій дворъ склонялъ его на этотъ столь опасный путь, не понудила Наполеона отступиться отъ заключенія такой сдѣлки, которая неминуемо должна была привести къ войнѣ съ Россіей. Но невозможно отрицать того, что онъ дѣйствовалъ съ умысломъ, и какъ человѣкъ вполнѣ свѣдущій и предупрежденный: «увѣдомите обстоятельно Коленкура, писалъ онъ 24 августа къ Шампаньи, чтобъ онъ предостерегъ г. Румянцова отъ австрійскихъ внушеній, чтобъ увѣрилъ его въ томъ, что названіе Галиціи не

было произнесено, *что мы не хотимъ произносить этого названія, хотя и видно, что австрійцы изыскиваютъ средства приступить къ дѣлу именно съ «этой стороны»* [99]).

Но и самъ онъ хотѣлъ того-же, вопреки своимъ успокоительнымъ завѣреніямъ. Такъ какъ обнаруженіе подобныхъ замысловъ могло-бы повредить исходу переговоровъ, то онъ пошелъ къ своей цѣли окольнымъ путемъ. Передъ горестно-упорнымъ молчаніемъ австрійскихъ дипломатовъ, онъ мало-по-малу сталъ отступаться отъ непомѣрныхъ своихъ первоначальныхъ требованій. Онъ далъ имъ понять, что если Австрія согласится на пожертвованія, соотвѣтствующія тѣмъ, которыя она понесла при заключеніи пресбургскаго мира, то онъ съ своей стороны приметъ среднюю величину между этими пожертвованіями и базисомъ *uti possidetis*, то есть уступку четырехъ или пяти милліоновъ народонаселенія, вмѣсто девяти милліоновъ, потребованныхъ имъ вначалѣ переговоровъ. Потомъ онъ привелъ ихъ къ согласію на то, что уступка будетъ произведена сначала по итальянской границѣ, а потомъ и въ верхней Австріи. Достигнувъ этого и не говоря ни слова о Галиціи, но требуя округленія Саксоніи, онъ предложилъ присоединеніе къ этому королевству трехъ округовъ Богеміи, въ увѣренности, что императоръ Францъ самъ пожелаетъ замѣнить отчужденіе этихъ округовъ уступкою части Галиціи, какъ пріобрѣтенія недавняго, которымъ онъ дорожилъ менѣе нежели старинными провинціями монархіи. Въ замѣну всѣхъ этихъ уступокъ, онъ готовъ, по собственному его выраженію, возвратить Вѣну, округи Брюна и Цнайма, всю нижнюю Австрію и Штирію [100]). Такимъ предложеніемъ давалось ясно понять, что онъ оставляетъ за собою право предъявить новыя требованія, тѣмъ болѣе, что какъ наши, такъ и союзныя

---

[99]) Наполеонъ къ Шампаньи, 24 августа 1809.

[100]) Наполеонъ къ Шампаньи, письма съ 15 августа по 4 сентября.

намъ русскія войска занимали не однѣ только упомянутыя имъ области, но также почти половину Галиціи, о возвращеніи которой не было рѣчи. По этой статьѣ Шампаньи долженъ былъ объявить, что «положеніе этой страны будетъ обсуживаться особо, и составитъ отдѣльное *uti possidetis.*»

Какъ ни былъ подавленъ такими суровыми требованіями побѣдителя австрійскій дворъ, тѣмъ не менѣе онъ съ затаенной радостью увидѣлъ, что, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній Наполеонъ, хотя и украдкою, но простираетъ руку къ запретной добычѣ. Императоръ Францъ сталъ гораздо сообщительнѣе прежняго: онъ послалъ къ Наполеону своего адъютанта Бубна, подъ тѣмъ предлогомъ, что причиною медленности переговоровъ въ Альтенбургѣ онъ считаетъ формализмъ Меттерниха и что, безъ посредничества дипломатовъ, можно гораздо скорѣе придти къ соглашенію. Наполеонъ встрѣтилъ Бубна ласково и съ нѣкоторой фамильярностью; онъ принялъ на себя трудъ выказать передъ нимъ ту свойственную ему грацію хищныхъ кошачей породы, въ неотразимую обворожительность которой онъ и самъ увѣровалъ вслѣдъ за своими льстецами; въ разговорахъ съ нимъ онъ дошелъ до того, что подергивалъ его за усы: это считалось свидѣтельствомъ наивысшей благосклонности императора. Онъ прикинулся готовымъ раскрыть передъ нимъ всю свою душу, не таиться передъ нимъ ни въ чемъ. Все его желаніе состояло въ томъ, чтобы жить въ мирѣ съ Австріей; онъ вовсе не желалъ раздробленія этой монархіи, но его вынудили принять мѣры предосторожности противъ слабости императора Франца, дозволяющаго обращать себя въ орудіе англичанъ, и который «всегда подчиняется мнѣнію того, кто говоритъ съ нимъ послѣ другихъ.» Если-бы въ Австріи былъ такой государь, на котораго можно-бы полагаться, какъ, напримѣръ, великій герцогъ вюрцбургскій, или прежній великій герцогъ тосканскій,

братъ нынѣшняго императора, то онъ, Наполеонъ, готовъ-бы былъ просто возвратить ему всю занятую французами территорію. Бубна возражалъ, утверждая, что императоръ австрійскій не поколебался-бы отречься отъ престола, еслибъ дѣло было такъ; Наполеонъ счелъ это невѣроятнымъ. Я очень хорошо вижу, говорилъ онъ, что меня хотятъ заставить воевать, опять проливать кровь; но, въ такомъ случаѣ, я не отступлю до тѣхъ поръ, пока не раздроблю соединенія трехъ коронъ. Если желаютъ мира, надобно это доказать согласіемъ на неизбѣжныя уступки. Онъ настаивалъ на необходимости заручиться залогами противъ государя, неблагодарность котораго онъ испыталъ и интересы котораго прямо противоположны собственнымъ его интересамъ: «вашъ государь и я, сказалъ онъ съ цинизмомъ военной откровенности, мы оба, какъ два быка, ухаживаемъ за двумя телицами—Германіей и Италіей» [102]). Онъ, впрочемъ, съ горячностью отвергъ просьбу Бубна относительно возвращенія Тироля австрійскому дому, но значительно сократилъ свои притязанія, объявивъ, что готовъ принять пожертвованіе, сообразное съ пресбургскимъ, что составляло около трехъ милліоновъ пятисотъ тысячъ народонаселенія.

Вслѣдствіе свиданія съ Бубна, Наполеонъ рѣшился на послѣдній шагъ. Въ то время уже знали объ окончательномъ неуспѣхѣ антверпенской экспедиціи, также какъ и объ отступленіи Веллингтона въ Португалію. Австріи нельзя было ожидать помощи ниоткуда; надобно было принять предлагаемый миръ, и посылка Бубна императоромъ Францомъ доказывала готовность къ тому. Съ другой стороны, наши успѣхи, хотя неоспоримые, не были уже столь поразительны какъ прежнія побѣды. Въ Австріи, одно сраженіе съ сомнительнымъ исходомъ — Эсслингъ, другое выигранное, но послѣ упорнаго сопротивленія — Ваграмъ; въ Испаніи,

---

[102]) Наполеонъ къ Шампаньи, 10 сентября 1809.

проигранное сраженіе — Талавера; въ Голландіи, экспедиція англичанъ, безуспѣшная, скорѣе по неумѣлости нашихъ противниковъ, нежели по достоинству нашихъ соображеній и дѣйствій,—все это вмѣстѣ взятое, не составляло такихъ преимуществъ, которыя дозволяли-бы намъ черезъ мѣру воспользоваться побѣдой. Приходилось сократить наши требованія и поспѣшить заключеніемъ мира. Наполеонъ, казалось, и самъ понялъ эту необходимость, но съ другою цѣлью: ему нужно было предупредить вмѣшательство Россіи въ составленіе договора, отчасти направляемаго противъ нея. 15-го сентября, онъ предписалъ Шампаньи «ускорить сколь возможно ходъ переговоровъ», и дать знать австрійскимъ уполномоченнымъ, что «для немедленнаго прекращенія бѣдствій войны, отягчающихъ народы и *особенно этотъ добрый народъ австрійскій*, онъ готовъ покончить дѣло съ принятіемъ за основаніе договора уступки одного милліона шести сотъ тысячъ народонаселенія по границамъ Инна и Италіи, и двухъ милліоновъ въ Галиціи *«для раздѣла между Саксоніей и Россіей»* [103]).

Этотъ мнимый раздѣлъ былъ въ его соображеніяхъ не болѣе какъ пустымъ словомъ, пущеннымъ въ ходъ для успокоенія императора Александра I: въ дѣйствительности Наполеонъ предполагалъ отдѣлить къ Россіи едвали пятую часть требуемой имъ территоріи въ Галиціи. Такимъ образомъ раскрывалась эта пагубная затаенная мысль, источникъ другихъ болѣе кровавыхъ столкновеній. Одно увеличеніе Варшавскаго герцогства, то есть, Польши, о чемъ пока не было и рѣчи, превосходило все то, что требовали для Италіи и Баваріи. Это позднее разоблаченіе долго скрываемаго посягательства, въ одно и то же время раскрывало имѣвшіеся въ виду послѣдующіе планы и причины напущеннаго на себя въ началѣ переговоровъ притворства. Австрійскій дворъ

[103]) Наполеонъ къ Шампаньи, 15 сентября 1809.

отнюдь не противился такому домогательству, въ сущности для него выгодному; на наши требованія уступокъ въ Галиціи почти не было возраженій; при большей съ нашей стороны настойчивости, намъ пожалуй отдали-бы ее всю; но, наоборотъ, съ особеннымъ напряженіемъ отстаивали территорію на другихъ спорныхъ пунктахъ. Съ обнаруженіемъ видовъ Наполеона для Австріи становилось столько-же выгоднымъ замедлять переговоры, сколько ему поскорѣе ихъ окончить. Этотъ разсчетъ не ускользнулъ отъ проницательности императора и раздражилъ его. При всемъ своемъ геніи онъ былъ слишкомъ нетерпѣливъ, слишкомъ повелителенъ, чтобъ выработать изъ себя хорошаго дипломата. При всѣхъ лично имъ руководимыхъ переговорахъ, устроивъ съ чрезвычайнымъ искусствомъ западню, куда ему хотѣлось загнать своихъ противниковъ, ему рѣдко удавалось не дать себя разгадать преждевременно и не утратить поэтому всѣхъ ожидавшихся выгодъ; тогда, прерывая дальнѣйшія разсужденія, онъ обнажалъ противъ дипломатовъ остріе своей шпаги. Конечно, такой аргументъ былъ всесиленъ, но дополнялъ униченіемъ горькое чувство побѣжденныхъ и возбуждалъ въ нихъ мысль о мщеніи, тѣмъ болѣе глубокую, что она замѣняла начала справедливости и соглашенія, предполагавшіяся при открытіи переговоровъ. Въ досадѣ на свою опрометчивость, Наполеонъ обратилъ на императора Франца и его совѣтниковъ самыя оскорбительныя порицанія: «я не знаю, писалъ онъ къ Шампаньи, какъ это они заставляютъ своего государя говорить *такія глупости;* полагать надо, что эти господа вовсе не знаютъ географіи... пусть ихъ пустословятъ... Императоръ не понимаетъ того, что говоритъ» [104]).

Это пустословіе имѣло цѣлью отстоять противъ его требованій еще нѣсколько тысячъ подданныхъ, выгадать по

---

[104]) Наполеонъ къ Шампаньи, 21, 22 сентября 1809.

возможности болѣе времени, и въ этомъ заключался наилучшій способъ дѣйствія для Австріи. Но такой человѣкъ какъ Наполеонъ не допускалъ продолжительнаго пользованія сдѣланною имъ ошибкой. Дипломатія сдѣлалась безполезною, такъ какъ онъ рѣшился настоятельно предъявить свою волю: онъ повелъ переговоры лично съ Бубна и княземъ Іоанномъ Лихтенштейномъ, тѣмъ самымъ, котораго онъ такъ обласкалъ послѣ аустерлицкаго сраженія. Это значило, что альтенбургскія конференціи прекращаются за ненадобностью, и что дѣло будетъ рѣшаться на военный ладъ. Съ этой цѣлью онъ велѣлъ, гласно для всѣхъ, войскамъ занять стратегическія позиціи, сталъ инспектировать расположенные на нихъ отряды, произвелъ смотры войскамъ; потомъ, послѣ принятія такихъ предосторожностей, предъявилъ обоимъ генераламъ свой ультиматумъ. По итальянской границѣ, онъ довольствуется Карніоліей; въ Каринтіи: округомъ Виллаха; въ Кроаціи: правымъ берегомъ рѣки Савы до Босніи; на баварской границѣ, онъ уступалъ Линцъ, но бралъ Зальцбургъ. При этомъ отходило отъ Австріи одинъ милліонъ пятьсотъ тысячъ подданныхъ, то есть на сто тысячъ менѣе противъ прежняго назначенія. Въ Галиціи, онъ требовалъ съ небольшимъ двухъ-милліоннаго населенія. Сверхъ того онъ опредѣлилъ сокращеніе австрійской арміи до ста пятидесяти тысячъ человѣкъ, потребовалъ исключенія всѣхъ иностранцевъ, служившихъ Австріи, наконецъ военную контрибуцію въ сто милліоновъ (30 сентября).

Угрожающія демонстраціи, сопровождавшія эти требованія, произвели нужное впечатлѣніе на австрійскій дворъ, и возраженія послѣдовали только относительно количества денежнаго вознагражденія. Казалось, что упорная настойчивость Наполеона въ удержаніи размѣра назначенной имъ уплаты продолжитъ пререканія за предѣлы, указываемые благоразуміемъ, когда случай, для него поразительный, доказалъ ему необходимость покончить немедленно это дѣло. 12

октября 1809, когда онъ производилъ смотръ своимъ войскамъ въ Шенбруннѣ, молодой человѣкъ выдѣлился изъ толпы, стараясь приблизиться къ императору. Отстраненный на первый разъ, онъ приближается снова, и своей настойчивостью привлекаетъ на себя вниманіе императорской свиты. Раппъ и Бертье приказываютъ его арестовать; при обыскѣ находятъ у него скрытый подъ платьемъ длинный остро наточенный ножъ. Это былъ семнадцатилѣтній юноша, кроткаго и печальнаго вида, сынъ бѣднаго пастора въ Наумбургѣ, по имени Фридрихъ Штаабсъ. Допрошенный самимъ императоромъ въ присутствіи Корвизара, онъ отвѣчалъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью, которыя обнаружили въ немъ неизмѣнную рѣшимость. Корвизаръ подтверждаетъ совершенную правильность его пульса. Штаабсъ, безъ всякой похвальбы, объявилъ, что рѣшился убить Наполеона, чтобъ избавить отъ его насилій Германію. У него не оказалось ни соумышленниковъ, ни соучастниковъ, и онъ не выказалъ ни страха, ни раскаянія. «Я не замѣтилъ въ немъ ни религіознаго, ни политическаго фанатизма,» писалъ Наполеонъ, въ тотъ-же день, объ этомъ событіи къ Фуше. Слѣдовательно рука Штаабса вооружилась исключительно по его любви къ отечеству.

Это первое проявленіе непримиримой національной вражды, поразившей Наполеона въ 1813 году, произвело на него только скоропреходящее впечатлѣніе, и предостереженіе, заключавшееся въ этомъ фанатическомъ актѣ, пропало для него безслѣдно. Онъ вывелъ изъ него только то немудреное заключеніе, что надобно поскорѣе удалиться отъ мѣста, ставшаго вреднымъ для его здоровья. Онъ смотрѣлъ на это покушеніе не какъ на свидѣтельство національной къ нему ненависти, но какъ на преступленіе чуждаго всему восторженнаго мечтателя, и охотно-бы объявилъ Штаабса умалишеннымъ, еслибъ точное медицинское свидѣтельство не подтвердило, что злоумышленникъ умственно вполнѣ здо-

ровъ. Впрочемъ, при полной заботливости о своемъ самосохраненіи, ему не приходилось насиловать въ себѣ чувствъ состраданія къ юному бѣдняку: такихъ чувствъ никогда не было въ его сердцѣ. Онъ даже не понималъ, что личный разговоръ съ Штаабсомъ обязываетъ его дать ему пощаду. Истинное величіе всегда великодушно; войти въ объясненіе съ побѣжденнымъ врагомъ значитъ — простить его.

Не безъизвѣстно ему было, на сколько подобные примѣры отчаянныхъ попытокъ заразительны для подражателей: велѣно было не разглашать ничего ни о покушеніи, ни о наказаніи, а Шампаньи приказано немедленно подписать мирный договоръ, даже съ уменьшеніемъ, если то окажется нужнымъ, цифры прежде требованныхъ ста милліоновъ. Бубна и Лихтенштейнъ согласились на уплату восьмидесяти пяти милліоновъ, если на то послѣдуетъ утвержденіе ихъ двора. Наполеонъ не сталъ ожидать обмѣна ратификаціи. Ко всѣмъ продѣлкамъ, которыя онъ пускалъ въ ходъ во время переговоровъ, онъ присоединилъ новую хитрость: 15-го октября онъ выѣхалъ изъ Вѣны, объявивъ торжественно всѣмъ о мирѣ, который, однакожь, не былъ еще заключенъ. Эта, столь нетерпѣливо жданная новость принята была въ Вѣнѣ съ радостными манифестаціями, и затѣмъ австрійскому двору невозможно было уклониться отъ принятія этого мира, какъ онъ ни былъ прискорбенъ и унизителенъ.

Обмѣнъ ратификацій дѣйствительно послѣдовалъ 20 октября, къ великому неудовольствію этого двора, ожидавшаго болѣе снисходительныхъ условій отъ продленія переговоровъ. Нѣсколько дней спустя, французскія войска выступили изъ Вѣны, взорвавъ ни для кого неопасныя укрѣпленія столицы, — жалкое и безполезное самоуправство, разрушавшее скорѣе историческій памятникъ, нежели крѣпость, и портившее мѣсто, гдѣ охотно гуляли вѣнскіе жители, едвали виновные въ томъ, что эти укрѣпленія на два дня задер-

жали новаго короля королей. А между тѣмъ нашъ *Moniteur* свидѣтельствовалъ, что вѣнцы вполнѣ великодушно заботились о нашихъ раненыхъ подъ Ваграмомъ. Нашъ главный штабъ благодарилъ ихъ въ прокламаціи, которая оканчивалась слѣдующими словами: «великій Наполеонъ будетъ знать, что вы имѣете право на его благоволеніе» [105]). Это благоволеніе выразилось тѣмъ, что онъ обезобразилъ ихъ городъ. Короткая расправа французовъ напомнила скоро забывающему зло населенію, что австрійскій императоръ попалъ въ число вассаловъ самаго безпощаднаго властителя.

Вѣнскій миръ былъ купленъ такою цѣною, что не оставилъ за собою ничего, кромѣ озлобленія, уничиженія и національной ненависти. Но, благодаря криводушной политикѣ, которой мы слѣдовали, этотъ миръ возбудилъ наибольшее негодованіе не столько въ народѣ побѣжденномъ, сколько въ томъ народѣ, который долженъ-бы былъ въ союзѣ съ нами воспользоваться плодами побѣды. Узнавъ содержаніе статей мирнаго договора относительно Галиціи, императоръ Александръ I сознавалъ себя оскорбленнымъ. Въ присутствіи нашего посланника Коленкура, онъ молча просмотрѣлъ этотъ документъ; потомъ, окончивъ чтеніе, онъ взялъ со стола приказъ объ отстраненіи отъ дѣлъ генерала князя Горчакова, выказавшаго свое сочувствіе въ пользу Австріи, онъ указалъ на число мѣсяца этого только-что состоявшагося приказа, что представляло неопровержимое доказательство его вѣрности французскому союзу, и на томъ прекратилъ разговоръ, не желая слушать долѣе путавшагося въ объясненіяхъ дипломата.

Нарушеніе обязательствъ, принятыхъ на себя въ Тильзитѣ, было на столько очевидно, что самъ Наполеонъ очень хорошо понималъ, какое дурное впечатлѣніе оно должно было произвести въ Петербургѣ. Но онъ льстилъ себя надеждою,

---

[105]) Moniteur, 23 іюля 1809.

что ему скоро удастся разсѣять это неудовольствіе, или предложеніемъ какихъ либо выгодъ для Россіи, или своими убѣжденіями въ пользу продолженія союза, или наконецъ тѣмъ страхомъ, которое внушало всѣмъ его могущество. Въ своемъ желаніи обезоружить чѣмъ бы то ни было русскій дворъ, ему хотѣлось, чтобъ императоръ Александръ I, одновременно съ непріятнымъ для него извѣстіемъ получилъ и успокоительныя завѣренія, а потому предложилъ ему нѣкоторыя непрошенныя гарантіи въ будущемъ. Въ самый день подписи вѣнскаго договора, то есть 20 октября 1809, Шампаньи послалъ Румянцову длинную апологію по поводу уступокъ въ Галиціи. Онъ увѣрялъ, что Наполеонъ нехотя согласился на это условіе, и только для того, чтобы предохранить отъ мести австрійцевъ людей, для насъ жертвовавшихъ собою, и что онъ зорко будетъ наблюдать за предупрежденіемъ какихъ-бы то ни было революціонныхъ стремленій въ странѣ, уступленной Саксоніи; наконецъ, что «онъ согласенъ на то, чтобъ самыя названія Польши и поляковъ исчезли не только изъ актовъ, но даже изъ исторіи.»

Такія увѣренія превышали мѣру приличія, и конечно недостаткомъ чувства собственнаго достоинства нельзя было замѣнить недостатокъ совѣстливости. Императоръ Александръ I не измѣнилъ своего недовѣрія и не забылъ своей обиды, но вначалѣ надѣялся извлечь пользу изъ даннаго ему ручательства. Предположеніе его не осуществилось, и въ непродолжительномъ времени отношенія Россіи къ Франціи стали непріязненными, такъ что восхваляемый вѣнскій миръ повелъ къ чему-то въ родѣ открытой ссоры между нами и Россіей.

Въ то время, какъ австрійскій дворъ заключалъ миръ съ Наполеономъ, за Австрію еще умирали люди въ одной изъ провинцій, отдѣленной отъ имперіи въ предшествовавшія войны. Тироль, инсуррекція въ которомъ могла-бы быть столь полезною для Австріи, еслибъ географическое положеніе

этой области было въ срединѣ имперіи, а не на отдѣленной окраинѣ, оставался внѣ круга нашихъ военныхъ операцій, послѣ первыхъ попытокъ Лефебвра къ его покоренію, и представлялъ, по своему естественному положенію, крѣпкую для обороны мѣстность, блокируемую по горнымъ дорогамъ нашими войсками. Заключеніе мира и конецъ войны съ Австріей дозволили Наполеону направить на эту несчастную страну всѣ силы, нужныя для утвержденія надъ нею ненавистнаго господства Баваріи. Друэ, Вреде, Віаль и Барагэ д'Иллье одновременно проникли туда по долинамъ съ сѣвера и юга, съ отрядами, достаточно сильными для подавленія всякаго сопротивленія. Передъ началомъ военныхъ дѣйствій, принцъ Евгеній велѣлъ предложить инсургентамъ амнистію, которую они, казалось, готовы были принять. Но Андрей Гоферъ, восторженный и мало свѣдущій энтузіастъ, подстрекаемый фанатиками, пользовавшимися его отвагой и легковѣріемъ, отказался послѣдовать полученнымъ изъ Вѣны наставленіямъ и, послѣ нѣкотораго колебанія, опять взялся за оружіе. Разбитый, вынужденный къ бѣгству въ горы, онъ былъ схваченъ, по предательскому доносу, въ убѣжищѣ, гдѣ укрывался, и отвезенъ въ Мантую (19 января 1810).

Принцъ Евгеній, душа человѣколюбивая и благородная, хотѣлъ-было спасти этого смѣлаго партизанскаго вождя, который и самъ не разъ спасалъ плѣнныхъ нашихъ солдатъ отъ народнаго мщенія. Все преступленіе Гофера состояло въ томъ, что онъ былъ патріотъ: преимущественно отъ насъ заслуживалъ онъ пощады, потому что именно такіе же преступники спасли Францію во времена революціи. Но такія соображенія были чужды уму Наполеона, которому былъ доступенъ одинъ только разсчетъ: «Мой сынъ, писалъ онъ Евгенію 11 февраля 1810, я увѣдомлялъ васъ о присылкѣ Гофера въ Парижъ; но такъ какъ онъ теперь уже въ Мантуѣ, то велите нарядить немедленно военную комиссію, *чтобъ его судить* и разстрѣлять тамъ, гдѣ застанетъ его ваше при-

казаніе. Все это должно быть исполнено въ двадцать четыре часа [106]).» Подобное распоряженіе даетъ понятіе о томъ, что такое было императорское правосудіе, за разъ предписывавшее отдачу подъ судъ, обвинительный приговоръ и самую казнь, не вмѣняя ни во что совѣсть и независимость судей и не встрѣчая отъ нихъ никакого возраженія. Андрей Гоферъ былъ разстрѣлянъ въ Мантуѣ 1810. Онъ не захотѣлъ отречься отъ своего дѣла несмотря на настоянія судей, искавшихъ повода къ исходатайствованію ему помилованія, чтобъ не имѣть на совѣсти его смерти; онъ умеръ великодушно, какъ простой, вѣрный, безстрашный человѣкъ, какъ долженъ умирать каждый за свое отечество, и оставилъ по себѣ память патріота и героя [107]).

Въ то время, какъ Гоферъ погибалъ въ крѣпостномъ рву Мантуи жертвою своей преданности австрійской имперіи, совершалось торжественное примиреніе между его убійцей и тѣмъ лицомъ, за монархію котораго палъ тирольскій патріотъ. Императоръ Францъ выдавалъ свою дочь въ замужство за Наполеона, и ни тотъ, и ни другой, казалось, не подозрѣвали, на сколько пролитая кровь Гофера пятнала ихъ договоръ. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла приходитъ на мысль, что каждая строка этого необыкновеннаго контракта писана кровью. Сколько человѣческихъ жизней было безвременно похищено съ той и другой стороны, прежде нежели сталъ возможенъ подобный союзъ между прежнимъ и новымъ Цезаремъ!

Мысль о семейномъ союзѣ съ однимъ изъ царствующихъ домовъ въ Европѣ давно уже гнѣздилась въ умѣ Наполеона; она соотвѣтствовала всѣмъ инстинктамъ возстановителя преж-

---

[106]) Это неоспоримо подлинное письмо исключено изъ *Correspondance de Napoleon*.

[107]) *Mémoires du prince Eugène*, tome VI, объ инсуррекціи Гофера; *Histoire de la guerre du Tyrol en* 1809, изданная на нѣмецкомъ языкѣ Гофмайеромъ, однимъ изъ вождей возстанія.

няго способа правленія; но доселѣ обстоятельства не дозволяли ее осуществить. Онъ не могъ привести ее въ исполненіе среди безпрерывно возникавшихъ войнъ, и, сверхъ того, не смотря на ослѣпительный блескъ его фортуны, много еще не было ему прощено въ Европѣ. Со времени новаго закона о разводѣ, уже приписывали его тайному желанію вступить въ другой бракъ ту странную легкость, которую онъ допустилъ относительно расторженія брачныхъ узъ, и Жозефина съ тоскливымъ любопытствомъ слѣдила за разсужденіями по этому предмету государственнаго совѣта. Придворные, всегда старающіеся угадывать желанія властелина, предваряли своимъ нескромнымъ предвѣдѣніемъ его тайное намѣреніе развестись съ Жозефиной. Въ Эрфуртѣ онъ въ первый разъ рѣшился открыть свою мысль намекомъ императору Александру I о возможности своего брака съ великой княжной Екатериной, сестрой государя. Александръ, не предъявивъ личныхъ возраженій, сослался на трудность согласить на это предложеніе свою мать, вдовствующую императрицу Марію, и переговоры не пошли далѣе. Послѣ вѣнскаго мира, озаренный новой славой, по видимому болѣе могущественный нежели въ Эрфуртѣ, въ сущности-же менѣе обезпеченный, Наполеонъ счелъ себя вправѣ заключить, что брачные его замыслы не встрѣтятъ ни отговорокъ, ни препятствій. Онъ видѣлъ вокругъ себя на тронахъ Европы только вассаловъ или снисходительныхъ угодниковъ; онъ пріобрѣлъ увѣренность, что его предложеніе должно быть принято благосклонно — подъ опасеніемъ грознаго возмездія за отказъ. Дѣло въ его умѣ было рѣшено.

Въ чемъ-же заключалась его главная мысль? Была-ли тутъ гордость? желаніе утвердить свое положеніе родствомъ и союзомъ съ однимъ изъ государей Европы? Или, наконецъ, какъ онъ хвалился самъ, жертвовалъ-ли онъ своей личной привязанностью надеждѣ возрастить прямаго наслѣдника своей имперіи? Узы, соединявшіе Наполеона съ Жозефиной,

съ довольно давняго времени, обратились въ привязанность болѣе по привычкѣ, нежели по чувству. Прежде того какъ ихъ формально разъединилъ разводъ, во многихъ случаяхъ имъ нарушалась супружеская вѣрность. Поэтому становится спорнымъ достоинство самопожертвованія, состоявшаго въ обмѣнѣ супруги устарѣлой и постылой на женщину молодую и красивую. Что касается будущихъ надеждъ, оправдывавшихъ это позднее желаніе оставить по себѣ наслѣдника, то должно замѣтить, что такія надежды располагаютъ человѣка къ предусмотрительности, къ благоразумному распоряженію своими средствами, придаютъ ему ту мудрость, которая, по выраженію нашихъ законовъ, принадлежитъ «доброму отцу семейства»; между тѣмъ трудно не убѣдиться въ томъ на сколько эти качества были чужды Наполеону до самаго конца его удивительной карьеры. Какъ ни былъ онъ химериченъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особенно въ созиданіи проектовъ, но можно-ли допустить въ немъ на столько самообольщенія, чтобъ онъ повѣрилъ, что имперія такихъ обширныхъ размѣровъ могла быть поддержана кѣмъ либо другимъ, кромѣ его самого? Идеи долговременности, упроченія, передачи изъ рода въ родъ развѣ не были несовмѣстимы съ дерзостью и неугомонностью этого неисправимаго игрока, всегда готоваго рисковать своей фортуной? Всю свою жизнь онъ бредилъ славой Александра, изумительнымъ порабощеніемъ міра, а не терпѣливой, строгой и трудовой карьерой настоящихъ создавателей имперій. Этотъ бракъ съ дѣвицей царственнаго рода былъ впрочемъ естественнымъ дополненіемъ монархической системы, имъ возобновленной въ нравахъ, обычаяхъ и даже предразсудкахъ. Изъ всѣхъ его позаимствованій отъ прошлаго ему недоставало одного: обаянія наслѣдственности. Онъ думалъ замѣнить этотъ недостатокъ напоминаніемъ, при удобныхъ случаяхъ, «о своемъ предшественникѣ Карлѣ Великомъ»; но это изобрѣтенное имъ карловингское родство къ нему не привилось, и онъ сталъ разсчитывать

на большій успѣхъ присвоеніемъ себѣ преимущества древней династіи. Позволительно поэтому предположить, что хотя онъ отчетливо сознавалъ то успокоительное вліяніе, которое произведетъ на умы подобный актъ, уже потому, что обѣщалъ въ будущемъ предусмотрительность, миролюбіе, благоразуміе, но тѣмъ не менѣе главнымъ его двигателемъ было желаніе окончательно снять съ себя клеймо революціонера и выскочки, стать въ отношенія равнаго къ равнымъ со всѣми царствующими Божіею милостью, смирить эти древнія династіи, прежде столь надменныя, отнявъ у нихъ послѣднее остававшееся имъ утѣшеніе — гордость породы. Впрочемъ, нетерпѣніе и чрезвычайная непослѣдовательность, выказанныя Наполеономъ въ переговорахъ относительно своего втораго брака, вскорѣ доказали, что тщеславіе вліяло на это рѣшеніе болѣе нежели разумное сужденіе, за которое его восхваляли.

26 октября 1809, онъ прибылъ въ Фонтенбло прежде своихъ придворныхъ, которымъ онъ велѣлъ явиться въ эту резиденцію, и тотчасъ-же открылъ овладѣвшій его помыслами проектъ своему довѣренному Камбасересу. Эта осторожная личность была поражена величественнымъ пріемомъ и полнѣйшею самоувѣренностью императора при изложеніи имъ своего намѣренія. Наполеонъ, писалъ онъ, «прохаживался среди своей славы [108])»; выраженіе хорошо передающее перемѣну, произведенную самообольщеніемъ, понятнымъ послѣ такихъ успѣховъ, въ пріемахъ Наполеона, прежде болѣе порывистыхъ и неспокойныхъ нежели торжественныхъ. Камбасересъ былъ слишкомъ разсудителенъ, слишкомъ близко зналъ своего повелителя, чтобъ не понять, что родственный союзъ съ одною изъ древнихъ династій не только не умиротворитъ Наполеона, но напротивъ усилитъ до одуренія

---

[108]) Выраженіе Камбасереса въ его неизданныхъ *Mémoires*, на которыя ссылается Тьеръ.

его умственное опьяненіе, и безъ того уже опасное. Но самое довѣріе, которымъ его почтилъ Наполеонъ, достаточно уже доказываетъ, что архиканцлеръ никогда-бы не отважился подать непріятный совѣтъ. Онъ ограничился робкими указаніями на популярность Жозефины, на опасность распространить въ націи боязнь реставраціи прежняго способа правленія. Но, какъ только Камбасересъ замѣтилъ окончательную рѣшимость императора, онъ, по всегдашнему своему обычаю, поспѣшилъ принять на себя обязанность приготовить средства и отстранить препятствія.

Императрица Жозефина такъ долго ожидала готовившагося несчастья, что перестала вѣрить въ возможность его осуществленія. Нѣсколько уже лѣтъ опасеніе развода составляло заботу и мученіе ея жизни; наконецъ къ ней возвратились спокойствіе и увѣренность наканунѣ этого событія. Ее не приготовили къ тому нисколько. Сохранилось письмо, которымъ Наполеонъ увѣдомлялъ ее о своемъ скоромъ пріѣздѣ въ Фонтенбло. Выраженія въ этомъ письмѣ были болѣе дружелюбны чѣмъ когда нибудь, какъ-бы для того, чтобъ поддержать ея обольщеніе до той поры, когда онъ нанесетъ ей роковой ударъ. «*Радуюсь свиданію съ тобою,* писалъ онъ ей изъ Нимфембурга, 21 октября; ожидаю этой минуты съ нетерпѣніемъ. Обнимаю тебя. Весь твой [109]).» Въ Фонтенбло, однакожъ, она была поражена его принужденностью, его холодностью, торжествующими взглядами своихъ заклятыхъ враговъ, братьевъ и сестеръ Бонапарта, поспѣшившихъ явиться къ нему, одни для поднесенія привѣтствій, другіе для подновленія милостиваго къ себѣ расположенія, поостывшаго во время продолжительнаго отсутствія.

Особенное и для нея знаменательное обстоятельство дополнило горечь ея страданій, которыя она должна была скрывать подъ улыбающейся наружностью, среди ежеднев-

---

[109]) Наполеонъ къ Жозефинѣ, 21 октября 1809.

ныхъ придворныхъ праздниковъ въ Фонтенбло. Она замѣтила, что особый ходъ отъ императора въ ея покои былъ закрытъ, какъ будто ее хотѣли предупредить, что прежнимъ отношеніямъ—конецъ[110]). 15 ноября дворъ возвратился изъ Фонтенбло въ Парижъ. Всѣ государи, подчиненные системѣ Наполеона и вѣрные сателлиты его могущества, были туда собраны по особымъ приглашеніямъ, очень похожимъ на приказанія. Въ столицѣ, слухи о разводѣ пріобрѣли такую опредѣленность, что несчастная женщина не могла долѣе сомнѣваться объ ожидающей ее судьбѣ. Вечеромъ, 30 ноября, дворцовый префектъ, по своимъ служебнымъ обязанностямъ, находился въ комнатѣ, смежной съ залой, гдѣ были императоръ и Жозефина, и вдругъ услышалъ рыданія и вопли, въ которыхъ съ изумленіемъ узналъ голосъ императрицы. Черезъ нѣсколько мгновеній дверь отворилась, Наполеонъ позвалъ его въ залъ, гдѣ онъ увидѣлъ Жозефину въ жестокомъ нервномъ припадкѣ. Онъ помогъ Наполеону перенести ее въ ея комнату и оказать ей первыя пособія, при чемъ замѣтилъ, что если горе и было дѣйствительно, то обморокъ былъ притворный [111]).

Нежеланная огласка состоялась. Императоръ, сначала рѣшившійся выждать прибытія принца Евгенія въ Парижъ, чтобы облегчить присутствіемъ и утѣшеніями нѣжно любимаго сына горечь того объявленія, которое онъ хотѣлъ сообщить Жозефинѣ, не выдержалъ, и обнаружилъ свой тайный замыселъ въ минуту безжалостнаго нетерпѣнія. Когда онъ открылъ эту страшную новость, ей одной неизвѣстную, той женщинѣ, которая такъ исключительно содѣйствовала его фортунѣ и принесла ему въ приданное за собой должность главнокомандующаго итальянскою арміей, то уже за недѣлю передъ тѣмъ онъ поручилъ Шампаньи просить для него руку

---

[110]) Bausset: *Mémoires d'un prefet du palais*.

[111]) Ibidem.

сестры императора Александра I. Онъ разсудилъ обратиться къ союзной намъ Россіи преимущественно передъ Австріей потому ли, что эта послѣдняя держава такъ жестоко отъ него пострадала, что едвали-бы польстилась на семейный съ нимъ союзъ, или потому, что считалъ менѣе возможнымъ отказъ со стороны Александра, или, наконецъ, потому, что по справедливости сознавалъ болѣе опаснымъ оскорбительно обойти предложеніемъ своего сватовства домъ государя столь могущественнаго, нежели прибавить еще одну непріятность къ бѣдствіямъ монархіи, ослабленной и побѣжденной. 22 ноября Шампаньи писалъ Коленкуру, что въ Эрфуртѣ императоръ Александръ говорилъ Наполеону: «Великая княжна Анна, его сестра, свободна и можетъ вступить съ нимъ въ бракъ», — странное искаженіе предложенія, послѣдовавшаго не отъ Россіи, а отъ насъ, и придуманное Наполеономъ съ цѣлью затруднить отказъ. Коленкуръ, соотвѣтственно тому, долженъ былъ откровенно и прямо приступить къ Александру и сказать ему, что императоръ, «побуждаемый всею Франціей, предположилъ развестись съ Жозефиной, и въ такомъ случаѣ, можно-ли ему разсчитывать на бракъ съ сестрою царя? Его Величество благоволитъ подумать объ этомъ два дня, а затѣмъ откровенно сообщитъ свой отвѣтъ ему, Коленкуру, не какъ французскому послу, а какъ человѣку, страстно преданному благу обоихъ царствующихъ домовъ» [112]).

Дѣло было вовсе не такъ просто и не такъ легко, какимъ умышленно представляли его въ Парижѣ, особенно съ той поры какъ было затронуто за живое національное чувство русскихъ возстановленіемъ передъ ними угрожающаго призрака Польши. Что касалось препятствій къ совершенію развода, то они не могли представить непреодолимаго затрудненія всемогуществу Наполеона. Архиканцлеръ опредѣлилъ

---

[112]) Депеши Шампаньи къ Коленкуру, 22 нояб. 1809. Archives des affaires étrangères: *Russie*, 149.

ходъ дѣла. Расторженіе гражданскаго союза было легко достижимо, такъ какъ по кодексу законовъ достаточно было обоюднаго согласія для утвержденія развода. Существовало, впрочемъ, по особому декрету, запрещеніе развода членамъ императорскаго семейства [113]). Но если императоръ считалъ полезнымъ примѣнять силу этого декрета къ брату своему, королю Людовику, брачное несчастье котораго было общеизвѣстно, то онъ отнюдь не помышлялъ подвергать такому стѣсненію собственную свою особу. Сверхъ того, кто-бы могъ осмѣлиться противупоставить его волѣ такое узаконеніе? Но, съ другой стороны, расторженіе религіозныхъ узъ, представляло много препятствій, потому что зависѣло отъ духовной юрисдикціи. Въ эпоху коронаціи, съ цѣлью разсѣять опасенія Жозефины и успокоить совѣсть папы, Наполеонъ, по настоянію своего дяди кардинала Феша, согласился на тайное церковное бракосочетаніе, которое и было совершено самимъ кардиналомъ въ одной изъ комнатъ Тюильри. Католическая церковь не допускала развода, или терпѣла такое бракона-рушеніе только въ крайнихъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, большею частію въ вознагражденіе за нѣкоторыя въ пользу ея пожертвованія, обходившіяся ей дорогою цѣною, потому что она платила за выгоду умаленіемъ своего достоинства. Слѣдовало добиться признанія духовною властью недѣйствительности брака, что вполнѣ соотвѣтствовало разводу. Но компетентнымъ судьею, по подобнымъ дѣламъ, въ отношеніи государей, былъ не кто иной какъ папа, а этотъ папа былъ плѣнникомъ Наполеона; невозможно было, слѣдовательно, ожидать отъ него снисхожденія. Тутъ опять ученый и догадливый юрисконсультъ взялся разрѣшить навѣрно и безъ огласки затрудненіе, грубое и гласное устраненіе котораго могло-бы привести къ соблазну и опасности.

Со времени печальной сцены, раскрывшей внутреннюю

[113]) Декретъ 30 марта 1808.

разладицу въ императорскомъ семействѣ, разводъ сталъ предметомъ разныхъ толковъ какъ при дворѣ, такъ и въ городѣ. Несчастная Жозефина, поддерживаемая участіемъ своихъ дѣтей, пораженныхъ едвали менѣе ея самой, и убѣжденная въ безполезности сопротивленія, по необходимости, подчинилась непреклонной волѣ Наполеона. Чтобъ казаться согласной на разводъ, ей надобно было появляться въ свѣтѣ. Поэтому ее выставляли во всѣхъ оффиціальныхъ пріемахъ, и публика, падкая на злорѣчіе, наблюдала по очертаніямъ ея лица за постепенностью ея отчужденія. Не разъ внутренніе покои дворца оглашались ея жалобами и рыданіями; но требовалось, чтобъ эта жертва гордости и политики казалась счастливою своимъ несчастьемъ, и ей не дозволяли уклониться ни отъ одного торжества. На празднествахъ, данныхъ въ началѣ декабря, по случаю годовщины коронаціи, Парижъ видѣлъ, какъ она, съ тоской въ душѣ и съ улыбкой на лицѣ, граціозно переносила терзавшее ее отчаяніе и въ послѣдній разъ разыгрывала роль государыни, окруженная своими дѣтьми, по выраженію одного современника, танцовавшими на похоронахъ своей матери.

15 декабря 1809, въ семейномъ совѣтѣ, гдѣ присутствовали всѣ бывшіе въ Парижѣ члены императорскаго дома, Наполеонъ прочелъ декларацію, содержавшую изложеніе принятаго имъ рѣшенія развестись съ Жозефиной: «Политика его монархіи, интересы и нужды его народовъ требовали, чтобъ онъ оставилъ послѣ себя своимъ дѣтямъ, наслѣдникамъ его любви къ тѣмъ народамъ, тронъ, на который вознесло его Провидѣніе. Нѣсколько уже годовъ какъ онъ утратилъ надежду имѣть дѣтей отъ брака съ своей возлюбленной супругой, что и заставляетъ его пожертвовать нѣжнѣйшею привязанностью своего сердца, внимать исключительно голосу государственной необходимости и желать расторженія своего брака...» Когда Жозефина встала, чтобы въ свою очередь прочесть декларацію, заранѣе для нея изготовленную и

подтверждавшую ея согласіе на разводъ, столь противный ея истиннымъ чувствамъ, то рыданія прервали ея голосъ. Не смотря на свои усилія, она не могла произнести ни одной фразы изъ назначенной ей роли; увидѣли только судорожные порывы ея горя, и на мгновеніе голая истина покрыла офиціальную ложь. Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели, взявъ бумагу изъ трепещущихъ рукъ Жозефины, прочелъ этотъ документъ, замѣнявшій условно приличными выраженіями очевидное горе души, пораженной на смерть отчаяньемъ, униженіемъ и воспоминаніями. На другой день, 16 декабря, докладъ по декларіціямъ былъ представленъ въ Сенатъ для законнаго постановленія о разводѣ. По сенатскому опредѣленію, бракъ Наполеона съ Жозефиной объявлялся расторженнымъ, опредѣлялось по два милліона изъ государственнаго казначейства на ежегодное содержаніе разведенной императрицы, съ оставленіемъ за нею ея титула. Императоръ прибавилъ къ этому обезпеченію еще одинъ милліонъ на счетъ суммъ императорскаго дома.

Принцъ Евгеній, жестоко потрясенный ударомъ, поразившимъ его мать, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишавшійся предстоявшей ему возможности быть королемъ въ Италіи, долженъ былъ явиться въ Сенатъ для засвидѣтельствованія чувствъ благодарности своего семейства, и, что уже переполняло мѣру, выразить «удовольствіе и справедливую гордость, съ которыми его мать увидитъ всѣ блага, какія произойдутъ для отечества и императора вслѣдствіе ея пожертвованія.» Реньо прославилъ въ плаксивой рѣчи «Жозефину, отрицающуюся отъ любви къ наилучшему изъ супруговъ, изъ желанія блага лучшему изъ народовъ»; онъ заклиналъ сенаторовъ «принять во имя умиленной Франціи, передъ лицомъ всей удивленной Европы, эту жертву, *величайшую изъ жертвъ, когда либо принесенныхъ на землѣ!*» [114]). Эта напыщен-

[114]) Засѣданіе охранительнаго сената 16 ноября 1809. *Archives parlementaires.*

ность, конечно, должна была не мало затруднить тѣхъ господъ, которымъ предлежало продолжать восхваленія послѣ рѣчи Реньо. Ласепедъ, при всемъ своемъ умиленіи, не потерялъ однакожъ свойственной ему находчивости: онъ обратилъ воскуренія ѳиміама не столько къ жертвѣ, сколько къ особѣ ея заклателя. Онъ предложилъ на усмотрѣніе Сената слѣдующее обстоятельство, достойное особеннаго вниманія: «Между тринадцатью королями Франціи, вынужденными государственною необходимостью къ расторженію брачныхъ узъ, соединявшихъ ихъ съ супругами, должно считать четырехъ монарховъ, наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ: Карла Великаго, Филиппа-Августа, Лудовика XII и Генриха IV.» По такому примѣненію совершавшагося факта къ историческимъ даннымъ выходило, что Наполеонъ, какъ бы онъ впредь ни поступалъ, во всякомъ случаѣ подходилъ къ разряду великихъ людей, и настоящее расторженіе брака есть новый подвигъ, коль скоро разводится Наполеонъ.» Вслѣдствіе этихъ двухъ рѣчей, сенатское опредѣленіе прошло большинствомъ восьмидесяти голосовъ противъ семи.

Дѣло по расторженію церковныхъ узъ, производившееся передъ епархіальнымъ судомъ, возбудило сначала нѣкоторое недоумѣніе между членами этого духовнаго трибунала: они охотно уклонились бы отъ разбирательства и рѣшенія, еслибы имъ это дозволили. Компетентные по дѣламъ этого рода относительно частныхъ лицъ, они отзывались, и не безъ основательности, своею неполноправностью въ сужденіи по дѣлу относящемуся къ особѣ государя, и ссылались на давній обычай, укрѣпившій за папами эту спеціальную юрисдикцію. Смѣтливый Камбасересъ отвѣчалъ, что вмѣшательство папы, быть можетъ, нужное для расторженія правильно совершеннаго брака, было не нужно для признанія недѣйствительности свадьбы, при которой вовсе не было соблюдено никакихъ правилъ, не было ни свидѣтелей, ни настоящаго священника, ни даже объявленнаго согласія. Въ самомъ

дѣлѣ, говорилось въ императорскомъ прошеніи, подтверждаемомъ свидѣтельствами Дюрока, Талейрана и Бертье, императоръ показалъ только видъ согласія съ цѣлью разсѣять опасенія Жозефины и успокоить совѣсть папы; но дѣйствительнаго согласія императора не было, потому что онъ имѣлъ уже и тогда увѣренность въ необходимости второй женитьбы. Другими словами, онъ обманулъ разомъ Жозефину, кардинала Феша и папу [115]).

Камбасересъ не замедлилъ ободрить робкую совѣстливость консисторіальнаго собранія. Онъ сообщилъ членамъ этого собранія декларацію комитета, составленнаго изъ семи епископовъ, удостовѣрявшую компетентность ихъ трибунала для рѣшенія дѣла. Присутствіе стало производить дознаніе о недѣйствительности брака — соотвѣтственно императорскому заявленію. Доказательство, возникавшее изъ небытности свидѣтелей и настоящаго священника, то есть приходскаго кюре, имѣло-бы важное значеніе, еслибъ кардиналъ Фешъ не заявилъ съ откровенностью, довольно смѣлою по тогдашнему времени, что папа разрѣшилъ ему не стѣсняться въ этомъ случаѣ выполненіемъ обычныхъ формальностей. По этому обстоятельству ходатаямъ за императора пришлось настаивать на неполнотѣ его согласія, на нѣкотораго рода насиліи, которому подвергся этотъ особаго рода недоросль, то есть, въ дѣйствительности, на разсчитанномъ съ его стороны обманѣ, жертвою котораго стала Жозефина. Но самое надежное для нихъ доказательство, имѣвшее наибольшее вліяніе на умы несчастныхъ судей, заключалось въ безграничной власти и извѣстныхъ свойствахъ страшнаго подсудимаго. Духовный трибуналъ вовсе не имѣлъ намѣренія дѣйствовать съ твердостью, большею той, какую въ предшествовавшую эпоху выказалъ самъ папа Пій VII; суду этому нуженъ былъ только какой нибудь предлогъ для вы-

---

[115]) Тьеръ, д'Оссонвилль, аббатъ Ліонне: *Vie du cardinal Fesch.*

полненія воли императора. Такимъ образомъ рѣшеніе объ уничтоженіи церковнаго брака состоялось, а парижскій архіепископскій трибуналъ поспѣшилъ утвердить этотъ приговоръ (10 января 1810).

Жозефина, уже предъ утвержденіемъ развода предоставленная уединенію среди тюильрійскаго двора, выѣхала потомъ въ Мальмезонъ, гдѣ она и скончалась, нѣсколько лѣтъ спустя, покинутая и одинокая. Наполеонъ ознаменовалъ окончательную разлуку съ нею тѣмъ, что уѣхалъ на недѣлю охотиться въ Тріанонъ.

Переговоры въ Петербургѣ касательно брака съ русской великой княжной продолжались безостановочно. 28 декабря 1809, Коленкуръ довелъ до свѣдѣнія императора Александра I предложеніе по этому предмету. Когда это нежданное извѣстіе застигло Александра, онъ былъ еще подъ вліяніемъ опасеній по поводу возстановленія Польши, вслѣдствіе галиційскихъ присоединеній, и эти опасенія не менѣе раздражительно дѣйствовали на все русское общество. Находясь подъ гнетомъ своего личнаго неудовольствія, а также и сужденій общества, въ то время гораздо болѣе свободнаго въ Россіи нежели во Франціи, Александръ принялъ съ особенной готовностью сообщенное ему, отъ 20 октября 1809, предложеніе Наполеона содѣйствовать совмѣстно съ нимъ забвенію прежняго и «устранить названія Польши и поляковъ, не только изъ всѣхъ политическихъ сдѣлокъ, но даже изъ исторіи.» Еслибъ Александръ достигнулъ хотя-бы только того, чтобъ эти названія исчезли изъ «Монитера», въ которомъ они появлялись едвали не ежедневно, то и этотъ успѣхъ имѣлъ бы значеніе.

Понимая свойства своего союзника и желая, чтобъ его обѣщанія не остались пустыми словами, онъ озаботился составленіемъ, по точному смыслу этихъ словъ, формальнаго и обоюдо-обязательнаго договора, при чемъ были приняты слѣдующія основанія: 1) взаимное обязательство никогда не

допускать возстановленія Польши. 2) Уничтоженіе названій Польши и поляковъ во всѣхъ частныхъ и публичныхъ актахъ. 3) Уничтоженіе прежнихъ польскихъ орденовъ и всякой автономіи герцогства варшавскаго. Именно въ то время, когда Александръ и его совѣтники готовились приступить къ обсужденію съ Коленкуромъ статей этой конвенціи, получено было предложеніе о бракѣ, какъ бы въ указаніе на то, чѣмъ оцѣнивалъ Наполеонъ свое отреченіе отъ Польши; трудно было повѣрить, чтобъ простая случайность соединила одновременностью два столь разнородныя дѣла.

Для составленія понятія о тѣхъ чувствахъ, которыя сватовство Наполеона могло возбудить въ душѣ Александра, достаточно сказать, что царь уже вполнѣ понималъ своего союзника. Слѣдовательно его собственное сужденіе было очень далеко отъ того публичнаго и офиціальнаго удивленія, которое онъ считалъ нужнымъ выказывать къ Наполеону. Онъ не только часто бывалъ въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ, которыя могли достаточно объяснить ему всѣ свойства человѣка, но и испыталъ его какъ въ войнѣ, такъ и мирѣ, въ дѣлахъ большихъ и малыхъ. Александръ, единственнымъ недостаткомъ котораго, при многихъ возвышенныхъ качествахъ, была замѣтная наклонность къ хитрости, былъ наблюдатель проницательный для довольно вѣрной оцѣнки людей. Отъ этого времени (ноябрь и декабрь 1809), дошли до насъ его разговоры, поденно записанные однимъ изъ его приближенныхъ, княземъ Адамомъ Чарторижскимъ; изъ нихъ легко понять его сужденіе о Наполеонѣ. Выражая свое мнѣніе скромно и покойно, онъ не менѣе того высказывалъ необыкновенную къ нему недовѣрчивость. Онъ говорилъ, что «для этого человѣка всѣ средства хороши, лишь-бы вели къ достиженію цѣли, и что въ немъ все было разсчитано, даже увлеченія вспыльчивости.» Онъ утверждалъ, что имѣетъ въ рукахъ доказательства того, что, предлагая ему вычеркнуть изъ исторіи Польшу и поляковъ

и уполномочивая Монталиве говорить въ такомъ же смыслѣ и законодательному собранію, Наполеонъ, въ то же время, давалъ знать полякамъ, что подобныя заявленія были дѣломъ хитрости и предназначались только для введенія въ заблужденіе общаго врага. Наконецъ, господствующее чувство его къ Наполеону было опасливое отвращеніе, внушаемое могуществомъ грознымъ и безчестнымъ, душѣ по природѣ благосклонной [116]).

Такое расположеніе можно еще принимать за дружественное, сравнительно съ тѣмъ какъ относились къ намъ тогда дворъ и народъ русскій, вслѣдствіе нашихъ поощреній полякамъ и насилій, сопряженныхъ съ континентальной блокадой. Слѣдовательно Александръ могъ быть очень непріятно пораженъ неожиданнымъ предложеніемъ сообщеннымъ Коленкуромъ. Но онъ былъ на столько политикъ и вѣжливый хозяинъ, что не выразилъ своего нерасположенія и сказалъ, что лично для себя онъ былъ-бы доволенъ такимъ союзомъ обезпечивающимъ прочность мира между обоими государствами. Но рѣшеніе, добавилъ онъ, не зависитъ отъ меня одного. Особымъ распоряженіемъ императоръ Павелъ, его отецъ, предоставилъ императрицѣ матери исключительное право заботы о будущности ея дочерей; поэтому онъ постарается испросить ея согласіе; но чтобъ охранить достоинство императора, онъ будетъ говорить объ этомъ дѣлѣ только какъ о предположеніи возможномъ и вѣроятномъ [117]).

Чувства императрицы-матери въ отношеніи къ Наполеону были ему давно извѣстны. Для отклоненія подобнаго же предложенія, послѣ эрфуртскаго свиданія, императрица-мать поспѣшила выдать великую княжну Екатерину Пав-

---

[116]) *Alexandre I et le prince Czartoryski: correspondance et conversation* (26 декабря 1809).

[117]) *Bignon.* Депеши Коленкура не находится въ архивахъ.

ловну за принца Георгія Ольденбургскаго. Александръ, слѣдовательно, не могъ ошибиться на счетъ исхода своего ходатайства; но, съ одной стороны, ему хотѣлось показать Наполеону, что онъ сдѣлалъ для него все возможное; съ другой стороны, онъ желалъ заключить обѣщанную ему конвенцію относительно Польши, за которую требовали такой дорогой и необыкновенный выкупъ. Коленкуръ получилъ черезъ Шампаньи разрѣшеніе подписать все, чего-бы отъ него ни потребовали относительно Польши, оговоривъ только Наполеоново право на ратификацію, — предосторожность знаменательная, также какъ и необыкновенная широта даннаго Коленкуру полномочія. Въ своемъ желаніи довести до хорошаго конца переговоры о бракѣ, нашъ посланникъ естественно могъ преувеличивать то вліяніе, которое заключеніе конвенціи могло оказать на счастливый исходъ брачнаго дѣла. 4 января 1810, когда Александръ выразилъ ему надежду на согласіе своей матери, Коленкуръ подписалъ конвенцію относительно Польши въ увѣренности, что эта важная уступка съ нашей стороны благопріятно подѣйствуетъ на рѣшеніе о бракѣ; между тѣмъ, по совершенно противоположному разсчету, Александръ не спѣшилъ переговорами съ своей матерью и не разсѣевалъ увѣренности посланника, въ ожиданіи, что Наполеонъ ратификуетъ конвенцію.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда 10 января 1810 Коленкуръ получилъ приказаніе потребовать категорическаго отвѣта въ десятидневный срокъ. Такой ультиматумъ, по истиннѣ чрезвычайный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, былъ доселѣ приписываемъ нетерпѣнію и раздражительности Наполеона относительно медлительности русскаго двора. Простаго сопоставленія чиселъ мѣсяцевъ достаточно для того, чтобъ доказать неосновательность такого предположенія. Императоръ Александръ былъ въ отсутствіи изъ Петербурга до 27 декабря; фактъ этотъ значится и въ «Мониторѣ»; [118]) о

[118]) Moniteur du 21 janvier 1810.

предложеніи Наполеона онъ узналъ на другой день. Отвѣтъ его Коленкуръ переслалъ въ тотъ же день, 28 декабря; но какъ курьеры проѣзжали тогда изъ Петербурга въ Парижъ въ теченіе отъ пятнадцати до двадцати дней, то очевидно, что Наполеонъ не могъ еще получить посланной Коленкуромъ депеши, когда предписывалъ этому дипломату странную и даже оскорбительную выходку, съ которою тотъ долженъ былъ явиться передъ Александромъ 10 января 1810. Замѣчательно, что въ то самое время какъ Коленкуръ просилъ для Наполеона руки великой княжны Анны Павловны, самъ Наполеонъ уже рѣшительно отказался отъ мысли объ этомъ союзѣ, потому что очень хорошо понималъ, что за неприличнымъ назначеніемъ десятидневнаго срока для полученія отвѣта, этотъ отвѣтъ непремѣнно будетъ отрицательный [119]). Спрашивается, какая-же могла быть причина къ такой скорой перемѣнѣ въ намѣреніяхъ Наполеона? Представилась перспектива другаго брака ни болѣе почетнаго, ни болѣе выгоднаго, но съ династической точки зрѣнія болѣе лестнаго для его тщеславія, и онъ предался ей съ ребячески капризнымъ увлеченіемъ баловня фортуны, не заботясь о политическихъ слѣдствіяхъ такого поворота.

На послѣднемъ вечерѣ въ Тюильри, при императрицѣ Жозефинѣ, слѣдовательно нѣсколько прежде 15 декабря (день ея удаленія въ Мальмезонъ), секретарь австрійскаго посольства, Флоре, разговаривая съ Семонвиллемъ, однимъ изъ самыхъ развязныхъ и проницательныхъ людей того времени,

---

[119]) Документы, относящіеся ко второму браку Наполеона, большею частью исчезли изъ архива иностранныхъ дѣлъ; но еслибъ могло возникнуть сомнѣніе въ томъ, что перемѣна въ Наполеонѣ относительно Россіи произошла въ концѣ декабря 1809, то доказательство этой перемѣны существуетъ въ его неприличномъ и тощемъ письмѣ, посланномъ 31 декабря императору Александру. Депеша Шампаньи, помѣченная тѣмъ-же числомъ, также выражаетъ полную перемѣну тона и политики. (Archives des aff. étr.: *Russie*, 149).

выразилъ ему сожалѣніе о томъ, что разводъ съ Жозефиной ведетъ къ брачной связи съ Россіей, тогда какъ Австрія охотно-бы выдала за Наполеона одну изъ своихъ эрцгерцогинь. Семонвилль прикинулся удивленнымъ и далъ замѣтить, что принимаетъ слова дипломата за простую вѣжливость. Послѣ повторенныхъ увѣреній Флоре, что онъ говоритъ сущую правду, Семонвилль поспѣшилъ передать его слова герцогу Бассано, который немедленно сообщилъ ихъ императору. Наполеонъ только-что получилъ такое-же извѣщеніе о расположеніи вѣнскаго двора къ подобному союзу отъ Нарбонна, бывшаго проѣздомъ въ Вѣнѣ [120]). Онъ поручилъ герцогу Бассано тайнымъ образомъ переговорить по этому предмету съ княземъ Шварценбергомъ, австрійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, и получить отвѣтъ — не связывая себя никакими условіями. Лабордъ, служившій во время эмиграціи въ Австріи, и извѣстный князю Шварценбергу, былъ выбранъ въ посредники для этихъ сношеній. Онъ нашелъ князя въ самомъ печальномъ настроеніи по поводу предполагаемаго союза Наполеона съ Россіей, который представлялся ему въ видѣ новаго несчастья для Австріи. Съ первыхъ-же словъ Лаборда, посланникъ принялъ его разговоръ какъ неожиданно представившуюся ему счастливую случайность. Онъ поспѣшилъ сообщить эту новость своему двору, не менѣе его самого осаждаемому безпокойствомъ и горемъ.

Дѣйствительно, бракъ Наполеона съ русской великой княжной былъ-бы событіемъ важнымъ и страшнымъ для вѣнскаго двора. Во все продолженіе переговоровъ, предшествовавшихъ заключеніе мира, Австрія преслѣдовала одну

---

[120]) Нота Норбонна, существованіе которой было оспариваемо, не имѣетъ ни подписи, ни числа мѣсяца, но очевидно относится къ концу ноября 1809. Предложеніе шло отъ Меттерниха: «эта идея принадлежитъ мнѣ, но я увѣренъ, что императоръ приметъ ее благосклонно.» (Arch. des aff. étr.: Autriche, 363).

особую цѣль, независимо конечно отъ весьма понятной заботы объ уменьшеніи тягостей, налагаемыхъ побѣдителемъ. Цѣль эта была вызвать, по возможности, разладъ между Россіей и Франціей, положить конецъ союзу, представлявшему неодолимую преграду къ возстановленію ея могущества. Этой цѣли Австрія отчасти достигла, предоставивъ Галицію посягательствамъ Наполеона; и тогда, какъ она удовлетворялась этимъ успѣхомъ, и съ затаенною радостью видѣла возрастающее недоброжелательство между Александромъ и Наполеономъ, вдругъ возникало событіе непредвидѣнное, обращавшее всѣ ея надежды въ ничто. Хотя лицамъ дѣйствительно политическимъ не приходилось цѣнить слишкомъ высоко выгоды династическаго союза, въ эпоху революцій и съ такимъ государемъ каковъ былъ Наполеонъ, тѣмъ не менѣе австрійскій дворъ сознавалъ, что по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ пріязнь между императорами Александромъ и Наполеономъ, утвердится, и такъ какъ оба государства во всѣхъ дѣлахъ могли имѣть выгоды общія, а враждебныхъ столкновеній не предвидѣлось, то въ будущемъ предстояло не ослабленіе, а вѣроятно укрѣпленіе союза между Россіей и Франціей. По такимъ соображеніямъ союзъ Наполеона съ русскимъ царствующимъ домомъ былъ-бы роковымъ ударомъ для Австріи и не оставлялъ никакой надежды на ея возстановленіе.

За симъ понятно, съ какою готовностью сообщеніе князя Шварценберга было принято въ Вѣнѣ. Его немедленно увѣдомили, что если предложеніе, на которое онъ намекалъ, послѣдуетъ, то отвѣтъ получится благопріятный; очевидно, въ этой увѣренности Наполеонъ послалъ императору Александру тотъ неприличный и даже оскорбительный ультиматумъ съ десятидневнымъ срокомъ на отвѣтъ. Другое не менѣе ясное доказательство того, что онъ предпочелъ Австрію, заключалось въ публичномъ актѣ, совершенномъ имъ тогда же, какъ бы для того, чтобы придать себѣ, въ глазахъ

всей Европы, особый поводъ къ исполненію своего послѣдняго рѣшенія. Ультиматумъ, сообщенный Александру, поставлялъ ему срокъ по 20 января 1810, для окончательнаго отвѣта. 21 января, то есть двумя недѣлями ранѣе возможнаго полученія этого отвѣта, Наполеонъ созвалъ въ Тюильри тайный совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ имперіи и предоставилъ имъ выборъ между двумя предстоявшими ему брачными союзами. Подобное совѣщаніе, назначенное въ такое время, было вполнѣ оскорбительно для Россіи, потому что оно давало ясно понять, что Наполеонъ не считаетъ себя нисколько обязаннымъ сдѣланнымъ имъ русскому двору предложеніемъ. Изъ внимательнаго соображенія обстоятельствъ дѣла и чиселъ мѣсяцевъ оказывается до очевидности, что Наполеонъ измѣнилъ свое намѣреніе о русскомъ бракѣ, именно въ то время, когда посланникъ его Коленкуръ предложилъ его сватовство Александру, и что тайный совѣтъ, въ которомъ обсуживался вопросъ о династическихъ союзахъ, былъ созванъ для того, чтобы, основываясь на мнѣніи этого совѣта, отказаться отъ русскаго союза даже и въ случаѣ благопріятнаго отвѣта изъ Петербурга.

Наполеонъ зналъ навѣрное, что большинство его совѣтниковъ подастъ голоса, сообразуясь съ его волею. Самъ онъ никогда не связывалъ себя ихъ мнѣніями, и въ тогдашнихъ обстоятельствахъ требовалъ отъ нихъ въ сущности не совѣта, а манифестаціи, которая-бы предоставляла ему двойную выгоду, во первыхъ, театральнаго эфекта, до котораго онъ былъ большой охотникъ, а во вторыхъ, предлога для прикрытія государственной необходимостью измѣны, внушенной ему тщеславіемъ. Государственная выгода, что бы ни говорили, была несомнѣнно на сторонѣ союза съ Россіей. Бракъ австрійскій развѣ могъ возвратить намъ дружественное благорасположеніе вѣнскаго двора? Какъ этому повѣрить послѣ тѣхъ послѣдовательныхъ, жестокихъ ударовъ, которые были нанесены Австріи Наполеономъ, послѣ тѣхъ войнъ,

вслѣдствіе которыхъ она въ немногіе годы потеряла столько прекрасныхъ провинцій, Ломбардію, Венецію, Тироль, Швабію, Далмацію, Иллирію, новую Галицію, не говоря уже о Бельгіи, объ императорской германской коронѣ, наконецъ о великомъ герцогствѣ Тосканскомъ, принадлежавшемъ одному изъ эрцгерцоговъ? Какъ предположить, что передача эрцгерцогини пришлецу, издавна ненавистному, заставитъ Австрію позабыть столько обидъ и столько утратъ? Самый этотъ брачный союзъ былъ для этой державы новымъ пожертвованіемъ, новымъ уничиженіемъ, если не принимать въ разсчетъ, что въ немъ была великая политическая выгода. Горестная истина, высказанная позже императоромъ Францомъ, устраняетъ сомнѣнія по этому предмету: «чтобъ отвратить тяжкія бѣдствія, сказано въ его манифестѣ, отъ 12 августа 1813, и для пріобрѣтенія залога на лучшую будущность, Его Величество *отдалъ предметъ самый дорогой его сердцу!*» На сколько такой разсчетъ былъ унизителенъ, на столько-же намъ слѣдовало сдѣлать уступокъ для того, чтобъ забылось прошлое. Еслибъ Наполеонъ былъ расположенъ дать Австріи удовлетворительныя для нея вознагражденія, тогда австрійскій союзъ могъ-бы оказаться счастливымъ событіемъ и ручательствомъ за европейскій миръ; но отъ подобной сдѣлки онъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ. Слѣдовательно онъ пріобрѣталъ въ Австріи, вмѣсто врага открытаго, врага затаеннаго и домашняго, а происки такого врага могли быть тѣмъ болѣе опасны, чѣмъ болѣе горьки были его утраты.

Можно было, не безъ основанія, предвидѣть въ русскомъ союзѣ поощреніе Наполеона къ политикѣ заносчивой и опасной, столь свойственной наклонностямъ его генія; но самая безнаказанность, съ которою онъ выходилъ изъ всѣхъ затрудненій, свидѣтельствовала о томъ, какъ удачна была эта политика даже при незначительномъ содѣйствіи Россіи, какъ напримѣръ въ предшествовавшую войну. Россія, придавая

ему силу, не стоила ему ни пожертвованій, ни обратныхъ уступокъ; она требовала только удержанія *statu quo* относительно Польши. Надобно прибавить къ этимъ соображеніямъ и то, что въ отказѣ австрійцамъ не заключалось бы ничего обиднаго, потому что предложеніе шло не отъ насъ, и намъ не приходилось отступаться отъ словъ, которыхъ и произносимо не было; тогда какъ простое уклоненіе отъ начатаго искательства въ Петербургѣ было уже оскорбленіемъ Россіи, даже въ случаѣ непринятія съ ея стороны нашего предложенія, такъ какъ дѣло рѣшалось у насъ ранѣе полученія отвѣта отъ русскаго двора. Союзъ съ Россіей былъ-бы окончательнымъ пораженіемъ для Австріи уже истощенной, но союзъ съ Австріей былъ разрывомъ съ цѣльной и могущественной Россіей.

Мы не имѣемъ офиціальнаго отчета о разсужденіяхъ тайнаго совѣта; но кажется объ этомъ недостаткѣ жалѣть нечего. Большинство лицъ, призванныхъ въ совѣтъ, знали чего слѣдуетъ держаться при изложеніи требуемаго отъ нихъ мнѣнія. Они понимали, что собраніе было не что иное какъ церемоніалъ, предназначенный для всесвѣтнаго распространенія извѣстія о томъ, что царствующіе въ Европѣ дома оспариваютъ другъ передъ другомъ честь поставки супруги для Наполеона. Изъ двухъ наиболѣе вѣскихъ мнѣній, предпочтеніе Талейрана было на сторонѣ Австріи, а Камбасересъ стоялъ за Россію; оба мнѣнія представлялись достаточно основательными, съ тою разницею, что предложеніе Талейрана, выполнимое послѣ Аустерлица и при тѣхъ уступкахъ и снисхожденіяхъ, какія самъ онъ признавалъ тогда необходимыми, требовало послѣ Ваграма не только значительнѣйшихъ пожертвованій, но и такой политической умѣренности, которой не слѣдовало ожидать отъ Наполеона. Другія мнѣнія основывались или на угодничествѣ, или на личномъ положеніи предлагавшихъ. Принцъ Евгеній, преимущественно имѣвшій въ виду охраненіе мира въ Италіи

и неприкосновенности королевства своего тестя, короля баварскаго, высказался за Австрію, тогда какъ Мюратъ, увлекаемый враждебностью дома Бонапартовъ къ семейству Богарне, энергически объявилъ себя за союзъ съ Россіей, во имя началъ и интересовъ революціи, которымъ угрожало-бы возвращеніе, при австрійскомъ вліяніи, къ прежней правительственной системѣ, отвергнутой французскимъ народомъ. Изъ общаго числа голосовъ, два подано за Россію, пять за Австрію, два за бракъ съ саксонской принцессой, о которой не было-бы и рѣчи, еслибъ не упомянули ее только для счета. Въ повѣствованіяхъ объ этомъ странномъ состязаніи, обыкновенно утверждаютъ, что Наполеонъ ограничился выслушиваніемъ подаваемыхъ мнѣній, не высказывая отъ себя ни слова. Король Людовикъ, присутствовавшій при совѣщаніи и предлагавшій бракъ съ саксонской принцессой, увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что Наполеонъ возражалъ Мюрату и настойчиво объявилъ себя за австрійскій союзъ.

10 января, Коленкуръ довелъ до свѣдѣнія императора Александра о срокѣ, назначенномъ Наполеономъ для полученія отъ него отвѣта. Эта требовательная поспѣшность могла быть объясняема тайнымъ желаніемъ Наполеона прервать переговоры, и тѣмъ болѣе она могла казаться странною, что дѣло шло, какъ знали и въ Парижѣ, о шестнадцатилѣтней дѣвицѣ. Не представлялось возможности разрѣшить въ такой короткій срокъ довольно затруднительные вопросы по этому предмету. По всей вѣроятности, Александръ никогда-бы и не принялъ такого несообразнаго ультиматума, еслибъ преимущественно передъ всѣмъ не былъ озабоченъ ратификаціей конвенціи относительно Польши. Поэтому онъ не лишилъ Коленкура всякой надежды, хотя и уклонился отъ формальнаго обязательства. Онъ сказалъ, что при всемъ желаніи ослабить сопротивленіе императрицы-матери, должно уважить ея недоразумѣнія и опасенія. Она потеряла уже двухъ дочерей, вступившихъ въ ранніе браки.

Великая княжна Анна не достигла еще полнаго развитія, слѣдовательно надобно ожидать годъ или два. Разность вѣроисповѣданій также составляла препятствіе. Императрица желала, чтобъ ея дочь не только не измѣняла своего вѣроученія, но имѣла-бы, во всякомъ случаѣ, полную увѣренность въ свободномъ исповѣданіи восточной церкви. Она ссылалась и на то, что эта церковь не допускаетъ брака съ человѣкомъ, состоящимъ въ брачномъ обязательствѣ, хотя и расторженномъ, что она связана прежнимъ обѣщаніемъ даннымъ герцогу кобургскому. Словомъ, у нея не было недостатка въ возраженіяхъ и предлогахъ къ оправданію своего нерасположенія, и срокъ, назначенный Наполеономъ, истекъ, а императоръ Александръ не могъ передать ему ничего болѣе какъ увѣренія въ своемъ доброжелательствѣ.

Депеши Коленкура съ извѣщеніемъ, что русскій дворъ не высказалъ еще окончательнаго рѣшенія, пришли въ Парижъ 6 февраля. Тотчасъ-же Наполеонъ велѣлъ сообщить ему, что онъ считаетъ себя свободнымъ отъ предложенія, сдѣланнаго Александру. Въ тотъ же день онъ велѣлъ изготовить свой брачный договоръ съ эрцгерцогиней Маріей-Луизой, и на другой день, то есть 7 февраля, подать этотъ договоръ къ подписанію князю Шварценбергу: это доказываетъ, что онъ заранѣе разсчитывалъ на такую развязку дѣла съ Россіей, и что переговоры съ вѣнскимъ дворомъ велись очень дѣятельно во все время, пока онъ долженъ былъ ожидать отвѣта на свое предложеніе изъ Петербурга. Приведенныя имъ причины отказа отъ руки великой княжны такъ были подобраны, что могли-бы годиться и на тотъ невѣроятный случай, когда-бы предложеніе его было принято. «Вы сообщите ему, писалъ онъ къ Шампаньи, что у насъ на дняхъ собирался совѣтъ, что мнѣнія раздѣлились между русской и австрійской принцессами, что общественное мнѣніе во Франціи разъединилось особенно *по поводу вѣроисповѣданія*, и что люди, наименѣе сознающіе важность религіи,

не могутъ однакожь примириться съ мыслью, что императрица не будетъ занимать своего мѣста возлѣ императора при обрядахъ богослуженія; что присутствіе у насъ попа показалось-бы еще болѣе неприличнымъ, и что приходилось-бы *сознать себя въ зависимомъ положеніи, допустивъ по трактату присутствіе попа въ Тюильри*... Императоръ замѣтилъ, что великая княжна Анна еще несовершеннолѣтняя, что иногда проходитъ два года, пока такая дѣвица достигнетъ полной зрѣлости, а оставаться три года бездѣтнымъ не соотвѣтствуетъ его видамъ.» Сверхъ того, Шампаньи долженъ былъ дать понять, на сколько медлительность Россіи была противоположна «готовности и благорасположенію Австріи»; это добавлялось какъ будто для того, чтобъ Александръ навѣрное узналъ о ходѣ переговоровъ съ Австріей одновременно съ сдѣланнымъ ему предложеніемъ. Въ заключеніе посланникъ долженъ былъ объявить, что Наполеонъ признавалъ себя свободнымъ «не отъ договора, такъ какъ ничего подобнаго не существовало, а отъ негласнаго обязательства по дружбѣ къ Александру, который въ теченіе цѣлаго мѣсяца не далъ отвѣта на самый простой вопросъ [121]).» Депеша отъ 7 февраля назначалась для сообщенія, что «*онъ беретъ австріячку*».

Для Наполеоновой злопамятности недостаточно было отвергнуть съ оскорбительной рѣзкостью собственный свой проектъ, холодно принятый Александромъ: онъ не хотѣлъ извинить этого своему союзнику, хотя самъ преждевременно отказался отъ своего предложенія. Онъ рѣшился доказать немедленно, что съ его стороны дѣло шло не о мимолетномъ недоразумѣніи, но о положительномъ измѣненіи французской политики, какъ будто онъ опасался, что Александръ еще недостаточно оскорбленъ неприличіемъ его поступковъ. Въ тотъ же день, 6 февраля, онъ велѣлъ сообщить русскому

---

[121]) Наполеонъ къ Шампаньи 6 февраля 1810.

двору о своемъ несогласіи ратификовать конвенцію, подписанную Коленкуромъ, и починъ которой прямо шелъ отъ него. Онъ, предложившій вычеркнуть изъ политики и даже изъ исторіи названія Польши и поляковъ, считалъ теперь «несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ» объявить, «что королевство польское никогда не будетъ возстановлено» (ст. 1-я конвенціи). Что касается названій Польши и поляковъ, то было-бы «смѣшной нелѣпостью» принять обязательство объ ихъ уничтоженіи [122]). Онъ также не принималъ оговорки объ отмѣнѣ прежнихъ польскихъ кавалерскихъ орденовъ. У него нашлись возраженія противъ всѣхъ статей конвенціи; онъ замѣнилъ ее собственнымъ контръ-проектомъ, двусмысленная редакція котораго допускала самыя произвольныя толкованія, и главная цѣль которой состояла въ возбужденіи этимъ прекословіемъ непріязненности державы, не замедлившей откликнуться на его враждебный вызовъ.

Императоръ Александръ не обнаружилъ ни малѣйшаго неудовольствія по поводу несостоявшагося сватовства; онъ даже поздравилъ Коленкура съ счастливыми послѣдствіями, которыя союзъ съ Австріей принесетъ европейскому миру. Но онъ былъ слишкомъ проницателенъ для того, чтобъ его можно было провести нашими мало удовлетворительными отговорками: онъ замѣтилъ нашему посланнику, на сколько было невозможно заключеніе брачнаго договора въ день 7-го февраля, еслибъ объ этомъ не переговаривались гораздо ранѣе съ вѣнскимъ дворомъ, то есть именно въ то время, когда слѣдовало ожидать отвѣта изъ Петербурга. Чтобъ дѣло дошло до заключенія условій, надобно было начать переговоры съ декабря мѣсяца. Къ этому неопровержимому разсужденію онъ прибавилъ и другое обвинительное замѣчаніе. Не опровергая мнимыхъ опасеній на счетъ неудовольствія французскаго общества по случаю попа въ Тюильри, опасеній

---

[122]) Наполеонъ къ Шампаньи, 6 февраля 1810.

предъявляемыхъ со стороны человѣка, захватившаго вооруженной рукой въ Римѣ святѣйшаго отца папу и державшаго его плѣнникомъ въ Савонѣ, онъ указалъ Коленкуру на прежнюю декларацію, въ которой было сказано, что «разность вѣроисповѣданій не будетъ препятствіемъ.» Посланнику нечѣмъ было возражать на эти укоризны, и онъ ограничился печальной ссылкой на недоразумѣнія и медленность, все погубившія. Справедливые поводы къ неудовольствію, конечно, не могли содѣйствовать къ принятію проекта, которымъ Наполеонъ замѣнилъ конвенцію, посланную изъ Россіи. Александръ не безъ горечи указалъ на содержавшіяся въ немъ двусмысленности и недомолвки; онъ противопоставилъ наполеоновской редакціи новый, болѣе ясный контръ-проектъ, но не обольщалъ себя надеждой на его принятіе, и сказалъ при Коленкурѣ знаменательныя слова, доказывавшія, что онъ вовсе не обманывается относительно послѣдствій союза Франціи съ Австріей: «Я не нарушу мира Европы и не начну нападенія; но если нападутъ на меня, я буду защищаться [123]).»

Пока это темное облачко, тогда едва примѣтное, и которое легко могло быть разсѣяно, прежде нежели изъ него разразился громовой ударъ войны съ Россіей, — увеличивалось и захватывало обширный горизонтъ, Парижъ довѣрчиво предавался празднествамъ, восторженнымъ изъявленіямъ радости, привѣтствовавшимъ великое, счастливое событіе, обезпечивавшее всеобщій миръ. Миръ — вотъ тотъ смыслъ, который придавало населеніе совершенію брака, какъ-бы съ намѣреніемъ обезоружить императора такимъ выраженіемъ всеобщаго желанія. «*Настаютъ для земли ясныя времена.*» Эта надпись считалась девизомъ новой императрицы. Наполеонъ, чтобъ ярче означить свое окончательное преобразованіе изъ временщика въ государя прежняго порядка, поже-

---

[123]) Депеши Коленкура, съ 12 по 26 февраля, 8 и 10 марта 1810. (Archives des aff. étr. *Russie*, 150).

лалъ въ точности скопировать при своемъ бракосочетаніи весь церемоніалъ свадебнаго обряда Лудовика XVI съ Маріей-Антуанетой. Воспроизвели не только слово въ слово брачный контрактъ и письменныя формы стараго французскаго двора, но и всю мелочность прежняго этикета. На особую комиссію, при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ было возложено воспроизведеніе этой любовной археологіи.

Марія-Луиза, обрученная въ Вѣнѣ Наполеону, черезъ его представителя эрцгерцога Карла, была передана 16 марта, въ Браунау, королевѣ неаполитанской. Тамъ, сообразно древнему обычаю, ее раздѣли съ головы до ногъ и облекли въ новыя одежды, символъ новой жизни, въ которую она вступала. Въ Компьенѣ, нарушая условленный церемоніалъ, Наполеонъ провелъ нѣсколько ночей подъ одной кровлей съ Маріей-Луизой; онъ подражалъ въ этомъ случаѣ Генриху IV, который такъ поступилъ съ Маріей Медичи. 2 апрѣля оба обрученные имѣли въѣздъ въ Парижъ среди кортежа королей и королевъ и толпы камергеровъ, статсъ-дамъ, пажей и придворныхъ. Знаменитѣйшіе представители древней аристократіи наперерывъ домогались чести попасть въ ихъ свиту. Католическій прелатъ, изъ рода Рогановъ, просилъ дозволенія быть при ихъ «августѣйшихъ особахъ», и писалъ: «великій Наполеонъ *мой богъ покровитель*! [124])»

Повсюду пиры, иллюминаціи, концерты, раздачи угощеній народу. На другой день бракъ. Въ тотъ-же часъ, во всѣхъ лицеяхъ имперіи, всѣ профессора риторики произнесли латинскія рѣчи въ прославленіе этого гименея; во всѣхъ церквахъ священники торжествовали и благословляли этотъ бракъ. Болѣе ста пятидесяти поэтовъ воспѣли это событіе въ своихъ эпиталамахъ. Сенатъ, Законодательное Собраніе

---

[124]) На его прошеніи, 15 февраля 1810, была положена слѣдующая резолюція: «Герцогъ Фріульскій отпуститъ первому милостынераздавателю 12,000 франковъ *изъ кассы театровъ*.»

Государственный Совѣтъ превзошли себя въ выраженіяхъ обожанія даже до обоготворенія. Въ особенности они стремились доказать, что бракъ означалъ миръ: «И какую гарантію пріобрѣтаетъ нынѣ Европа для прочности и продолжительности этого мира!» восклицалъ Реньо въ своей рѣчи Сенату. «Вы видѣли прибывшую въ преисполненную радостью и любовью Францію *августѣйшую вѣстницу мира*, драгоцѣннѣйшій залогъ вѣчнаго союза! міръ привѣтствуетъ въ ней надежду всеобщаго спокойствія!» Президентъ Сената былъ не менѣе лириченъ въ своихъ довѣрчивыхъ предсказаніяхъ: «Какое значеніе придаетъ нашимъ трудамъ этотъ славимый гименей! Какой длинный рядъ годовъ тишины и отдохновенія представляется нашимъ воспоминаніямъ и нашимъ надеждамъ!» Безразсудныя, обманчивыя пророчества! рабскій лепетъ, которымъ эти люди думали обуздать властелина, возвышеннаго ихъ малодушіемъ, и которому не смѣли противорѣчить. Не смотря на всѣ принятыя мѣры, эти дни упоеній и самообольщенія не заключали въ себѣ того истиннаго удовольствія, которое принадлежитъ прочному благоденствію. Тутъ представлялось только преходящее увлеченіе цѣлаго народа. Эти шумные праздники, эти восторги, эта выставка невиданнаго великолѣпія были не что иное какъ призракъ, грубый обманъ, закрывавшій пропасть, къ которой мы стремились. Сущность нашего дѣла была не въ Парижѣ: она была въ кругу событій, совершавшихся у окраины Иберійскаго полуострова, на скалистыхъ утесахъ Торресъ-Ведраса, уже готовыхъ свидѣтелей бѣдственныхъ неудачъ нашей испанской арміи; она была подъ тѣмъ суровымъ небомъ сѣвера, гдѣ скоплялись предвѣстники роковаго 1812 года.

Какъ ни было величественно зрѣлище этихъ торжествъ и великолѣпій, но оно было слишкомъ искусственно, и дѣйствительность должна была выразиться какой нибудь неблагозвучной нотой. Такъ и случилось при самомъ совершеніи обряда бракосочетанія. Богослуженіе только-что началось,

и вдругъ замѣтили, что Наполеонъ устремляетъ злобные взгляды къ наполовину пустымъ сѣдалищамъ, назначеннымъ для двадцати семи кардиналовъ, находившихся въ Парижѣ. Потомъ, обратившись къ мехельнскому архіепископу: «Гдѣ кардиналы? сказалъ онъ, я ихъ не вижу.» Прелатъ сталъ исчислять передъ нимъ кардиналовъ, присутствующихъ при церемоніи, и извинять отсутствіе другихъ ихъ немощами. «А дураки!» повторилъ нѣсколько разъ Наполеонъ съ выраженіемъ накипавшей въ немъ мстительности [125]). Эта сцена неожиданно разодрала завѣсу, прикрывавшую для свѣта дѣйствительныя отношенія къ церкви. То же самое могло-бы повториться и для каждаго изъ бывшихъ при церемоніи представителей державъ, еслибъ имъ было дозволительно выразить свои настоящія чувства; всѣ они присутствовали тутъ очень неохотно: русскій, потому что мы измѣнили союзу; прусскій, потому что онъ подвергался въ этотъ день новому пораженію; австрійскій, потому что, въ ожиданіи будущихъ весьма загадочныхъ благъ отъ брака, вѣнскій дворъ понесъ добавочное уничиженіе. Еслибы сердечныя движенія могли замѣнить офиціальную внѣшность, то на всѣхъ лицахъ, выражавшихъ заказное сочувствіе, обнаружились бы недовѣріе, злопамятность, ненависть и порывы къ войнѣ.

Присутствіе кардиналовъ въ Парижѣ достаточно доказывало, въ какое глубокое разстройство была повергнута церковь тѣмъ самымъ человѣкомъ, котораго она такъ недавно и съ такой благосклонностью величала «возстановителемъ алтарей.» Послѣ похищенія изъ Рима, папу Пія VII волочили изъ города въ городъ до Гренобля, а оттуда назадъ въ Савону, гдѣ и содержали его плѣнникомъ. Но плѣненіе первосвященника было только предварительной мѣрой Наполеона къ преобразованію церкви. Справедливо опасаясь, чтобы кардиналы не предприняли чего либо для замѣщенія какъ

---

[125]) De Pradt: *Les quatre Concordats.*

бы несуществующаго папы, и рѣшившись увлечь ихъ, волей-неволей, къ новому направленію, предназначаемому имъ для католической религіи, онъ захватилъ всю коллегію кардиналовъ и отправилъ ихъ изъ Рима въ Парижъ, за исключеніемъ только самыхъ престарѣлыхъ и больныхъ. По этимъ фактамъ можно опредѣлить степень виновности тѣхъ кардиналовъ, которые сочли долгомъ не присутствовать при бракосочетаніи. Насильственно привезенные въ Парижъ, они имѣли полное право не унижать своего достоинства появленіемъ въ какія бы то ни было офиціальныя собранія, но они не дерзали даже на такую смѣлость. Преступленіе ихъ состояло единственно въ томъ, что они не рѣшились участвовать въ такомъ актѣ, который они признавали отрицаніемъ власти своего духовнаго владыки, по ихъ понятіямъ полноправнаго судьи въ дѣлахъ по брачнымъ обязательствамъ государей. Если тутъ и была протестація, то очень робкая, такъ какъ она выражалась только безмолвіемъ и воздержаніемъ. На другой-же день они явились къ пріему въ Тюильри, искупая неотложною покорностью свою маловременную опозицію. Тамъ ожидала ихъ месть жестокая и утонченная. Продержавъ ихъ долгіе часы въ недоумѣніи, подъ насмѣшливыми взглядами своихъ куртизановъ, Наполеонъ велѣлъ выгнать ихъ изъ дворца, какъ слугъ недостойныхъ. Неудовлетворенный такимъ публичнымъ для нихъ оскорбленіемъ, онъ приказалъ снять съ нихъ пурпуръ, запретилъ имъ впредь носить на себѣ какіе бы то ни было знаки кардиналата, конфисковалъ ихъ личныя имущества, прекратилъ выдачу содержанія, оставивъ имъ кое-что едва достаточное на пропитаніе, и разослалъ ихъ подвое въ разные провинціальные города [126]).

Такія распоряженія «новаго Карломана» относительно кардиналовъ даютъ полное понятіе о той власти, которую

---

[126]) *Mémoires* du cardinal Consalvi.

онъ присвоивалъ себѣ надъ католической церковью. Онъ признавалъ себя какъ-бы новымъ создателемъ этой церкви и требовалъ безпрекословнаго повиновенія. Онъ отдавалъ себѣ очень точный отчетъ о томъ упадкѣ, въ какомъ засталъ ее въ эпоху конкордата, и о томъ значеніи, которое онъ ей возвратилъ. Церковь тогда прославила его своимъ спасителемъ, и въ этомъ словѣ не заключалось преувеличенія. Но припоминая благодѣянія своей собственной особы, Наполеонъ вполнѣ изгладилъ изъ своей памяти тѣ услуги, которыми онъ воспользовался самъ, и содѣйствіе, оказанное церковью его личному возвышенію. Онъ забылъ также силу сопротивленія и распространенія, возвращенную имъ самимъ идеямъ религіознымъ. Въ послѣднюю революцію, совершенную въ Римѣ шенбрунскимъ декретомъ, и при всѣхъ приготовительныхъ къ тому мѣрахъ, онъ встрѣтилъ со стороны святѣйшаго отца и князей церкви столько уступчивости, кротости и слабости, что легко могъ себя увѣрить, что въ этихъ безсильныхъ людяхъ и въ ихъ обветшалыхъ учрежденіяхъ ничто не воспротивится его волѣ. Слѣдовательно, относительно Рима должно было дѣйствовать тѣмъ-же способомъ, какой онъ употребилъ противъ другихъ государствъ, также одряхлѣвшихъ, а имъ преобразованныхъ для удобнѣйшаго ими управленія и подчиненія ихъ имперіи: оставалось ему принять на себя починъ реорганизатора для усовершенствованія и окончательной выработки изъ религіи отличнаго правительственнаго орудія.

Не однихъ только кардиналовъ хотѣлъ онъ имѣть въ Парижѣ; въ свою очередь, папа долженъ быть привлеченъ туда-же, и по убѣжденіямъ или по устрашенію непремѣнно подчиниться его господству. Пій VII пойметъ, что будетъ для него выгоднѣе пользоваться вмѣстѣ съ императоромъ властью надъ міромъ, принять отъ него великолѣпное жилище въ Реймсѣ или въ Сенъ-Дени, возвратить покой церкви, подчинясь волѣ грознаго завоевателя, чѣмъ оставаться въ

ничтожествѣ и въ безнадежной опозиціи. Въ ожиданіи этой предвидимой покорности, Наполеонъ, по своему обыкновенію, старался въ короткій промежутокъ времени накопить столько преобразованій, столько совершившихся фактовъ, чтобъ возвратъ къ прежнему сдѣлался невозможнымъ. Видя, съ какою легкостью ему удалось ниспровергнуть папское правительство, какое малое впечатлѣніе произвело на всѣхъ его паденіе, какое глубокое равнодушіе встрѣтило его жалобы, съ какой неимовѣрной уступчивостью эта столь могущественная прежде организація дозволила распоряжаться собою, онъ велѣлъ перевезти въ Парижъ вслѣдъ за коллегіей кардиналовъ всѣ существенные органы старинной католической организаціи, начальствующихъ монашескими орденами, а также членовъ трибуналовъ покаяннаго и имущественнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ увѣдомить представителей разныхъ державъ при папскомъ дворѣ, что отнынѣ впредь дѣла церковныя должны рѣшаться въ Парижѣ, гдѣ будетъ резиденція духовнаго правленія. Ни одна католическая держава не осмѣлилась возразить противъ такого предложенія. Ватиканскіе архивы, нагружаемые на сто повозокъ, еженедѣльно отсылались въ Парижъ и размѣщались, подъ надзоромъ Дону, въ отелѣ Субизъ. Онъ дошелъ въ своей предусмотрительности до того, что перевезъ также тіару, печать и другіе знаки отличія и принадлежности папской власти.

Такимъ образомъ онъ захватилъ въ свои руки, такъ сказать, весь персоналъ и весь матеріалъ католической церкви. Развѣ это было не все въ глазахъ Наполеона? Считался-ли онъ когда нибудь съ нравственной силой? Развѣ душа могла представить ему большее сопротивленіе, нежели тѣло? Онъ конечно полагалъ, что не можетъ, судя по легкости, съ какою совершились измѣненія. Эти насилія не огласились никакимъ воплемъ сопротивленія, даже никакимъ явнымъ недовольствомъ. Отлученіе отъ церкви, заглушенное тотчасъ по произнесеніи, было единственнымъ подвигомъ папской энергіи. Кардиналы

являлись на всѣ пріемные часы Наполеона, посѣщали парижскіе салоны, пробавлялись въ рабскомъ униженіи назначеннымъ имъ годовымъ окладомъ въ тридцать тысячъ франковъ. Тѣ изъ нихъ, которые осмѣлились не присутствовать при свадебной церемоніи, были разосланы, безмолвны, подавлены сознаніемъ своей дерзости. Французское духовенство, покорное до невозможности заявить прямой протестъ, обратилось было къ косвенной оппозиціи, образуя для того миссіи; миссіи эти немедленно были запрещены, и все погрузилось въ обычное молчаніе. Мало того, Наполеонъ льстилъ себя увѣренностью привлечь это духовенство, подъ предлогомъ галликанизма, къ содѣйствію своему предпріятію, исключительной цѣлью котораго было соединеніе въ своемъ лицѣ власти духовной и свѣтской.

Съ ноября мѣсяца 1809, онъ составилъ комитетъ изъ правильно мыслящихъ епископовъ, имъ самимъ избранныхъ: они должны были изыскивать ему средства, какъ обходить по духовнымъ дѣламъ затрудненія и разрушать препятствія, не выходя изъ круга католическихъ вѣрованій, какъ прикрывать священнымъ авторитетомъ посягательство на Римъ. 11 января 1810, онъ предложилъ комитету слѣдующіе вопросы: въ виду упорства папы не должно-ли собрать соборъ? Не учредить-ли для папы домашній совѣтъ изъ прелатовъ всѣхъ странъ? Не принять ли какихъ мѣръ для предупрежденія отлученій отъ церкви? Можетъ ли папа, по свѣтскимъ предлогамъ, отказываться отъ своего участія въ дѣлахъ духовныхъ? [127]) Отвѣты комитета были неопредѣленны, за исключеніемъ относившагося до отлученія отъ церкви, которое прямо было названо «злоупотребленіемъ власти», но самая неточность отвѣтовъ давала понять, что, когда придетъ время, избранные епископы будутъ на сторонѣ Наполеона.

---

[127]) *Correspondance de Napoleon*: Вопросы комитету епископовъ, 11 января 1810.

Естественнымъ дополненіемъ къ такимъ предварительнымъ мѣрамъ былъ знаменитый сенатусъ-консультъ, 17 февраля 1810, присоединявшій Папскую область къ имперіи. Папѣ назначался годовой доходъ въ два милліона франковъ, дворецъ «въ тѣхъ мѣстахъ имперіи, *гдѣ онъ пожелаетъ пребывать*» (ст. 15), иронія мало приличная относительно плѣнника, жившаго подъ карауломъ. Папы, при своемъ посвященіи, должны давать присягу въ томъ, что не будутъ предпринимать ничего противъ постановленій галликанской церкви. Государство принимаетъ на себя расходы священной коллегіи и пропаганды. Папская область образуетъ два департамента: Римскій и Тразименскій. Городъ Римъ именуется *вторымъ городомъ имперіи;* въ немъ пребываетъ принцъ крови или одинъ изъ высшихъ сановниковъ. Наконецъ наслѣдникъ, рожденіе и полъ котораго возвѣщались еще до совершенія брака, приметъ титулъ короля Рима.

Въ подтвержденіе этого сенатусъ-консульта, Реньо прочелъ въ Сенатѣ, подъ заглавіемъ изложенія причинъ, самую злую критику на управленіе Пія VII. Противъ обвиненій Наполеона, первосвященникъ могъ бы возражать своими болѣе вѣскими обвиненіями; но, дозволивъ себѣ, прежде этого времени, одобрить и даже освятить торжественнымъ священнодѣйствіемъ, поколику они примѣнялись къ другимъ государямъ, неправедныя дѣйствія Наполеона, жертвою которыхъ онъ сдѣлался теперь и самъ, папа потерялъ всякую власть осужденія. Съ того дня какъ онъ совершилъ помазаніе на императорство надъ убійцей герцога Энгіенскаго, съ того дня какъ онъ унизился до того, что ревностный католикъ де Местръ назвалъ его «паяцемъ безъ значенія», Пій VII потерялъ дѣйствительность своего вліянія на европейское общество и даже на убѣжденія вѣрующихъ католиковъ. За нимъ оставалось только обаяніе его несчастій, его личныхъ добродѣтелей и его слабости.

Рѣчь Реньо только косвенно затрогивала великія, дѣй-

ствительныя обвиненія, какія можно было постановить на исторической почвѣ противъ самаго существованія свѣтской власти папъ. Онъ могъ-бы показать, какъ послѣдовательно они предавали Италію завоеваніямъ, вооруженнымъ вторженіямъ иноплеменниковъ, внутреннимъ междоусобіямъ, съ цѣлью предупредить основаніе всякаго прочнаго національнаго учрежденія, которое могло-бы угрожать папскому владычеству; могъ бы показать, какъ духовное благо церкви приносилось на жертву политическимъ выгодамъ папскаго престола. Но такое обвиненіе было бы самою неопровержимою критикой противъ человѣка, возстановившаго эту свѣтскую власть, съ исключительной цѣлью пользоваться ея содѣйствіемъ для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Чѣмъ основательнѣе и справедливѣе были бы такія обвиненія, тѣмъ болѣе оказывался бы виновнымъ Наполеонъ за несвоевременное къ нимъ невниманіе. Впрочемъ, императоръ вполнѣ сознавалъ, что въ такихъ обвиненіяхъ заключалось единственно возможное оправданіе ниспроверженія политическаго господства папы. Не обладая проницательнымъ историческимъ смысломъ, нельзя двигать міровыми событіями и достигнуть властвованія надъ многочисленнымъ народомъ. Наполеонъ давно обсудилъ и понялъ положеніе папства въ Италіи и гибельное его вліяніе на судьбы этой страны. Считая неумѣстными подобныя обвиненія въ изложеніи Реньо, онъ хотѣлъ, чтобъ они были развиты въ сочиненіяхъ историческихъ и догматическихъ для впечатлѣнія ихъ въ умахъ людей просвѣщенныхъ. По его мнѣнію, цѣлью такихъ сочиненій было: 1) доказать, что папскій дворъ всегда употреблялъ духовное оружіе для усиленія и распространенія своего политическаго могущества; 2) что дворъ этотъ всегда былъ врагомъ всякой первенствующей государственной силы въ Италіи... и употреблялъ всѣ средства къ истребленію такой силы [128]).»

[128]) Наполеонъ къ Шампаньи, 15 декабря 1809.

Эта строго точная историческая тема принята была за программу книги, написанной Дону съ ученымъ и существеннымъ достоинствомъ [129]), и представлявшей только тотъ недостатокъ, что была она написана по приказанію и въ пользу такого цезаризма, который былъ опаснѣе всякой теократіи.

Сужденіе, выводимое въ этой книгѣ Наполеономъ по предмету исторической роли папства, было уже высказано въ шестнадцатомъ вѣкѣ Николо Макіавели. Болѣе справедливаго приговора и болѣе заслуженнаго осужденія не могло быть. Но вопросъ представлялъ такія сложности, которыхъ Наполеонъ и его апологисты какъ будто не примѣчали. Въ политикѣ никогда не должно терять изъ вида послѣдствій предпринимаемой мѣры, и необходимо было, въ тогдашнемъ положеніи дѣла, убѣдиться не только въ законной причинности ниспроверженія свѣтской власти папы, но и въ томъ, въ чью именно пользу можетъ обратиться такая перемѣна. Но это ниспроверженіе, въ условіяхъ, при которыхъ оно совершалось, не могло быть полезнымъ ни для цивилизаціи, ни для свободы совѣсти. Всѣ дѣйствія Наполеона въ ту эпоху, независимо отъ его исповѣди на островѣ св. Елены, такъ многократно лживой, но въ этомъ случаѣ соотвѣтствующей фактамъ, ясно говорятъ намъ о томъ порядкѣ, которымъ онъ хотѣлъ замѣнить разрушаемую имъ прежнюю систему. Этотъ порядокъ предполагалъ что-то въ родѣ восточнаго патріархата, и папа былъ бы въ немъ государственнымъ сановникомъ, присяжнымъ, получающимъ отъ Наполеона жалованье и состоящимъ подъ его внушеніями; словомъ, онъ былъ-бы духовнымъ архиканцлеромъ, товарищемъ Камбасереса: «Какой рычагъ! какое великое средство для управленія міромъ!... говорилъ онъ потомъ съ энтузіазмомъ, возвращаясь къ любимымъ своимъ идеямъ того времени по предмету устройства церкви. Я сдѣлалъ бы папу

[129]) *Essai sur le pouvoir temporel des papes*, par Daunou.

личностью обожаемою, онъ находился бы при мнѣ. Парижъ сталъ-бы столицею христіанскаго міра, и я бы занимался міромъ духовнымъ, какъ и міромъ политическимъ.... Я имѣлъ бы свои собранія духовныя, также какъ и свои собранія законодательныя. *Мои соборы* были бы представителями христіанства, папы были бы только предсѣдателями [130]).» Всѣ записки, всѣ письма, всѣ Наполеоновы акты того времени доказываютъ, что въ этихъ словахъ заключалась его окончательная идея о религіозной организаціи. Церковь, подчиненная его волѣ, дисциплинированная какъ полкъ солдатъ, и обѣ власти, соединенныя въ особѣ императора, судя по усовершенствованіямъ, введеннымъ имъ въ свой деспотизмъ, образовали бы самую абсолютную тиранію, когда либо видѣнную на свѣтѣ, а въ сравненіи съ такою язвою какое значеніе могли имѣть злоупотребленія свѣтской власти папъ?

Какъ ни была она грандіозна, эта затѣя Наполеона грѣшила тѣмъ недостаткомъ, который портилъ всѣ его политическіе планы и раньше или позже долженъ былъ привести его царствованіе къ самому плачевному концу. Она не была въ дѣйствительной соразмѣрности съ его средствами, противна духу времени, несоотвѣтственна поступательному ходу цивилизаціи. Три столѣтія свободнаго мышленія, прошедшія послѣ среднихъ вѣковъ, распространили въ мірѣ столько знаній и умственной независимости, что осуществленіе подобнаго чудовищнаго абсолютизма стало невозможнымъ. Манифесты Наполеона наполнялись поношеніями и укоризнами противъ безумствъ Григорія VII и Бонифація VIII, а его собственной мечтой была ихъ-же система, только обращенная къ выгодамъ имперіи, еще болѣе химерической, нежели теократія этихъ папъ. Кромѣ того, эта деспотическая утопія не имѣла за собой и того оправданія, что возникла во времена варварства и мрака. Проницательный наблюдатель

[130]) Memorial de Sainte-Hélène, par Las Cases.

тогда-же могъ понять всю нелѣпость этой мечты по одному только факту, представляющему пробный камень для ложныхъ идей. Признакъ, по которому легко отличаются фальшивыя системы, состоитъ въ томъ, что когда люди сами готовы имъ подчиняться, природа вещей того не допускаетъ, и тогда достаточно самаго ничтожнаго препятствія для полнаго ихъ неуспѣха. Наполеонъ, по своему положенію, достигъ увѣренности въ томъ, что главнѣйшія препятствія побѣждены. Онъ имѣлъ подъ своей рукой, въ Парижѣ, всѣ органы, всѣ орудія прежняго первосвященническаго правительства; онъ забралъ всѣ начальствовавшія лица, очутившіяся большею частію его добровольными плѣнниками, подчиненными его приказаніямъ, равнодушно носящими позолоченныя цѣпи своего рабства; за него были также обманываемое общественное мнѣніе и философія, несочувственная къ несчастьямъ своихъ прежнихъ гонителей. Самъ папа, казалось, примирился съ потерею своихъ областей; онъ не смѣлъ ни протестовать, ни жаловаться, и говорилъ дружелюбно о своемъ прежнемъ союзникѣ [131]). Пій VII, такъ часто подвергавшійся упрекамъ въ подражаніи Григорію VII, могъ бы взяться за то духовное оружіе, которымъ ратовалъ прежній первосвященникъ; онъ могъ бы наложить запрещеніе на Францію и, объявивъ въ ней ересь, прекратить на всей ея территоріи совершеніе богослуженія; онъ могъ-бы повторить съ большею силою анаѳему, надъ которою насмѣхался Наполеонъ и которой однакожъ онъ очень боялся. Но папа отказался отъ всякихъ энергическихъ мѣръ, и всю свою защиту ограничилъ систематическимъ безмолвіемъ и воздержаніемъ себя отъ участія въ дѣлахъ. И что же? На этой ничтожной мели религіозный цезаризмъ подвергся полному крушенію; этого пассивнаго сопротивленія было достаточно для уничтоженія всѣхъ плановъ Наполеона!

---

[131]) Депеша Лебцельтерна къ Меттерниху изъ Савоны, отъ 16 мая 1810.

Воскрешая старинную императорскую и папскую теорію, Наполеонъ отчасти возобновилъ распрю карловингскихъ временъ между папой и императоромъ. Съ первыхъ же недоразумѣній повторились пререканія за инвеституры по дѣламъ о посвященіи епископовъ. Папа отказывался, подъ разными предлогами, отъ замѣщенія вакантныхъ епископскихъ каѳедръ, а это порождало смятеніе и безпорядокъ среди населеній. Позже, по убѣжденіямъ своихъ совѣтниковъ, онъ согласился на посвященіе епископовъ, назначенныхъ императоромъ, но съ условіемъ не упоминать объ немъ въ посвятительныхъ буллахъ, чѣмъ какъ бы отрицалась его прерогатива въ правѣ, тогда какъ на дѣлѣ ее признавали. Въ слѣдствіе своего плѣненія, папа отказался отъ всякихъ посвященій въ какомъ бы видѣ они не представлялись, справедливо отзываясь тѣмъ, что онъ лишенъ свободы, и потому не можетъ исполнять первосвященническаго служенія. Число вакантныхъ епархій возрастало и вскорѣ дошло до двадцати семи. Императоръ, по совѣщанію съ лицами, искусными въ каноническомъ правѣ, изыскивалъ средства, какъ бы обойти затрудненіе. Ему показалось, что онъ нашелъ это средство, придавъ епископамъ, имъ назначеннымъ, но папой непосвященнымъ, титулъ викаріевъ капитулярныхъ.

Такіе викаріи были, какъ извѣстно, временные администраторы, избираемые капитулами для управленія епархіями, въ ожиданіи замѣщенія вакантнаго епископства посвященіемъ лица отъ святаго престола. Распорядившись избраніемъ капитулами наименованныхъ имъ епископовъ, Наполеонъ полагалъ, что создастъ временное епископатство, которое будетъ мирно управлять епархіями до той эпохи, когда его примиреніе съ папой упрочитъ положеніе этихъ прелатовъ. Но съ одной стороны, на должности капитулярныхъ викаріевъ мало было охотниковъ изъ лицъ, желавшихъ епископства, потому что такое викаріатство доставляло имъ авторитетъ сомнительный и спорный, а въ будущемъ угрожало ихъ надеждѣ

на посвященіе [132]); съ другой стороны, выборы капитуловъ были уже большею частью произведены ранѣе того времени, когда императоръ рѣшился на свою мѣру, и епископы, имъ наименованные, не могли занять своихъ каѳедръ, потому что это повело бы ихъ разомъ къ столкновенію и съ папой, и съ капитулами. Слѣдовательно, не удалось обойти затрудненія, и папа препятствовалъ всему. Итакъ, овладѣвъ всѣмъ удивительнымъ механизмомъ католицизма съ его вѣковыми усовершенствованіями, и ожидая найти въ немъ пособіе для достиженія своихъ выгодъ, Наполеонъ вдругъ увидѣлъ, что, не смотря на всѣ принятыя имъ предосторожности и мѣры, ему недоставало того двигателя, безъ котораго церковный механизмъ былъ мертвъ. Между обѣими властями, императорской и папской, оказывался разрывъ, почти незамѣтный, но достаточный для того, чтобъ обратить императорское вліяніе въ ничто. Держать папу въ безсиліи и плѣну не значило ничего, если не удастся заставить его, волей неволей, дать церкви тотъ первый побудительный толчекъ, безъ котораго она впадала въ неподвижность. Такъ, по выраженію Паскаля, и Декартъ не могъ обойтись безъ идеи объ этомъ начинательномъ *толчкѣ* для приведенія въ движеніе своихъ вихрей.

Надобно было, во что бы то ни стало, побѣдить пассивное сопротивленіе Пія VII—предпріятіе трудное, потому что души, наиболѣе слабыя, способны къ постоянству и отвагѣ, когда имъ приходится выражать эти свойства упорнымъ бездѣйствіемъ. Въ Савонѣ папа, хотя и окруженный возможнымъ въ отношеніи къ плѣннику почетомъ, былъ совершенно отлученъ отъ своихъ прежнихъ совѣтниковъ; при немъ были только нѣкоторые служители. Наполеонъ, издавна знавшій его по истинѣ достойную уваженія кротость, доброту и смиреніе, и называвшій его «агнцемъ по нраву», разсчиты-

[132]) Письмо министра вѣроисповѣданій, Биго де Премене, къ Наполеону

валъ на то, что уединеніе, печаль, робость превозмогутъ сопротивленіе первосвященника; но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Пій VII не только не былъ пораженъ, но вѣрнѣе успокоенъ своимъ отстраненіемъ отъ заботъ и отвѣтственности, сопряженныхъ съ выполненіемъ первосвященническихъ обязанностей. Образъ его жизни, сообразный монашеской простотѣ, удовлетворялъ его вполнѣ. Онъ отказался отъ удобствъ и нѣкотораго представительства, предложенныхъ ему отъ императора графомъ Сальматори, и ограничивался для себя и своихъ служителей только крайне необходимымъ. Онъ нисколько не сожалѣлъ о минувшемъ великолѣпіи, и Наполеонъ грубо ошибся, вообразивъ, что можетъ обольстить его душу предложеніями своихъ императорскихъ щедротъ и денежныхъ окладовъ. Такъ какъ искушенія этого рода не удались, то пришлось обратиться къ другимъ мѣрамъ.

Кардиналы, епископы, Фешъ, Капрара, Мори, послали папѣ просительныя письма о томъ, чтобъ онъ даровалъ миръ церкви, посвятивъ епископовъ, назначенныхъ императоромъ; онъ съ твердостью отказался отъ выполненія ихъ настояній. Нѣсколько позже, австрійскій дипломатъ Лебцельтернъ пріѣхалъ въ Савону подъ предлогомъ переговоровъ по порученіямъ своего правительства, въ дѣйствительности же для того, чтобъ узнать о намѣреніяхъ Пія VII относительно Наполеона. Онъ убѣдился въ томъ, что, сохраняя нѣкоторое благорасположеніе къ своему грозному сопернику, папа болѣе чѣмъ когда либо рѣшительно остановился на своей системѣ воздержанія. «Мы не требуемъ ничего, сказалъ старикъ, обращаясь къ своему личному положенію, намъ и терять нечего. Мы всѣмъ пожертвовали для своего долга. Мы стары и не нуждаемся. Не желаемъ ни пенсій, ни почестей. Милостыни вѣрныхъ намъ будетъ достаточно. Какія-же личныя побужденія могутъ уклонить насъ отъ пути, указываемаго намъ нашею совѣстью [133])?»

[133]) Депеша Лебцельтерна къ Меттерниху, отъ 16 мая 1810.

Въ этомъ положеніи Пій VII былъ непобѣдимъ, никакія мѣры, ни побудительныя, ни стѣснительныя, не могли на него дѣйствовать. Кардиналы Спина и Казелли, посѣтившіеего для попытокъ въ томъ же родѣ, нашли его непоколебимымъ. Этого было уже слишкомъ довольно для нетерпѣнія и раздражительности Наполеона. На неподкупную рѣшимость первосвященника онъ отвѣчалъ приказаніемъ, которое онъ далъ назначеннымъ имъ епископамъ, немедленно отправиться въ свои епархіи, управлять ими на епископскихъ правахъ и не обращать вниманія на сопротивленіе капитуловъ.[134]). Чтобы придать болѣе блеска этой войнѣ, предпринимаемой имъ уже не противъ папы-короля, а противъ духовнаго главы церкви, онъ назначилъ на парижское епископство знаменитаго и краснорѣчиваго защитника французскаго духовенства во времена революціи, кардинала Мори, смѣстивъ съ этой каѳедры кардинала Феша, своего родственника, бывшаго тутъ временнымъ мѣстоблюстителемъ, и выказывавшаго нерѣдко почтенную независимость относительно императора. Мори провелъ въ положеніи изгнанника пятнадцать лѣтъ въ Римѣ; онъ утратилъ многія изъ прежнихъ своихъ иллюзій и многое изъ своей непреклонности; его природный здравый умъ укрѣпился тамъ наблюденіемъ за великими историческими событіями—дурное условіе для успѣшнаго служенія дѣлу католицизма въ такое время, когда всякая сдѣлка представлялась невозможною, когда слушались только голоса страсти. Нансійскій епископъ Осминдъ былъ назначенъ на архіепископство флорентинское.

Наполеонъ, между тѣмъ, работалъ съ неимовѣрной ревностью надъ уничтоженіемъ въ Римской области всѣхъ до послѣдняго признаковъ папскаго управленія; быстрымъ выполненіемъ издаваемыхъ имъ декретовъ онъ старался придать своимъ распоряженіямъ несокрушимость приговоровъ

[134]) Наполеонъ къ Биго де Премене, 16 ноября 1810.

судьбы. Не довольствуясь раздѣленіемъ папскихъ владѣній на два французскіе департамента и полною перемѣною тамъ гражданскихъ и военныхъ учрежденій, онъ хотѣлъ вырвать съ корнемъ и клерикализмъ водворившійся въ римскихъ узаконеніяхъ, нравахъ и даже въ семейной средѣ. Всѣ высшіе церковные трибуналы были перевезены въ Парижъ, равно какъ начальствующія лица монашескихъ орденовъ, коллегія кардиналовъ, архивы; но персоналъ второстепенныхъ и низшихъ чиновъ церкви оставался еще въ Римѣ и составлялъ безчисленный легіонъ, пополнявшійся со всѣхъ странъ свѣта. Начали съ епископствъ. Въ Римской области было тридцать епископовъ, то есть по одному на двадцать тысячъ душъ населенія. Въ прочихъ частяхъ имперіи приходилось среднимъ числомъ отъ шести сотъ и восьми сотъ тысячъ до милліона душъ на одного епископа. Оставили въ обоихъ департаментахъ, Римскомъ и Тразименскомъ, только четырехъ епископовъ. Число приходовъ, капитуловъ, монастырей, иностранныхъ духовныхъ лицъ было также чрезвычайно велико — несчастная страна буквально была пожираема ими. Духовнымъ изъ иностранцевъ приказано было выѣхать въ свои отечественныя страны [135]). Потомъ были закрыты монастыри, недвижимыя ихъ имѣнія присоединены къ государственнымъ; монашествующіе разосланы по мѣстамъ, откуда они происходили, ихъ обезпечили небольшими пенсіями. Итогъ церковныхъ имуществъ въ Римской области простирался на сумму до двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ. Наполеонъ немедленно секвестровалъ такихъ имѣній на сто пятьдесятъ милліоновъ [136]). Число приходовъ въ Римѣ ограничено двадцатью. Чтобъ скорѣе избавиться отъ лишнихъ кюре, епископовъ, монашествующихъ и прочихъ духовныхъ лицъ, имъ приказано было произнести присягу императору и признать декларацію гал-

---

[135]) Наполеонъ къ Биго де Премене, 15 апрѣля 1810.
[136]) Наполеонъ къ Годину, герцогу Гаэтскому, 17 мая 1810.

ликанскихъ правъ. За отказомъ слѣдовали: исключеніе, изгнаніе и конфискація. «Прикажите консультѣ, писалъ Наполеонъ, распорядиться присягою епископовъ и высылкою отказывающихся во Францію съ наложеніемъ секвестра на ихъ имущества [137].» А два дня спустя: «Полагаю, что всѣ епископы, кюре, викаріи, каноники уже дали присягу, или находятся по дорогѣ во Францію, а имущества ихъ отобраны. Что же касается епископовъ, то, сверхъ ихъ имѣній по духовному чину, слѣдуетъ отобрать и наслѣдственныя ихъ имѣнія [138].» Эти мѣры приходились по душѣ Наполеону, потому что доставляли ему несмѣтныя богатства, и были имъ распространены также на Пьемонтъ, Лигурію, Тоскану, Парму и Піаченцу; конфискація поддерживалась значительными вооруженными силами и частыми присылками войскъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сотни жалкихъ духовныхъ лицъ были перевозимы изъ Италіи на островъ Корсику или водворяемы во Францію [139]. Римъ, лишенный своего папы и первосвященническаго великолѣпія, легіоновъ своихъ священниковъ, монаховъ и кардиналовъ, управлялся генераломъ, постепенно принимая однообразный и безцвѣтный видъ французской префектуры. Духовному правительству наслѣдовало правительство военное, настолько же негодное. Въ замѣну утраченнаго, Римъ пріобрѣлъ пустое наименованіе *втораго города имперіи*; и самый пепелъ этого древняго очага католичества былъ какъ бы разсѣянъ и пущенъ по вѣтру.

---

[137]) Наполеонъ къ Годину, герцогу Гаэтскому, 7 мая 1810.

[138]) Наполеонъ къ нему-же, 9 мая 1810.

[139]) Неизданные документы, на которые ссылается Оссонвилль: *L'Eglise romaine et le premier Empire.*

ГЛАВА V.

Распредѣленіе завоеванныхъ территорій. — Континентальная блокада. — Наполеонъ и король Людовикъ. — Голландія присоединена къ имперіи. (Ноябрь 1809 — іюль 1810.)

Едва состоялся миръ съ Австріей, какъ Наполеонъ, вопреки успокоительныхъ и радостныхъ ожиданій, возбужденныхъ его бракосочетаніемъ съ Маріей-Луизой, находился уже въ открытой войнѣ противъ церкви и въ глухой враждѣ съ Россіей. Его отношенія къ другимъ континентальнымъ державамъ были не болѣе удовлетворительны. Кромѣ глубокаго негодованія намъ, конечно, нечего было ожидать отъ преданной Наполеону и оставленной въ безпомощности Турціи, также и отъ Пруссіи, которую онъ раздробилъ, подавилъ военными контрибуціями и продолжалъ угнетать какъ безжалостный заимодавецъ. Но нельзя не удивляться тому, до какой степени онъ своею притязательностью и произволомъ ставилъ въ непріязненное положеніе нашихъ естественныхъ союзниковъ и даже тѣ королевства, которыя были созданы имъ самимъ и существовали только по его волѣ. Его сношенія съ Мюратомъ, Іосифомъ, Людовикомъ и Жеромомъ, не смотря на родственную съ ними связь, представляли болѣе враждебности, нежели благорасположенія, и независимо отъ подчиненности, вынуждаемой ихъ зависимостью, они часто

обнаруживали свои истинныя чувства словами горечи и раздраженія.

Даже тѣ государи, которыхъ онъ надѣлялъ обрывками австрійскихъ владѣній, повидимому, болѣе другихъ удовлетворенные, втайнѣ были имъ недовольны,—и не безъ причинъ: онъ налагалъ на нихъ унизительную зависимость и тяжкія обязательства въ уплату за свои милости, а въ будущемъ ихъ нисколько не обезпечивала его система, представлявшая безпрестанную перетасовку ихъ владѣній. Наполеонъ считалъ пока еще нужнымъ соблюдать, хотя бы для вида, принятое на себя обязательство не распространять границъ имперіи за Рейнъ; поэтому, онъ распредѣлялъ между своими вассалами рейнской конфедераціи завоеванныя области. Но давая одною рукою, онъ обиралъ ихъ другою; онъ нисколько не стѣснялся заботой о томъ, удобно ли это для жалуемаго или нѣтъ, а прибавляя ему область, считалъ себя ея хозяиномъ. Онъ добавилъ къ Баваріи Зальцбургъ, Регенсбургъ, Иннвертель, Барейтъ; но отнималъ отъ нея, для присоединенія къ Италіи, итальянскій Тироль, которымъ, какъ и нѣмецкимъ Тиролемъ, владѣлъ баварскій король по пресбургскому договору; отнималъ Ульмъ въ пользу Виртемберга, и наконецъ нѣкоторыя части Палатината въ пользу Бадена. Сверхъ того, Баварія должна была выплатить за его благодѣянія тридцать милліоновъ и удѣлить значительныя пожалованія французскимъ генераламъ. Княжество регенсбургское, жалуемое Баваріи, отнималось Наполеономъ у своего союзника, князя примаса, президента рейнской конфедераціи, получившаго въ обмѣнъ княжество Франкфуртское, составленное изъ территорій Фульды и Ганау.

Князь примасъ, герцогъ Дальбергскій, бывшій прежде электоромъ и архіепископомъ Майнцскимъ, въ третій уже разъ мѣнялъ свои владѣнія, и въ послѣднемъ случаѣ Наполеонъ не ограничивался назначеніемъ ему другихъ областей, но перемѣнялъ и назначеннаго ему наслѣдника: кардиналъ

Фешъ, дядя императора, прежде наименованный имъ наслѣдникомъ титуловъ и владѣній князя примаса, впалъ въ немилость за то, что защищалъ права церкви, а сверхъ того надобно было пріискать вознагражденіе для принца Евгенія, терявшаго свое положеніе пріемнаго сына императора и вѣроятно также титулъ вице-короля. Княжество Франкфуртское объявлено наслѣдствомъ принца Евгенія.

Жеромъ не былъ забытъ при этомъ распредѣленіи, не смотря на то, что Наполеонъ имѣлъ причины быть имъ недовольнымъ. Ему отданы Магдебургъ и Гановеръ, съ обязательствомъ содержать на своемъ иждивеніи наблюдательный корпусъ французскихъ войскъ въ восемнадцать тысячъ человѣкъ и выплачивать ежегодно до двѣнадцати милліоновъ на пожалованія разнымъ лицамъ. Жеромъ, привыкшій какъ и два его брата, Іосифъ и Людовикъ, къ полученію отъ Наполеона гораздо болѣе бранныхъ, нежели ласковыхъ словъ, имѣлъ передъ ними странную выгоду: онъ мало озабочивался своимъ царственнымъ положеніемъ. Занятый исключительно своими удовольствіями и считая королевскія права за право тѣшить свои порочныя наклонности, онъ не старался ни пріобрѣсти любовь своихъ подданныхъ, ни облегчать тяготѣвшее надъ ними ярмо. Ему не приходилось выдерживать губительной войны, подобно Іосифу, въ Испаніи, или превозмогать трудности, представлявшіяся Людовику въ Голландіи. Въ этомъ заключались причины относительной къ нему благосклонности Наполеона, столь жестокаго къ другимъ своимъ братьямъ.

Распорядки въ Германіи сопровождались выступленіемъ нашихъ войскъ изъ австрійскихъ владѣній, и Наполеонъ, слѣдовательно, опять могъ свободно распоряжаться своими военными силами. Весь свѣтъ какъ бы угадывалъ заранѣе куда онъ ихъ направитъ. Отъ него зависѣло обратить ихъ на Испанію, какъ единственную страну на континентѣ, гдѣ еще осмѣливались ему сопротивляться. Жестокій ударъ, нанесенный имъ Австріи, и заключенный потомъ съ нею союзъ,

хотя не вполнѣ надежный, но на время пригодный, достаточно обезпечивали ему нейтралитетъ державъ, наиболѣе враждебныхъ. Этимъ благопріятнымъ временемъ всего лучше было воспользоваться для окончанія трудной и опасной войны въ Испаніи. Если Веллингтонъ, послѣ своего блестящаго сраженія подъ Талаверой, долженъ былъ отступить въ Португалію передъ соединенными войсками, оставленными на полуостровѣ императоромъ, то какъ предположить, чтобъ онъ удержался противъ этихъ войскъ, усиленныхъ арміей, одержавшей ваграмскую побѣду и руководимой своимъ несравненнымъ полководцемъ. Надобно сознаться, что, несмотря на грозныя укрѣпленія, устроенныя Веллингтономъ вокругъ Лиссабона въ предвѣдѣніи такого событія, исходъ новой кампаніи, еслибъ ее предпринялъ Наполеонъ во главѣ своей побѣдоносной арміи, могъ быть рѣшительно успѣшнымъ. Такая кампанія была его долгомъ относительно нашихъ несчастныхъ воиновъ, погибавшихъ въ Испаніи отъ нескончаемой войны въ горахъ и ущельяхъ: онъ самъ сознавалъ за собою этотъ долгъ. 3 декабря 1809, открывая сессію законодательнаго собранія, онъ торжественно принялъ на себя это обязательство: «Когда я появлюсь за Пиренеями, — сказалъ онъ, — *испуганный леопардъ побѣжитъ къ океану*, спасаясь отъ стыда, пораженія и смерти.» Враги Наполеона вѣрили этому обѣщанію и болѣе всего опасались его исполненія, такъ какъ оно представляло ему существенную выгоду; вѣрили этому и его обожатели, потому что такое предпріятіе соотвѣтствовало его генію, пренебрегавшему побочными и второстепенными дѣйствіями и переносившемуся прямо туда, гдѣ находился узелъ затрудненій и главная его цѣль.

Но для достиженія этой цѣли онъ долженъ былъ, если хотѣлъ воспользоваться удобнымъ временемъ, обратить туда всѣ свои средства, не обольщая себя легкостью побѣды. Съ тѣхъ поръ, какъ борьба была начата въ Испаніи, Наполеонъ почти постоянно содержалъ тамъ четырехсоттысячную

армію изъ лучшихъ своихъ войскъ; онъ посылалъ туда самыхъ испытанныхъ и отважныхъ своихъ генераловъ: Сульта, Журдана, Нея, Ланна, Виктора, Сюше, Жюно, Мортье, Сенъ-Сира, и, не смотря на ихъ усилія, на столько выигранныхъ сраженій и пролитой крови, королевствованіе Іосифа нисколько не было упрочено. Какое ни выказывали пренебреженіе къ инсуррекціоннымъ испанскимъ силамъ, но выходило такъ, что при содѣйствіи имъ двадцати-пяти-тысячнаго корпуса англичанъ, подъ начальствомъ Веллингтона, все наше завоеваніе висѣло на волоскѣ. Послѣ такого опыта, невозможно было ожидать успѣха отъ полумѣръ. Чтобъ побѣдить Испанію, надобно было подавить ее силою, и на это дѣло соединенныхъ нашихъ войскъ только что было бы достаточно. Скажемъ болѣе, на это былъ нуженъ весь геній императора и личное его присутствіе, а особенно его авторитетъ, потому что только онъ одинъ могъ положить предѣлъ соперничеству маршаловъ и придать военнымъ операціямъ общность и единство, необходимыя для преодолѣнія всѣхъ препятствій.

Какъ велико было удивленіе Европы, такъ же велика была радость нашихъ враговъ, когда послѣ очищенія австрійскихъ земель узнали, что большая часть нашихъ войскъ, вмѣсто ожидаемаго похода къ Пиренеямъ и въ Испанію, направлялись къ берегамъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей и стали занимать прибрежья Голландіи, Гановера, устьевъ Везера и Эльбы, города ганзейскіе, крѣпости на Одерѣ, Штетинъ, Кюстринъ, Глогау, остававшіеся за нами какъ залогъ прусскаго долга; угрожающій нашъ авангардъ выдвинулся до Данцига на Вислѣ. Строгій и непреклонный Даву стоялъ во главѣ всѣхъ этихъ силъ; резиденціею его былъ назначенъ Гамбургъ. Въ Данцигѣ оставался Раппъ. Континентальная блокада выставлялась предлогомъ къ такому распространенію нашей наблюдательной линіи, обнимавшей почти все прибрежье европейскаго материка, отъ устьевъ Вислы до Далмаціи. Вслѣдствіе обширности занятаго нами пространства,

къ Перенеямъ могли быть направлены только до ста тысячъ человѣкъ подкрѣпленій. Вскорѣ чрезмѣрное развитіе, приданное этой гибельной блокадной системѣ, и усложненія, возникавшія при ея осуществленіи, доставили Наполеону благовидный предлогъ не удаляться изъ Парижа и уклониться отъ личнаго появленія въ странѣ, фанатизма которой онъ боялся. Такимъ образомъ испанская война осталась за имперіей какъ болѣзнь, врачуемая палліативными средствами, тогда какъ она требовала леченія радикальнаго, и точное опредѣленіе положенія дѣла откладывалось, между прочимъ потому, что опасались обнаружить всю глубину этой язвы.

Когда Наполеонъ издалъ два свои декрета — берлинскій и миланскій, изъ которыхъ въ первомъ объявлялъ блокаду надъ Англіей, тогда какъ онъ не былъ въ состояніи пустить въ море даже простой барки, а вторымъ признавалъ лишеннымъ права національности и подлежащимъ захвату всякій нейтральный корабль, подчинившійся требованіямъ англійскаго адмиралтействъ совѣта и принявшій оттуда дозволеніе на плаваніе, тогда всѣ сочли эти объявленія за смѣлую похвальбу и попытку къ устрашенію, не предполагая въ нихъ точно опредѣленной и обязательной для всѣхъ системы. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было вообразить, чтобъ человѣкъ съ столь проницательнымъ геніемъ и убѣжденный опытомъ въ невозможности побѣдить Англію на морѣ, увлекся безразсудною мыслью принудить ее къ капитуляціи закрытіемъ для ея торговли всѣхъ гаваней континента. Первое условіе для осуществленія такой мечты, конечно, состояло въ томъ, чтобъ императоръ сталъ полновластнымъ хозяиномъ европейскаго материка, и даже принявъ такое предположеніе за существующее данное, проектъ едва ли могъ казаться выполнимымъ. Между тѣмъ въ 1807 и 1808 годахъ Наполеонъ былъ еще далекъ отъ подобнаго преобладанія. Поэтому континентальная блокада, въ началѣ ея введенія, принята была какъ мѣра только угрожающая, какъ опытъ возмездія на бумагѣ, какъ послѣднее

эхо нелѣпыхъ возгласовъ комитета общественной безопасности. Этому повѣрили тѣмъ съ большею охотою, что самая блокада исполнялась съ большими послабленіями, особенно во время войны противъ Австріи.

Но это заблужденіе было непродолжительно. Послѣ подписанія мирнаго договора, Наполеонъ обратился съ большимъ рвеніемъ къ любимой своей идеѣ: онъ громко заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи поддерживать во всей строгости блокаду. Чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ, на сколько эта система была невыносима, надобно разобрать всѣ практическія ея послѣдствія. Въ дѣйствительности, она налагала запрещеніе не на одну англійскую, но вообще на всякую морскую торговлю. Первымъ послѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ Наполеономъ, было уничтоженіе или полная неподвижность морскихъ судовъ нейтральныхъ прежде державъ. Торговлю пришлось вести исключительно посредствомъ англійскихъ кораблей. Блокада, кромѣ налагаемаго ею лишенія произведеній англійской мануфактурной промышленности, распространяла запрещеніе и на колоніальныя произведенія, которыя, особенно въ странахъ сѣверныхъ, сдѣлались уже необходимой потребностью, какъ-то: сахаръ, хлопокъ, кофе, табакъ, чай пряности, красильныя вещества, столь нужныя для промышлености фармацевтическія принадлежности, какъ хининъ; наконецъ поваренная соль, доставлявшаяся въ нѣкоторыя страны, напримѣръ въ Швецію, только морскимъ путемъ. Но какъ ни были стѣснительны такія лишенія, въ нихъ заключались еще не всѣ неудобства. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ ввоза произведеній южныхъ странъ, надобно было въ пострадавшихъ отъ того сѣверныхъ странахъ отказаться и отъ всякой отпускной торговли, потому что естественныя ихъ богатства: желѣзо, строевой лѣсъ, смола и тому подобное могли быть перевозимы только водою и моремъ, сухопутная же перевозка утраивала ихъ настоящую цѣну, что въ сущности равнялось полному запрещенію.

Итакъ, континентальная блокада равнялась, для большей части европейскихъ государствъ, уничтоженію всякой торговли, всякаго значительнаго промышленнаго производства, лишенію необходимыхъ предметовъ потребленія; кромѣ того державы поплатились за эти мѣры своими флотами и своими колоніями: имъ предстояли обнищаніе и разореніе; наконецъ на нихъ налагался рядъ нестерпимѣйшихъ притѣсненій, потому что запрещенные товары были преслѣдуемы не только на границахъ государствъ, но разыскиваемы и захватываемы даже въ жилищахъ частныхъ лицъ. Справедливо утверждали потомъ, особенно относительно Германіи, что континентальная система болѣе самаго завоеванія озлобила и вооружила противъ насъ народы [140]).

Во Франціи и въ южныхъ странахъ Европы, естественныя произведенія которыхъ могли до нѣкоторой степени восполнять колоніальные товары, гдѣ замѣняли, напримѣръ, сахаръ виноградныиъ сиропомъ, а потомъ свекольнымъ сахаромъ, американскій хлопокъ неаполитанскимъ хлопкомъ или льномъ, индиго вайдой, кофе цикоріемъ, — лишенія были сноснѣе. Франція, впрочемъ, вознаграждалась плодами побѣды и находчивостью генія, чрезвычайно способнаго извлекать выгоды изъ такого положенія; но для странъ сѣверныхъ, для народовъ, привыкшихъ, получать отъ торговли товары и произведенія, недоставляемые ихъ почвой, подчиненіе блокадѣ равнялось самоубійству. И всѣ эти нестерпимыя лишенія они должны были переносить для усиленія власти своего притѣснителя! Отъ нихъ требовали доброжелательнаго содѣйствія насильственнымъ мѣрамъ того человѣка, который ихъ побѣдилъ, унизилъ и держалъ подъ желѣзнымъ ярмомъ; все это для того, чтобъ подорвать силы единственной націи, сопротивлявшейся ему съ нѣкоторымъ успѣхомъ и сражавшейся за свободу народовъ. Такъ какъ недостаточность или посла-

---

[140]) *Mémoires* du comte de Senfft, ancien ministre du roi de Saxe.

бленіе надзора опрокинули-бы всю систему, то предполагалось, что они съ самоотверженіемъ примутся за выполненіе блокадныхъ мѣръ, первою жертвою которыхъ становились они сами. Воображали, что они отнесутъ всѣ свои страданія не на счетъ человѣка, ихъ налагавшаго, не на счетъ его ненавистныхъ агентовъ, а на народъ, воевавшій противъ его тираніи. Чѣмъ высшей степени достигнетъ отчаяніе этихъ народовъ, тѣмъ большему, думалъ Наполеонъ, отчужденію и грозѣ подвергнется Англія.

Къ этимъ чисто утопическимъ предположеніямъ Наполеонъ присоединялъ и другое, не менѣе ошибочное, самообольщеніе: онъ воображалъ, что континентальная система дѣйствительно поколеблетъ благосостояніе Англіи, и что развитіе этой системы въ конецъ разоритъ англійскій народъ. Факты однакожъ не только не подтверждали, но вполнѣ опровергали такую увѣренность. Никогда промышленная и торговая дѣятельность англичанъ не была столь могущественна, хотя она и облагалась ежегодно двумя милліардами налога [141]). Упадокъ въ цѣнѣ ея банковыхъ билетовъ, съ пониженіемъ до двадцати на сто, происходилъ не столько отъ дурнаго хода дѣлъ, сколько отъ неумѣреннаго выпуска этихъ бумагъ. Это неудобство устранили отмѣною закона, уполномачивавшаго банкъ пріостанавливать платежи звонкою монетою [142]). Если континентальная блокада закрыла для Англіи многія мѣста, куда привозились товары, то контрабанда, допускаемая тайно лицами, обязанными преслѣдовать ее явно, оставляла такому ввозу достаточный просторъ, и отпускъ товаровъ изъ Англіи въ Европу простирался на сумму до шести сотъ мил-

---

[141]) Эти налоги на 1809 годъ составляли милліардъ девятьсотъ сорокъ тысячъ франковъ, изъ которыхъ около полутора милліарда взималось въ видѣ пошлинъ.

[142]) *Annual Register:* рапортъ *Bullion Comittee*, августа 1810. Банкъ воспользовался отсрочкой для исполненія этой мѣры.

ліоновъ и шелъ въ постоянномъ возрастаніи съ 1805 года [143]). Въ широкомъ размѣрѣ пользовалась она также и тѣмъ, что не встрѣчала никакой конкуренціи въ мореплаваніи, вслѣдствіе вынужденной неподвижности морскихъ судовъ нейтральныхъ державъ. Желая нанести Англіи тяжкій ударъ по вывозу ея произведеній, Наполеонъ, вмѣсто того, создалъ въ ея пользу монополію торговли. Наконецъ, еще большее вознагражденіе получила Англія отъ присвоенія себѣ большей части европейскихъ колоній и исключительнаго ввоза товаровъ въ испанскую Америку.

Континентальная система была такъ неудобоисполнима, что даже во Франціи, то есть въ странѣ, гдѣ лишенія, ею производимыя, могли казаться болѣе сносными, вслѣдствіе богатства почвы и выгодъ, доставленныхъ завоеваніями, приходилось обходить законъ, не только посредствомъ контрабанды, но даже посредствомъ подлога, допущеннаго правительствомъ. Этотъ подлогъ, нѣкоторымъ образомъ патентованный, производился по *лиценціямъ*, то есть дозволительнымъ свидѣтельствамъ, оплачиваемымъ очень дорогою цѣною. По такимъ лиценціямъ, привилегированные кораблехозяева могли перевозить въ Англію нашъ хлѣбъ и наше вино, которые англичане соглашались принимать отъ насъ, потому что имѣли въ нихъ нужду; но при томъ наши шелковыя ткани выкидывались въ море, потому что они не хотѣли ими пользоваться. Мы привозили оттуда припасы, необходимые для нашей обрабатывающей промышлености, какъ напримѣръ красильное дерево, рыбій жиръ. Настоящимъ устроителемъ этого подлога былъ не кто иной, какъ самъ Наполеонъ, извлекавшій изъ этой неправильной торговли огромные доходы, и несчитавшій предосудительнымъ такое разореніе честной торговли въ пользу самыхъ ненавистныхъ монополій. Впро-

---

[143]) *Annual Register for the year 1809:* докладъ комитета палаты общинъ 18 апрѣля 1810. *State papers.*

чемъ, изъ его переписки видно, что агенты его полицiи не отставали отъ него въ своихъ дѣйствiяхъ и обманывали его самого [144]). Но, нарушая такимъ образомъ собственныя узаконенiя, онъ присвоивалъ исключительно себѣ барыши отъ этого злоупотребленiя, а отъ своихъ союзниковъ требовалъ неуклоннаго и строгаго выполненiя системы. По такимъ фактамъ можно составить себѣ понятiе о подлогахъ, жалобахъ, доносахъ, обвиненiяхъ и всевозможныхъ неудобствахъ, возникавшихъ вслѣдствiе континентальной блокады. Принявъ въ соображенiе опасности, злоупотребленiя, явную непригодность этой системы, названной однимъ изъ его министровъ «самымъ разорительнымъ изъ всѣхъ лживыхъ фискальныхъ изобрѣтенiй [144])», спрашиваешь себя: дѣйствительно-ли имѣлъ въ виду Наполеонъ, доводя эту мѣру до крайности, принудить Англiю, какъ всегда утверждали, къ уступчивости, или онъ выискивалъ этимъ способомъ удобнаго предлога къ вмѣшательству во внутреннее управленiе союзныхъ государствъ и къ окончательному покоренiю Европы? На самомъ дѣлѣ завоеванiе представляется логическимъ и необходимымъ введенiемъ къ континентальной системѣ.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что затрудненiя стали возникать немедленно по введенiи блокады. Затрудненiя эти были такого рода, что отъ Наполеона вполнѣ зависѣло выводить изъ нихъ и миръ, и войну. Это двусмысленное положенiе, какъ нельзя болѣе, подходило къ его политической системѣ, всегда сторожившей удобные случаи и налагавшей руку на другiя державы не давая имъ возможности отвѣчать намъ тѣмъ же. Съ такой точки зрѣнiя, ничего не могло быть выгоднѣе, какъ вынудить ихъ къ принятiю обязательства, точное исполненiе котораго было невозможно. По своей континентальной системѣ Наполеонъ

---

[144]) Письмо Наполеона къ Фуше, отъ 29 ноября 1809.
[145]) Mollien: *Mémoires d'un ministre du trésor*, t. III.

становился относительно другихъ державъ въ положеніе заимодавца къ неисправнымъ и, по его усмотрѣнію, отвѣтственнымъ должникамъ. Изъ числа государей, подписавшихъ этотъ неисполнимый договоръ, не было ни одного, который бы его не нарушилъ, и можно ли этому удивляться, когда самъ Наполеонъ былъ далекъ отъ точнаго его соблюденія, а между тѣмъ тяготѣлъ надъ ними своею требовательностью и страхомъ отвѣтственности.

Вооруженный своимъ нелѣпымъ закономъ, онъ всегда могъ обратить его противъ союзниковъ сомнительныхъ или зложелательныхъ; онъ даже обращалъ притязательность этого закона и на своихъ родственниковъ, въ благорасположеніи которыхъ не могло быть сомнѣнія, но которые останавливались передъ невозможностью блокады или жестокостью предписываемыхъ мѣръ. Въ такихъ обстоятельствахъ, его братья Іосифъ, Жеромъ и Людовикъ, его зять Мюратъ, и даже послушный вице-король оказывались виновными не менѣе королей прусскаго и датскаго. Безпрестанные укоризны, ими отъ него получаемыя, доказываютъ на сколько трудно было другимъ, неродственнымъ съ нимъ государямъ удовлетворять его настояніямъ. Если блокада и не доводила Англію до разоренія, то съ другой стороны она доставляла Наполеону возможность къ властвованію, къ устрашенію, при случаѣ-же къ непреодолимому вмѣшательству въ управленіе другихъ странъ, а для него такого рода вліяніе было преимущественно важно. Изъ этого источника проистекала его непреклонная воля навязывать всѣмъ государствамъ свою систему подъ предлогомъ защиты нейтральныхъ государствъ противъ Англіи. Если блокада и не доставляла ему свободнаго плаванія на моряхъ, то, по крайней мѣрѣ, обезпечивала возможность окончательнаго подчиненія материка Европы.

При заключеніи, въ концѣ 1809 года, Швеціей мира съ Россіей съ уступкою ей Финляндіи, Наполеонъ занималъ тогда Стральзундъ и Померанію. Онъ не потребовалъ отъ

Швеціи уступки какого-нибудь лоскута ея территоріи, и удивилъ всѣхъ своею умѣренностью, ограничившись предложеніемъ этой державѣ приступить къ континентальной системѣ. На этомъ условіи онъ соглашался возвратить регенту, замѣнившему изгнаннаго короля Густава IV, всю занятую имъ территорію безвозмездно. Предложеніе очень благосклонное, но, принимая его, регентъ безсознательно жертвовалъ независимостью шведскаго государства. Къ счастью для шведовъ, они были не близкими сосѣдями Наполеона и отчасти внѣ круга его господства. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Наполеонъ уже ставилъ на видъ регенту невыполненіе имъ принятаго условія, и съ такими угрозами, въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли быть примѣнимы только къ подданнымъ. Онъ потребовалъ высылки англійскихъ консуловъ, захвата колоніальныхъ товаровъ даже съ кораблей шведскихъ, выдачи Фоше Бореля и другихъ французскихъ выходцевъ, отмѣны въ Швеціи всѣхъ орденовъ прежней Франціи: «я намѣренъ, писалъ онъ, скорѣе объявить Швеціи войну, нежели терпѣть съ ея стороны подобныя оскорбленія [146]).» Конечно, выгоднѣе бы было уступить Наполеону какую нибудь провинцію, чѣмъ допустить его къ такому вмѣшательству въ свои дѣла. Мѣсяцъ спустя, его требованія закончились объявленіемъ шведскому уполномоченному въ Парижѣ, что онъ будетъ высланъ, если регентъ не выполнитъ своего обязательства [147]).

Въ такомъ-же духѣ производились всѣ наши сношенія и съ другими европейскими государствами, особенно съ Даніей и Пруссіей. Положеніе Пруссіи было невыносимо, потому что за нею считалась недоимка военной контрибуціи въ восемьдесятъ шесть милліоновъ. Затаенныя надежды пруссаковъ, которыя естественно возникали въ нихъ во время

---

[146]) Наполеонъ къ Шампаньи, 16 мая 1810.
[147]) Наполеонъ къ Шампаньи, 16 іюня 1810.

войны нашей против Австріи, вмѣнялись имъ въ вину, какъ бы открытыя военныя дѣйствія. Король Фридрихъ-Вильгельмъ просилъ отсрочки для уплаты долга. Онъ представлялъ Наполеону бѣдственное положеніе своего государства, напоминалъ ему, что онъ «не склонился ни на какія постороннія предложенія, остановилъ инсуррекціонныя движенія, что его вѣрность договору и заботы объ уплатѣ контрибуціи истощили государственную казну, что, наконецъ, онъ велѣлъ продать, для пополненія недоимки, свои драгоцѣнности, золотую и серебряную посуду» [148]). Императоръ отказалъ ему въ снисхожденіи и на его скорбное письмо отвѣчалъ жестокимъ возраженіемъ [149]). Вскорѣ потомъ, когда уплата замедлилась противъ назначеннаго срока, онъ велѣлъ послать въ Берлинъ наглое предложеніе о принятіи имъ въ свое владѣніе Силезіи за возмѣщеніе долга [150]). Нѣсколько времени спустя, онъ, по просьбѣ короля, допустилъ открытіе прусскаго займа въ Голландіи.

Невозможно было Наполеону принять въ сношеніяхъ съ Россіей подобныхъ властительныхъ пріемовъ, столь вѣрно удававшихся ему съ государствами слабѣйшими. Русское правительство слѣдило за нимъ зорко, ясно понимало его хитрыя продѣлки и, сохраняя противъ него совершенную сдержанность, не менѣе того высказывало ему правду. Императоръ Александръ уже имѣлъ противъ Наполеона самые законные поводы къ непріязни; онъ ихъ не выказывалъ, но, какъ государь предусмотрительный, вѣрно оцѣнивалъ для будущаго его прежніе поступки. Три раза, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ убѣдился до очевидности въ двоедушіи своего союзника; сначала по галиційскимъ уступкамъ, потомъ въ дѣлѣ по бракосочетанію, когда запутанныя отри-

---

[148]) Письмо прусскаго короля къ Наполеону, отъ 18 октября 1809.
[149]) Наполеонъ къ королю Фридриху-Вильгельму III, 6 ноября 1809.
[150]) Наполеонъ къ Шампаньи, 12 февраля 1810.

цанія Наполеона отъ веденія двойныхъ переговоровъ съ большею яркостью обнаружили его нечестность [151]), наконецъ позже по проекту трактата относительно Польши. Континентальная блокада давала ему новый поводъ къ возраженіямъ. Въ то самое время, какъ Наполеонъ съ наибольшею настойчивостью требовалъ строжайшаго соблюденія системы Александръ узналъ о тѣхъ нарушеніяхъ, которыя допускалъ въ ней самъ Наполеонъ посредствомъ своихъ лицензій. Можно себѣ представить, съ какими чувствами эта недобросовѣстная продѣлка была принята въ сѣверной столицѣ, гдѣ такъ нуждались въ произведеніяхъ жаркаго климата, и откуда торговля отпускная могла производиться только моремъ. Если блокада подвергала лишеніямъ Францію, то для Россіи она представлялась настоящимъ разореніемъ, и эту-то нарушаемую нами невозможную систему мы усиливались навязать могущественному государству. Александръ не преминулъ поставить на видъ всю уродливость такого закононарушенія. Наполеонъ отвѣчалъ на его замѣчанія, по своему обыкновенію, отрицаніемъ того, въ чемъ его упрекали. «Правда, говорилъ онъ, я давалъ лицензіи на вывозъ нашего хлѣба и нашихъ винъ, но никогда не разрѣшалъ ввоза колоніальныхъ товаровъ [152])»; послѣднее показаніе было ложно. Россія съ тѣхъ поръ сочла себя въ правѣ допустить у себя по блокадѣ всѣ тѣ облегченія, которыя признавала нужными для своей торговли, и вскорѣ выяснилось, что только оружіемъ можно заставить ее принять въ полной строгости континентальную блокаду.

Но, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, отъ этой блокады понесла наибольшее разореніе безспорно Голландія. Противъ общественной воли увлеченная въ орбиту военной державы, сораздѣляя ея пожертвованія и никогда не поль-

---

[151]) Наполеонъ къ Шампаньи, 16 марта 1810.
[152]) Къ Шампаньи, 18 февраля 1810.

зуясь ея выгодами, лишаемая своихъ богатыхъ колоній, своихъ, нѣкогда столь славныхъ, морскихъ силъ, своей столь дѣятельной морской торговли, производившей дѣла со всѣмъ міромъ, вынужденная ограничиваться произведеніями своей недостаточной территоріи, выработанной съ неимовѣрными усиліями изъ-подъ моря, истощенная, сверхъ того, содержаніемъ арміи притѣснителей свыше своихъ средствъ и потребности, Голландія едва существовала остатками своихъ прежнихъ богатствъ. Изъ всей промышлености, за ней оставались только ея банки, какъ главные денежные рынки для всей Европы, ея сыры и ея соленья, со дня на день, клонившіяся къ упадку по недостаточному привозу соли, такъ какъ англичане не пропускали ее морскимъ путемъ. Въ такихъ условіяхъ, прекратить ея торговлю колоніальными товарами, и безъ того ослабѣвшую вслѣдствіе морской войны, значило нанести ей послѣдній ударъ, и, можно сказать, безъ преувеличенія, что если другія государства страдали отъ блокады, то Голландія отъ нея умирала.

Какъ бы ни былъ расположенъ король Людовикъ къ своему брату императору, онъ, однакожь, не могъ оставаться равнодушнымъ къ столькимъ бѣдствіямъ. Человѣкъ ума не очень обширнаго, но не лишенный образованія и правительственной мудрости, характеръ простой и честный, страстный подъ холодной наружностью, искренній филантропъ и подверженный мрачному по временамъ настроенію духа, вслѣдствіе слабаго здоровья и несчастной супружеской жизни, король Людовикъ имѣлъ убѣжденіе, что принятіе имъ голландской короны налагаетъ на него обязанности въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Со вступленіемъ на тронъ, онъ принялъ на себя ходатайство за нихъ передъ Наполеономъ. Подобно своему бруту Іосифу, онъ на собственный страхъ не замедлилъ убѣдиться въ томъ, что эти мнимыя королевства, созданныя Наполеономъ, были, по его соображеніямъ, только прикрытіями завоевательной политики и орудіями деспотизма.

Въ глазахъ императора эти королевства учреждались съ цѣлью сохранить подъ рукой тѣ страны, которыя онъ, опасаясь общественнаго мнѣнія всей Европы, еще не рѣшался открыто присоединить къ имперіи. Это была первообразная форма будущихъ присоединеній.

Людовикъ защищалъ, на сколько могъ, противъ Наполеона жизнь и достояніе своихъ подданныхъ. Онъ старался убавлять контингенты, которые долженъ былъ доставлять нашимъ сухопутнымъ и морскимъ войскамъ, уменьшать число содержимыхъ имъ для насъ кораблей и канонирскихъ судовъ, облегчать налоги, и, наконецъ, преимущественно передъ всѣмъ, доставить жестоко подорванной торговлѣ поболѣе терпимости и льготъ. Такія дѣйствія послужили для Наполеона поводомъ къ безпрестаннымъ осужденіямъ и къ самымъ оскорбительнымъ укоризнамъ; каждый правительственный актъ Людовика считался дурнымъ. Его неугодливость, впрочемъ, была безобидная и довольно обыкновенная въ человѣкѣ, любившемъ разыгрывать роль государя; такъ, напримѣръ, онъ возстановилъ дворянство, учредилъ маршальство. Наполеону эти попытки казались преступленіями. Вскорѣ онъ сталъ раскаяваться въ томъ, что посадилъ Людовика на тронъ Голландіи. 27 марта 1809, предлагая ему корону Испаніи, онъ писалъ: «*климатъ Голландіи для васъ непригоденъ. Сверхъ того, она не можетъ подняться изъ своихъ развалинъ.*» Позже, въ августѣ того же года, императоръ велѣлъ сообщить Людовику объ уступкѣ Брабанта и Зеландіи въ обмѣнъ на ганзейскіе города. Людовикъ съ негодованіемъ отвергъ такое расчлененіе ввѣренной ему страны.

Итакъ, на первый разъ, въ ущербъ своего роднаго брата, Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться удобствомъ, которое ему представляла континентальная система для довершенія подчиненія себѣ Европы. Сопротивленіе умѣренное, но постоянное и непобѣдимое, противопоставляемое королемъ строгому выполненію блокады, именно въ то время, когда Наполеонъ

повелительно того требовалъ, довело прежній замыселъ императора до положительнаго рѣшенія. По возвращеніи, послѣ австрійской кампаніи, въ Парижъ, онъ тогда же хотѣлъ лишить своего брата короны, но разсчитывалъ покончить это неправое дѣло скрытно, обращая, между тѣмъ, по своему обыкновенію, разныя обвиненія на угнетаемую имъ личность и соблюдая притомъ необходимую постепенность для настроенія на свой ладъ общественнаго мнѣнія. Сношенія между обоими братьями дошли до такой непріязненности, что Людовикъ ожидалъ занятія Голландіи французскими войсками и заранѣе соображалъ, какія съ своей стороны принять мѣры къ защитѣ. Вслѣдствіе вальхеренской экспедиціи, дѣйствительно эти войска расположились въ Зеландіи и Брабантѣ, подъ предлогомъ демонстраціи противъ англичанъ, а король Людовикъ былъ приглашенъ въ Парижъ, куда только что возвратился его братъ. Онъ предугадывалъ смыслъ этого призыва, и несмотря на недостаточность своихъ средствъ, рѣшился было отвергнуть приглашеніе и призвать голландцевъ къ оружію; но его министры посовѣтовали ему покориться, и онъ поѣхалъ во Францію.

Едва Людовикъ прибылъ въ Парижъ, какъ узналъ о намѣреніяхъ своего брата. Къ великому удивленію и помимо всякого предувѣдомленія, онъ прочелъ въ журналахъ слѣдующее объявленіе, извлеченное изъ рѣчи, произнесенной императоромъ при открытіи засѣданій законодательнаго собранія: «Голландія, занимающая положеніе между Франціей и Англіей, одинаково сперта съ обѣихъ сторонъ; по ея землямъ направляются исходы главныхъ артерій моей имперіи. *Предстоятъ необходимыя измѣненія.* Безопасность моихъ границъ и выгоды обѣихъ странъ требуютъ этого непремѣнно.» Слова министра внутреннихъ дѣлъ были не менѣе знаменательны: «Голландія въ сущности есть нечто иное, какъ часть Франціи. Страну эту можно опредѣлить, сказавъ, что она есть наносная почва изъ Рейна, Мааса и Шельды, и по ней, слѣ-

довательно, проходитъ одна изъ великихъ артерій имперіи.... Спертая между Англіей и Франціей, Голландія лишена какъ тѣхъ выгодъ, которыя не соотвѣтствуютъ общей нашей системѣ и отъ которыхъ она должна отказаться, такъ и тѣхъ, которыми она могла-бы пользоваться. *Пора привести это къ естественному порядку.*» Такое косвенное указаніе королю Людовику на то, что рѣшено овладѣть его государствомъ, было обиднѣе даже той знаменитой формулы, которою извѣщена была Европа о томъ, что король неаполитанскій «переcталъ царствовать.» Отрѣшеніе Людовика не удостоивалось даже публикаціи; императоръ разрѣшалъ географическій вопросъ и больше ничего. Съ произнесенія словъ, что «Голландія есть часть Франціи», легко было понять, что «естественный порядокъ» возвращаетъ эту страну въ лоно матери-отчизны.

Въ такой формѣ Наполеонъ далъ знать королю Людовику объ уничтоженіи его государства. Для оправданія захвата территоріи, ему достаточно было сослаться на мѣстное удобство. Первымъ движеніемъ Людовика, когда онъ распозналъ западню, въ которую попался, была попытка къ бѣгству въ Голландію, но онъ замѣтилъ, что находится подъ надзоромъ. Нѣсколько дней спустя, при выходѣ изъ дома своей матери, гдѣ онъ остановился по прибытіи въ Парижъ, онъ былъ насильственно задержанъ жандармами [153]). Въ такой крайности онъ послалъ въ Амстердамъ графа Биланта съ приказаніемъ не допускать французскихъ войскъ въ голландскія крѣпости и особенно въ столицу.

Приказаніе это было исполнено. Несмотря на огорченія, испытываемыя отъ императора со времени своего вступленія на тронъ, въ сердцѣ Людовика еще тлѣло желаніе царствовать. Его министры также внушали ему повиновеніе, на тотъ конецъ, чтобы сохранить для своей страны, если не

---

[153]) *Историческіе документы о Голландіи* короля Людовика, томъ III.

свободу, такъ по крайней мѣрѣ номинальную автономію, въ надеждѣ, что когда нибудь она опять приведетъ къ дѣйствительной самостоятельности. Людовикъ обязался принять всѣ тѣ условія, какія угодно будетъ назначить императору, а этотъ послѣдній дозволилъ себя умилостивить. Въ письмѣ отъ 21 декабря 1809 [154]), послѣ пространнаго изложенія своихъ обвиненій противъ Людовика, онъ предлагаетъ ему возвращеніе его короны на слѣдующихъ условіяхъ: наложить запрещеніе на торговлю съ англичанами, содержать флотъ изъ четырнадцати кораблей и семи фрегатовъ, армію въ двадцать пять тысячъ человѣкъ, отмѣнить дворянство и маршальство. Но, щадя его на время, онъ, однакожъ, прибавляетъ: «не скрою отъ васъ, что я намѣренъ присоединить Голландію къ Франціи, такъ какъ предвижу въ этомъ самый гибельный ударъ для Англіи.» Въ добавокъ онъ показалъ ему изготовленный декретъ о присоединеніи.

Наполеонъ уже былъ готовъ опубликовать этотъ декретъ, но пріостановился. Можетъ быть, онъ опасался встрѣтить сопротивленіе въ самой Голландіи, можетъ быть онъ предчувствовалъ то гибельное впечатлѣніе, которое столь неправедное дѣло должно будетъ произвести на Европу, и потому отложилъ исполненіе своего проекта. Въ своемъ желаніи извлечь для себя пользу изъ своей великодушной умѣренности, онъ вздумалъ обратить пока эту угрозу о присоединеніи въ принудительное средство къ склоненію Англіи на миръ. Такою идеей онъ тѣшился уже не разъ. Неоднократно онъ пользовался подобными устрашеніями; онъ и прежде заявлялъ переговорщикамъ этой державы, что Англія вынудитъ егозавоевать континентъ Европы, чтобы вооружить его весь противъ англичанъ. Въ дѣйствительности же онъ вооружалъ всѣхъ противъ самого себя. Онъ приступалъ къ

[154]) Это письмо, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, не было помѣщено въ *Correspondance* de Napoléon.

дѣлу, говоря Англіи: миритесь, иначе я присоединяю Голландію. Еслибъ такіе переговоры увѣнчались успѣхомъ, развѣ это не было бы верхомъ дипломатическаго искусства? Онъ пріобрѣлъ бы миръ съ Англіей не цѣною какой либо уступки въ настоящемъ, но предвѣдѣніемъ предстоящаго вреда въ будущемъ. Еслибы переговоры не удались, онъ получилъ бы новый поводъ къ захвату Голландіи, и во всякомъ случаѣ выигрывалъ время для достиженія своей цѣли, не подвергаясь осужденію за поспѣшность и насиліе.

Воззваніе къ благорасположенію британской націи надобно было предоставить почину короля Людовика, иначе, можетъ быть, насъ не стали бы и слушать. Для предотвращенія грозившей ему и его королевству опасности, Англія должна была забыть всѣ обиды, понесенныя ею отъ завоевателя Италіи, Швецаріи, Испаніи, Португаліи и самой Германіи. Отъ короля Людовика и амстердамскаго кабинета отправился, въ первыхъ числахъ февраля 1810, назначенный для переговоровъ Лабушеръ, богатый голландскій банкиръ, зять и пайщикъ одного изъ первыхъ англійскихъ банкировъ Баринга. Лабушеръ былъ выбранъ по той причинѣ, что Барингъ состоялъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ лорду Уэллесли, министру иностранныхъ дѣлъ, старшему брату Веллингтона. Но именно потому, что Лабушеръ могъ говорить только отъ имени голландскаго кабинета, онъ предлагалъ условія неудовлетворительныя. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было предположить, что англійское правительство, во всемъ блескѣ своей силы и могущества, и въ самомъ разгарѣ страстной борьбы, выдерживаемой за свободу всей Европы, уклонится отъ своей задачи изъ опасенія присоединенія Голландіи къ Франціи; что оно приметъ миръ, для того, чтобъ охранить тронъ короля Людовика, какъ будто оно не знало, что давно, если не по праву, то на дѣлѣ Голландія была присоединена; какъ будто это правительство не имѣло въ виду интересовъ, несравненно значительнѣе?

Приступъ къ дѣлу о мирѣ былъ очень неудаченъ и мало приноситъ чести политическому генію Наполеона. Видно, что онъ не имѣлъ точнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи Англіи, что подтверждается и декламаціями тогдашняго *Монитера*. Онъ сознавалъ ее въ крайне затруднительномъ и даже гибельномъ положеніи, тогда какъ она была какъ нельзя болѣе непоколебима и неприступна. Англичане могли выжидать мира съ большимъ терпѣніемъ нежели мы, потому что менѣе насъ страдали отъ войны.

Чтобъ Англія приняла миръ, надобно было совершенно другаго рода уступки, а не пустое обязательство пощадить голландцевъ. Вѣроятно, по убѣжденію въ безполезности переговоровъ, основанныхъ на началахъ столь плохо обуманныхъ, и столько-же по своей склонности вмѣшиваться во всѣ дѣла, Фуше рѣшился начать, безъ вѣдома своего властелина, въ тоже время, переговоры съ англійскимъ кабинетомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ вѣроятнаго неуспѣха Лабушера, поднести Наполеону изготовленный къ утвержденію мирный трактатъ. Вѣрно то, что агентъ Фуше представился къ маркизу Уэллесли съ предложеніями болѣе осмысленными и возможными къ принятію, хотя и въ нихъ заключалось не мало химерической примѣси. Этотъ агентъ, ирландскій офицеръ, служившій у Кондэ, по имени Фаганъ, былъ представленъ Уэллесли лордомъ Ярмутомъ. Онъ сказалъ англійскому министру, что если Англія желаетъ мира, то можно легко придти къ соглашенію, принявъ за основаніе возстановленіе Бурбоновъ въ Испаніи и вознагражденіе Людовика XVIII владѣніями на счетъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Послѣдняя сдѣлка конечно была несбыточна; но такъ какъ рѣшились не стѣсняться предвзятыми мѣрами, то изъявляли готовность совѣщаться по всѣмъ тѣмъ предложеніямъ, какія будутъ предъявлены со стороны Англіи.

Фаганъ предупредилъ нѣсколькими днями Лабушера. Лордъ

Уэллесли скромно, но начисто отклонилъ его предложенія, какъ сообщенныя не офиціально и безъ достаточнаго полномочія. Что касается переговоровъ съ Лабушеромъ, онъ хотя и не могъ подозрѣвать въ нихъ интриги, но также не могъ признать за существенное дѣло негоціацію, основанную единственно на милостивомъ будто бы расположеніи Наполеона къ Голландіи. Англія знала, что Людовикъ былъ голландскимъ королемъ во имя своего брата и только по названію, ей нечего было страшиться разоблаченія плановъ Наполеона; напротивъ, англичанамъ было выгодно поддерживать его на пути завоеваній до тѣхъ поръ, пока онъ своими насиліями не вооружитъ противъ себя всего міра.

Англійское общество было раздражено постыднымъ окончаніемъ вальхеренской экспедиціи; оно раздражилось бы еще болѣе, еслибъ былъ заключенъ безчестный миръ. Дѣйствія лорда Чатама подверглись парламентскому слѣдствію, онъ былъ вынужденъ сложить съ себя главное начальство надъ артиллеріей. Наконецъ эта позорная неудача, хотя и не довела министра до совершеннаго паденія, но вызвала удаленіе двухъ министровъ, Каннинга и лорда Кастельри, которые рѣшили свое соперничество знаменитымъ поединкомъ, при чемъ Каннингъ былъ раненъ. Но несмотря на обвинительные вопли оппозиціи противъ дурнаго веденія войны, нація, встревоженная негодованіемъ, нисколько не упала духомъ. Лордъ Уэллесли, заступившій мѣсто Каннинга, вовсе не былъ причастенъ ошибкамъ предшествовавшей администраціи; онъ былъ популяренъ, какъ по своимъ великимъ заслугамъ въ Индіи, такъ и по отражавшейся на немъ славѣ его брата. Человѣкъ свѣтлаго ума, безъ предвзятыхъ предразсудковъ, онъ не имѣлъ надобности, по слѣдамъ прежнихъ министровъ, выискивать случая къ возмездію за вальхеренское униженіе, ни ратовать вмѣстѣ съ оппозиціей за принятіе мира. По своему положенію, онъ могъ быть самымъ безпристрастнымъ лицомъ во главѣ государства.

Онъ выслушалъ съ благосклоннымъ вниманіемъ сообщенія Лабушера, но опредѣлилъ съ точностью, что ближайшая ихъ цѣль, то есть сохраненіе для Голландіи номинальной независимости, которой уже не существовало на дѣлѣ, не можетъ быть принята за основаніе для успѣшныхъ переговоровъ съ Англіей. Сверхъ этого предложенія, высказывались разныя неопредѣленныя завѣренія, ничѣмъ не обезпеченныя, такъ какъ Лабушеръ могъ говорить только отъ имени голландскихъ министровъ. Конечно, не на такихъ ничтожныхъ данныхъ благоразумное правительство могло увлечься къ ниспроверженію общественнаго мнѣнія возбужденіемъ надеждъ, по всей вѣроятности несбыточныхъ, и задерживать національный порывъ къ войнѣ, которая оказывалась для Англіи бременемъ посильнымъ. Англичане освоились съ этимъ военнымъ положеніемъ, даже извлекали изъ него большія выгоды въ вознагражденіе за неизбѣжныя бѣдствія войны. Если хотѣли мира, надобно было говорить объ этомъ откровенно, отъ лица всей Франціи, предложить условія точно опредѣленныя, а не поверхностныя соображенія, ничѣмъ не гарантированныя. Лабушеръ добился только такого словеснаго отвѣта. Онъ присоединилъ къ тому собственныя замѣчанія объ общественномъ настроеніи въ Англіи: оно было вполнѣ соотвѣтственно опредѣленіямъ маркиза Уэллесли [155]).

Этотъ мало поощрительный пріемъ не помѣшалъ Наполеону вновь обратиться къ англійскому министерству, съ ограниченіемъ, на этотъ разъ, негоціаціи только предложеніями по предмету блокады. Англія отмѣнитъ постановленія своего совѣта 1807, а съ своей стороны императоръ очиститъ не только Голландію, но и города ганзейскіе, допуститъ англійскую торговлю въ континентальныя гавани.

---

[155]) *Note de communication verbale* du marquis de Wellesley à M. Labouchère, 12 février 1810. *Compte-rendu* de M. Labouchère, 12 février 1810.

Если тутъ не было рѣчи объ окончательномъ мирѣ, то можно было принять эти предложенія за первый шагъ къ миру. Въ инструкціяхъ, данныхъ Лабушеру, было высказано, что «Франція отнюдь не находится въ страдательномъ положеніи.» Но, за неимѣніемъ другихъ фактовъ, развѣ его домогательства не доказываютъ противнаго? Впрочемъ, если предложеніе объ одновременномъ и обоюдномъ измѣненіи блокадныхъ мѣръ и представляло видъ нѣкоторой справедливости, тѣмъ не менѣе англичане очень хорошо понимали, что ихъ блокада была дѣйствительна на самомъ дѣлѣ, потому что удерживала въ неподвижности всѣ морскія силы континента, тогда какъ его блокада, въ сущности, призрачная, не могла властвовать надъ ихъ торговлею и приносила вредъ преимущественно его союзникамъ. Предложеніе Наполеона оканчивалось словами, отлично опредѣлявшими смыслъ его системы: «не заключивъ мира благовременнѣе, Англія потеряла доступъ въ Неаполь, Испанію, Португалію и въ Тріестъ. Очевидно, что если она замедлитъ принятіемъ этого мира, то утратитъ также торговлю съ Голландіей, городами ганзейскими, Сициліей [156].» Онъ долженъ бы прибавить для выраженія своей мысли вполнѣ, съ Пруссіей, Даніей, Швеціей и съ Россіей, такъ какъ это представлялось необходимымъ слѣдствіемъ его системы. Такой насильственный исходъ не только не могъ быть страшнымъ для Англіи, но произвелъ бы радостное впечатлѣніе, потому что проявлялъ въ будущемъ неминуемое пораженіе человѣка, основывавшаго свои дѣйствія на столь химерическихъ началахъ.

Эта вторая попытка Наполеона была столько же безуспѣшна, какъ и первая. Между тѣмъ, настало время къ осуществленію такъ громко разглашенныхъ угрозъ относительно Голландіи. Въ продолженіи переговоровъ Лабушера, новыя усложненія запутывали бѣднаго короля Людовика.

---

[156]) Наполеонъ къ Шампаньи, 20 марта 1810.

Наполеонъ послѣдовательно извѣстился, что его войска не были допущены въ Бергъ-оп-Цоомъ и Бреду, и что военный министръ Крайенгофъ распорядился укрѣпленіемъ Амстердама. Эти важныя новости достигли до него именно въ то время, когда онъ полагалъ, что окончательно пересилилъ упрямство своего брата. Онъ подвергся дѣйствительно яростному припадку гнѣва: «Голландскій король развѣ совсѣмъ обезумѣлъ? писалъ онъ къ Фуше... Спросите его, по его ли приказанію или по собственной волѣ голландскіе министры поступили такимъ образомъ; объявите ему, что въ послѣднемъ случаѣ я ихъ велю арестовать, и всѣмъ имъ отрублю головы» [157]). Несчастный Людовикъ, безпрестанно переходившій отъ страха къ гнѣву и отъ покорности къ неповиновенію, все еще находился въ Парижѣ, въ рукахъ своего страшнаго брата. Его мечты о войнѣ до крайности не увлекли его министровъ, убѣжденныхъ въ невозможности сопротивленія, и онъ долженъ былъ сознать необходимость покорности, хотя-бы для того, чтобъ спасти честь своего королевства. Онъ велѣлъ отворить ворота своихъ крѣпостей, далъ отставку Крайенгофу и Моллерусу, двумъ изъ своихъ министровъ, рѣшавшимся защищать оружіемъ независимость своего отечества, и объявилъ, что готовъ подчиниться во всемъ волѣ императора.

Такимъ образомъ, Наполеонъ опять пришелъ къ своему проекту присоединенія Голландіи, и болѣе чѣмъ когда-либо предался этому замыслу; но въ то время (мартъ 1810) онъ еще надѣялся уладить дѣла свои съ Англіей, и потому опасался послѣдствій слишкомъ явнаго скандала. Едва прошли три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ его министръ внутреннихъ дѣлъ, Монталиве, въ торжественной рѣчи, еще разъ заявилъ, что «императору легко бы было распространить границы

---

[157]) Это письмо, упоминаемое Тьеромъ, и помѣченное 3 марта 1810, не помѣщено въ *Correspondance*.

Франціи за Рейнъ, *но что эта рѣка останется неизмѣннымъ предѣломъ непосредственныхъ владѣній имперіи»* [158]) Наполеонъ, поэтому, предпочелъ такой окольный путь, по которому Голландія подпала бы его власти съ соблюденіемъ нѣкотораго приличія и какъ бы по праву.

Трактатомъ, который онъ долженъ былъ подписать 16 марта 1810, Людовикъ обязался не только выполнить прежде наложенныя на него условія относительно блокады, содержанія флота и арміи, отмѣны дворянства и маршальства, но и принять на себя такое вассальство, которое было хуже самаго отреченія отъ короны. Онъ уступалъ императору всю ту часть Голландіи, которая простиралась по лѣвому берегу Рейна, то есть до Ваала, что составляло около четвертой доли всей голландской территоріи. Онъ соглашался довѣрить охраненіе своего государства корпусу французскихъ войскъ, и принималъ отъ Франціи всѣхъ чиновниковъ для своихъ таможенъ. Онъ предоставлялъ императору рѣшеніе всѣхъ дѣлъ о морскихъ призахъ. Наконецъ, онъ обязался наложить секвестръ на американскіе корабли, находившіеся въ его гаваняхъ.

По этому послѣднему условію надобно было произвести преждевременное исполненіе такого декрета, который состоялся нѣсколькими днями позже (23 марта 1810). Въ силу этого постановленія, всѣ американскіе корабли, вошедшіе во французскія гавани, считая съ 20 мая 1809, должны быть захвачены и проданы. Эта грабительская продѣлка представляется характеристической чертой континентальной системы. Вслѣдствіе берлинскаго и миланскаго декретовъ, а также состоявшагося въ возмездіе за эти враждебныя мѣры постановленія британскаго совѣта 1807, всѣ европейскія морскія суда подверглись запрещенію. Торговля нейтральныхъ могла производиться на океанѣ только подъ фла-

---

[158]) Exposé de la situation de l'Empire, du 12 décembre 1809.

гомъ американскимъ, а въ Средиземномъ морѣ — подъ флагомъ турецкимъ. Но Англія заставляла нейтральные корабли платить ей за право торговаго мореплаванія пошлину, которая взималась или въ Лондонѣ, или на Мальтѣ; а Наполеонъ, объявивъ денаціолизованными корабли, подчинявшіеся такому постановленію, довершилъ мѣру насилій, вслѣдствіе чего для американской торговли насталъ цѣлый рядъ нестерпимѣйшихъ притѣсненій. Въ практикѣ представлялась совершенная невозможность отличать корабли, подчинившіеся британскому контролю отъ кораблей, избѣгнувшихъ этой мѣры, а какъ всѣ они были подозрѣваемы, то приходилось расплачиваться и правымъ, и виноватымъ. Чтобъ избавиться отъ такихъ притѣсненій, одинаково тираническихъ, съ обоихъ береговъ Ламаншскаго пролива, Соединенные Штаты, тогда еще не бывшіе въ силѣ заставить уважать свой флагъ, постановленіемъ 1 марта 1809 запретили своимъ купеческимъ кораблямъ доступъ какъ во французскіе, такъ и въ англійскіе порты. По взаимности, совершенно справедливой, они установили также конфискацію тѣхъ англійскихъ и французскихъ кораблей, которые появятся въ ихъ портахъ послѣ 20 мая 1809. Мѣра эта была неоспоримо честная. Мы были предупреждены за два съ половиною мѣсяца до срока, мы имѣли въ море самое незначительное число кораблей; и если, какъ потомъ утверждалъ Наполеонъ, было изъ числа ихъ конфисковано два или три за нарушеніе запрещенія, то они подверглись захвату по собственному произволу. Но и этотъ мнимый фактъ былъ впослѣдствіи опровергнутъ министромъ Армстронгомъ: въ дѣйствительности въ американскихъ портахъ не было произведено ни одной конфискаціи.

Подъ предлогомъ возмездія за распоряженіе, столь правильное и умѣренное, Наполеонъ, безъ предварительнаго извѣщенія, приведя свой декретъ въ исполненіе, очевидно преждевременное, забралъ многія сотни американскихъ ко-

раблей, которые, не обративъ вниманія на запрещеніе своего правительства, продолжали посѣщать наши порты. Не предувѣдомивъ ни о чемъ американцевъ, онъ велѣлъ захватить ихъ корабли за нѣсколько мѣсяцевъ прежде опубликованія своего декрета во Франціи, Италіи и въ Испаніи. Мало того, онъ снова заманилъ ихъ къ себѣ, увѣривъ американскаго министра, «что Франція будетъ принимать дружелюбно тѣ корабли, которые не платили пошлины и не подверглись денаціолизаціи» [159]). Потомъ уже появился декретъ, открывавшій западню, въ которую попались американцы. Ихъ поразила и другая, столько же прискорбная, неожиданность. Декретъ упоминалъ только о Франціи, ея колоніяхъ и странахъ, занятыхъ французскими войсками; во всѣхъ другихъ мѣстахъ корабли могли считать себя въ безопасности. Наполеонъ велѣлъ ихъ захватывать не только въ Голландіи и городахъ ганзейскихъ, но равномѣрно въ Даніи, Швеціи и даже въ Пруссіи, куда далъ знать, что приметъ захваченные грузы въ уплату долга.

На жалобы генерала Армстронга онъ отвѣчалъ лицемѣрными соболѣзнованіями о жестокой необходимости, вынуждающей его забирать добычу въ нѣсколько сотенъ милліоновъ. Англія одна была отвѣтственна за такой прискорбный оборотъ дѣлъ, что-же касается до него, онъ готовъ отмѣнить берлинскій и миланскій декреты, если Англія согласится уничтожить постановленіе совѣта 1807. Впрочемъ, амбарго наложено на американскіе корабли только въ видахъ возмездія, и о нихъ не стоитъ заботиться, потому что ими не былъ выполненъ законъ ихъ страны. Для оправданія безчестныхъ распоряженій, жертвою которыхъ стали американцы, завлеченные нами въ западни, Наполеонъ писалъ къ Шампаньи: «объясните Армстронгу, что американское постановленіе объ амбарго дошло до нашего свѣдѣнія

[159]) Проектъ ноты американскому министру, 25 января 1810.

поздно, и что я приказалъ принять у насъ ту же мѣру, какъ только о немъ узналъ» [160]). Ничто не могло быть лживѣе такого объясненія, что доказывается всей предшествовавшей перепиской императора. Армстронгъ могъ бы противопоставить Шампаньи подписанную его именемъ ноту 21 августа 1809, въ которой сказано: «Для предохраненія себя отъ насильственныхъ мѣръ, угрожающихъ ея торговлѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ, *Америка наложила амбарго въ своихъ портахъ*, и хотя Франція видитъ въ этой мѣрѣ ущербъ для своихъ интересовъ, тѣмъ не менѣе *императоръ одобряетъ такое великодушное рѣшеніе и скорѣе прекратитъ всякую торговлю, чѣмъ подчинится господству тирановъ морей.*» Итакъ, по сознанію самого Шампаньи, Франція, по крайней мѣрѣ за восемь мѣсяцевъ, знала объ амбарго въ Америкѣ.

Изъ всѣхъ статей необычайнаго трактата, навязаннаго Наполеономъ своему брату, статья о захватѣ американскихъ кораблей особенно возмущала добросовѣстность короля Людовика. Что-же касается всего трактата, то онъ былъ не только оскорбителенъ, но и неисполнимъ. Условія были до того разорительны, что точное ихъ выполненіе было невозможно; однимъ словомъ, цѣль трактата состояла въ томъ, чтобы императоръ имѣлъ полную возможность, по своему усмотрѣнію, завладѣть Голландіею, когда ему будетъ угодно. Людовикъ отговаривался отъ налагаемыхъ на него обязательствъ, ссылаясь на раззореніе страны и разстройство ея финансовъ; императоръ холодно возразилъ, что онъ можетъ помочь себѣ банкротствомъ, уменьшивъ на двѣ трети государственный долгъ. Людовикъ упорно отказывался отъ такой мѣры, признавая ее безчестной. При подобныхъ условіяхъ, благоразумнѣе бы было вовсе отказаться отъ принятія трактата, и подпись подъ нимъ Людовика можно

---

[160]) Наполеонъ къ Шампаньи, 20 марта 1810.

объяснить только смятеніемъ и робостью, до которыхъ его довела настойчивость императора. Онъ, однако-же, подписалъ съ добавленіемъ словъ: «*по возможности*», какъ бы въ доказательство своей неувѣренности въ исполнимости принимаемаго на себя обязательства [161]). Это предчувствіе не замедлило осуществиться.

Король Людовикъ возвратился въ свою столицу 11 апрѣля 1810. Въ концѣ того же мѣсяца императоръ отправился съ Маріей-Луизой въ Бельгію и въ обѣ голландскія провинціи, вновь присоединенныя къ имперіи. Переговоры Лабушера съ британскимъ кабинетомъ, замолкшіе было навремя, возобновились и приняли оборотъ болѣе благопріятный, вслѣдствіе новаго вмѣшательства Фуше въ это дѣло, вовсе до него не касавшееся. Эта личность, смѣлая и хлопотливая, ободренная безнаказанностью своей первой интриги и видѣвшая съ искреннимъ сожалѣніемъ, что мирныя предложенія остаются, по нашей неумѣлости, безплодными, между тѣмъ. какъ успѣхъ, по мнѣнію его, долженъ бы быть несомнѣнный, если бы они были ведены искусно и съ умѣренностью, рѣшился на едва вѣроятную попытку замѣнить собственнымъ проектомъ виды императора, и втянулъ въ это дѣло Лабушера. Онъ льстилъ себя надеждою, въ случаѣ успѣха, добыть отъ Наполеона необходимыя уступки при немедленномъ заключеніи мира, а также и одобреніе своихъ дѣйствій, сообразно великой важности результата [162]).

Для этой цѣли онъ послалъ къ Лабушеру одного общаго имъ пріятеля, поставщика Уврара, личность въ родѣ финансоваго авантюриста, всегда готоваго на всякія интриги, и

---

[161]) *Docum. histor. sur la Hollande*, par le roi Louis, tome III.

[162]) Можно полагать, по разговору, переданному Молліеномъ (*Mémoires d'un ministre du Trésor*, t. III), что Фуше имѣлъ было намѣреніе вмѣшать въ дѣло переговоровъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сотоварищей, чтобы съ большей увѣренностью подѣйствовать на Наполеона.

далъ ему новыя инструкціи въ очень широкомъ смыслѣ. Эти наставленія не могли внушить никакого недовѣрія Лабушеру, потому что самъ Уврар былъ убѣжденъ, что Фуше дѣйствуетъ сообразно повелѣніямъ императора. Негоціаторъ въ предстоящихъ переговорахъ могъ трактовать по всѣмъ предметамъ, касавшимся распри Франціи съ Англіей. Не исключались изъ этого проекта ни Испанія, ни Голландія, ни даже Неаполь. Фуше обращался также и къ своимъ предположеніямъ касательно американскихъ Соединенныхъ Штатовъ: онъ приводилъ мысль, что миръ можно заключить на ихъ иждивеніе, пославъ туда англо-французскую армію [162]).

Наполеонъ объѣзжалъ бельгійскіе города, окруженный блистательнымъ дворомъ, осматривая, по своему обыкновенію, всѣ значительныя промышленныя и административныя учрежденія, поощряя предпринимаемыя на общественную пользу работы, жалуя разныя милости выходившему на встрѣчу народонаселенію; въ то же время онъ узналъ, что Лабушеръ, возвратившійся въ Голландію, продолжаетъ переговоры съ англійскимъ министерствомъ и часто совѣщается съ Увраромъ. Онъ тотчасъ же потребовалъ отъ короля Людовика переписку негоціатора. Ему представили эту переписку тѣмъ охотнѣе, что Лабушеръ считалъ себя лицомъ, дѣйствующимъ по смыслу императорскихъ повелѣній. Тогда Наполеонъ открылъ, съ крайнимъ изумленіемъ, тотъ неожиданный оборотъ, который, помимо его воли, былъ приданъ переговорамъ, начатымъ съ его вѣдома въ совершенно другомъ смыслѣ. Добросовѣстность Лабушера была очевидна; оставалось рѣшить: кѣмъ онъ былъ обманутъ? Увраромъ, или Фуше, и Наполеонъ колебался признать своего министра полиціи виновнымъ въ столь дерзкомъ поступкѣ. Возвратясь въ Парижъ, онъ позвалъ Фуше, сталъ гнѣвно упрекать его

---

[162]) Поэтому предмету есть указаніе въ полицейской запискѣ, помѣщенной въ *корреспонденціи* Наполеона, отъ 9 іюля 1810.

за вѣроломство, а какъ министръ сваливалъ всю интригу на Уврара, то онъ приказалъ Савари немедленно арестовать послѣдняго. Потомъ онъ убѣдился, что Увраръ былъ только безсознательнымъ орудіемъ въ продѣлкѣ Фуше [163]).

Въ первыхъ порывахъ злобы, Наполеонъ хотѣлъ было отдать подъ судъ неосторожнаго министра, какъ виновнаго въ государственной измѣнѣ. Но воздержался, безъ сомнѣнія, потому, что сообразилъ какое, вмѣсто страха, забавное и позорное впечатлѣніе произведетъ въ Европѣ и даже во Франціи раскрытіе такого страннаго дѣла. Что стало бы съ обаяніемъ императорской автократіи, еслибъ узнали какъ подкапываются подъ нее собственные ея агенты; когда бы узнали, что тотъ, котораго боялись короли, самъ дѣлается игрушкой своего дерзкаго слуги, по усердію замѣняющаго такъ безцеремонно собственными мудрованіями неразуміе своего геніальнаго властелина. Не легко было, впрочемъ, уничтожить человѣка, съ 18 брюмера, бывшаго довѣреннымъ лицомъ въ столькихъ тайнахъ, сообщникомъ многихъ дѣлъ подозрительной чистоты, или и вполнѣ безчестныхъ. Конечно, Фуше не составлялъ заговора; затѣянныя имъ дипломатическія сношенія могли совершиться не иначе какъ съ утвержденія Наполеона; а если бы конецъ оказался благополучнымъ, тогда кто бы осмѣлился похулить его заботливость. Въ концѣ концовъ, онъ былъ виновенъ только по излишеству усердія; онъ предрѣшилъ начинанія императора, какъ бывало и прежде, напримѣръ по призыву націоанальнаго ополченія; какъ и тогда, онъ разсчитывалъ, что оправдается успѣхомъ. Онъ не нарушалъ ничьихъ интересовъ; задѣто было только самолюбіе императора. Еслибъ безразсудная его гордость могла внять косвенному уроку, преподносимому Фуше, то

---

[163]) Сравните объ этой странной интригѣ разсказъ Савари съ мемуарами Уврара, Молліена и исторіей Тьера. Увраръ завѣряетъ, что онъ доводилъ до свѣдѣнія Наполеона о порученной ему негоціаціи, но не представляетъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе такого показанія.

мы пришли бы къ самой счастливой развязкѣ, къ очень выгодному положенію для Франціи, для Наполеона, для его и для нашей славы: миръ закрѣпилъ бы за нами границы по Рейну и Пиринеямъ, намъ была бы подвластна почти вся Италія, а съ братьевъ Наполеона было бы снято тяготившее ихъ царственное ярмо.

Подобныя соображенія, въ которыхъ разсчетъ уравновѣшивалъ снисходительность, спасли Фуше преимущественно передъ его заслугами и ходатайствами его доброжелателей. Онъ избѣжалъ окончательной немилости, можетъ быть даже постыднаго осужденія. Удовольствовались отрѣшеніемъ его отъ министерства, а въ утѣшеніе поручили ему управленіе римскими областями. Но только что онъ собрался въ путь къ новому своему назначенію, какъ императоръ узналъ всю неизвѣстную ему дотолѣ интригу, веденную черезъ посредство Фагана. На этотъ разъ онъ разразился. Фуше снова подвергся смѣщенію: ему приказано отправиться на жительство въ свою сенаторерію въ Провансъ, и выдать всѣ остававшіяся въ его рукахъ бумаги по министерству полиціи. Фуше отвѣчалъ, что сжегъ ихъ; уклоняясь отъ ожидавшей его мести, онъ задумалъ было уплыть въ Америку, потомъ ободрился, и отправился въ назначенный ему скромный уголокъ.

Наполеонъ назначилъ ему въ преемники по министерству полиціи Савари, того самаго, котораго называлъ «человѣкомъ-исполнителемъ». Савари, дѣйствительно, былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ двухъ наиболѣе отвратительныхъ эпизодахъ въ жизни императора: убійствѣ герцога Энгіенскаго и арестованіи Фердинанда испанскаго. Это назначеніе было принято въ Парижѣ съ глубокимъ и тяжкимъ прискорбіемъ. Въ своихъ мемуарахъ, представляющихъ образецъ лживаго извращенія историческихъ событій и прикрашенныхъ солдатскимъ простосердечіемъ, Савари самъ описываетъ слѣдующими словами впечатлѣніе, произведенное его назначеніемъ: «Всѣмъ имъ я внушалъ страхъ; каждый сталъ укла-

дывать свои пожитки; заговорили объ арестахъ, изгнаніяхъ, тюрьмахъ и даже хуже того; думаю, что извѣстіе о моровой язвѣ, занесенной на наши берега, не болѣе бы испугало публику, какъ назначеніе меня въ министры полиціи» [164]).

Невозможно выразить вѣрнѣе общаго настроенія. Съ поступленія Савари въ министры полиціи, Фуше сталъ почти популярнымъ. Знали, что Фуше, жестокій по трусости, подобно многимъ другимъ во времена террора, былъ по природѣ человѣченъ. Извѣстно было, что во многихъ случаяхъ онъ, при исполненіи, смягчалъ многія слишкомъ суровыя приказанія, что искуснымъ выжиданіемъ онъ отклонялъ Наполеона отъ разныхъ ненужныхъ жестокостей. Наконецъ, въ его скептическомъ и насмѣшливомъ цинизмѣ, въ его долговременной опытности относительно людей и дѣлъ, въ его инстинктахъ отжившаго порицателя-революціонера, сознавали нѣкоторую гарантію для умственной независимости. Понимали, что онъ обсуживаетъ своего властелина; что Наполеонъ никогда не можетъ стать для него непогрѣшимымъ, какъ для тѣхъ лицъ, которыхъ тогда называли «мамелюками»; что онъ можетъ возвышаться иногда до самостоятельности и противостоять ему до извѣстной степени, а при надобности даже его морочить; что онъ никогда не былъ и не будетъ его слѣпымъ и бездушнымъ орудіемъ. Савари, напротивъ, былъ человѣкомъ приказа и рабскаго повиновенія. Онъ самъ охотно хвастался безграничной преданностью, и внушаемый имъ страхъ былъ также безграниченъ.

Отношенія императора къ своему брату не улучшились и послѣ возвращенія Людовика въ свою столицу. Можно себѣ представить, съ какими чувствами этотъ бѣдный король возвратился въ среду своихъ подданныхъ послѣ путешествія, за которое они поплатились двумя провинціями, вступленіемъ къ нимъ иноземныхъ войскъ и невыносимыми

---

[164]) Mémoires du duc de Rovigo, tome IV.

притѣсненіями нашей таможенной системы, не говоря уже объ остальныхъ условіяхъ разорительнаго трактата. Подчиненность Людовика не могла имѣть въ глазахъ голландцевъ, да и въ его собственныхъ, другаго оправданія, какъ надежду, что онъ загладитъ крайность общаго уничиженія важностью своихъ заслугъ для страны. Они могли простить ему свои бѣдствія на томъ единственно условіи, что онъ употребитъ всѣ свои силы къ смягченію неисполнимыхъ жестокостей принятаго имъ на себя обязательства — съ цѣлію сохранить за ними, въ какой бы то ни было мѣрѣ, ихъ національное существованіе. Между тѣмъ, всѣ прежнія тягости оставались въ полной силѣ и усложнились еще новыми, именно: военнымъ и таможеннымъ нашествіемъ.

Король Людовикъ вполнѣ удовлетворилъ своего брата относительно дворянства и маршальства, но при всей доброй волѣ къ поднятію голландскихъ морскихъ силъ, онъ съ своими разстроенными финансами далеко не достигъ предѣловъ, назначенныхъ по договору. По его убѣжденію, для достиженія этой цѣли требовалось время. Онъ не отказывался отъ доведенія своей арміи до условленной численности, но не иначе какъ за вычетомъ тѣхъ войскъ, которыя онъ содержалъ на службѣ императора въ Испаніи. Онъ соглашался на выдачу американскихъ кораблей, но не кораблей голландскихъ, плававшихъ подъ флагомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ не противился учрежденію нашей таможенной линіи по берегамъ Голландіи; но когда французскіе агенты, проникая во всѣ заливы и заливчики, образуемые моремъ внутри страны, присвоили себѣ право надзора за произведеніями самой Голландіи, когда они присоединили къ таможеннымъ стѣсненіямъ и денежные поборы, когда они учредили комиссіи для суда надъ ослушниками закона, король Людовикъ протестовалъ противъ такого вторженія въ свои права и велѣлъ освободить всѣхъ лицъ, привлеченныхъ французами къ отвѣтственности. Чѣмъ ограниченнѣе были

предоставленныя ему права, тѣмъ болѣе его заботила ихъ неприкосновенность. Конечно, онъ не смѣлъ обнаруживать неудовольствія противъ императора, но полагалъ, что его право, какъ государя, простирается до возможности воздерживаться отъ излишнихъ угожденій. Онъ съ замѣтной холодностью принялъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Серюрье. Онъ не настаивалъ на оставленіи при ихъ должностяхъ тѣхъ министровъ, которые оказались непріятными императору, но отставивъ ихъ, онъ счелъ себя обязаннымъ написать имъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ, что онъ и сдѣлалъ относительно Моллеруса. Наконецъ, онъ осмѣлился воспользоваться своей королевской прерогативой для смѣщенія амстердамскаго бургомистра, сопротивлявшагося возведенію вокругъ этого города укрѣпленій.

Во всемъ этомъ король Людовикъ ошибался: власть его не простиралась столь далеко; такъ странно было то королевское положеніе, въ которое его поставили. Письма императора становились день за день болѣе повелительны и грозны: «Такъ и есть, писалъ Наполеонъ отъ 20 мая 1810, вы неисправимы... Для васъ непригодны ни совѣты, ни предостереженія, ни доброжелательство, а только угроза и сила. Что значатъ эти молебствія и посты, вами назначенные? *Людовикъ, вы не хотите царствовать долго;* всѣ ваши поступки вѣрнѣе вашихъ писемъ раскрываютъ вашу душу. Послушайтесь человѣка, знающаго поболѣе васъ. Сойдите съ ложной дороги; будьте французомъ по сердцу, иначе вашъ же народъ выгонитъ васъ — и вы выйдите изъ Голландіи человѣкомъ жалкимъ и осмѣяннымъ. Государства управляются политическимъ здравомысліемъ, *а не болѣзненнымъ худосочіемъ»* [166]).

Этотъ жестокій намекъ на тѣлесныя страданія брата указывалъ на принятое рѣшеніе не щадить его долѣе. Два

---

[166]) Это письмо не издано въ *корреспонденціи* Наполеона.

дня спустя, Наполеонъ узналъ, что Людовикъ, при дипломатической аудіенціи, прошелъ мимо Серюрье, не сказавъ ему ни слова, и что одинъ изъ кучеровъ, носившій ливрею французскаго посольства, былъ побитъ въ какой-то дракѣ. Онъ опять написалъ ему самые оскорбительные упреки и закончилъ слѣдующими словами: «Не пишите мнѣ вашихъ обыкновенныхъ фразъ. Вы повторяете мнѣ ихъ уже три года, и ежедневно я удостовѣряюсь въ ихъ лживости. Пишу вамъ послѣдній разъ въ моей жизни» [167]).

[167]) Этого письма, несомнѣнной подлинности, какъ и всѣ, мною выше приведенныя, также не достаетъ въ *Корреспонденціи*. Столь многія и важныя опущенія достаточно указываютъ, въ какомъ духѣ пристрастія и преувеличенной до крайности похвальбы, составлено и издано собраніе наполеоновскихъ бумагъ. Не менѣе того оно драгоцѣнно для исторіи потому, что составители, откидывая или искажая многія важныя бумаги, не всегда понимали смыслъ и значеніе всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя вошли въ ихъ изданіе. По приказанію, объявленному принцемъ Жеромомъ-Наполеономъ, президентомъ комитета издателей, они ограничились печатаніемъ только такихъ документовъ, опубликованіе которыхъ одобрилъ бы самъ императоръ; но при этомъ имъ, конечно, не слѣдовало включать въ свое изданіе документовъ фальшивыхъ, сфабрикованныхъ на островѣ Св. Елены, въ оправданіе императорской личности. Я уже указалъ на подложность письма Наполеона къ Мюрату, отъ 29 марта 1808, которое, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, вводило въ заблужденіе историковъ. Издатели *Корреспонденціи* публиковали, занявъ его изъ того же источника, *Mémorial* de Las Cases, и другое такое же письмо, которое приноситъ еще менѣе чести ихъ совѣстливости или ихъ критическому смыслу. Это письмо, сообщенное Лас-Казу императоромъ-плѣнникомъ на Св. Еленѣ и публикованное въ Меморіалѣ, будто бы написано было Наполеономъ къ королю Людовику, отъ 3 апрѣля 1808. Оно представляетъ всѣ признаки исторической поддѣлки и вполнѣ не выдерживаетъ критики. Оно помѣчено изъ замка Маррака, куда императоръ прибылъ двумя недѣлями позже, и отъ него не осталось никакого слѣда въ архивахъ; замѣчательная особенность въ отношеніи къ документу, столь пространному; притомъ оно до такой степени противоположно, по смыслу и слогу, всѣмъ другимъ письмамъ, полученнымъ тогда Людовикомъ отъ своего брата, что достаточно прочтенія его въ послѣдовательномъ по рядкѣ съ прочими, чтобъ убѣдиться въ томъ, что имѣешь передъ глазами документъ подложный. Писанное по поводу незначительнаго контрбанднаго дѣла, оно представляетъ многословную апологію континентальной

Послѣ такой откровенности, королю Людовику нельзя уже было самообольщаться; всѣ его надежды разсѣялись при видѣ умножающагося числа французскихъ войскъ, овладѣвшихъ подъ его глазами пожалованнымъ ему королевствомъ. По условію, число их не должно было превосходить шести тысячъ, а ихъ насчитывалось уже болѣе двадцати тысячъ человѣкъ. Вмѣсто того, чтобъ, согласно договору, ограничиться охраненіемъ береговъ, они постепенно занимали города, и кругъ, описываемый ими около Амстердама, ежедневно суживался. Король Людовикъ разсказываетъ, что генералъ, командовавшій этими войсками, старался привлечь

системы. Онъ, всегда писавшій своему брату только строгіе совѣты въ жосткихъ выраженіяхъ, въ этомъ письмѣ говоритъ ему ласково «о добротѣ его сердца, простотѣ его обращенія, о любви къ нему голландцевъ»; онъ даже выставляетъ свое благорасположеніе и безпристрастіе относительно англичанъ: «Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь въ необходимости мира (онъ готовилъ тогда байонскую западню); я не имѣю противъ англичанъ ни страстнаго предупрежденія, ни непреклонной ненависти... пусть Англія богатѣетъ и благоденствуетъ, лишь бы Франція и ея союзники пользовались тѣмъ же.» Вмѣсто прямаго обращенія къ Людовику, какъ брату, онъ титулуетъ его «ваше величество!», чего онъ никогда не писалъ въ простыхъ письмахъ. Наконецъ, на сколько онъ былъ, по обыкновенію, кротокъ, точенъ, содержателенъ, на столько это длинное оправданіе блокады неопредѣленно, раскидисто и длинно. Видишь, что если оно и писано тѣмъ же лицомъ, то гораздо позднѣе событій, по воспоминаніямъ полузабытымъ и съ заботливостью, совершенно чуждою тому времени, къ которому его пріурочивали. На самомъ дѣлѣ, въ то время Наполеонъ преимущественно былъ занятъ испанскими дѣлами, и именно тогда онъ послалъ Людовику предложеніе занять тронъ испанскій; предложеніе это послѣдовало 27 марта 1808; онъ нетерпѣливо ожидалъ его отвѣта: съ какой же стати, послѣ пятидневнаго срока, послалъ бы онъ ему эту ни къ чему не нужную декламацію. Ко всѣмъ этимъ убѣжденіямъ въ подложности письма отъ 3 апрѣля 1808, я приведу и фактическое тому доказательство. Наполеонъ, оправдывая мѣры блокады, напоминаетъ своему брату, что «всѣ европейскія морскія силы были истреблены» англичанами, и дополняетъ: «Россія, Швеція, Франція, Испанія, обладающія столькими средствами для содержанія флотовъ и моряковъ, не смѣютъ выслать изъ своихъ гаваней ни одной эскадры.» Не странно ли, что Наполеонъ не знаетъ,

его на свиданіе въ мѣстности между Амстердамомъ и Утрехтомъ, но онъ, по осторожности, уклонился отъ такого предложенія.

Вскорѣ войска приблизились къ столицѣ. Король потребовалъ объясненій отъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который отвѣчалъ ему офиціальной нотой: «по слухамъ, дошедшимъ до его величества, императора и короля, что ему приписываютъ намѣреніе занять гарнизономъ Амстердамъ, его величество повелѣлъ отречься отъ такого намѣренія и объявить, что онъ и не помышляетъ о занятіи этой столицы» [163]. Не менѣе того, нѣсколько дней спустя, такое

что Швеція тогда не только не участвовала въ нашей блокадѣ, но находилась въ открытой войнѣ противъ насъ и Россіи, что Бернадотъ былъ направленъ съ арміей противъ этой державы, что Англія, вмѣсто того, чтобъ уничтожать шведскій флотъ, давала ей субсидію въ тридцать милліоновъ? На Св. Еленѣ забыли, что Швеція заключила съ нами миръ двумя годами позже. Точно также и на столько-же ошибочно сказано въ этомъ письмѣ, что Португалія будетъ покорена, и что, вслѣдствіе такого событія, «*все европейское прибрежье* будетъ закрыто для англичанъ, за исключеніемъ *Турціи*»; эта вторичная забывчивость относительно Швеціи, не менѣе первой необъяснима, если бы мы признали достовѣрность письма. Можно понимать заблужденіе Наполеона, работавшаго вдали отъ справочныхъ источниковъ и желавшаго оправдать свои правительственные подвиги, а также затереть факты, позорившіе его память; но чѣмъ извинить подобныя несообразности въ людяхъ, принявшихъ на себя миссію пролить болѣе истинный свѣтъ на исторію. Издатели *Корреспонденціи Наполеона* могли бы воздвигнуть памятникъ правды: они ограничились работой въ духѣ партіи. Замѣчательно и то, что, слѣдуя послушно программѣ, назначенной имъ принцемъ Жеромомъ, они осуществляли давнюю мысль Наполеона I. Пишущій эти строки видѣлъ писанное начало *Корреспонденціи* съ поправками Бурріена — по указаніямъ императора, и откуда были тщательно вычеркнуты всѣ компрометирующія статьи. Рукопись эта была доведена только до половины итальянской кампаніи, и далеко оставляетъ за собою робкія искаженія издателей *Корреспонденціи*. Еслибъ та рукопись была окончена въ свое время, не представилось бы нужды въ столь многомъ лганьѣ на островѣ Св. Елены.

[163]) Нота Серюрье, адресованная министру иностранныхъ дѣлъ Реллю, 16 іюня 1810.

приказаніе послѣдовало отъ Наполеона, какъ только онъ увѣрился, что столицу не успѣютъ привести въ оборонительное положеніе [169]). Удино долженъ былъ выставить поводомъ «оскорбленіе, нанесенное нашимъ орламъ въ Гарлемѣ», а Серюрье предоставлено «внушить, что единственнымъ средствомъ къ выходу изъ затруднительнаго положенія можетъ быть только торжественный пріемъ французскихъ войскъ въ Амстердамѣ.» По другому письму самого Наполеона [170]), оскорбленіе, нанесенное его орламъ, заключалось въ «отказѣ пропустить его *патрули.*» Дѣло дошло до того, что всякаго предлога было достаточно для завладѣнія Голландіей. Въ виду угрожающей ему опасности, Людовикъ, въ послѣдній разъ, созвалъ своихъ совѣтниковъ; онъ предложилъ имъ защищать Амстердамъ до послѣдней крайности, прокопать плотины для наводненія страны, призвать все народонаселеніе къ оружію. Они почтительно объявили ему, что защита невозможна и только увеличитъ бѣдствія ихъ страны.

Голландія была слишкомъ угнетена и слишкомъ разорена, чтобы отважиться на такую борьбу. Король Людовикъ рѣшился тогда отказаться отъ короны въ пользу своего старшаго сына. Онъ написалъ, въ видѣ прощальной граматы, голландскому законодательному собранію оправдательное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Можетъ быть, я одинъ составляю препятствіе къ полному примиренію этой страны съ Франціею. Если это такъ, я могу найти нѣкоторое утѣшеніе, проводя остатокъ скитальческой жизни далеко отъ предметовъ моей привязанности... Что до васъ, господа, мнѣ было бы слишкомъ прискорбно думать, что вы не отдадите справедливости чистотѣ моихъ намѣреній. Желаю, чтобъ конецъ моего поприща доказалъ націи и вамъ, что я никогда васъ не обманывалъ, что я

---

[169]) Наполеонъ къ Шампаньи и Кларку, 24 іюня 1810.

[170]) Наполеонъ къ Шампаньи, 27 Іюня 1810.

имѣлъ одну только цѣль — благоденствіе страны, и что ошибки, какія могъ я сдѣлать, происходили отъ моего стремленія, если не къ совершенству добра, то, по крайней мѣрѣ, къ возможному добру — вопреки трудностей положенія!»

Написавъ это посланіе, король Людовикъ, въ сопровожденіи немногихъ вѣрныхъ слугъ, бѣжалъ, и тайно, съ великими предосторожностями, пробрался между нашими отрядами, покидая свое королевство, какъ бѣглый узникъ покидаетъ свою тюрьму. Народы вообще вѣрно оцѣниваютъ качества своего властителя, а въ особенности, если онъ иностранецъ. Король Людовикъ оставилъ по себѣ въ Голландіи память честнаго и благотворительнаго человѣка. Тѣмъ болѣе должно уважать его достоинства, что они были причиной всѣхъ его несчастій.

Отправившись изъ Гарлема, въ ночь 1 іюля 1810, онъ остановился въ Теплицѣ, въ Богеміи, куда прибылъ 9 іюля. Наполеонъ, такъ же какъ и вся Европа, въ теченіе почти мѣсяца, не знали, что сталось съ бѣглымъ королемъ. Это исчезновеніе, дававшее просторъ всякимъ предположеніямъ, усиливало печальное впечатлѣніе бѣгства, столь обвинительнаго для императора. Это событіе портило всѣ его планы. Онъ думалъ довести свое предпріятіе до конца безъ шума и огласки, заглушивъ втихомолку протестаціи Людовика въ четырехъ стѣнахъ какой нибудь великолѣпной и уединенной резиденціи. Если вѣрить Савари, онъ былъ ошеломленъ извѣстіемъ объ этой новости. Личина умѣренности и мудрости, принятая имъ на себя со времени вступленія въ бракъ съ Маріей-Луизой, спала внезапно, и всѣ опять увидѣли въ немъ прежняго насильственнаго человѣка, притѣснителя и обидчика даже членовъ собственнаго семейства. По самому непріятному для него совпаденію, другой изъ его братьевъ, Луціанъ, жившій пока въ римской области и не считавшій тамъ себя въ безопасности послѣ присоединенія Рима къ имперіи, уплылъ моремъ, предпочитая опасность попасться

въ плѣнъ къ англичанамъ, возможности жить въ Италіи подданнымъ Наполеона. Самъ Іосифъ, вопреки своему пристрастію къ королевскимъ почестямъ, казалось, былъ готовъ на подобный же поступокъ. «Если распоряженія, которыми мнѣ угрожаютъ, состоятся, писалъ онъ Наполеону, 8 августа 1810, то я буду вынужденъ возвратиться во Францію, чтобъ пользоваться въ тиши тѣми привязанностями и покоемъ, которыхъ лишила меня корона, не давшая мнѣ ничего въ замѣнъ, потому что Испанія для меня ничто иное, какъ мѣсто казни.» Можно до нѣкоторой степени объяснить себѣ, отчего Фуше бѣглецомъ объѣзжалъ Италію, укрываясь отъ мстительности императора, отчего генералъ Сарразинъ въ то же время бѣжалъ изъ Булони на рыбачьей лодкѣ, несмотря на вѣроятность очутится въ плѣну у англичанъ; на сколько же значитъ было тягостно это владычество, если оно казалось невыносимымъ даже роднымъ его братьямъ, заинтересованнымъ въ его поддержкѣ?

Европа изъ простаго императорскаго декрета, отъ 9 іюля 1810, напечатаннаго въ *Мониторѣ*, узнала, что Голландія впредь составляетъ часть территоріи Французской имперіи. Предлогомъ выставленнымъ для оправданія этаго необычайнаго произвола была необходимость закрыть эту страну для англичанъ и обезпечить дѣйствительность континентальной блокады. Но какъ не видѣть, что такіе поводы могли быть обращаемы противъ всѣхъ европейскихъ государствъ, и что всѣ они должны были сознавать себя угрожаемыми въ своемъ существованіи? Въ теченіи шести мѣсяцевъ Голландія стала второю страною, которою Наполеонъ завладѣлъ по произволу своей власти и безотчетно передъ кѣмъ бы то ни было. Римская область была присоединена въ декабрѣ 1809. Вмѣсто извѣщенія иностранныхъ государствъ о совершившемся, онъ ограничился сообщеніемъ Россіи, что все дѣло заключалось въ перемѣнѣ лицъ, потому что фактически онъ давно уже владѣетъ Голландіей. Пока ему казалось

нужнымъ поддерживать въ завоеванныхъ странахъ, напримѣръ въ Неаполѣ, въ Вестфаліи, въ Испаніи, призракъ правительства, онъ утверждалъ, что эти государства самостоятельны; когда-же ему приходилось окончательно овладѣвать ими, онъ съ неменьшей настойчивостью доказывалъ, что независимость ихъ всегда была не болѣе какъ пустымъ словомъ: очевидная несообразность этихъ двухъ положеній нисколько его не смущала. Даже въ кругу своихъ родныхъ, обманывать которыхъ было не изъ чего, да и трудно, онъ обратилъ всю отвѣтственность по такому печальному событію на болѣзненность своего брата Лудовика: «всѣ дѣйствія его, писалъ онъ 20 іюля своей матери и Жерому, необъяснимы и нечему ихъ приписать, кромѣ болѣзни.» Много лѣтъ спустя, въ своихъ разговорахъ на островѣ Святой Елены, онъ опять приписывалъ то, что называлъ ошибками Лудовика, его болѣзненности и сожалѣлъ объ упрямствѣ, по которому Лудовикъ убѣжалъ изъ королевства и счелъ позорное уклоненіе за славный подвигъ, а къ тому добавляетъ: «что мнѣ оставалось дѣлать? Передать ли Голландію нашимъ врагамъ? Назначить ли туда другаго короля [174])?»

Изъ такихъ позднихъ сожалѣній выходитъ, что Наполеонъ, вопреки своему сердцу и помимо своей воли, былъ вынужденъ присоединить Голландію. Представленные факты однакожъ выказываютъ то, что должно думать объ этой подложной вынужденности. Наполеонъ послалъ въ Голландію представителемъ своего правленія бывшаго консула Лебрюна, ставшаго императорскимъ *архиказначеемъ*: византійское это прозвище достаточно опредѣляетъ и личность, и услуги, которыя отъ него ожидались. Князь Лебрюнъ имѣлъ всѣ качества отличнаго префекта: этаго было довольно для царствованія надъ Голландіей. Не долго оставались въ недоумѣніи голландцы относительно смысла упрековъ, которые

---

[174]) *Mémorial* de Las-Cases.

16*

Наполеонъ расточалъ администраціи своего брата. Первое благодѣяніе, принесенное имъ представителемъ императора было банкротство на три четверти публичнаго долга, прикрытое названіемъ убавки до трети, при чемъ заимодавцамъ государства опредѣлялось двадцать милліоновъ вмѣсто восьмидесяти. Въ этомъ заключалось то, что Наполеонъ въ своихъ письмахъ къ Лебрюну называлъ «экономіи ожидаемыя отъ присоединенія.» По его оцѣнкѣ, это сокращеніе публичнаго долга было первой экономіей. Далѣе: «законодательное собраніе будетъ другимъ предметомъ экономіи; внѣшнія сношенія будутъ предметомъ экономіи; государственный совѣтъ будетъ предметомъ экономіи, суммы на королевскій домъ, и прочее, опять предметы экономіи [172]).» Всѣ эти экономіи, предполагаемыя для Голландіи, совокуплялись въ одну: то была экономія ея свободы и національной независимости. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего дешевле рабства, но за то нѣтъ также ничего болѣе непроизводительнаго, болѣе разорительнаго, и, еслибы спросили голландцевъ, они отвѣчали бы, что эти экономіи стоятъ имъ слишкомъ дорого: онѣ стоили имъ отчизны!

---

[172]) Наполеонъ къ князю Лебрюну, 23 іюля 1801.

ГЛАВА VI.

Законодательныя сессіи 1809 и 1810.— Учрежденіе экстраординарнаго имущества.— Государственныя тюрьмы.— Уничтоженіе книги: „Германія“, Г-жи де-Сталь. — Награды по десятилѣтіи. (Декабрь 1809 — октябрь 1810).

Законодательный корпусъ дошелъ, въ эту эпоху, до совершеннаго почти выполненія той роли, какая ему всегда предназначалась въ мысляхъ Наполеона, и такъ мало заставлялъ о себѣ говорить, что едва-едва знали о его существованіи: 1809 годъ приходилъ къ концу, а даже и не замѣчали, что это собраніе представителей націи еще не имѣло своихъ обычныхъ въ году засѣданій. Нельзя было желать лучшаго доказательства того, что собраніе вполнѣ прониклось той мыслью, согласно которой оно было преобразовано; но по несчастью, присущему самому существованію этого учрежденія, его покорность и ничтожество въ настоящемъ приносили ему столь же мало пользы, какъ и честолюбивые порывы въ прошедшемъ. Не говорили уже, что оно опасно, говорили, что оно не нужно. Какъ только при императорѣ заходила рѣчь о законодательномъ корпусѣ онъ тотчасъ-же выставлялъ на видъ всю безсмысленность этого учрежденія. Дѣйствительно, всѣ важнѣйшія законы появлялись въ формѣ декретовъ или сенатскихъ постановленій. Большею частью

они и не представлялись на утвержденіе законодательнаго корпуса. Всѣ занятія, предоставленныя этому собранію, заключались въ разсматриваніи кодекса, составленнаго въ государственномъ совѣтѣ и тѣхъ законовъ, которые относились къ мѣстнымъ интересамъ; при этомъ еще не безъ горечи жаловались на его медленность; какъ будто не собиравшійся въ засѣданія, то есть отсутствующій законодательный корпусъ имѣлъ возможность разсматривать законы. Обыкновенно собраніе утверждало проекты, вносимые правительствомъ, безъ всякихъ разсужденій. Офиціальный отчетъ двухъ сессій 1809 и 1810 не равняется двадцатой части отчета одной изъ настоящихъ нашихъ сессій, при томъ же половина этихъ короткихъ засѣданій посвящалась разбору сочиненій, подносимыхъ писателями того времени законодательному корпусу, конечно, съ цѣлью занять его досуги.

За недостаткомъ другихъ провинностей, законодательное собраніе было виновато тѣмъ, что напоминало о существованіи въ прежнее время во Франціи національнаго представительства. Этого было достаточно для приговора надъ нимъ и къ нему стали обращаться съ такимъ пренебреженіемъ, которое выражало близкое и окончательное уничтоженіе этого учрежденія. Сессія открылась 3 декабря 1809. Пятая часть депутатовъ, срокъ полномочія которыхъ истекалъ, подлежали переизбранію 31 декабря; сенатскимъ постановленіемъ они были избавлены отъ этой безполезной церемоніи: депутаты оставлены на своихъ мѣстахъ не только до конца сессіи 1809, но и на 1810 годъ. Новые департаменты были присоединены къ имперіи, — тамъ предстоялъ выборъ депутатовъ: другимъ сенатскимъ постановленіемъ съ нихъ сложили избирательныя заботы, объявивъ, что эти депутаты будутъ назначены сенатомъ. Кромѣ того, сессія 1809, какъ ни была она кратковременна за позднимъ ея открытіемъ, по необходимости продолжилась-бы и на первые мѣсяцы 1810; къ чему-же новый призывъ, новая вступительная рѣчь на

1810 годъ; къ чему столько хлопотъ изъ изъ-за такого неважнаго дѣла? Рѣшили, что сессія 1810 послѣдуетъ непосредственно за предшествовавшей 1809 и составитъ одно цѣлое, съ устраненіемъ пустыхъ формальностей, распространявшихъ въ публикѣ ложныя понятія о важности законодательнаго корпуса. Наконецъ, какъ-бы для того, чтобъ довершить въ глазахъ Франціи уничиженіе этого несчастнаго собранія, императоръ назначилъ туда президентомъ, на мѣсто Фонтана, пожалованнаго въ начальники университета, своего оберъ-камергера Монтескіу. Такимъ образомъ національное представительство очутилось на дворцовой службѣ въ лицѣ той особы, на обязанности которой лежало попеченіе о неприкосновенности правъ собранія.

Работы этой двойной сессіи 1809—1810 могли-бы, впрочемъ, принести честь послѣднимъ днямъ законодательнаго корпуса, если-бы въ нихъ оказалось что нибудь иное, кромѣ простаго занесенія въ протоколы повелѣній императора. Но долговременная и печальная опытность убѣдила депутатовъ въ томъ, что всякая попытка разбора и измѣненія проектовъ, вносимыхъ правительствомъ, даже вовсе не касающихся политики, не вела ни къ чему, кромѣ раздраженія властелина и облеченія въ форму декретовъ того, что слѣдовало-бы предварительно обсудить имъ, какъ предполагаемый законъ. Ограничивались слѣдовательно непремѣннымъ одобреніемъ мѣропріятій, самыхъ несообразныхъ. Императоръ, по своей единичной волѣ, велѣлъ продать каналы, составлявшіе собственность государства, подъ предлогомъ употребленія капиталовъ отъ продажи на окончаніе новыхъ канализаціонныхъ работъ; законодательный корпусъ не рѣшался одобрить такого противозаконнаго отчужденія столь драгоцѣнной части государственнаго достоянія, и Наполеонъ рѣшилъ дѣло простыми декретами 17 мая и 10 августа 1809. Законодательному корпусу пришлось узаконить мѣру, которая, по правдѣ,

считалась имъ хищническою относительно національнаго имущества.

Обсужденіе уголовнаго кодекса, принятаго цѣликомъ и почти безъ предварительныхъ преній въ сессію 1810, представило еще болѣе разительный примѣръ вынужденнаго самоотрѣченія. Всѣ криминалисты того времени отвергали, какъ мѣру несправедливую и безнравственную—конфискацію, не потому только, что ею наказывались дѣти за преступленія отца, но и потому, что она нѣкоторымъ образомъ подстрекала власть къ обвиненіямъ, — соблазнъ опасный, когда все правосудіе въ рукѣ одного человѣка. Самъ Наполеонъ, возвративъ многимъ эмигрантамъ ихъ имѣнія, конфискованныя революціей, присоединился къ общему мнѣнію противъ этого наказанія, доведеннаго до злоупотребленія. Но такъ какъ онъ порочилъ конфискацію только для привлеченія приверженцевъ, то должно признать, что онъ былъ совершенно послѣдователенъ, вводя вновь эту мѣру противъ своихъ враговъ. Онъ объявилъ въ государственномъ совѣтѣ, что никогда не откажется отъ столь дѣйствительной мѣры [173]): законники совѣта, какъ всегда, преклонились передъ его волей. Если-бы въ средѣ законодательнаго корпуса сохранилась хоть тѣнь независимости и достоинства, то онъ могъ-бы выказать это въ настоящемъ случаѣ, потому что мнѣніе людей образованныхъ было единодушно противъ безчестности назначенія наказанія конфискаціей. Общее отвращеніе къ тому было такъ велико, что преступникомъ казался не тотъ, кого поражала конфискація, но судья, примѣнявшій этотъ законъ. Съ точки зрѣнія какъ философской, такъ и общественной вопросъ представлялъ высокій интересъ для обсужденія.

Проектъ закона былъ представленъ Трейларомъ, который отвергъ нѣсколькими презрительными словами возраженія, поднятыя противъ конфискаціи. «Выставляютъ, сказалъ онъ,

[173]) Засѣданіе 21 января 1809.

что наказаніе конфискаціей отражается на дѣтей, которые бываютъ непричастны преступленію отца. *Но кто-же долженъ терпѣть за пороки отца, какъ не его дѣти?»* Въ силу такого вывода, можно-бы было съ такою-же справедливостью присуждать дѣтей и къ смертной казни. Нѣсколько дней спустя, докладчикъ законодательной комисіи, Доберсеръ, въ свою очередь объявилъ, что конфискація есть превосходное наказаніе, неминуемой дѣйствительности. «Честолюбецъ, сказалъ онъ, мечтаетъ не только о своемъ личномъ возвышеніи, онъ думаетъ, что работаетъ и для своего потомства; онъ отваживается въ пользу своего семейства. Боязнь разорить своихъ дѣтей будетъ ему страшнѣе самой смерти и остановитъ его отцеубійственную руку [174])». Въ собраніи не возвысилось ни одного голоса противъ столь странныхъ теорій, и хотя общее чувство было противъ удержанія наказанія такого рода, тѣмъ не менѣе конфискація была вписана въ наши законы. Проектъ, представленный Трейларомъ, то есть цѣлая книга кодекса, былъ принятъ безмолвно по докладу въ нѣсколько страницъ двумястами двадцати пятью депутатами противъ тридцати пяти, и ни одно заявленіе, ни одно возраженіе, ни одно слово не обнаружили въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, что воля одного человѣка пересиливаетъ убѣжденіе цѣлой націи.

Нечего удивляться этой нѣмотѣ передъ вопросомъ повидимому столь безобиднымъ. Вычеркнуть конфискацію изъ нашихъ законовъ, не значило-ли отвергнуть ее и въ другихъ странахъ, а что тогда сталось-бы съ финансовой системой имперіи безъ пособія конфискацій въ покоренныхъ земляхъ? Мы говоримъ не объ огромныхъ контрибуціяхъ, взятыхъ Наполеономъ съ побѣжденныхъ націй; но сверхъ этихъ поборовъ, которые, по его выраженію, должны были питать

---

[174]) *Парламентскіе архивы*, изданные Мавидалемъ и Лаурентомъ.— Засѣданія 2 и 12 февраля 1810.

войну, и которые уравновѣшивали его бюджеты, сколько богатствъ лилось къ нему исключительно изъ источниковъ конфискаціи! Великолѣпныя владѣнія, захваченныя въ разныхъ странахъ въ пользу императорской короны и въ пожалованіе его генераламъ, секвестръ имуществъ испанскихъ грандовъ, продажа испанской шерсти, захватъ англійскихъ товаровъ, захватъ американскихъ кораблей, захватъ имѣній итальянскаго духовенства, вотъ конфискаціи, въ которыхъ не давалось отчета никому! Всѣ эти мѣры, по названію только исключительныя, вошли въ постоянное и какъ-бы правильное употребленіе, отсюда получались доходы, разсчитывать на которые привыкли; развѣ не было это непрерывной и всеобщей конфискаціей?

Законодательный корпусъ тѣмъ съ меньшею удачею могъ-бы протестовать противъ конфискаціи, что императоръ тогда-же внесъ на обсужденіе сената законъ, главная цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ подъ названіемъ *экстраординарнаго имущества* придать нѣкоторую юридическую санкцію этому нечистому источнику доходовъ. До тѣхъ поръ императоръ присвоивалъ исключительно себѣ, сначала подъ названіемъ *внѣшнихъ получекъ*, позже *капитала арміи*, распоряженіе всѣми богатствами, полученными отъ побѣдъ. Онъ почиталъ себя законнымъ собственникомъ и верховнымъ распредѣлителемъ богатствъ, добытыхъ кровью нашихъ солдатъ; онъ располагалъ ими по своему усмотрѣнію, не допуская какого-бы то ни было контроля надъ употребленіемъ этихъ суммъ, ни сомнѣнія въ этомъ правѣ, имъ себѣ присвоенномъ. Конечно, въ этомъ заключался не маловажный произволъ, но для общественной нравственности могло быть полезнымъ безучастіе націи въ грабительствахъ, которыхъ она не могла отвратить; тогда-бы на его личность падала отвѣтственность за несправедливости, изобрѣтателемъ которыхъ былъ онъ одинъ. Теперь онъ недовольствовался фактическимъ обладаніемъ и требовалъ, чтобъ оно было закрѣплено

за нимъ закономъ; онъ пожелалъ, чтобъ вся нація торжественнымъ актомъ привлеклась къ отвѣтственности, но отнюдь не къ пользованію богатствъ, бывшихъ въ его распоряженіи.

Образованіе экстраординарнаго имущества составляло часть объемистыхъ предложеній къ увеличенію до неслыханныхъ размѣровъ публичнаго и частнаго богатства императора. Проектъ, представленный въ сенатъ 20 января 1810 и утвержденный безъ преній 30-го, обнималъ, кромѣ экстраординарнаго имущества, коронныя имѣнія, частныя имѣнія, удѣлы и пожалованія принцамъ и принцессамъ. Наслѣдовавъ положеніе дѣлъ дурно опредѣленное, въ которомъ коронныя имѣнія большею частью поглощали имущества государственныя, Учредительное собраніе, въ 1791, причислило коронныя имѣнія къ національнымъ имуществамъ съ правомъ пользованія главѣ государства и съ присвоеніемъ ему денежнаго содержанія. Такимъ образомъ были соединены интересы государя и государства. Имперія, въ 1804, просто приняла законъ 1791. Никто тогда не рѣшился-бы предложить о придачѣ Наполеону чего либо сверхъ опредѣленной суммы и пользованія прежними имѣніями короны.

Съ тѣхъ поръ, императоръ завладѣлъ въ завоеванныхъ странахъ множествомъ дворцовъ и имуществъ, принадлежавшихъ прежнимъ владѣльцамъ. Сенатскимъ опредѣленіемъ всѣ эти пріобрѣтенія были присоединены къ короннымъ имѣніямъ. Подтверждая неотчуждаемость этихъ имѣній, признали ихъ отдѣльность отъ имуществъ государства. Императоръ, сверхъ денежнаго дохода и пользованія имѣніями короны, долженъ былъ обладать частнымъ имуществомъ, какъ по пріобрѣтенію, такъ и по наслѣдству, а также движимостью короны, на сумму свыше тридцати милліоновъ. Онъ могъ располагать всѣмъ этимъ богатствомъ по своей волѣ, «не стѣсняясь, сказано въ сенатскомъ постановленіи, ни какими ограниченіями кодекса.» Можно ясно себѣ представить постоянное поползновеніе къ увеличенію частнаго имущества на счетъ

короннаго и государственнаго. «Что-же, отвѣчалъ Реньо-де-Сен-Жанъ д'Анжели, въ своемъ изложеніи причинъ, еслибы императоръ пожелалъ наслажденія, сопряженнаго съ обладаніемъ частнымъ имѣніемъ, неужели было-бы возможно поставить его въ положеніе завидующаго кому либо изъ своихъ подданныхъ? И если это чувство, или буде угодно, эта слабость, могла-бы найти доступъ къ сердцу монарха, былъ-ли бы справедливъ законъ, ставящій его между пожертвованіемъ своею охотой и пожертвованіемъ своимъ долгомъ?»

Превосходный, конечно, способъ предупреждать всякую слабость въ человѣкѣ узаконеніемъ права на эту слабость. «Впрочемъ, прибавилъ Реньо, со стороны императора это было дѣломъ совершеннаго безкорыстія; онъ заботился при этомъ только о своемъ потомствѣ (которое тогда существовало въ проектѣ); «и его взоры, обнимавшіе міръ, никогда еще не останавливались на пріятностяхъ частной собственности. Его Величество безъ сомнѣнія замѣчалъ примѣры такого владѣнія и сознавалъ его возможность, но не полагаю, чтобъ когда нибудь онъ испытывалъ подобное желаніе.» Сенатское постановленіе, предлагаемое Реньо, и по которому передавалось въ руки одного человѣка богатства многихъ народовъ, не совсѣмъ согласовалось съ этой утонченной лестью. Образованіе экстраординарнаго имущества оправдывалось разсужденіями еще менѣе основательными. Ораторъ говорилъ, что во всѣ эпохи и у всѣхъ народовъ, пріобрѣтенія отъ завоеванія присоединялись къ короннымъ имѣніямъ, то есть, въ сущности къ имуществамъ государственнымъ. Императоръ отступилъ отъ этого стариннаго обычая, но это обращалось ему въ похвалу, потому что онъ находилъ коронныя имѣнія достаточными, и если онъ удерживалъ прочія имущества въ своихъ рукахъ, то для того только, чтобъ быть администраторомъ и распредѣлителемъ этихъ богатствъ между своими сотрудниками. «Провидѣніе Франціи такимъ образомъ обезпечило нужды арміи; кромѣ того оно соста-

вило богатые запасы и сохранило обширныя владѣнія въ странахъ, гдѣ пролетали наши орлы... Наконецъ, *оно превратило лавръ въ дерево плодоносное питающее храбрыхъ, увѣнчанныхъ его вѣтвями* [175]).

Мы не имѣли-бы истиннаго понятія о колоритѣ событій, еслибъ не обратили вниманія на вышеприведенныя выдержки изъ краснорѣчія того времени и не убѣдились до какого уродливаго и унизительнаго словоизверженія деспотизмъ доводилъ людей, считавшихся еще лучшими и образованнѣйшими въ средѣ ихъ поколѣнія. Реньо въ особенности настаивалъ на необходимости «заинтересовать каждаго солдата въ охраненіи богатства всѣхъ и къ обезпеченію арміи долей въ плодахъ побѣды.» Экстраординарное имущество было отчасти дѣйствительно обращено на этотъ предметъ, и эта мѣра, конечно, не подняла нравственности нашихъ войскъ. Не смотря на начала великодушія и безкорыстія, остававшихся въ арміи отъ первыхъ войнъ революціи, она уже во многихъ случаяхъ представлялась сборищемъ сражавшимся изъ-за добычи. Преимущественно отъ этихъ злопріобрѣтаемыхъ богатствъ пострадалъ нравственный характеръ военачальниковъ, и Наполеонъ, довольный въ настоящемъ этой порчей, служившей ему ручательствомъ за ихъ покорность, впослѣдствіи горько раскаялся въ томъ, что обогащая ихъ создалъ имъ положеніе, въ которомъ ихъ выгоды отдѣлились отъ его интересовъ. Приближался день, когда онъ въ упадкѣ духа воскликнулъ: «Они не хотятъ болѣе сражаться, я ихъ слишкомъ обогатилъ!» И по какому праву онъ воспретилъ-бы имъ этотъ эгоизмъ, поощренный имъ самимъ словомъ и дѣломъ? Бертье былъ пожалованъ доходомъ въ 1,350,800 франковъ, Даву получалъ 910,000, Ней—728,000, Сультъ — 305,000, Массена —500,000 франковъ, и такъ далѣе.

Однакожъ экстраординарное имущество невполнѣ пошло

---

[175]) *Archives parlementaires*: séance du 20 janvier 1810.

на армію; частію оттуда-же назначались пожалованія гражданскія для поддержанія усердія высшихъ сановниковъ и награды за преданность лицамъ привиллегированнымъ, большею частью принадлежавшимъ къ старинной аристократіи. Къ концу 1810, итогъ пожалованій какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ чинамъ простирался до 28,327,472 франковъ, не считая наградъ, равнявшихся по крайней мѣрѣ такой-же суммѣ. Экстраординарное имущество послужило сверхъ того къ поддержанію разныхъ публичныхъ учрежденій, къ постановкѣ памятниковъ, а въ особенности къ пополненію годичныхъ дефицитовъ, производимыхъ войнами въ нашихъ бюджетахъ. Для выполненія всѣхъ этихъ расходовъ имѣлись недвижимыя имущества, доходъ съ которыхъ оцѣнивался въ сорокъ милліоновъ. Что-же касается движимыхъ капиталовъ, то по офиціальному отчету 31 декабря 1810, значилось поступленія въ экстраординарное имущество, вслѣдствіе трехъ послѣднихъ войнъ, 754,257,174 франка. Показаніе это не полно, потому что заключавшіяся въ немъ суммы по захвату англійскихъ товаровъ и испанскихъ конфискацій далеко ниже дѣйствительнаго полученія. Расходы составляли 433, 030, 228, затѣмъ оставалось свободнаго фонда 321,226,946 франковъ.

Большая часть расходовъ поглащалась войной. Не проходило года безъ того, чтобы Наполеонъ не возобновлялъ въ присутствіи законодательнаго корпуса обязательства не увеличивать налоговъ и удерживать бюджетъ на неизмѣнной цифрѣ 730 милліоновъ. Но несмотря на его умѣнье содержать на чужой счетъ свои арміи, онъ передерживалъ, въ военное время, до ста милліоновъ свыше своихъ бюджетныхъ средствъ, и дополнялъ недостающее изъ суммъ экстраординарнаго имущества. Министры, въ такихъ обстоятельствахъ, не упускали случая къ заявленію, что благодаря его щедрости недочеты бюджета были пополнены, какъ будто эти фонды поступали изъ его личнаго достоянія. Но развѣ обращаемыя на покрытіе военныхъ расходовъ контрибуціи съ побѣжден-

ныхъ народовъ не оплачивались, вмѣсто денегъ, кровью нашего народа?

Впрочемъ эта мнимая неизмѣняемость бюджета была только призракомъ, которымъ обманывали добродушную публику. Достаточно взглянуть на бюджеты того времени, чтобы замѣтить, что если и придерживались завѣтной цифры 730 милліоновъ, то не иначе, какъ съ помощью непохвальной хитрости, а именно, перенесли на счетъ департаментовъ и общинъ расходы, бывшіе прежде на счету государства. Благодаря такой уловкѣ, общій налогъ оставался по видимому неизмѣннымъ, но всѣ обложенія на мѣстныя издержки были безсовѣстно увеличены. На департаменты и общины возложили не только значительную часть расходовъ по отправленію богослуженія, но и половину жалованья префектовъ и супрефектовъ, содержаніе мѣстъ заключенія, пріютовъ для нищихъ, воспитательныхъ домовъ: всѣ эти расходы покрывались прежде бюджетомъ.

Такое отнятіе у націи и той малой доли контроля, который былъ ей предоставленъ по финансовой части, состоялось по декрету 11 іюня 1809, подобно всѣмъ прочимъ мѣрамъ, предназначавшимся для дѣятельнаго вліянія на теченіе дѣлъ. Со стороны правительства тутъ представлялось не случайное распоряженіе, но система самовластная и неуклонная. Законодательный корпусъ еще составлялъ законы, но повиновался декретамъ, господствовавшимъ надъ самымъ закономъ и лишавшимъ это собраніе всякаго дѣйствительнаго авторитета. Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена постановленія, относящіеся къ индивидуальной свободѣ, къ прессѣ, къ книгопечатанію и къ книжной торговлѣ, всегда считались принадлежащими къ области закона. Эти дѣла у насъ также были изъяты изъ подъ законодательнаго контроля, — съ неменьшею заботливостью, какъ и бюджетъ, какъ и экстраординарное имущество. Наполеонъ рѣшалъ всѣ подобныя дѣла декретами, и произвольно ввелъ организацію государствен-

ныхъ тюремъ, цензуры и генеральную дирекцію надъ книгопечатаніемъ и книжной торговлей.

Во всемъ этомъ можно подивиться только тому, что онъ счелъ нужнымъ принять на себя такой излишній трудъ. Все, постановленное новыми декретами, практиковалось имъ издавна и безъ всякаго противодѣйствія. Съ давнихъ поръ онъ арестовывалъ, заключалъ въ тюрьмы, подвергалъ изгнанію кого и за что ему было угодно; истреблялъ изданія, преслѣдовалъ писателей, запрещалъ журналы, закрывалъ типографіи, не давая никому ни въ чемъ отчета. Безполезно приводить здѣсь общеизвѣстные факты. Можно себѣ представить какъ поступалъ онъ съ людьми темными, не имѣвшими другой защиты, кромѣ своего права, человѣкъ, который держалъ подъ замкомъ папу, который приказывалъ своимъ полицейскимъ агентамъ выгонять изъ Парижа даже женщинъ, подвергшихся его ненависти за независимость, подерживаемую умомъ, геніемъ и красотой. Наконецъ это самовластіе его уже не удовлетворяло. Надобно было, чтобъ акты такой отвратительной тираніи казались дѣйствіями не его воли, а закона.

Съ 1809 года, онъ поручилъ государственному совѣту изготовить проектъ закона касательно возстановленія государственныхъ тюрьмъ. Проектъ былъ поднесенъ, къ нему недоставало предисловія или введенія: то было изложеніе голаго факта во всей его ужасающей краткости, — деспотизмъ безъ фразъ. Императоръ отступилъ передъ мыслью о томъ впечатлѣніи, какое долженъ произвести такой документъ. Въ собраніи государственнаго совѣта у него вырвалось поистиннѣ превосходное выраженіе: «Мнѣ нужно, сказалъ онъ, двѣ страницы изложенія причинъ, въ которыхъ заключалось-бы нѣсколько *либеральныхъ идей!*» Вотъ характеристическое слово, объясняющее можетъ быть вѣрнѣе любой изъ его побѣдъ чудную фортуну императора и его чрезвычайное господство надъ умами французовъ. О! какъ онъ хорошо зналъ эту несчастную націю, всегда готовую довольствоваться

словами и подвергаться всякому шарлатанству! Какіе возгласы, какія проклятія не разносились по свѣту противъ Бастиліи съ ея произвольными арестами! Сколько было пролито крови для ея разрушенія! Какой энтузіазмъ встрѣчалъ ея побѣдителей! Теперь предстояла не безобидная бастилія слабаго короля Людовика XVI, теперь учреждалось восемь бастилій, распредѣляемыхъ по всей территоріи и подъ вѣдѣніемъ власти подозрительной и неумолимой; но эти бастиліи ставились во имя идей либеральныхъ: этимъ было сказано все — и всѣ преклонились; не услышали ни возраженія, ни ропота. Человѣкъ, котораго носили съ торжествомъ въ день взятія Бастиліи, развѣ не былъ уже сенаторомъ, графомъ Гюллиномъ? Чего-же лучше? Не въ этомъ ли была вся цѣль французской революціи?

Какъ ни было либерально изложеніе причинъ, составлявшее введеніе къ декрету о государственныхъ тюрьмахъ, имъ не покрывался вполнѣ извѣстный фактъ, что въ тюрьмахъ имперіи уже содержались въ заключеніи многіе политическіе дѣятели. Но не для отягченія ихъ участи имъ открывали пристанище въ государственныхъ тюрьмахъ, вовсе не для того! Напротивъ предисловіе поясняло, что если бы они были преданы обыкновенному суду, «ихъ приговорили бы *къ смерти*». Слѣдовательно ихъ не отдавали подъ судъ только для спасенія отъ казни. Тамъ же было сказано, что нѣкоторое число изъ такихъ-же виновныхъ «не могли-бы быть осуждены судебными палатами даже при *увѣренности* въ ихъ виновности», это значило, что хотя и не имѣлось противъ нихъ достаточныхъ доказательствъ, но не менѣе того хотѣли держать ихъ въ тюрьмѣ. Къ третьей категоріи принадлежали наши заграничные полицейскіе агенты, неоправдавшіе довѣрія правительства, и которыхъ нельзя было «ни выпустить на свободу, ни привлечь къ суду безъ нарушенія государственной тайны». Для этихъ несчастныхъ, поставленныхъ внѣ закона, хотѣли ввести «формы *законныя* и *торжественныя*»,

чтобы обезпечить безпристрастное разсмотрѣніе ихъ преступленій. Законныя и торжественныя формы состояли въ томъ, что для каждаго осужденія требовалось «рѣшеніе тайнаго совѣта по представленію судьи или министра полиціи». Ежегодно списокъ государственныхъ узниковъ подносился императору, и на продолженіе тюремнаго сидѣнья *вновь требовалось утвержденіе тайнаго совѣта.*

Годичная ревизія въ совѣтѣ, составленномъ изъ домашнихъ и ближайшихъ слугъ императора, вотъ чѣмъ ограничивались гарантіи, дарованныя съ такою торжественностью государственнымъ узникамъ. Единственный фактъ, выходившій изъ этой призрачной процедуры, былъ тотъ, что императоръ могъ, безъ суда, заключать и держать въ тюрьмѣ кого ему было угодно. Не менѣе того, декретъ этотъ былъ возвѣщенъ какъ необычайная милость, а для полноты иллюзіи его публиковали въ томъ нумерѣ *Монитера*, гдѣ были напечатаны первыя поздравленія государственныхъ чиновъ по поводу бракосочетанія [175]). Декретъ вышелъ въ родѣ подарка націи: такъ его и приняли. Вдобавокъ написанныя въ немъ нелѣпыя распоряженія никогда не исполнялись на дѣлѣ. Единственная статья декрета, получившая примѣненіе, была статья 38, опредѣлявшая, что будетъ восемь государственныхъ тюремъ, учреждаемыхъ въ замкахъ Сомюръ, Гамъ, Ивъ, Ландскроунъ, Пьеррешатель, Фенестрелль, Кампіано и Венсанъ. Одна эта номенклатура показываетъ, что благодѣяніе распространили на всѣ части имперіи, какъ старыя, такъ и новыя.

Декретъ касательно прессы, цензуры и книгопечатанія возбуждаетъ такія же размышленія, какъ и декретъ о государственныхъ тюрьмахъ. Можно сказать, что произволъ, разъ освященный декретомъ, какъ будто измѣнялъ свою природу и становился законностью; злоупотребленія, возведенныя въ правило, казались болѣе уважительными, нежели случайное

---

[175]) *Монитеръ* 5 марта 1810.

ихъ проявленіе. Пресса до того времени была подчинена волѣ Наполеона и его полиціи; тоже самое продолжалось и послѣ изданія новыхъ декретовъ; но казалось, что приданная этому законность болѣе обезпечитъ правильность надзора, такъ какъ уваженіе къ закону дѣйствуетъ даже и на тѣхъ, кто имъ злоупотребляетъ. Императоръ впрочемъ былъ уже давно недоволенъ безконтрольными дѣйствіями Фуше по цензурѣ. Этотъ министръ былъ снисходителенъ по природѣ, а также по предусмотрительности и по разсчету. Много разъ, во время частыхъ отлучекъ императора, онъ щадилъ несчастныхъ писателей и по своему усмотрѣнію отклонялъ отъ нихъ жестокія мѣры. Онъ часто дѣйствовалъ по собственному вдохновенію и успѣвалъ держаться своего мнѣнія. Поэтому Наполеонъ довольно странно обвинялъ его въ томъ, что «у него недостаетъ законности въ головѣ», или что онъ хочетъ быть популярнымъ на его счетъ. Вѣрно то, что отчасти цѣль декрета состояла въ томъ, чтобы отнять у Фуше юрисдикцію надъ прессой: она была передана министру внутреннихъ дѣлъ, что нисколько не помѣшало Савари захватить ее въ свои руки, какъ только онъ получилъ мѣсто Фуше въ министерствѣ полиціи.

При довольно продолжительномъ обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта декрета, ораторы, поддерживавшіе эту мѣру, и самъ императоръ, смотрѣли на прессу, не какъ на право, принадлежащее гражданамъ, выражать свои сужденія, излагать свои мысли и, въ случаяхъ нужды, свои требованія, но какъ на «способъ наученія», какъ на «учрежденіе общественное». Императоръ пошелъ далѣе, сказавъ: «Это есть *публичная должность*». Изъ этого слѣдовало, что всѣ работавшіе для прессы становились въ разрядъ чиновниковъ, трудящихся подъ надзоромъ и въ видахъ правительства, становились отвѣтственными исполнителями и толкователями его распоряженій. Итакъ, выражать свои мнѣнія въ печати можно было только лицамъ патентованнымъ отъ правитель-

ства, и оно имѣло право уничтожать все то, что не соотвѣтствовало его удобствамъ или интересамъ.

Послѣдствіемъ такихъ началъ могло быть только простое возстановленіе цензуры. Но чтобы прикрыть такой слишкомъ явный возвратъ къ прежнему порядку, императоръ объявилъ цензуру факультативною, при чемъ авторы, добровольно подвергавшіе свои сочиненія цензурѣ и получившіе, за сдѣланными измѣненіями, одобреніе, были изъяты отъ дальнѣйшей отвѣтственности. Все это было не болѣе какъ обманомъ, почти что одинаковаго достоинства съ либеральнымъ введеніемъ къ декрету о государственныхъ тюрьмахъ. На самомъ дѣлѣ, всѣ сочиненія, какого бы рода они ни были, подвергались предварительной цензурѣ, потому что типографщикъ былъ обязанъ обращать вниманіе цензора на всѣ печатаемыя имъ книги; съ другой стороны, статьею того же декрета опредѣлялось, что и послѣ полученія *сатисфецита* отъ цензуры, министръ полиціи имѣлъ право захватить изданіе. Декретомъ учреждалась сверхъ того, подъ вѣдѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, генеральная дирекція по книгопечатанію. Спеціальной обязанностью этой дирекціи былъ надзоръ за типографщиками и книгопродавцами. Наполеонъ выбралъ въ директоры Порталиса, сына бывшаго министра вѣроисповѣданій, молодаго члена совѣта, отличившагося въ собраніи рѣзкими выходками противъ печати. Типографщики и книгопродавцы были патентованы подъ присягой, ограничены въ своемъ составѣ строго опредѣленнымъ числомъ, подвергнуты свидѣтельству въ доброй нравственности и безупречномъ поведеніи, подчинены множеству самыхъ мелочныхъ формальностей [176]). Въ наказаніе за неисполнительность назначались конфискація, тюрьма и пеня. Оставалось впрочемъ обстоятельство, при которомъ законъ смягчался какъ для издателя, такъ и для продавца неодобреннаго сочиненія, и поводъ

---

[176]) Въ *Бюллетенѣ Законовъ*, декретъ 5 февраля 1810.

къ такому снисхожденію опредѣлялся самымъ кодексомъ. Въ томъ случаѣ, когда издатель или типографщикъ донесутъ на сочинителя, они вознаграждались за то смягченіемъ въ ихъ пользу закона и подвергались наименьшему взысканію (ст. 284 и 288 кодекса).

Періодическая наша пресса, хотя и дошла уже до упадка близкаго къ ничтожеству, однако также получила свою долю при распредѣленіи императорскихъ милостей. Послѣ всѣхъ пораженій, нанесенныхъ журналамъ съ 18 брюмера, надобно бы удивляться, какъ еще находились писатели для журнальныхъ статей, и только ихъ малочисленностью и тягостью испытаній, удалявшею отъ нихъ всякую конкуренцію, можно себѣ объяснить тѣ громадные налоги, которые они выносили. Не только ихъ заставляли платить изъ ихъ же денегъ жалованье цензорамъ, за ними наблюдавшимъ, но на ихъ доходы императоръ обращалъ и выдачи пенсій, даруемыхъ литераторамъ и ученымъ, которыми онъ столько гордился впослѣдствіи, когда ему пришлось исчислять все то, что онъ сдѣлалъ для поощренія словесности, наукъ и искусствъ. Какой нибудь директоръ журнала узнавалъ внезапно, что императоръ, въ нѣкоторомъ родѣ, ипотекировалъ на его изданіи одну или нѣсколько пенсій въ шесть, восемь, десять тысячъ франковъ; молча выполнялъ онъ такое требованіе, считая себя счастливымъ въ сознаніи, что ему еще дозволяютъ существовать: такимъ способомъ, столько же простымъ, сколько и экономичнымъ, этотъ великій покровитель литературы пріобрѣталъ себѣ въ исторіи мѣсто на ряду съ Августомъ и Людовикомъ XIV. При томъ онъ достигалъ и другой не менѣе для него пріятной цѣли, а именно, благодѣтельствовать одной половинѣ литераторовъ на счетъ другой половины, и тѣмъ вооружать ихъ другъ противъ друга; предупреждать между ними всякую возможность соглашенія и общности дѣйствій; поставить писателей въ такое положе-

ніе, чтобъ они сами находили выгоднымъ позорить свое благородное призваніе.

Стыдно, но должно заявить, что такіе люди какъ Бернардинъ де-Сен-Пьерръ, Шенье, Монжъ брали подать съ трудовъ своей меньшей братіи [177]). Несмотря на столь тяжкія условія, принятыя съ безграничною покорностью, политическіе журналы, по снисхожденію полиціи, еще выказывавшіе признаки жизни, казались императору слишкомъ многочисленными и слишкомъ независимыми. Онъ приказалъ имѣть въ каждомъ департаментѣ не болѣе одного журнала, кромѣ департамента Сены, и этотъ единственный журналъ подчинить наблюденію и власти префекта. Это значило, что во Франціи впредь будутъ существовать только офиціальные журналы. Позже онъ не ограничился налогомъ, въ видѣ пенсій, на журналы, но передавалъ самое изданіе въ полную собственность кому либо изъ своихъ людей—и безъ всякаго вознагражденія дѣйствительнаго собственника. Впрочемъ, если эти декреты были обязательны для писателей, то съ другой стороны они нимало не обязывали власть ихъ издававшую. Наполеонъ вовсе не сообразовался въ своихъ распоряженіяхъ съ этими законами, и они, подобно всѣмъ прочимъ, были ничтожны передъ волей императора. Подданные его могли находить въ нихъ усиленіе строгости, но никогда гарантіи, и вскорѣ послѣ изданія декрета онъ его нарушалъ съ грубымъ и циническимъ презрѣніемъ къ правамъ, имъ самимъ подтвержденнымъ. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ со дня опубликованія декрета, какъ, по его приказанію, полиція захватила и уничтожила книгу *«Германія»* госпожи де-Сталь.

Эта знаменитая женщина съ недавняго времени приблизилась къ Парижу, чтобы наблюдать за изданіемъ своей

---

[177]) Размѣры этихъ пенсій видны изъ письма Наполеона къ Монталиве, отъ 3 января 1810.

книги. Она жила въ окрестностяхъ Блуа, то есть, какъ выражался Сисмонди, въ *конституціонномъ разстояніи* сорока лье. Она добровольно подчинилась формальностямъ факультативной цензуры. Цензоръ Эсменаръ, одинъ изъ литераторовъ, выдресированныхъ имперіей посредствомъ значительныхъ доходовъ съ притѣсненія литературы, человѣкъ, о которомъ Савари могъ сказать въ своихъ *Мемуарахъ:* «я его взялъ; онъ мнѣ вѣрно служилъ», тщательно просмотрѣлъ сочиненіе. Онъ вычеркнулъ оттуда все то, что могло показаться подозрительнымъ самому утонченному прислужничеству. Онъ напримѣръ потребовалъ уничтоженія смѣлыхъ выраженій въ родѣ того, что «Парижъ есть мѣсто, гдѣ всего легче можно обойтись безъ счастья». Фраза, вѣроятно, показалась дерзкою, потому что ею допускалась возможность не быть счастливымъ въ Парижѣ. Дозволеніе на изданіе книги было дано, — ее отпечатали въ десяти тысячахъ экземплярахъ; но передъ самымъ выпускомъ жандармы Савари явились къ издателю и отобрали изданіе: всѣ книги были перемолоты и обращены въ бумажную массу, которую продали за двадцать луидоровъ. Савари отослалъ эти деньги къ несчастному издателю въ возмѣщеніе понесенныхъ имъ расходовъ. Такое право захвата книгъ было дѣйствительно предоставлено министру полиціи, какъ высшая гроза надъ головою каждаго писателя, даже послѣ полученія имъ цензурнаго дозволенія; однако, декретъ 5 февраля постановлялъ, что въ подобныхъ случаяхъ, дѣло немедленно поступаетъ на обсужденіе государственнаго совѣта. О такомъ представленіи этого дѣла въ совѣтъ не было и рѣчи. Въ то же время, госпожѣ де Сталь приказано выѣхать изъ Франціи въ двадцать четыре часа. Она просила у министра отсрочки на нѣсколько дней, выразивъ притомъ предположеніе, что, вѣроятно, ее наказываютъ за то, что она ничего не сказала въ своей книгѣ объ императорѣ. Савари ей отвѣчалъ: «Не должно выискивать причины повелѣнія, которое я вамъ объявилъ, въ

умолчаніи вашемъ объ императорѣ, это было бы ошибочно: *въ вашемъ сочиненіи не было для него достойнаго мѣста.* Нѣтъ, ваше изгнаніе есть *естественное послѣдствіе* того направленія, котораго вы держитесь въ продолженіе многихъ лѣтъ. *Мнѣ кажется, что воздухъ здѣшней страны для васъ не благопріятенъ,* да мы и не дошли еще до того, чтобы искать образцовъ у народовъ, которымъ вы удивляетесь. *Ваше сочиненіе не французское,* и я его уничтожилъ» [189]).

Все сказано о достоинствѣ правительства, когда выяснено, что человѣкъ, подобный Савари, герой столькихъ продѣлокъ или низкихъ, или ужасныхъ, находился въ немъ на такой степени, что могъ принимать на себя такой начальническій и презрительный тонъ въ отношеніи къ женщинѣ, геній которой прославилъ не только ея время и ея страну, но и самое человѣчество. Какое ѳсобое преступленіе можно было поставить въ вину госпожѣ де-Сталь? Даже и теперь сказать объ этомъ нечего, и понятно, что Наполеонъ уклонился отъ объясненія въ публичномъ актѣ повода къ мѣрѣ, столь подлой и жестокой, которою онъ ее поразилъ. Съ сентября мѣсяца 1803, эпохи первой ея высылки, она не бывала въ Парижѣ, она приблизилась къ этому городу только ко времени изданія *Коринны* — и получила приказаніе удалиться. Она путешествовала по Италіи, Швейцаріи, Германіи, всегда вѣрная своимъ возвышеннымъ помысламъ, но выражала ихъ не болѣе какъ въ частныхъ разговорахъ.

Книга ея о Германіи, полная новыхъ взглядовъ и наблюденій живыхъ и оригинальныхъ, главныя черты которыхъ остались вѣрными доселѣ, несмотря на неизбѣжныя

---

[189]) Письмо Савари отъ 30 октября 1810. — *Десять лѣтъ изгнанія,* госпожи де-Сталь, предисловіе къ *Германіи* и *Корреспонденція* госпожи Рекамье. Подобно прочесть въ *Мемуарахъ* Савари, что онъ написалъ объ этомъ эпизодѣ, чтобы имѣть понятіе о мошенничествѣ этого господина.

измѣненія, производимыя временемъ, какъ въ народахъ, такъ и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, была для Франціи настоящимъ откровеніемъ; но она не выходила изъ предѣловъ философіи и литературы, и трудно было найти въ ней какой бы то ни было намекъ на политику. Это было посвященіе въ міръ идей и понятій, совершенно невѣдомыхъ во Франціи. Съ точки зрѣнія интелектуальной, а также и коммерческой, существовало тогда вокругъ нашихъ границъ нѣчто въ родѣ китайской стѣны, и эта запретительная система въ отношеніи къ произведеніямъ мысли, поддерживаемая предразсудками столько же, какъ и деспотизмомъ, обѣднила и обезплодила французскій умъ. Наша литература томилась въ изнеможеніи подъ двойнымъ гнетомъ правительства, враждебнаго всякому движенію идей, и узкой литературной ортодоксіи, давно уже утратившей блескъ даровитости и поддерживавшейся только своею нетерпимостью. Это была литература государственная — по образцу нашего политическаго общества, имѣвшая свою условность, свои офиціальныя формулы, свои священные типы, внѣ которыхъ недозволительно было ни чувствовать, ни мыслить. Она представляла административное однообразіе и сухость при мертвящей дисциплинѣ. Въ ней уже не встрѣчалось ни одной характеристической черты нашего національнаго ума; она тщательно воспроизводила устарѣвшія формы, но прежней жизни и одушевленія придать имъ не могла. Такъ у тогдашнихъ чтимыхъ писателей, Делиссей, Фонтановъ, можно встрѣтить замѣчательное знаніе механизма при совершенномъ почти отсутствіи вдохновенія. Оригинальность, силу, жизненность находишь только у тѣхъ писателей, которые имѣли случай дышать внѣшнимъ воздухомъ: Шатобріанъ, Жозефъ де-Местръ, де-Сталь, Бенжаменъ Констанъ. Надобно было, во что бы то ни стало, искать другой атмосферы или подчиняться пошлости ортодоксальной литературы. Если въ эту злосчастную среду попадалась личность, дѣйствительно

даровитая и не подходившая ни къ той, ни къ другой изъ этихъ категорій, то этому таланту предстояли мученія труженической непроизводительности при сознаніи своего безполезнаго превосходства. Таковъ былъ Жуберъ, талантъ рѣдкаго изящества, но талантъ болѣзненный, безплодный — по совѣстливости, боявшійся простора, движенія, свѣта, — диллетантъ несравненный, писатель неудавшійся.

Открыть французскому генію за предѣлами интелектуальной тюрьмы, въ которой онъ былъ заключенъ, новыя идеи и новыя формы, самопроизвольное вдохновеніе въ поэзіи, драмѣ, философіи, исторіи, было единственнымъ способомъ обновленія, которое могло возвратить намъ, если не прежнюю оригинальность, на долго исчезнувшую, то, по крайней мѣрѣ, нашу творческую силу. Это обновленіе выказалось очень ярко съ того времени, какъ Реставрація уничтожила ограду, не допускавшую къ намъ внѣшняго воздуха. Такое возбужденіе національнаго генія желала ввести къ намъ госпожа де-Сталь, оглашая между нами умственное возрожденіе Германіи съ конца восемнадцатаго столѣтія, показывая намъ новые типы, свѣжія формы красоты, ближе сдружая насъ съ природой, съ произведеніями новыхъ глубокихъ и своеобразныхъ умовъ, наконецъ, утоляя нашу жажду изъ живыхъ источниковъ воображенія и мысли: Гёте, Шиллера, Лессинга, Канта, Фихте, Гердера.

За желаніе сдѣлать намъ подобное благодѣяніе госпожа де-Сталь была столь варварски преслѣдуема. Впрочемъ, Наполеонъ не ошибался, ни въ своей ненависти противъ женщины, бывшей олицетвореніемъ всѣхъ качествъ наиболѣе ему противныхъ, возвышенности мыслей, независимости характера, благородства сердца, — ни въ припадкѣ гнѣва, внушеннаго ему прекрасной книгой, которую онъ задумалъ уничтожить. Въ сущности всѣ роды эмансипаціи родственны, и каждый работающій для возвышенія и оживленія умственныхъ силъ народа, именно по этому работаетъ для его бу-

дущаго освобожденія. Германія представляла тогда очевидное подтвержденіе этой истины. Славнымъ руководителямъ своего умственнаго возрожденія она была обязана, послѣ долгой летаргіи XVIII вѣка, первымъ сознаніемъ своего національнаго существованія; и это сознаніе было на столько сильно, что пережило всѣ тяжкіе удары, нанесенные ей Наполеономъ. Онъ разсѣкъ ее на части, онъ изгналъ или развратилъ ея государей, истребилъ ея древнія учрежденія, разстрѣливалъ ея патріотовъ. Германцы находили какъ бы вторую отчизну въ своей литературѣ, развивавшей національное чувство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ненависть къ чужестранному игу. Душа осталась свободна подъ узами связывавшими тѣло, и страна ихъ воскресла въ 1813 году, полная жизни, какъ никогда. Съ этой точки зрѣнія представляется яснымъ, что такой мирный человѣкъ, какъ Гете, по природѣ столь чуждый воинствующей литературѣ, сдѣлалъ едва ли не болѣе цѣлой арміи для независимости и свободы своей отчизны.

Но написать госпожѣ де-Сталь, черезъ посредство своего полицейскаго чиновника, *что «ея книга не французская»* потому въ особенности, что это сочиненіе могло принести пользу и утѣшеніе націи, несправедливо угнетенной, было по меньшей мѣрѣ умышленно-безчестнымъ оскорбленіемъ истины и таланта. Напротивъ, эта книга на всѣхъ страницахъ проникнута достоинствомъ по преимуществу французскимъ, добродѣтелью сохраненною Франціею во всѣхъ испытаніяхъ и всегда доставлявшею ей уваженіе даже ея враговъ, тѣмъ великодушіемъ, единственнымъ можетъ быть наслѣдіемъ, котораго не отрицали ни въ какія времена у націи крестовыхъ походовъ, рыцарства, американской войны и въ наше время войны итальянской. Исторія должна засвидѣтельствовать къ чести націи, то до крайности порицаемой, то неумѣренно хвалимой, что этотъ голосъ за побѣжденныхъ, эти симпатіи, утѣшительныя для нихъ въ ихъ пораженіяхъ, эта рука простертая къ несчастію, эти слова

надежды и ободренія, все это шло изъ Франціи, изъ-подъ острія шпаги грознаго побѣдителя. Во Франціи нашлись лица, подвергавшія себя проскрипціи за слова сочувствія къ растерзанной и униженной Германіи! Во Франціи нашлись люди не удовлетворившіеся такимъ заступничествомъ; они пошли далѣе: отказались отъ своего прошлаго, вооружились противъ своей отчизны, добровольно пожертвовали памятью о себѣ и своей жизнью тому, что считали благомъ для человѣчества! Германцы первые замѣтили, что сужденія госпожи де-Сталь объ ихъ національномъ характерѣ грѣшатъ избыткомъ снисходительности. Они не безъ нѣкоторой ироніи отнеслись къ ея похваламъ чистосердечію, простотѣ и добродушію германцевъ и вообще къ той сторонѣ ея оцѣнки, въ которой ея великодушіе слишкомъ вліяло на ея проницательность. Благородное, трогательное преувеличеніе добродѣтели, настоящую мѣру которой они впослѣдствіи имѣли случай выказать намъ вполнѣ!...

Наказаніе, постигшее госпожу де-Сталь, было распространено потомъ на большую часть друзей, утѣшавшихъ ее въ изгнаніи: оно распространилось на госпожу Рекамье, Матвѣя де-Монморанси, Шлегеля и Баранта, женевскаго префекта, внезапно отставленнаго за оказанное ей уваженіе. Для нея наступилъ и тотъ день, когда оскорбленная преслѣдованіемъ, она рѣшилась на горестную и продолжительную одиссею, о которой оставила намъ свой трогательный разсказъ. Такъ совершилось разсѣяніе этого малочисленнаго женевскаго общества, столь замѣчательнаго своей умственной дѣятельностью, одного изъ послѣднихъ кружковъ, гдѣ еще смѣли думать и говорить свободно. Такъ исчезло это знаменитое собраніе и вмѣстѣ съ тѣмъ скромное, куда быть представленнымъ за честь считали самые интелигентные люди Европы. Тамъ Бенжаменъ Констанъ отличался гибкостью, разносторонностью, вѣрностью своего обширнаго ума, Сисмонди своимъ здравымъ смысломъ, своими знаніями,

какъ экономистъ и историкъ, Шлегель — неизсякаемыми критическими фантазіями, Бонштетенъ—остроуміемъ, Жерандо—философіей, госпожа Рекамье — граціей и красотой, наконецъ сама госпожа де-Сталь своей возвышенной душой, вдохновенная, краснорѣчивая, живое эхо, всегда готовое на отзывъ всему великому и прекрасному.

По странному совпаденію, которое исторія должна отмѣтить для характеристики фактовъ, въ то самое время, когда госпожа де-Сталь была изгоняема какъ преступница, а книга ея уничтожена, жюри, избранное институтомъ, возвѣщало о преміяхъ за десятилѣтіе, назначаемыхъ для возрожденія великаго литературнаго вѣка: «десятилѣтнія преміи, сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ *отчетѣ о положеніи имперіи*, будутъ розданы рукою *того, который есть источникъ всякой истинной славы.*» Конечно, большинство лавреатовъ, по льстивому разсчету, не сочли нужнымъ отыскивать другаго источника для своей славы, и если длинный списокъ представлялъ нѣсколько именъ уважаемыхъ въ литературѣ, то не было въ немъ ни одного имени, которому бы принадлежало твореніе славное или хотя бы долговѣчное. Рюльеръ увѣнчанъ за исторію, Райнуаръ, Легуве, Дельріе, Бауръ-Лорміанъ, Легокъ за трагедію, Дюваль за комедію, Сен-Кроа и Виллерсъ за критику, Делиль за дидактическую поэзію, Сен-Ламберъ и Жюльенъ за нравственную философію, и такъ далѣе [179]). Вотъ писатели, объявленные достойными публичныхъ наградъ, тогда какъ на долю лицъ, приносившихъ честь націи своимъ характеромъ и талантами, доставались преслѣдованія и оскорбленія. Потомство, опредѣляющее каждому его мѣсто, оставило эти имена въ полнѣйшемъ забвеніи и сохранило память тѣхъ именъ, о которыхъ умолчало офиціальное раболѣпство.

[179]) Въ Mémoires de l'Institut заключается волюмъ озаглавленный: *Rapports* de toutes les clases de l'Institut de France sur les ouvrages admis au concours pour les prix décennaux. *Moniteur* въ іюлѣ и августѣ 1810 издавалъ пространныя извлеченія изъ этого доклада.

Списокъ наградъ, назначенныхъ въ поощреніе науки, представлялъ великія имена Лагранжа, Лапласа, Бертоллета, Кювье, дѣйствительныхъ знаменитостей того времени, стоявшихъ выше всякихъ наградъ, и которые не могли быть подозрительными власти по самой спеціальности ихъ работъ. Но замѣчательно, что эти великіе ученые не только пріобрѣли себѣ извѣстность въ прежнюю эпоху, но и были увѣнчаны за творенія, предшествовавшія имперіи, желавшей присвоить себѣ ихъ славу. Опредѣлены были награды: за *исчисленіе функцій* Лагранжа, публикованное въ 1797, *небесную механику* Лагранжа, публикованную въ 1798, *химическія знанія* Фуркруа, публикованныя въ 1791, *уроки анатоміи* Кювье, публикованные въ 1802, *дифференціальное и интегральное исчисленіе* Лакруа, 1796, исторію рыбъ Ласепеда, 1798, и *химическую статистику* Бертоллета 1803. Это обстоятельство несовременности не ускользнуло отъ вниманія жюри, уполномоченнаго распредѣлять награды: были устранены многія сочиненія какъ слишкомъ устарѣлыя; но отложили строгость въ пользу сочиненій прежде увѣнчанныхъ и къ которымъ были сдѣланы добавленія, или которыя вышли въ новыхъ нѣсколько переработанныхъ изданіяхъ. Подобнымъ образомъ увѣнчали исторію *анархіи въ Польшѣ* Рюльера, умершаго тридцать лѣтъ тому назадъ. Слѣдуя этимъ путемъ можно было дойти и до Тацита, самаго подходящаго историка для императорской Франціи. По возможности старались воспользоваться богатствомъ прошедшаго на пополненіе бѣдности настоящаго, чтобы доставить распредѣлителю всякой славы призрачное убѣжденіе, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть и вдохновитель всѣхъ талантовъ.

Вся эта лесть была израсходована понапрасну. Былъ ли императоръ пораженъ ничтожествомъ своихъ *цезарьскихъ* поэтовъ, предпочелъ ли онъ употребить свои деньги на военныя издержки, во всякомъ случаѣ онъ воздержался отъ выдачи наградъ, опредѣленныхъ жюри, и отъ щедраго присуж-

денія премій осталось только воспоминаніе о торжественной мистификаціи. Если вѣрить его апологисту Тибодо, Наполеонъ сказалъ въ государственномъ совѣтѣ, что «цѣлью учрежденія этихъ премій была необходимость доставить занятіе нѣкоторымъ людямъ для отвлеченія ихъ мыслей отъ другихъ болѣе важныхъ предметовъ.» Можно предположить и то, что его почетная литературная свита казалась ему довольно убогою, такъ какъ онъ, нотой отъ 9 декабря 1810, спрашивалъ министра внутреннихъ дѣлъ о причинахъ, побудившихъ институтъ не увѣнчать «*Геній христіанизма*» Шатобріана. Изъ этого слѣдуетъ, что ему хотѣлось укомплектовать свою фалангу литературныхъ знаменитостей изъ опасенію ея жалкой недостаточности въ глазахъ потомства. Онъ не могъ любить Шатобріана послѣ его смѣлаго отказа отъ службы въ эпоху убіенія герцога Энгіенскаго. Онъ конфисковалъ принадлежавшій этому писателю *Меркурій* въ отмщеніе за слишкомъ рѣзкій намекъ; но въ немъ была естественная склонность къ изобразительному слогу и неумѣренному воображенію Шатобріана; онъ охотно выслушивалъ его покровителей, Фонтана и Моле, наконецъ «*Геній христіанизма*» имѣлъ и то достоиство, что популяризовалъ этотъ титулъ возстановителя алтарей, которымъ такъ дорожилъ Наполеонъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ очутился въ открытой войнѣ съ папой. Кстати Шатобріанъ тогда же издалъ своихъ *Мучениковъ*. Въ этомъ сочиненіи онъ воспроизвелъ и подтвердилъ доктрину римско-католической церкви о необходимости повиновенія властямъ существующимъ, даже и въ томъ случаѣ, если эти власти основаны на узурпаціи: такая доктрина конечно не была противна Наполеону. Отсюда объясняется снисхожденіе Наполеона и мимолетное его желаніе завербовать Шатобріана въ число офиціальныхъ знаменитостей.

ГЛАВА VII.

Злоупотребленія и безразсудства континентальной системы. — Избраніе Бернадота на тронъ Швеціи. — Послѣднія присоединенія территорій. (Іюль — декабрь 1810).

Торжество по случаю десятилѣтнихъ премій застало императора посреди такихъ заботъ, что ими достаточно объясняется его пренебреженіе къ этой пустой церемоніи. Невыносимыя притѣсненія континентальной блокады начали приносить свои плоды: совершились событія непоправимыя. Наши союзники, доведенные до крайности, сдерживались еще терроромъ; но европейскій миръ былъ поколебленъ, и тайныя приготовленія къ гигантской борьбѣ дѣлались повсюду. Соображая быстроту такихъ естественныхъ результатовъ континентальной системы, трудно понять, какъ нашлись историки, благоговѣвшіе передъ такой безразсудной выдумкой, въ которой даже нельзя разобрать систематической послѣдовательности. Мы видѣли какъ Наполеонъ закрылъ для англичанъ сперва порты Франціи, а потомъ и Европы; затѣмъ онъ также точно стѣснилъ морскую торговлю нейтральныхъ государствъ, подчинившихся постановленію совѣта 1807, а наконецъ и всѣхъ прочихъ нейтральныхъ, безъ разбора, подъ тѣмъ предлогомъ, что не было возможности безошибочно отличать тѣхъ, которые отказались подчиниться британскому

совѣту. Послѣдствіемъ запрещенія торговли нейтральныхъ былъ захватъ колоніальныхъ товаровъ, гдѣ бы ихъ ни находили, и такой захватъ былъ дѣйствительно установленъ. Но Наполеонъ, насильственно налагая разорительныя запрещенія на торговлю своихъ союзниковъ, самъ уклонялся отъ своего постановленія посредствомъ системы лицензій, прилагавшейся сначала къ нѣкоторымъ произведеніямъ, а потомъ и ко всѣмъ колоніальнымъ товарамъ.

Вопреки его отрицаніямъ, по лицензіямъ поступало во Францію громадное количество товаровъ. Эти исключительныя дозволенія порождали новыя затрудненія по примѣненію континентальной системы. Какъ отличать, при конфискаціяхъ установленныхъ Наполеономъ, произведенія, получившія законность по лицензіямъ, отъ тѣхъ, которыя были ввозимы обманомъ? Сверхъ того, на всѣхъ рынкахъ были массы товаровъ, купленныхъ туда съ торговъ послѣ конфискацій, или изъ числа захваченныхъ нашими корсарами; такіе товары пріобрѣтали этимъ также законное происхожденіе. Какъ отличать ихъ отъ товаровъ, ввозимыхъ контрабандой? Наполеонъ былъ тогда пораженъ и другимъ фактомъ, не менѣе важнымъ. Послѣ присоединенія Голландіи, онъ дозволилъ негоціантамъ этой страны сбыть во Францію ихъ запасы колоніальныхъ товаровъ, но съ пошлиною по 50 на 100, и не смотря на такой налогъ они чрезвычайно легко освободились отъ этихъ запасовъ. Онъ заключилъ отсюда, что 50 на 100 представляютъ приблизительно расходы и прибыли контрабанды и означаютъ предѣлъ, до котораго можно безошибочно возвышать пошлины на допускаемые товары.

Таковъ былъ, на сколько можно провидѣть, поводъ, внушившій ему мысль о новой передѣлкѣ, совершенной имъ въ континентальной системѣ декретомъ 5 августа 1810. Нѣтъ возможности принять за дѣйствительность причину этихъ перемѣнъ, приведенную имъ въ циркулярѣ къ заграничнымъ

агентамъ, именно желаніе достигнуть однообразныхъ цѣнъ на всемъ континентѣ. Для такого единства цѣнъ, надобно бы было установить въ таксѣ градаціи, сообразно положенію и средствамъ разныхъ странъ. Онъ не измѣнилъ своихъ запрещеній относительно нейтральныхъ товаровъ, которые, по прежнему, не допускались въ европейскіе порты, но всѣ колоніальные товары, привозимые на континентъ, обложилъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, пошлиной въ размѣрѣ до 50 на 100; всѣмъ негоціантамъ поставлено въ обязанность представить объ нихъ объявленія и заплатить налогъ деньгами или товарами, подъ страхомъ конфискаціи. Наполеонъ объявилъ, сверхъ того, что депо такихъ произведеній, находящіяся въ разстояніи четырехъ дней пути отъ границъ имперіи, будутъ считаться противозаконными и потому подлежатъ конфискаціи. Онъ немедленно послалъ по всѣмъ направленіямъ французскія войска, которыя стали производить эти конфискаціи по сосѣднимъ странамъ, въ Швейцаріи, Испаніи, Франкфуртѣ, въ городахъ ганзейскихъ, безъ малѣйшей пощады этимъ государствамъ. Всѣмъ европейскимъ правительствамъ посланы были приглашенія, въ выраженіяхъ настоятельныхъ даже до угрозы, сообразоваться съ вновь вводимымъ порядкомъ. Другимъ декретомъ, 18 октября 1810, велѣно сжигать публично англійскіе мануфактурные товары. А какъ обычные карательные законы, при всей ихъ строгости, показались недостаточными для обезпеченія выполнимости новыхъ мѣръ, то по третьему декрету, 25 ноября 1810, учреждены специальная юрисдикція и особенная наказуемость противъ преступленій, которыя по необходимости поддерживались всѣми и повсюду. Образовали семь превотальныхъ палатъ и тридцать четыре специальныхъ трибунала, произносившихъ, по первой и второй судебнымъ инстанціямъ, противъ контрабандистовъ, укрывателей и сообщниковъ, приговоры на смертную казнь, каторжныя работы и заклейменіе. Для поощренія и награды

новыхъ законоблюстителей назначили соразмѣрныя доли въ барышахъ отъ захватовъ и конфискацій доносчикамъ, таможеннымъ стражникамъ и солдатамъ, участвовавшимъ въ этихъ подвигахъ. Такія мѣры были выполняемы со строгостью, тѣмъ болѣе немилосердою, что онѣ доставляли казначейству чрезвычайно большія суммы, въ десять разъ превосходившія дефицитъ въ нашихъ таможенныхъ доходахъ. Оплата налога натурою, то есть предоставленіемъ фиску половиннаго количества товаровъ несчастными негоціантами, не имѣвшими денегъ, доставляла правительству громадное число товаровъ, которыми оно и торговало. Повсюду встрѣчались солдаты и стражники, вторгающіеся въ магазины для розысковъ и захватовъ, то занятые сожиганіемъ на площадяхъ запрещенныхъ товаровъ, то гоняющіеся облавами за всевозможными нарушителями блокады. Хотя Наполеонъ, черезъ свои торговыя палаты, въ вынужденныхъ адресахъ и объявлялъ «что пепелъ отъ такихъ сожиганій утучнитъ французскую почву» [180]), но это было напрасно: частныя лица не менѣе того разорялись, и, какъ замѣтилъ Молліенъ, убытокъ отъ сожигаемыхъ произведеній англійскихъ мануфактуръ падалъ на французовъ, а отнюдь не на англичанъ. Это походило на безпрестанно повторяющееся зрѣлище города, разграбляемаго тѣми, которымъ поручена его защита, съ тою разницею, что эти насилія, деморализовавшія какъ распорядителей, такъ и ихъ жертвы, покрывались закономъ и возобновлялись до безконечности. И изъ-за какихъ результатовъ выносились подобныя мученія? Какой здравомыслящій человѣкъ могъ повѣрить въ дѣйствительность декрета 5 августа? Какъ не понять, что эта пошлина по 50 на 100, взимаемая съ товаровъ, уже оплатившихъ тяжелый налогъ за лиценціи, или за прежнія конфискаціи, въ сущности была ни что иное, какъ премія въ

---

[180]) Адресъ агенской торговой палаты: *Moniteur* du 12 février 1811.

пользу контрабанды, что ею приносились честные купцы въ жертву безчестнымъ, которые вопреки всѣмъ препятствіямъ всегда находили возможность сбывать на рынки свои товары дешевле другихъ [181]).

Но всѣ эти бѣдствія, какъ ни были они нестерпимы для частныхъ лицъ и для народовъ, мало значили въ сравненіи съ политическими замѣшательствами, которыя блокадныя мѣры начали создавать для насъ въ Европѣ. Иностранныя правительства подчинились континентальной блокадѣ противъ своей воли и избѣгая окончательнаго разгрома; но съ того дня, какъ эта блокада стала угрожать имъ такой же вѣрной погибелью только въ другомъ видѣ, надобно было понять, что они употребятъ всѣ средства противъ такой опасности. Да и какъ найтись въ такомъ лабиринтѣ постановленій и декретовъ этой мнимой и самой себѣ противорѣчившей системы, прежде всего нарушаемой ея изобрѣтателемъ, и въ которой нельзя было разобрать послѣдовательной идеи, которая, однимъ словомъ, была безуміемъ произвола? Нѣтъ, подъ ножемъ у горла, невольно соглашаясь на объявленіе войны Англіи, на закрытіе своихъ портовъ англичанамъ, они, однакожь, не обязывались начинать войны противъ всѣхъ нейтральныхъ, ни губить свои народы истощеніемъ и нищетой, ни покорствовать всѣмъ хотѣніямъ человѣка, не исполняющаго даже собственныхъ своихъ законовъ! Если бы они и дали такое обѣщаніе, то оно не могло имѣть значенія, какъ исторгнутое насиліемъ, и безразсудно было на него разсчитывать, потому что они имѣли право и обязанность его не исполнять.

Можно бы еще понять это самообольщеніе въ импера-

---

[181]) Такъ разсуждаетъ министръ Наполеона, Молліенъ: «по необъяснимому противорѣчію, говоритъ онъ, самыя эти таксы доставляли англійской производительности болѣе выгодъ противъ того, что они теряли отъ запрещеній.» (*Mémoires d'un ministre du trésor*, tome III).

торѣ, если бы, выполняя свои декреты, онъ въ тоже время предоставилъ своимъ союзникамъ какія нибудь преимущества въ вознагражденіе за лишенія, на нихъ налагаемыя, если бы онъ, напримѣръ, предложилъ имъ выгоды таможеннаго союза, который бы образовалъ во всей Европѣ производительную и торговую всеобщность. Ничего подобнаго не было даже для странъ, состоявшихъ въ непосредственной отъ него зависимости, — Швейцаріи, Италіи. Онъ посылаетъ шесть тысячъ солдатъ въ Швейцарію для захвата колоніальныхъ товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ вывозъ изъ этой страны ея тканей и мануфактурныхъ произведеній въ Италію. Возвышеніемъ своихъ тарифовъ онъ также устранялъ отъ швейцарскихъ и германскихъ рынковъ итальянскіе шелки, для того, чтобъ ихъ доставляли исключительно въ Ліонъ [182]). По замѣчанію принца Евгенія, это было равносильно разоренію итальянскихъ производителей въ пользу ліонскихъ фабрикантовъ, которыхъ подобныя мѣры ставили внѣ всякой конкуренціи.

Соображая такіе факты, можно подумать, что Наполеонъ ухитрялся, какъ бы придать всѣмъ націямъ наибольшее стремленіе къ противодѣйствію континентальной системѣ, чтобы въ ихъ сопротивленіи имѣть предлогъ и оправданіе своихъ завоеваній. Судьба Голландіи была достаточнымъ предостереженіемъ для внушенія имъ разумной осторожности. Но самая легкость совершившагося съ этимъ государствомъ переворота была тоже опасной приманкой для человѣка, столь быстро переходившаго отъ угрозы къ ея осуществленію, и его враги имѣли поводъ разсчитывать на то, что послѣдній успѣхъ поощритъ его къ новымъ предпріятіямъ столько же опаснымъ, Европейскія правительства одинаковымъ образомъ смотрѣли на новыя континентальныя мѣры, такъ сильно ухудшавшія экономическій бытъ ихъ

---

[182]) Наполеонъ принцу Евгенію, 6 августа 1800.

народовъ; но почти всѣ они были безъ средствъ къ поддержанію своихъ возраженій. Они сопротивлялись сообразно разстояніямъ или силамъ, которыя могли сдерживать ихъ страшнаго притѣснителя. Пруссія не имѣла возможности даже къ жалобамъ; она покорилась, скрѣпя сердце, безъ протеста. Граница Даніи была въ нѣсколькихъ переходахъ отъ главной квартиры Даву; государство это нуждалось въ покровительствѣ императора для защиты отъ посягательствъ Швеціи на Норвегію, и для поддержанія домогательства своего короля на наслѣдованіе престоломъ послѣ бездѣтнаго шведскаго короля; по этимъ причинамъ Данія не противодѣйствовала континентальной блокадѣ, какъ ни была она для нея разорительна. Но Швеція, отчасти защищенная моремъ отъ французскихъ армій, употребляла всѣ извороты, чтобы только уклониться отъ континентальной системы, по ограниченности ея произведеній, несравненно болѣе разорительной для нея, нежели для Франціи: въ этомъ она впрочемъ слѣдовала примѣру самого Наполеона. Россія, одна на всемъ континентѣ Европы, заговорила какъ государство независимое. Она начисто отказалась отъ повиновенія невѣдомымъ для нея декретамъ и объявила, что будетъ держаться своихъ тильзитскихъ обязательствъ.

Императоръ не могъ еще пустить въ ходъ принудительныхъ мѣръ противъ Россіи, но вовсе не былъ расположенъ допускать оппозиціи со стороны Швеціи. Онъ, конечно, взялся бы немедленно за насильственныя мѣры, еслибъ событіе столько-же необыкновенное, сколько и неожиданное, не отвлекло его отъ овладѣвшей имъ маніи. Въ теченіе того же августа мѣсяца, ознаменованнаго столь бѣдственнымъ ухудшеніемъ континентальной системы, шведы предложили генералу Бернадоту наслѣдовать у нихъ королевскій тронъ. Это событіе совершилось такъ внезапно, что ускользнуло отъ проницательности самого Наполеона, хотя онъ и не былъ безучастенъ въ этомъ дѣлѣ. Король Карлъ XIII,

занявшій, по выбору націи, престолъ, послѣ устраненія Густава IV, не имѣлъ прямаго наслѣдника; онъ усыновилъ герцога аугустенбургскаго, зятя и вѣроятнаго наслѣдника датскаго короля, и поэтому предназначеннаго къ возстановленію впослѣдствіи скандинавскаго единства подъ тройною короною Норвегіи, Швеціи и Даніи. Къ несчастью для такого предположенія, герцогъ аугустенбургскій, пораженный на смотру апоплексическимъ ударомъ, умеръ въ маѣ мѣсяцѣ 1810. Смерть его, хотя и естественная, была приписана партизанамъ прежняго монарха; графъ Ферзенъ былъ растерзанъ въ народной свалкѣ, и бывшее королевское семейство, болѣе чѣмъ когда нибудь, стало отчужденнымъ отъ Швеціи.

Корона шведская опять осталась безъ наслѣдника. Карлъ XIII хотѣлъ пригласить брата покойнаго герцога аугустенбургскаго, но сознавалъ себя уже въ такой зависимости отъ Франціи, что не осмѣлился выполнить своего рѣшенія безъ предварительнаго одобренія императора. Онъ сообщилъ ему о своемъ выборѣ, просилъ его совѣта и поддержки [184]). Наполеонъ предпочелъ бы другаго кандидата, но не хотѣлъ высказаться опредѣлительно. Онъ снизошелъ къ просьбѣ короля, далъ ему полное одобреніе, а самъ, между тѣмъ, подъ рукою, поощрилъ датскаго короля предложить свою кандидатуру на шведскій тронъ. Этотъ государь, въ самомъ дѣлѣ, обратился съ письмомъ къ шведскому королю, открыто прося чести его выбора. Датскій король, по какимъ бы то ни было причинамъ, былъ до крайности непопуляренъ въ Швеціи. Извѣстіе о его кандидатурѣ произвело въ Швеціи всеобщее раздраженіе, и по свидѣтельству нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, Дезожье, эта антипатія нисколько не уменьшилась полу-офиціальной статьей *Журнала Имперіи* о благосклонности Наполеона къ домогатель-

---

[184]) Карлъ XIII къ Наполеону, 2 іюля 1810.

ству датскаго короля. А между тѣмъ Дезожье удостовѣрялъ, что «одного слова императора достаточно для рѣшенія дѣла.» Онъ просилъ этого слова во всѣхъ своихъ депешахъ: его оставили безъ удовлетворительнаго отвѣта. Таково было непривычное молчаніе императора: онъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть на этотъ разъ къ притворству, чтобъ охранить свое вліяніе, которымъ прежде такъ часто злоупотреблялъ.

Королю былъ очень затруднителенъ выборъ между претендентомъ, не любимымъ націей и кандидатомъ, непріятнымъ императору французовъ. Въ такомъ критическомъ положеніи случилось то, что въ другія эпохи часто бывало въ Италіи: рѣшились на выборъ иностранца. Нѣкоторые изъ вліятельныхъ шведовъ находились въ сношеніяхъ съ Бернадотомъ въ то время, когда наши войска занимали Померанію. Бернадотъ пріобрѣлъ значительную популярность въ Швеціи своей благосклонностью къ жителямъ этой страны; всѣ лица, имѣвшія съ нимъ дѣла, были увлечены пріятностью его обращенія, живостью его ума, обширностью его познаній. Одинъ изъ неважныхъ членовъ Діеты, простой поручикъ шведской арміи, баронъ Морнеръ, задумалъ, кажется, первый произвести Бернадота въ короли, — и произвелъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, представился генералу во имя партіи, которой не существовало, предложилъ ему корону, которою вовсе не имѣлъ права располагать. Наполеонъ объ этомъ узналъ и продолжалъ бездѣйствовать. Морнеръ уже возвратился въ Стокгольмъ, и тамъ усердно работалъ за своего кандидата, когда Лагербильке, шведскій посланникъ въ Парижѣ, узналъ объ этой интригѣ. Шампаньи, спрошенный имъ о намѣреніяхъ императора по этому дѣлу, выказалъ какъ-бы равнодушіе, подобно Наполеону предоставляя въ немъ полную свободу шведскому народу. Сторонники Бернадота воспользовались этой неопредѣленностью [184]).

---

[184]) Архивъ иностранныхъ дѣлъ: *Швеція*, 294. Депеши Дезожье, іюль и августъ 1810.

Въ августѣ 1810, собрались представители Швеціи. Комитетъ собранія высказался, какъ и прежде, за герцога аугустенбургскаго, который съ прежнимъ постоянствомъ отказывался отъ избранія. Тогда прибылъ изъ Франціи секретный агентъ, бывшій французскій вице-консулъ въ Готенборгѣ, и вдругъ разносится слухъ, что Бернадотъ не только принимаетъ предложеніе шведовъ, но и получилъ на то согласіе императора. Всѣ затруднительныя отношенія къ Франціи покончились: онъ приноситъ съ собой политическое вліяніе принца, родственнаго императорскому дому, блескъ своей военной славы, благоденствіе, искренній союзъ между обѣими націями. Народъ толкуетъ, что «онъ заплатитъ государственный долгъ изъ собственныхъ денегъ!» Имя Бернадота привѣтствуется всеобщимъ восторгомъ. Король рекомендуетъ его Діетѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Собраніе значительнымъ большинствомъ, присвоиваетъ ему титулъ шведскаго королевскаго принца (17 августа 1810).

Императоръ только-что узналъ объ отъѣздѣ изъ Франціи агента по дѣлу Бернадота. Онъ тотчасъ же послалъ спѣшную депешу въ опроверженіе показаній агента: «Не могу повѣрить, велѣлъ онъ написать Дезожье, чтобъ это лицо имѣло безстыдство приписывать себѣ какое-бы то ни было порученіе». Но опроверженіе это опоздало. Наполеонъ, опутанный собственными сѣтями, долженъ былъ преклониться передъ совершившимся фактомъ и согласиться на возвышеніе человѣка, котораго онъ уже съ давнихъ поръ ненавидѣлъ. Онъ не могъ скрыть своего неудовольствія въ письмѣ на извѣщеніе шведскаго короля объ избраніи Бернадота: «Я былъ мало приготовленъ къ такой новости [185])», отвѣчалъ онъ ему довольно сухо. Таково было участіе, какъ видимъ, почти

[185]) Это неизданное письмо Наполеона къ шведскому королю помѣчено 6 сентября 1810. Оно находится въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. *Suède*, 294.

невольное, которое онъ принялъ въ возвышеніи Бернадота; но это не помѣшало ему впослѣдствіи жалобно выставлять его, какъ человѣка самаго неблагодарнаго. Позже неблагодарность Бернадота стала одною изъ его любимыхъ темъ, такъ же какъ и неблагодарность австрійскаго императора, у котораго онъ отнялъ половину его владѣній. Бернадотъ былъ генераломъ съ 1793, военнымъ министромъ при Директоріи и лично заслужилъ свои отличія. Своими подвигами при имперіи, вопреки постоянному зложелательству, надъ нимъ тяготѣвшему, онъ вполнѣ заплатилъ свой долгъ императору.

Шведы, какъ и вся Европа, не замедлили удостовѣриться, что Наполеонъ, допустивъ избраніе Бернадота, вовсе не былъ доволенъ этимъ событіемъ. Какъ только прошло первое впечатлѣніе удивленія, онъ опять заговорилъ съ шведскимъ правительствомъ въ раздражительномъ и угрожающемъ тонѣ касательно континентальной блокады. Наполеонъ былъ большимъ мастеромъ на эфектныя, гнѣвныя сцены; онъ яростно обрушился на шведскаго посланника Лагербильке, осыпалъ его бранью, упрекалъ за всѣ нарушенія Швеціей континентальной системы, за терпимость шведскаго правительства въ отношеніи къ громаднымъ складамъ колоніальныхъ товаровъ въ Готенборгѣ; потомъ заключилъ эту страшную вспышку словами: «Выбирайте: или пушечныя ядра англичанамъ, или война съ Франціей.»

Императору отвѣчалъ Бернадотъ; онъ хотѣлъ отъ своего лица ходатайствовать за свою пріемную отчизну и написалъ ему послѣдовательно три письма. Онъ изложилъ печальныя обстоятельства Швеціи по случаю уничтоженія ея торговли, доказывалъ недостаточность ея средствъ для веденія войны, относительную бѣдность ея казначейства. Если находятъ нужнымъ заставить ее нести непосильное бремя, то необходимо дать ей недостающія средства, которыми такъ богата Франція, находящаяся въ болѣе счастливомъ положеніи: «Мы предлагаемъ вамъ руки и желѣзо, говорилъ Бернадотъ

въ концѣ своего послѣдняго письма, дайте намъ то, чѣмъ насъ обдѣлила природа [186])». Ничего не могло быть справедливѣе и естественнѣе этой просьбы со стороны Швеціи въ ея положеніи. Наполеонъ принялъ эти письма съ холоднымъ пренебреженіемъ. Онъ велѣлъ своему министру Алькье увѣдомить Бернадота, что «самъ императоръ никогда не переписывается ни съ кѣмъ изъ королевскихъ принцевъ, даже съ своими родными братьями [187]).» Бернадотъ, какъ свойякъ короля Іосифа, вѣрнѣе всякаго другаго понималъ лживость такой отговорки. Чтобъ помочь Швеціи, императоръ предложилъ принять на свое содержаніе полкъ шведовъ и нѣсколько сотенъ матросовъ. Король Карлъ XIII не принялъ этого презрительнаго вызова, а удары, направляемые Наполеономъ противъ Швеціи, отклонилъ изъявленіемъ согласія на войну съ англичанами, за невозможностью объявить эту войну Наполеону. Союзъ по истинѣ драгоцѣнный для Франціи, и по своей прочности достойное произведеніе императорской политики!

Въ отношеніи къ Россіи нельзя было дозволить себѣ такихъ властительныхъ пріемовъ, но Наполеонъ, встрѣчая спокойное сопротивленіе со стороны императора Александра и убѣждаясь въ невозможности подчинить его своему измѣнчивому произволу, мало-по-малу, привыкалъ къ мысли принудить ее къ тому силою оружія, и онъ съ величайшей скрытностью готовился къ переходу отъ словъ къ дѣлу. Александръ честно подчинился всѣмъ послѣдствіямъ своего объявленія войны Англіи, и выполнилъ свое обѣщаніе закрыть для англичанъ порты Россіи; но онъ не считалъ себя обязаннымъ ни воевать противъ нейтральныхъ, ни выполнять всѣ прихотливыя требованія своего союзника. Изъ того, что

---

[186]) Бернадотъ къ Наполеону, 8 декабря 1810: Recueil des lettres, discours et proclamations de Charles—Jean, roi de Suède. Stoccholm, 1858.

[187]) Наполеонъ къ Шампаньи, 22 декабря 1810.

было затруднительно отличать настоящихъ нейтральныхъ отъ ложныхъ, отнюдь не слѣдовало, чтобы, какъ утверждалъ Наполеонъ, первыхъ не существовало вовсе, и чтобъ не было морскихъ судовъ ни американскихъ, ни турецкихъ, ни купеческихъ кораблей другихъ націй. Сверхъ того ему были извѣстны всѣ нарушенія, произведенныя Наполеономъ по континентальной блокадѣ, и онъ, по справедливости, полагалъ, что имѣетъ такое же право распоряжаться своей торговлей и измѣнять свои тарифы. Онъ зналъ также и о переговорахъ начатыхъ помимо его съ Англіей черезъ посредство Лабушера; хотя Наполеонъ отрекался отъ этого дѣла [188]), но позже самъ заявилъ о немъ въ публичномъ документѣ.

По твердости, выказывавшейся въ отвѣтахъ Россіи, Наполеонъ заключилъ уже заранѣе, что надобно будетъ воевать противъ русскихъ, чтобъ добиться большей уступчивости отъ Александра. Съ 4 августа 1810, до отсылки въ Россію декрета 5 августа, можно прослѣдить его первыя военныя приготовленія противъ Россіи. Онъ указываетъ саксонскому королю, какія нужно предпринять работы для обращенія Торгау въ военно-складочное мѣсто его королевства, фортификаціонныя сооруженія необходимыя въ Модлинѣ для безопасности моста черезъ Вислу; назначаетъ Кларку какія войска должно направить къ Данцигу, Глогау, Кюстрину и Штетину [189]). Между тѣмъ его требованія, обращаемыя къ императору Александру, становятся болѣе и болѣе настоятельными. Онъ извѣстился, что шестьсотъ англійскихъ или нейтральныхъ кораблей блуждаютъ по Балтикѣ подъ впечатлѣніемъ паническаго страха; онъ заклинаетъ его приказать захватить эти корабли и тѣмъ принудить англичанъ къ заключенію мира; онъ знаетъ, что Англія доведена до крайности [190]). Александръ остается вѣренъ своей системѣ: онъ

---

188) 16 мая 1810.

189) Наполеонъ королю саксонскому и Кларку, 4 августа 1810.

190) Наполеонъ Александру, 23 октября 1810.

велитъ захватить англійскія суда, но щадитъ суда нейтральныя. Мѣсяцъ спустя новыя домогательства: «настоящихъ нейтральныхъ нѣтъ вовсе; всѣ они англичане подъ разными флагами и съ подложными документами. Конфискуйте ихъ, и Англія погибла.» Въ то же время проситель готовится къ переходу отъ просьбы къ принужденію. Онъ ускоряетъ до крайней возможности свои военныя приготовленія; укрѣпляетъ города по Вислѣ, велитъ Кларку организовать кадры трехсотъ-тысячной арміи для Германіи и двухсотъ-тысячной для Италіи [191]). Тайнымъ образомъ посылаетъ шестьдесятъ тысячъ ружей и пушки королю саксонскому; отправляетъ значительныя подкрѣпленія къ Даву на Эльбу и къ Раппу на Вислу.

Прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ дѣлалъ эти приготовленія къ войнѣ противъ Россіи, и вдругъ онъ узнаетъ, въ началѣ декабря, что русскіе съ своей стороны производятъ оборонительныя работы, не на пятьсотъ лье впередъ отъ своей границы, а за сто лье позади, то есть на Двинѣ и на Днѣстрѣ. Онъ оскорбляется: «Нельзя не признать, пишетъ онъ Коленкуру, что такія работы доказываютъ дурныя намѣренія у русскихъ. Не хотятъ-ли они помириться съ англичанами и нарушить тильзитскій трактатъ? Это будетъ причиной немедленной войны [192]).» Угрозы эти оказались неумѣстными. Александръ съ кротостью выслушалъ слова Коленкура, потомъ онъ съ величайшей точностью перечислилъ нашему удивленному посланнику работы, производимыя самимъ Наполеономъ въ Модлинѣ, Прагѣ, Сероцкѣ, Торнѣ и Данцигѣ, пересылку оружія и войскъ въ Саксонію и великое герцогство Варшавское; онъ выяснилъ исключительно наступательный характеръ этихъ военныхъ предосторожностей, и напротивъ вполнѣ оборонительныя при-

---

[191]) Наполеонъ Кларку, 6 октября 1810.
[192]) Наполеонъ къ Шампаньи, 5 декабря 1810.

готовленія Россіи, довольствующейся укрѣпленіемъ достаточно удаленныхъ отъ ея границы внутреннихъ городовъ, Динабурга, Риги, Ревеля, Смоленска; передвиженіемъ нѣкоторыхъ полковъ изъ Финляндіи въ Ливонію. Онъ припомнилъ всѣ свои законныя причины къ обвиненію Франціи: галиційскія уступки, отказъ на конвенцію по дѣлу Польши, оскорбительное двоедушіе въ переговорахъ о бракѣ, новыя завоеванія въ Италіи и Голландіи, недобросовѣстное уклоненіе, посредствомъ лиценцій, отъ континентальной системы и требуемое отъ него исполненіе невозможныхъ постановленій этой системы. Высказавъ всѣ эти истины, онъ благосклонно предоставилъ самому Коленкуру, какъ человѣку справедливому и здравомыслящему, обсудить всѣ эти обстоятельства, и Коленкуръ, менѣе Александра знавшій всю суть нашего положенія, долженъ былъ, то молчаніемъ, то запутанными объясненіями подтвердить правдивость этихъ обвиненій.

Какъ ни были опасны жалобы, поводы къ которымъ Наполеонъ будто нарочно старался безпрестанно оживлять, вмѣсто того, чтобъ озаботиться объ ихъ устраненіи, но всѣ онѣ померкли въ одинъ день передъ новымъ нарушеніемъ имъ общественнаго права, поразившимъ изумленіемъ Европу, въ то самое время, когда императоръ Александръ сообщалъ Коленкуру свои справедливыя возраженія. 10 декабря 1810, при полномъ континентальномъ мирѣ, за исключеніемъ войны въ Испаніи, и безъ малѣйшаго повода или вызова, Наполеонъ, актомъ, адресованнымъ сенату, далъ знать европейскимъ правительствамъ, что къ имперіи присоединяются Валиса, часть Гановера, города ганзейскіе, Лауенбургъ, герцогство Ольденбургское и всѣ береговыя страны отъ Эмса до Эльбы. Этотъ актъ, чрезвычайный даже отъ лица совершителя столькихъ насилій, былъ мотивированъ причинами еще болѣе чрезвычайными: «Англичане разорвали хартію общественнаго права Европы, говорилъ Наполеонъ, новый порядокъ правитъ теперь міромъ. Новыя гарантіи *стали мнѣ необходимы*, при-

соединеніе къ имперіи устьевъ Шельды, Мааса, Рейна, Эмса, Везера и Эльбы *показалось мнѣ первымъ и необходимѣйшимъ обезпеченіемъ*... Присоединеніе Валиса есть предвидѣнное послѣдствіе громадныхъ работъ, производимыхъ мною въ теченіе десяти лѣтъ въ этой Альпійской странѣ.»

Вотъ и все! Онъ отбросилъ всѣ предосторожности; выжидать случая, подготовлять обстоятельства было ему нестерпимо, призвать хитрость въ пособіе силѣ казалось ему не нужнымъ; онъ не позаботился даже привести предлога для оправданія такого насилія, и слѣпо слѣдовалъ своей политикѣ, то есть своему произволу. Для завладѣнія какой нибудь страной достаточно было, чтобъ она пришлась ему подъ руку; онъ объявлялъ объ этомъ во всеуслышаніе, какъ о самомъ простомъ дѣлѣ; къ тому же еще добавлялъ, что эти новые поземельные захваты были только началомъ и, по его выраженію, первыми изъ тѣхъ, которые кажутся ему нужными. И этой Европѣ, имъ оскорбленной и униженной, доведенной до крайности варварской безсмыслицей континентальной системы, онъ осмѣлился бросить подобный вызовъ, какъ бы для того, чтобъ убѣдить всѣхъ и каждаго въ томъ, что никакое соглашеніе, никакая сдѣлка невозможны, что какъ правительствамъ, такъ и людямъ мужественнымъ остается одно средство сразиться съ нимъ на смерть. Мармонъ, находившійся въ эту эпоху въ Парижѣ, разсказываетъ въ своихъ *Мемуарахъ*, что онъ навѣстилъ своего земляка и пріятеля Декре, морскаго министра, человѣка умнаго и здравомыслящаго, который очень его удивилъ. Мармонъ, какъ и всѣ другіе, особенно военные, былъ подъ общимъ обаяніемъ и твердо вѣровалъ въ безконечность императорской фантасмагоріи. Онъ былъ убѣжденъ, что это химерическое созданіе утверждено на основаніяхъ несокрушимыхъ, что мы наслѣдовали величіе римлянъ, что нашему народу, умному и подвижному, столь мало однакожъ способному управлять собою, предстоитъ управленіе народами

міра. Вся Франція, подобно Мармону, принимала этотъ призракъ за дѣйствительность съ такою вѣрою, что многіе годы спустя, когда уже видѣніе исчезло, она еще имъ бредила и восхищалась. «Чтожъ, Мармонъ, сказалъ ему Декре, вы теперь довольны, потому что васъ пожаловали въ маршалы. Все вамъ представляется въ прекрасномъ свѣтѣ. Хотите ли, чтобъ я сказалъ вамъ правду, чтобъ открылъ передъ вами будущность? *Императоръ безумецъ, вполнѣ безумецъ*, онъ перекувырнетъ насъ всѣхъ и все это кончится страшной катастрофой!»

ГЛАВА VIII.

Состояніе Испаніи къ концу 1809 года. — Андалузская кампанія. (Ноябрь 1809 — іюль 1810).

Можно было полагать, судя по неосторожнымъ вызовамъ, предъявляемымъ Наполеономъ, одинъ за другимъ, европейскимъ державамъ въ концѣ 1810 года, что его дѣла въ Испаніи, которыя должны бы составлять его главную, если не единственную заботу, получили неожиданно счастливый оборотъ, что его арміи одержали тамъ блестящія побѣды, словомъ, что онъ, наконецъ, избавился отъ этой истребительной войны, поглотившей у него болѣе солдатъ, нежели всѣ прежнія его кампаніи. Ничего такого не было. Не смотря на содержимую имъ на Полуостровѣ четырехсотъ-тысячную армію, его владычество тамъ никогда не было менѣе прочно, его имя болѣе ненавистно; никогда его генералы не были въ такомъ упадкѣ духа, его сторонники такъ унылы, его враги такъ самоувѣренны.

Когда въ октябрѣ 1809, Наполеонъ заключилъ миръ съ Австріей, когда масса его германской арміи кончила свое дѣло, всѣ думали, что эти войска потянутся въ Испанію подъ предводительствомъ ваграмскаго побѣдителя. Никто тогда въ Европѣ не имѣлъ возможности предпринять что либо въ пользу этой несчастной страны; соболѣзновали объ

ея участи, но считали ея несчастіе неотразимымъ. Одна Англія не покидала Полуострова и содержала тамъ тридцатитысячное войско подъ начальствомъ Веллингтона. Но не смотря на чудеса, выполненныя этой маленькой арміей въ Опорто и при Талаверѣ, какъ предположить, что она будетъ въ состояніи устоять противъ подавляющихъ силъ, которыя должны были наводнить Испанію, еслибъ императоръ привелъ туда ваграмскихъ воиновъ? Англичане, какъ и испанцы, со страхомъ ожидали такого событія; король Іосифъ только этого и желалъ для окончательнаго утвержденія своего колеблющагося трона; армія также надѣялась на прекращеніе своихъ неудачъ и невыносимой нищеты; Франція привѣтствовала въ этомъ всѣми ожидаемомъ походѣ императора залогъ мира, болѣе существеннаго, нежели вѣнскій миръ.

Наполеонъ до такой степени сознавалъ необходимость подобнаго рѣшенія, что заявилъ Сенату о своемъ скоромъ отъѣздѣ въ Испанію, предсказывая съ несовсѣмъ пристойною напыщенностью «бѣгство испуганнаго леопарда». Послѣ такого обязательства сомнѣніе казалось неумѣстнымъ, и съ ноября 1809, слухъ о его прибытіи былъ на столько достовѣренъ въ Испаніи, что король Іосифъ выслалъ къ нему на встрѣчу своихъ приближенныхъ для поздравленія съ пріѣздомъ [193]). Боязнь однихъ и надежда другихъ, которыя возбуждало его прибытіе въ Испанію, основывались не только на убѣжденіе въ неоспоримомъ превосходствѣ его генія, но и на увѣренности, что съ нимъ не будетъ недостатка ни въ денежныхъ средствахъ, ни въ войскахъ для достиженія великой цѣли. Предвидѣли конецъ соперничества и зависти между генералами, ожидали громаднаго совокупленія военныхъ массъ, которому ничто не могло противостать въ Испаніи, и которое, подобно урагану, сметало передъ собою все. Императору до такой степени было необходимо пріѣхать, хотя бы на короткій срокъ, на

---

[193]) *Mémoires* de Miot de Melito.

Полуостровъ, что тамъ всѣ ежедневно ожидали его появленія. Съ теченіемъ времени возникли сомнѣнія; но и потомъ, въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ, одной такой неизвѣстности было достаточно для устрашенія его враговъ.

Какія бы ни были его тайныя намѣренія по этому предмету, существовали два факта, дѣйствительностью которыхъ онъ не могъ пренебрегать, не рискуя своей славой. Первымъ была необходимость, во что бы то ни стало, покончить столь опасную войну, задерживавшую на Полуостровѣ его лучшія войска во все время австрійской кампаніи и лишавшую его, въ предстоявшихъ случайностяхъ, совокупнаго дѣйствія всѣхъ французскихъ силъ. Вторымъ была невозможность добиться этого окончанія иначе, какъ обративъ туда всѣ свои военныя средства. Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ лучшія его войска поглощались Полуостровомъ, а господство его тамъ не утверждалось; онъ посылалъ туда самыхъ искусныхъ своихъ генераловъ, самыхъ испытанныхъ ветерановъ, безчисленные военные запасы и успѣлъ только залить кровью и покрыть развалинами страну; но самое покореніе испанцевъ и португальцевъ не двигалось ни на шагъ впередъ. Хотя мы оставались почти всегда побѣдителями въ большихъ сраженіяхъ, тѣмъ не менѣе наши арміи, наши дивизіи, наши отряды были отовсюду сдерживаемы и блокируемы въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, и если завоеваніе Полуострова было возможно, то не иначе, какъ усиліями, несравненно большими противъ употреблявшихся доселѣ.

Послѣ сраженія при Талаверѣ, наша армія не только не воспользовалась своей многочисленностью для преслѣдованія побѣдоноснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отступающаго непріятеля, но оставалась въ бездѣйствіи, какъ бы ошеломленная поразившимъ ее отпоромъ. Веллингтонъ спокойно отступилъ черезъ Трухилло на Бадахоцъ, потомъ расположился отъ этого города до Алькантары, прикрывая южную границу Португаліи. Онъ самъ по себѣ не могъ предпринять ничего послѣ

состоявшагося соединенія нашихъ армій около Мадрида, при томъ же ему пришлось отказаться отъ содѣйствія испанскихъ войскъ по случаю всевозможныхъ недочетовъ, испытанныхъ имъ отъ нихъ въ талаверскую кампанію. Вытѣсненные изъ Португаліи, мы должны были равномѣрно очистить и Галицію; намъ оставалось не болѣе половины Эстремадуры и старой Кастиліи; слѣдовательно весь западъ Полуострова былъ внѣ нашей власти. Къ югу мы переступили дефилеи Сіэрры, Морена и линію Гвадіаны, только для того, чтобъ испытать байленское пораженіе, и уже не показывались далѣе Ламанча, со времени пораженія Дюпона. Однимъ этимъ ударомъ у насъ была отнята Андалузія съ ея великолѣпными провинціями, Севильей, Кордовой, Хаеномъ и Гренадой. На востокъ мы были нѣсколько менѣе несчастливы. Мы держались съ перемѣннымъ успѣхомъ въ Каталоніи и Арагонѣ, но не обладали ни Валенціей, ни Куенцой, ни Мурсіей. Мы держались въ сѣверной части Испаніи, которую однакожъ у насъ оспаривали безчисленныя толпы гверильясовъ, постоянно нападавшія на наши сообщенія. Центральная часть Полуострова была наводнена нашими войсками, но это было скорѣе лагерная стоянка, чѣмъ прочное обладаніе.

Непокоренныя провинціи ограждались великими естественными препятствіями, представляемыми самымъ образованіемъ страны. Тамъ на каждомъ шагу встрѣчались скалы, утесистыя вершины, пропасти, горные потоки, дефилеи, удобные для защиты мѣстному фанатическому населенію и арміямъ малостойкимъ на равнинахъ и въ большихъ сраженіяхъ, но грознымъ въ партизанской войнѣ и почти неодолимымъ въ битвахъ на горныхъ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Въ этихъ провинціяхъ было довольно много укрѣпленныхъ городовъ, которыми мы не успѣли еще овладѣть и гдѣ образовались центры инсуррекціи и сопротивленія, а именно: Бадахоцъ и Оливенца въ Эстремадурѣ; Альмеида, Эльвасъ и

Абрантесъ въ Португаліи; Сіудадъ-Родриго въ старой Кастиліи; Кадиксъ, Гибралтаръ — въ Андалузіи; Мекиненца и Лерида въ Арагоніи; Тортоза, Таррагона, Остальрихъ и Жирона въ Каталоніи и много другихъ менѣе значительныхъ мѣстъ, также требовавшихъ правильной осады. Гувіонъ-Сен-Сиръ безуспѣшно, въ продолженіе около полугода, осаждалъ Жирону. Истинный герой, донъ Альваресъ де-Кастро, защищалъ разрушающіяся укрѣпленія съ нѣсколькими тысячами голодающихъ патріотовъ. Жирона, послѣ Сарагосы, свидѣтельствовала, къ какимъ чудесамъ постоянства и храбрости способны испанцы при защитѣ своихъ городовъ.

По обширному и съуживавшемуся къ сѣверу полукругу, занимаемому нами въ центрѣ Испаніи, группировались корпуса нашей арміи; противъ нихъ было почти такое же число корпусовъ испанскихъ, всегда готовыхъ, послѣ пораженія, формироваться и дѣйствовать вновь. Въ Эстремадурѣ Мортье и Сультъ наблюдали за Веллингтономъ; въ Ламанчѣ, Викторъ и Себастіани охраняли проходы изъ Сіерра-Морены. Извѣстно было, что въ Андалузіи армія Грегоріо де-ла-Куеста усилилась значительными подкрѣпленіями, что начальство надъ нею принялъ офицеръ, полный отваги до безразсудства, генералъ Арейцага. Ожидали, что онъ вскорѣ появится за дефилеями, откуда уже часто показывались головы его колонъ. Въ Каталоніи и въ Арагонѣ, Сен-Сиръ и Сюше сражались противъ Рединга и Блаке. Разбитый сначала Блаке подъ Алканицемъ, Сюше потомъ одержалъ побѣду при Маріа и Бельхитѣ; онъ готовился къ осадѣ укрѣпленныхъ городовъ по берегамъ Эбро и настойчиво преслѣдовалъ шайки Мина. Онъ начиналъ тогда свое поприще постоянныхъ успѣховъ, которыми былъ обязанъ своей искусной администраціи, замѣчательнымъ военнымъ способностямъ и тому счастью, что ему не приходилось сражаться противъ англичанъ. Въ Астуріи, генералъ Бонне дѣйствовалъ противъ Маги и Баллестероса; въ старой Кастиліи, генералъ Мар-

шанъ, замѣстившій Нея, вызваннаго во Францію, испыталъ при Тамамесѣ сильное пораженіе, нанесенное ему дель Парксмъ, командовавшимъ корпусомъ де-ла Романа.

Въ сѣверныхъ провинціяхъ: Наваррѣ, Алавѣ и Бискайѣ, черезъ которыя пролегали линіи нашихъ сообщеній съ Франціей, постоянное движеніе нашихъ войскъ не допускало образованія противъ насъ регулярныхъ армій. Инсуррекція замѣняла этотъ недостатокъ шайками гверильясовъ, которыя захватывали наши транспорты и нашихъ курьеровъ, грабили наши депо, нападали на наши отряды, умерщвляли нашихъ раненыхъ и отсталыхъ, выбивали на цѣлую треть посылаемыя въ Испанію подкрѣпленія до прихода ихъ къ мѣстамъ назначенія; однимъ словомъ, причиняли намъ болѣе вреда, нежели всѣ прочія испанскія арміи вмѣстѣ. Гверильясы, оригинальное и самобытное произведеніе этой страны и этой войны, подражать которымъ не было бы безопасно при другихъ обстоятельствахъ и въ другой странѣ, приняли въ нѣсколько мѣсяцевъ чрезвычайное развитіе. Несомнѣнно, что не смотря на ихъ великія заслуги, они были и вредны для страны, водворяя въ ней привычки разбоя, неповиновенія и анархіи. Еслибы Испанія въ отношеніи Франціи находилась въ условіяхъ нормальной войны, лучше было бы для нея не употреблять такого опаснаго оружія. Но въ виду непріятеля, посягавшаго не на какую либо часть, а на всю ея территорію и самобытность, ни правильная война, ни даже короткое перемиріе были невозможны. Испаніи не предстояло выбора времени и средствъ, у ней не было запасовъ и важнаго преимущества дисциплинированнаго сопротивленія. Некогда было думать объ охраненіи порядка и общественныхъ принциповъ; прежде всего надобно было отвоевать себѣ право на жизнь и національное существованіе. Безъ своихъ гверильясовъ она вѣроятно бы этого не достигла, потому что иначе испанская война не продолжалась бы даже

шести мѣсяцевъ, и всѣ плоды долговременнаго сопротивленія испанцевъ были бы потеряны для Европы.

Общее бездѣйствіе нашихъ армій происходило не только отъ значительныхъ потерь, ими понесенныхъ, отъ чрезвычайныхъ трудностей кампаній въ Португаліи и Эстремадурѣ и всевозможныхъ лишеній, среди которыхъ онѣ существовали, но также и отъ глубокаго упадка духа въ военачальникахъ, отъ взаимнаго недовѣрія и вражды, ихъ раздѣлявшихъ, отъ недостатка единства въ командованіи и отъ отсутствія авторитетной власти, которой бы всѣ обязаны были повиноваться. Послѣ Талаверы Журданъ былъ отозванъ во Францію, и маршалъ Сультъ замѣнилъ его въ должности начальника штаба короля Іосифа. Но король не простилъ ему ни его медленности въ движеніи на Плаценцію, ни его бездѣйствія при отступленіи англичанъ, ни его упорства въ выполненіи только своихъ собственныхъ предположеній. Іосифъ сверхъ того былъ оскорбленъ безжалостной строгостью, съ какою Наполеонъ выяснилъ его стратегическіе промахи и кое-какую ложь въ донесеніи о послѣдней кампаніи. Критика и порицаніе, доставшіяся на долю его военныхъ подвиговъ, не поощряли его къ новымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ считалъ себя непризнаннымъ и почти жертвой. Онъ огорчался неповиновеніемъ генераловъ, былъ глубоко возмущенъ ихъ злоупотребленіями, которыхъ прекратить былъ не въ силѣ, униженъ жалкимъ финансовымъ положеніемъ, ему предоставленнымъ. Всѣ средства его казначейства заключались въ доходѣ съ мадридскаго акциза и ничтожныхъ поборахъ съ сосѣднихъ провинцій, наконецъ въ малой части отъ конфискацій, на которыя Наполеонъ наложилъ свою львиную лапу. На эти бѣдныя субсидіи надобно было содержать армію, гвардію, дворъ, чиновниковъ, не говоря уже о фаворитахъ, которыхъ онъ имѣлъ около себя какъ по собственной охотѣ, такъ и по преданію.

Такіе источники были слишкомъ недостаточны. Напо-

леонъ по своей системѣ платилъ только жалованье своимъ войскамъ, не заботясь объ ихъ содержаніи. Слѣдовательно наши арміи, по необходимости, должны были существовать грабежомъ, что развращало солдатъ, разоряло и доводило до отчаянія народонаселеніе. Іосифъ очень ясно понималъ, что, при извѣстномъ характерѣ испанцевъ, ихъ ненависти къ чужестранцамъ, неукротимой энергіи, подобной системой нельзя будетъ покорить страну ранѣе совершеннаго истребленія всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе. Каждая кража, каждое притѣсненіе приводило въ инсуррекціонную армію новыхъ солдатъ, и наши обычныя дѣйствія производили одинъ только результатъ—увѣковѣчивали сопротивленіе.

Іосифъ, добрый и оптимистъ по природѣ, ужасался этого варварства, но, съ другой стороны, не менѣе своего брата впадалъ въ иллюзію, когда въ своемъ тщеславномъ легковѣріи воображалъ, что, предоставленный самому себѣ, онъ привлекъ-бы испанцевъ исключительно своимъ великодушіемъ, добротой, вѣжливостью, а также своимъ умомъ—либеральнымъ и снисходительнымъ. Во всемъ этомъ онъ ошибался не менѣе Наполеона; но утопія одного была ошибкой души возвышенной, тогда какъ въ другомъ она была заблужденіемъ ума необузданнаго, который никогда не отступалъ передъ варварскими средствами, лишь-бы они вели его къ цѣли. Можно впрочемъ въ этомъ дѣлѣ положиться на ихъ собственную оцѣнку, когда они критикуютъ другъ друга. Истина открывается вполнѣ, когда слышишь того и другаго: оба они по очереди съ особымъ стараніемъ раскрываютъ слабыя стороны обѣихъ противоположныхъ системъ. Но ни тотъ, ни другой не хотѣли понять единственнаго средства къ устройству дѣлъ въ Испаніи, именно: предоставленія испанцамъ свободы управляться по своему.

На сколько французы упали духомъ, потеряли увѣренность и надежду, на столько-же испанцы оказывались пламенными, восторженными, отважными. Не то, чтобъ ихъ

состояніе было сноснѣе того, въ которомъ находились завоеватели, нисколько: имъ приходилось бороться противъ бѣдствій болѣе тяжкихъ, такъ какъ у нихъ уже не было ни законнаго правительства, ни учрежденій, ни благоустроенной арміи. Они видѣли свое отечество въ страшномъ разореніи, которому не предстояло и конца; становясь лицомъ къ лицу противъ непріятеля, они подвергались неминуемому истребленію. Но патріотизмъ все преобразовывалъ въ ихъ глазахъ и замѣнялъ для нихъ всѣ потерянныя ими блага; онъ внушалъ имъ несокрушимую надежду, и ихъ вѣра въ окончательный успѣхъ испанскаго дѣла равнялась увѣренности въ его правотѣ. Самыя ошибки, какъ политическія, такъ и военныя, происходили у нихъ отъ излишества самонадѣянности.

Принудивъ Веллингтона отказаться отъ совмѣстныхъ съ ними дѣйствій своими увлеченіями и невыполняемыми обѣщаніями, они стали относиться съ пренебреженіемъ къ его робкимъ, по ихъ мнѣнію, совѣтамъ; хотѣли воевать собственными силами, идти на Мадридъ и выгнать французовъ съ Полуострова. Самымъ большимъ зломъ былъ у нихъ недостатокъ въ управленіи, и хотя всѣ отъ того страдали, но очень не многіе могли отчетливо это понимать. Инсуррекціонныя юнты, образовавшіяся во всѣхъ провинціяхъ съ самаго начала войны, конечно, придали много силы и продолжительности сопротивленію, и въ этомъ отношеніи никакая централизованная власть не могла-бы ихъ замѣнить; но нельзя было ожидать отъ нихъ общности дѣйствій и рѣшеній, объемлющихъ всю суть дѣла. Сознавъ, наконецъ, необходимость высшаго авторитета, образовали центральную юнту изъ делегацій провинціальныхъ юнтъ; но вскорѣ оказалась несостоятельность и самой центральной юнты.

Возникшая изъ властей инсуррекціонныхъ, мало склонныхъ къ уваженію собственнаго произведенія, лишенная твердаго законнаго основанія и ясно опредѣленныхъ правъ и обязанностей, центральная юнта, собравшаяся въ Севильѣ,

немедленно подверглась зависти и соперничеству мѣстной городской юнты, а потомъ и открытому сопротивленію юнтъ Валенціи, Эстремадуры и многихъ другихъ провинцій. Какъ и всякое собраніе, присвоивающее себѣ вмѣстѣ съ исполнительной властью и власть законодательную, она надѣлала много ошибокъ. Она не отличалась ни предусмотрительностью, ни мудростью, ни дѣльностью въ военной администраціи; она больше декламировала, нежели дѣйствовала. Начали критиковать акты собранія, осуждать его рѣшенія, и вскорѣ стали составлять противъ него заговоры. Въ этомъ всегда заключается обыкновенная и заслуженная кара всякаго правительства, уклоняющагося отъ законнаго освященія націей власти, доставшейся ему благодаря случайности. Испанцы платились гибельной анархіей за то, что своевременно не обязали своихъ делегатовъ немедленно созвать собраніе кортесовъ.

Эта великая законная мѣра, тѣмъ болѣе необходимая, чѣмъ грознѣе становилась опасность, требовалась отвсюду съ возрастающей энергіей. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, центральная юнта находила множество причинъ для того, чтобъ не выпускать изъ рукъ своей диктатуры. Изъ желанію продлить свое существованіе, она изыскивала разные къ тому предлоги, какъ напримѣръ: опасеніе, что воззваніе къ націи пріостановитъ воинственные порывы, или передастъ власть сторонникамъ прежняго порядка, или, наоборотъ, вызоветъ къ дѣлу фанатическихъ реформаторовъ, которые все погубятъ несвоевременными нововведеніями. Юнта видѣла спасеніе страны только въ своемъ существованіи; внѣ этого условія все ей казалось гибельнымъ. Вскорѣ однакожь, испуганная своимъ отчужденіемъ, своей непопулярностью и заговорами, составлявшимися противъ нея, она сознала необходимость уступки общественному мнѣнію и передала часть своихъ обязанностей исполнительной комиссіи, въ которую поступилъ одинъ изъ главныхъ ея противниковъ, маркизъ де-ла-Романа. Она неохотно

подалась на прекращеніе своихъ услугъ странѣ, назначивъ созваніе кортесовъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1810. Эта уступка, столь-же поздняя, сколько и недостаточная, не оправдала ея долговременнаго владычества, и наградой центральной юнтѣ было общее презрѣніе.

Таково было состояніе Испаніи, когда Наполеонъ заключилъ миръ съ Австріей, и по ходу событій достигъ возможности, согласно своимъ обѣщаніямъ, отправиться въ Испанію для окончанія этой гибельной войны. Тѣмъ болѣе надлежало исполнить эти обѣщанія, что онъ былъ единственнымъ авторомъ и партизаномъ этого преступнаго предпріятія, изобрѣтеннаго и продолжаемаго исключительно имъ самимъ, вопреки общественному убѣжденію и національному интересу. Онъ долженъ былъ выполнить свои обѣщанія изъ уваженія къ страданіямъ своихъ солдатъ, пожертвованныхъ имъ на самое безчестное дѣло, долженъ былъ сдѣлать это для поддержанія своего достоинства, безопасности своихъ прочихъ завоеваній, убѣжденія всѣхъ въ своей геніальности и могуществѣ. Если онъ и не былъ увѣренъ въ этой необходимости, то по крайней мѣрѣ притворно выказалъ такую увѣренность. По выѣздѣ изъ Австріи, онъ направилъ къ Пиренеямъ сильные отряды подъ предводительствомъ генерала Лоазона, заявилъ и о другихъ болѣе многочисленныхъ подкрѣпленіяхъ, которыя поведетъ Жюно. Войска эти состояли изъ восьмидесяти тысячъ пѣхоты и шестнадцати тысячъ конницы. Онъ послалъ Бертье въ Байону спеціально для организаціи этихъ войскъ, потомъ распустилъ слухъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ въ Испанію, съ тѣмъ, чтобы напугать тамъ своихъ враговъ.

Испанцы, какъ-бы для предупрежденія страшнаго гостя, нетерпѣливо желали дѣйствовать. Они готовили большую наступательную экспедицію противъ короля Іосифа, забывая и на этотъ разъ, что, предоставленные собственнымъ силамъ, они не были способны выдержать открытаго сраженія противъ массы войскъ, сведенныхъ французами на обширныя

плато, окружающія Мадридъ. Многія обстоятельства привели ихъ къ этой ошибкѣ: энтузіазмъ, возбужденный успѣхомъ герцога дель-Парка при Тамамесѣ, надежда центральной юнты на возстановленіе посредствомъ побѣды своей популярности, многочисленность и относительно хорошее состояніе ихъ андалузской арміи, какой давно уже не видали въ Испаніи. Веллингтонъ, бывшій тогда въ Севильѣ, куда пріѣзжалъ на свиданье съ своимъ братомъ, маркизомъ Уэллеслеемъ, напрасно старался отклонить отъ этого рѣшенія членовъ правительства. Не только не послушали его совѣтовъ, но центральная юнта, чтобъ придать болѣе увѣренности своему генералу Арейцагѣ, послала ему формальное завѣреніе въ томъ, что Веллингтонъ подастъ помощь испанцамъ въ предстоявшей кампаніи.

Англійскій генералъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ подобнаго намѣренія. Онъ уже не разъ испыталъ въ ущербъ себѣ хвастливую несостоятельность испанскихъ предводителей, ихъ упрямство, ихъ военное невѣжество, малую стойкость и недостаточную дисциплину ихъ армій. Въ своей строгости и по собственному опыту онъ признавалъ за ними одно только качество, именно, способность легко формироваться послѣ проиграннаго сраженія [194]); онъ твердо рѣшился содѣйствовать имъ не иначе, какъ подъ условіемъ полнаго съ ихъ стороны повиновенія его приказаніямъ, при совершенно обезпеченномъ продовольствіи его арміи. Онъ не допускалъ распространявшагося тогда и потомъ мнѣнія, что достаточно энтузіазма для созданія войска. «Полагаютъ, писалъ онъ по этому предмету лорду Кастлери, что энтузіазмъ составлялъ силу французовъ въ продолженіе революціи, и что исключительно этими восторженными порывами былъ почти завоеванъ міръ. Но если всмотримся внимательнѣе, то приходишь къ убѣжденію, что энтузіазмъ былъ неболѣе какъ внѣшностью, а дѣйствительнымъ орудіемъ была сила,

---

[194]) Къ Кастлери, 24 августа 1809. *Dispatches.*

которая при системѣ террора выдвинула впередъ великія средства Франціи и на первый разъ остановила коалицію. Европа была потомъ завоевана постоянствомъ въ слѣдованіи этой системѣ, повергавшей всѣ личности и всѣ имущества на служеніе арміи [195]).» Такъ какъ у испанскихъ армій былъ пока только энтузіазмъ, то, по его мнѣнію, имъ слѣдовало прежде пріобрѣсти военныя качества, а потомъ уже предпринимать большія операціи: «Сильныя массы войскъ за укрѣпленіями, на трудно доступныхъ позиціяхъ, гдѣ-бы они могли пріучаться къ дисциплинѣ, въ безопасности отъ нападеній французовъ, между тѣмъ какъ послѣдніе будутъ переводимы и истребляемы гверильясами; вотъ, писалъ онъ опять, система, которую я всегда предлагалъ, какъ наиболѣе примѣнимую къ особеннностямъ страны и характеру народа [196]).»

Эти совѣты здравомыслія, которые въ войнѣ и политикѣ, особенно если они соединяются съ быстротою соображенія, по истинѣ выражаютъ геніальность, были отвергнуты съ пренебреженіемъ. Центральная юнта занялась обсужденіемъ того, что слѣдуетъ предпринять по взятіи Мадрида [197]). Арейцага, молодой офицеръ, полный отваги, самомнѣнія и неспособности къ командованію, котораго назначили предводителемъ столько-же за его недостатки, сколько и за достоинства, прошелъ съ пятидесятитысячнымъ войскомъ дефилеи Сіерра-Морены, въ первыхъ числахъ ноября 1809. Оттуда онъ быстро спустился на равнины Ламанча. Онъ на столько былъ увѣренъ въ побѣдѣ, что взялъ съ собою труппу комедіантовъ, репетировавшихъ на походѣ піэсу, составленную для прославленія его вступленія въ Мадридъ [198]). Послѣ незначительнаго кавалерійскаго дѣла съ нашими аванпостами при Доз-Барріозѣ, онъ прошелъ Окану и приблизился къ

[195]) Къ лорду Кастлери, 24 августа 1809. *Dispatches.*

[196]) 28 октября 1809. *Dispatches.*

[197]) Toreno.

[198]) Miot.

Таго близъ Аранхуэца; потомъ отъ крайней смѣлости перешелъ къ нерѣшимости, потерялъ время въ безполезныхъ передвиженіяхъ, послалъ одну изъ своихъ дивизій за рѣку, и вскорѣ воротилъ ее назадъ, наконецъ передвинулся на Окану, куда какъ-бы притягивала его злая судьба.

Сультъ, послѣ нѣкотораго недоумѣнія о намѣреніяхъ непріятеля, перевелъ Мортье и пятый корпусъ отъ Талаверы на Толедо, переправилъ Себастіани черезъ Таго у Аранхуеца и сверхъ того привелъ туда дивизію Дессоля и гвардію Іосифа. Эти войска, по своемъ соединеніи, составили превосходную армію въ тридцать пять тысячъ человѣкъ. Фланги Сульта были прикрыты справа вторымъ корпусомъ у Оропеза противъ возможнаго наступленія англичанъ, слѣва Викторомъ, поднявшимся по долинѣ Таго къ Фуэнтѣ Дуэна. 18 ноября вечеромъ обѣ арміи оканчивали свои движенія около Оканы, когда три наши кавалерійскія бригады внезапно очутились передъ всею испанской кавалеріей. Вмѣсто отступленія отъ этой массы, болѣе численной нежели стойкой, наши смѣло на нее ударили, и она въ безпорядкѣ отступила.

На другой день, не выждавъ прибытія Виктора, наши войска отважно напали на испанскую армію. Она стала на позиціи у Оканы, центръ былъ передъ городомъ, правый флангъ на холмѣ по направленію къ Ноблехасу, лѣвый флангъ расположился за оврагомъ столь крутымъ и глубокимъ, что не могъ быть ни аттакованъ, ни съ своей стороны принять участіе въ аттакѣ. Невольная неподвижность, на которую была осуждена эта часть арміи Арейцаги, дозволила Сульту обратить почти всѣ свои силы на правое крыло испанцевъ. Оно было аттаковано кавалеріей Себастіани и двумя дивизіями пѣхоты; въ тоже время Сенармонъ громилъ центръ канонадой изъ тридцати орудій. Испанская пѣхота съ твердостью выдержала эту первую аттаку, хотя кавалерія, оробѣвшая послѣ вчерашняго боя, не подала ей никакой по-

мощи. Наша дивизія Леваля, встрѣченная сильнымъ огнемъ, подалась назадъ, а генералъ, тяжело раненый, упалъ. Но непріятелю не дали воспользоваться этимъ мгновеннымъ успѣхомъ. Мортье тотчасъ двинулъ впередъ дивизію Жирара, а въ центрѣ дивизія Дессоля вторглась на штыкахъ въ Окану: испанская линія не устояла. Себастіани съ своей кавалеріей бросился на разстроенные ея ряды. Онъ заставилъ положить оружіе шеститысячный отрядъ и преслѣдовалъ настойчиво разбитые остатки арміи, обратившейся въ нестройныя толпы, бѣгущія въ паническомъ страхѣ, по всѣмъ направленіямъ. Сраженіе продолжалось три часа. Испанцы потеряли около пяти тысячъ убитыми и ранеными, а съ наступленіемъ ночи мы набрали до двадцати пяти тысячъ плѣнныхъ. Потеря наша была тысяча семьсотъ человѣкъ убытыхъ и раненыхъ [199]).

Около того же времени узнали, что Келерманъ, при Альба-де-Тормесъ, отплатилъ за неудачу при Тамамесѣ, и вскорѣ потомъ пришло извѣстіе, что защитники Жироны, 1 декабря 1809, уступили искуснымъ распоряженіямъ Сен-Сира, послѣ геройски перенесенныхъ ужасныхъ страданій. Сен-Сиръ, попавшій въ немилость, за неосторожные критическіе отзывы о посылаемыхъ ему изъ Парижа предписаніяхъ, возвратился во Францію наканунѣ сдачи города, и вся честь успѣха досталась его преемнику, маршалу Ожеро, кратковременное пребываніе котораго въ Каталоніи ознаменовалось только неудачами.

Наши неоспоримые успѣхи въ это время возвысили обаяніе нашего оружія на Полуостровѣ. Значительныя подкрѣпленія безпрестанно прибывали въ Испанію черезъ пи-

---

[199]) Сультъ въ письмѣ объ этомъ сраженіи, отъ 22 ноября 1809, показываетъ нашу потерю въ сто пятьдесятъ убитыми и сто пятьдесятъ ранеными; но это не что иное какъ бюллетенная ложь, вошедшая въ привычку между нашими войсками. Рапортъ Мортье правдивѣе: онъ исчисляетъ нашу потерю въ тысячу двѣсти человѣкъ.

ринейскую границу. Ожидали еще сильнѣйшихъ. Въ Мадридѣ знали о назначеніи, даваемомъ императоромъ этимъ войскамъ. Не медля идти противъ англичанъ, прогнать ихъ къ морю, принудить ихъ отплыть на корабляхъ, истребивъ ихъ пристанища, склады и запасы въ Португаліи, таковъ былъ планъ заявленный Наполеономъ повсюду, и который онъ, какъ говорили, хотѣлъ выполнить самъ, передъ окончательнымъ покореніемъ Полуострова. Но не возможно было разсчитывать на окончаніе всѣхъ нужныхъ къ тому приготовленій, а слѣдовательно и на прибытіе его въ Испанію ранѣе половины будущей весны. Отъ ноября до апрѣля, армія, такъ легко истребившая при Оканѣ послѣднія регулярныя войска, единственную защиту Андалузіи, не могла-ли она чего-нибудь предпринять? Императоръ постоянно напоминалъ объ ея бездѣйствіи: «Не получается никакихъ извѣстій о томъ, что дѣлается въ Испаніи, писалъ онъ Іосифу 11 ноября 1809. А между тѣмъ, съ арміей, столь многочисленной и хорошей, и противъ непріятелей, столь плохихъ, неужели нельзя вести дѣла съ большимъ успѣхомъ?»

Іосифъ былъ чувствителенъ къ подобнымъ упрекамъ. Побѣда при Оканѣ, которую онъ приписывалъ себѣ, озарила новымъ блескомъ его военныя дарованія, отчасти потемнѣвшія послѣ сраженія при Талаверѣ. Войска его снова одушевились, но они умирали съ голоду, такъ же какъ и его дворъ, въ провинціяхъ, до крайности истощенныхъ нескончаемой войной. Вблизи оттуда можно было найти изобиліе для всѣхъ на роскошныхъ равнинахъ Андалузіи, въ ея городахъ промышленныхъ и богатыхъ, гдѣ еще оставались избытки не тронутые. Почему-бы не завладѣть Андалузіей, пока наступитъ время войны въ Португаліи? Чего опасаться? Армія андалузская истреблена. Знали, отъ самихъ испанцевъ, что управленіе центральной юнты опротивѣло всѣмъ, что многіе города расположены къ покорности, лишь-бы избавиться отъ анархіи. Нечего было опасаться диверсіи со стороны англи-

чанъ, такъ какъ они даже не подали помощи арміи Арейцаги, а сверхъ того ихъ удерживалъ бы корпусъ нашихъ войскъ, расположенный на берегахъ Таго. Такимъ образомъ завоеваніе Андалузіи было бы не болѣе, какъ военной прогулкой, а между тѣмъ поколебало бы упорство другихъ провинцій. Наконецъ это предпріятіе нравилось всѣмъ, а въ особенности Сульту,[200]) которому Португалія и встрѣчи съ англичанами были противны. Іосифъ послалъ проектъ этой кампаніи Наполеону съ своимъ адъютантомъ Клермонъ-Тоннерръ для представленія ему всѣхъ необходимыхъ поясненій.

Изъ всего проекта одно только соображеніе произвело впечатлѣніе на умъ Наполеона, именно: разсчетъ на значительныя средства, которыя намъ доставитъ Андалузія. Очень чуткій къ доказательствамъ этого рода, онъ тотчасъ же позаботился объ уменьшеніи субсидій, выдаваемыхъ Іосифу, и часто повторялъ, что расходы по испанской войнѣ опустошаютъ его казначейство. Но для военнаго генія такого размѣра, какимъ былъ Наполеонъ, выгода подобнаго рода не должна бы ни на минуту перевѣшивать опасностей и неудобствъ андалузской экспедиціи съ точки зрѣнія стратегической.

Императоръ достаточно зналъ Испанію, по двухгодичному опыту, чтобы понимать, какъ легко было завоевывать тамъ области, и какъ трудно было удерживать ихъ за собою. Безъ сомнѣнія, судя по силамъ экспедиціонной арміи, можно было войти въ Андалузію, точно такъ же, какъ входили мы и въ другія провинціи; но какъ удержать за собою и оборонять столь обширную территорію, удаленную отъ центра нашего расположенія и линіи нашихъ сообщеній? Нужны были для этого особыя многочисленныя войска, достаточно сильныя для самостоятельныхъ дѣйствій, и которыя не могли оказывать ни малѣйшаго содѣйствія другимъ корпусамъ, занятымъ на самыхъ важныхъ пунктахъ

200) Сультъ Кларку, 14 декабря 1809.

Полуострова. Кромѣ того, на оконечности Андалузіи былъ крѣпкій городъ, Кадиксъ, осада котораго потребовала бы цѣлой арміи. Можно ли было разсчитывать благовременно взять этотъ городъ? Благоразумно ли было отдѣлять большія силы на оконечность Испаніи, когда англичане угрожали центру Полуострова?

Невозможно, чтобъ столь очевидныя препятствія не представлялись уму Наполеона. Даже его враги не допускали для него такой ошибки. «Первымъ дѣломъ его будетъ вторженіе въ Португалію», писалъ Веллингтонъ 14 ноября 1809 [201]). Однакожь, на предложеніе Іосифа, онъ отвѣчалъ только молчаніемъ. Его одного слова было бы достаточно для отмѣны экспедиціи; онъ до конца воздержался отъ произнесенія этого слова. Богатства Андалузіи заставили его забыть объ опасностяхъ экспедиціи, онъ допустилъ сдѣлать то, чего не хотѣлъ приказать. Ежедневно писалъ онъ Кларку и Бертье объ испанскихъ дѣлахъ, посылалъ имъ самыя мелочныя наставленія касательно реорганизаціи корпусовъ арміи: въ письмахъ его не оказалось ни одного замѣчанія объ экспедиціи въ Андалузію.

Послѣ напрасныхъ настояній на полученіе просимаго согласія, король Іосифъ принялъ это молчаніе за дозволеніе, и экспедиція была рѣшена. Спустя болѣе мѣсяца послѣ начала кампаніи, получили письмо Наполеона, отъ 31 января 1810, съ изложеніемъ весьма вѣрныхъ, впрочемъ, предостереженій на случай наступленія англичанъ. «Въ Испаніи опасны только англичане» [202]), писалъ императоръ послѣ замѣчаній на планъ кампаніи. Но это позднее неодобреніе не могло уже остановить предпріятія, внушеннаго непредусмотрительностью и допущеннаго алчностью, и которое должно было привести къ послѣдствіямъ самымъ гибельнымъ.

---

[201]) Веллингтонъ къ лорду Ливерпулю, 14 ноября 1809.

[202]) Наполеонъ къ Бертье, 31 января 1810.

Армія короля Іосифа состояла изъ трехъ корпусовъ подъ начальствомъ маршаловъ Мортье и Виктора и генерала Себастіани; Сультъ былъ начальникомъ главнаго штаба; сверхъ того, имѣлся резервъ подъ командою Дессоля. Второй корпусъ, ввѣренный тогда генералу Рейнье, былъ расположенъ въ окрестностяхъ Талаверы и охранялъ долину Таго. Около половины января, экспедиціонная армія подошла къ подошвамъ Сіерра-Морены. Главное дефиле въ этихъ горахъ, проходящее чрезъ Деспена-Перросъ, Каролину и Байленъ, представляло позиціи очень удобныя для обороны, но можно было обойти его съ двухъ различныхъ сторонъ, справа — черезъ Альмаденъ и Гвадальканаль, слѣва—черезъ Сан-Эстебанъ. При такихъ условіяхъ, неразбѣжавшимся остаткамъ войскъ Арейцаги возможно ли было отстаивать противъ семидесятитысячной побѣдоносной арміи, предводимой опытными генералами, означенное дефиле, какъ-бы ни было затруднительно это препятствіе? Себастіани пошелъ черезъ Сан-Эстебанъ, а Викторъ черезъ Альмаденъ, тогда какъ нашъ главный корпусъ, подъ предводительствомъ Сульта и Мортье, двигался на Каролину. Въ виду такихъ дѣйствій, убѣжденные въ невозможности насъ удержать, испанцы, послѣ незначительнаго сопротивленія, отступили, оставивъ въ нашихъ рукахъ множество плѣнныхъ.

22 января, всѣ наши корпуса соединились на Гвадалквивирѣ, между Кордовой и Андухаромъ. Оттуда Себастіани повернулъ влѣво на Хаенъ, сдавшійся почти немедленно. Потомъ онъ взялъ Гренаду, разбивъ предварительно Арейцагу, котораго преслѣдовалъ до королевства Мурціи, гдѣ этотъ неудавшійся полководецъ долженъ былъ передать командованіе Блаку. Въ это время, Іосифъ торжественно вступалъ въ Кордову. 30 января 1810, онъ былъ въ Кармонѣ, въ нѣсколькихъ лье отъ Севильи. Полководцамъ предстояло теперь рѣшить важный вопросъ: слѣдуетъ ли идти на эту столицу, или, оставивъ ее въ сторонѣ, направиться прямо

къ Кадиксу, городу, въ военномъ отношеніи, несравненно болѣе значительному, и которымъ быть можетъ удалось бы овладѣть, пользуясь нечаянностью.

Знали, что оборона Севильи не могла задержать насъ надолго, что нѣкоторая часть жителей была расположена къ намъ, по ненависти къ центральной юнтѣ, впавшей въ совершенное презрѣніе, что взятіе Севильи произведетъ очень выгодное для насъ впечатлѣніе въ другихъ провинціяхъ. Но знали также, что если Кадиксъ не будетъ взятъ нечаяннымъ нападеніемъ, несмотря на каналъ, отдѣляющій его отъ материка, то осада этого города поставитъ насъ въ крайне затруднительное положеніе; знали [203]), что испанская дивизія, предводительствуемая герцогомъ Альбукеркомъ, поспѣшно шла на защиту Андалузіи, что она уже миновала Сіерра-Морену, почти на одной линіи съ корпусомъ Виктора, предупредила насъ въ Кармонѣ и идетъ форсированными маршами къ Кадиксу. Несмотря на то, что Альбукеркъ насъ опередилъ, можно было догнать его на дорогѣ, хотя бы у самыхъ воротъ Кадикса, и, пользуясь смятеніемъ непріятеля, ворваться вмѣстѣ съ нимъ въ городъ.

Какъ ни смотрѣть на эту гипотезу, въ ней заключалось единственное средство къ захвату Кадикса, и намъ слѣдовало сдѣлать эту попытку. Собрали совѣтъ въ Кармонѣ, на немъ мнѣнія раздѣлились; но, по настоянію Сульта, рѣшено было идти на Севилью [204]). По его словамъ, нрав-

---

[203]) Это подтверждается до очевидности письмами Сульта къ Бертье, отъ 25 и 31 января 1810.

[204]) Сультъ, по своему обыкновенію, не преминулъ свалить вину на другихъ; но по этому предмету есть положительныя свидѣтельства, даже его собственное, хоть и въ условной формѣ: «вѣроятно, примѣръ Севильи увлечетъ Кадиксъ», писалъ онъ Бертье, отъ 27 января. Потомъ есть свидѣтельство Іосифа, вполнѣ утвердительное, въ письмѣ къ герцогинѣ Абрантесъ, отъ 29 августа 1834; свидѣтельство, и очень точное, Міо, слѣдовавшаго за арміей; наконецъ маршалъ Журданъ повторилъ то же самое, по разсказамъ другихъ генераловъ.

ственное вліяніе капитуляціи Севильи поведетъ и къ сдачѣ Кадикса: «поручитесь мнѣ за Кадиксъ, а я ручаюсь за Севилью!» сказалъ онъ въ отвѣтъ на доводы генерала О'Фарилля, старавшагося отклонить его отъ этого предпріятія.

До послѣдняго дня центральная юнта удерживала населеніе Севильи въ самыхъ несбыточныхъ иллюзіяхъ. 20 января, когда наши авангарды были уже на Гвадалкивирѣ, она еще объявляла въ прокламаціяхъ по Севильѣ, что нечего опасаться, что Арейцага остановитъ насъ въ Сіерра Моренѣ, а въ то же время дель Парка и Альбукеркъ нападутъ на наши фланги. Эта увѣренность не помѣшала, впрочемъ, членамъ юнты заранѣе приготовиться къ отъѣзду въ Кадиксъ. Когда французская армія появилась передъ Севильей, пришлось подчиниться очевидности. Народный смыслъ, въ подобныхъ случаяхъ очень медлительный, распозналъ наконецъ, что декламировать и дѣйствовать — два дѣла, совершенно различныя; что члены юнты вовсе не были героями отъ того, что всѣ собирались побѣдить или умереть, сидя въ своихъ кабинетахъ; что ихъ самонадѣянность, ихъ болтливая неподвижность, ихъ безсмысленные планы кампаній были главной, если не единственной причиной несчастій, въ продолженіе цѣлаго года; что ихъ упорство въ отсрочиваніи выборовъ, хотя и могло быть оправдываемо неосновательнымъ ихъ убѣжденіемъ въ томъ, что одни они способны спасти страну, но что оно также могло происходить отъ преступнаго желанія, вопреки волѣ націи, удерживать за собой диктатуру, не предоставленную имъ никакимъ закономъ, и которою они постыдно злоупотребляли. Припомнили ихъ систематическое лганье, ихъ небывалыя побѣды, ихъ циническій деспотизмъ во имя свободы; наконецъ ихъ обвиняютъ въ безчестной спекуляціи на несчастія отечества для личныхъ своихъ выгодъ. Народная ненависть, слѣпая въ своемъ правосудіи, тѣмъ болѣе, что оно слѣдуетъ за пристрастной

благосклонностью, отыскивала этихъ несчастныхъ даже въ ихъ жилищахъ: нѣкоторые были арестованы и подверглись оскорбленіямъ, но большею частью они успѣли бѣжать при первыхъ признакахъ опасности.

Король Іосифъ вступилъ въ Севилью 1 февраля, послѣ незначительнаго сопротивленія; всѣ жители понимали, что оборона поведетъ только къ разоренію ихъ города, а остановить насъ они были не въ силахъ. Хотя французы были по справедливости ненавидимы въ Испаніи, но характеръ Іосифа былъ тамъ извѣстенъ и цѣнимъ. Знали, что онъ только и мечталъ о любви своихъ подданныхъ. Онъ былъ принятъ въ Севильѣ, почти какъ освободитель: до такой степени стало ненавистно и презрѣнно владычество юнты. Никогда побѣда не совершалась подъ болѣе счастливыми предзнаменованіями. «Можно считать войну почти конченною», писалъ Сультъ къ Бертье, отъ 3 февраля. Экспедиція доселѣ была для нашей арміи тріумфальнымъ шествіемъ по роскошнѣйшимъ равнинамъ, подъ великолѣпнѣйшимъ небомъ въ мірѣ. У нашихъ солдатъ все было въ изобиліи; жители были къ намъ какъ нельзя болѣе привѣтливы; военныя контрибуціи платились исправно. Король Іосифъ просіялъ.

Въ своемъ упоеніи онъ издавалъ самыя смѣшныя прокламаціи, то, объявляя наполеоновскимъ слогомъ, «что всякое сопротивленіе безполезно, что непреложная судьба рѣшила будущность Испаніи», то, обѣщая испанцамъ «воздвигнуть третью геркулесову колонну», въ память тѣхъ, «которые вновь завоевали Франціи ея естественныхъ союзниковъ». Онъ, попросту, вообразилъ себѣ, что изобрѣлъ новый способъ веденія войны, состоящій въ томъ, чтобы прельщать своихъ враговъ вѣжливостью и лаской, вмѣсто того, чтобы грубо, по прежней методѣ, атаковать ихъ пушечными выстрѣлами. Себастіани вошелъ почти мирно въ Малагу. Іосифъ увѣрилъ себя, что, благодаря обаянію, распространенному имъ въ Андалузіи, простыхъ предложеній будетъ

достаточно для покоренія ему крѣпостей. Поэтому онъ послалъ корпусъ Виктора къ Кадиксу, а Мортье на Гваділну для покоренія Бадахоза. Онъ велѣлъ написать Нею, возвратившемуся въ старую Кастилію, чтобы онъ сообщилъ предложеніе о сдачѣ укрѣпленному городу Ціудадъ-Родриго, и предписалъ Сюше такую же демонстрацію противъ Валенціи.

Извѣстіе о сопротивленіи Кадикса принесло ему первое разочарованіе въ его прекрасномъ сновидѣніи. Презрѣвъ приказанія центральной юнты, желавшей привлечь его съ войскомъ въ Севилью, гдѣ онъ, безъ пользы для дѣла, былъ бы взятъ въ плѣнъ, Альбукеркъ разсудилъ, что въ Андалузіи надобно защитить, во что бы то ни стало, единственный важный стратегическій пунктъ — Кадиксъ. Онъ день и ночь шелъ туда, не отклоняясь отъ своего пути никакими посторонними требованіями, привелъ въ Кадиксъ десятитысячное войско и оказалъ тѣмъ неизмѣримую услугу испанскому дѣлу.

Окруженный почти со всѣхъ сторонъ моремъ, соединяющійся узкой лагуной съ островомъ Леонъ, отдѣленнымъ отъ материка широкимъ и глубокимъ каналомъ, защищенный сильными укрѣпленіями, снабжаемый всѣмъ необходимымъ посредствомъ флота, господствовавшаго на океанѣ, обороняемый многочисленнымъ гарнизономъ, который имѣлъ быть скоро усиленъ значительнымъ подкрѣпленіемъ отъ англичанъ, посланнымъ изъ Лиссабона, — городъ Кадиксъ былъ почти неодолимъ и могъ сопротивляться всѣмъ силамъ андалузской арміи. Удалившіеся туда члены центральной юнты были немедленно замѣнены регентствомъ изъ пяти лицъ. Этому регентству дали обширныя полномочія и поручили управленіе до предстоявшаго созванія кортесовъ. Оборону дѣятельно организовали, и когда Викторъ подошелъ къ городу, ему, послѣ безполезныхъ предложеній о сдачѣ, пришлось только расположиться въ ближайшихъ окрестно-

стяхъ, въ ожиданіи средствъ для предпринятія со временемъ осадныхъ операцій.

Сопротивленіе Кадикса было предѣломъ кратковременныхъ успѣховъ короля Іосифа; съ этой поры все пошло у него хуже и хуже. Почти въ одно и тоже время узнали, что воззванія Сюше къ Валенціи, Нея къ Ціудадъ-Родриго, Мортье къ Бадахозу отнюдь не замѣнили недостатка у этихъ генераловъ осадной артиллеріи, и что они имѣли столь-же мало успѣха, какъ и Викторъ передъ Кадиксомъ. Этимъ генераламъ пришлось удалиться отъ означенныхъ укрѣпленныхъ городовъ, послѣ воззваній, не совсѣмъ приличныхъ для ихъ воинственныхъ личностей, и такая неудача конечно осталась не безъ нѣкотораго дурнаго вліянія на ихъ благорасположеніе къ королю Іосифу. Въ слѣдъ за тѣмъ, Наполеонъ нанесъ своему брату ударъ, несравненно болѣе тяжкій. Іосифъ былъ убѣжденъ, что ему удалось привлечь императора къ своимъ идеямъ касательно Испаніи, къ своему любимому плану покорить испанцевъ кротостью, когда нежданно получилъ декретъ, отъ 8 февраля 1810, по которому всѣ провинціи на сѣверъ отъ Эбро были организованы въ видѣ военно-областныхъ управленій, независимыхъ отъ королевскаго авторитета и подчиненныхъ исключительно волѣ Наполеона. Генералъ-губернаторы этихъ провинцій, Сюше, Ожеро, Рейль, Тувено, облечены были полновластіемъ, даже правомъ собиранія налоговъ и наложенія контрибуцій для содержанія армій. Наполеонъ ограничилъ двумя милліонами въ мѣсяцъ субсидіи, отпускаемыя имъ своему брату. Вскорѣ потомъ, другими декретами онъ лишилъ его всякаго вліянія на управленіе арміями. Массена былъ назначенъ главнокомандующимъ португальскою арміей, состоявшей изъ трехъ корпусовъ, Нея, Жюно и Ренье; Сульту поручена андалузская армія, а Іосифу оставлена дивизія Дессоля, подъ названіемъ, какъ-бы въ насмѣшку, центральной арміи. Такимъ образомъ Іосифъ былъ лишенъ какъ контроля

надъ военными дѣйствіями, такъ и всякаго политическаго авторитета.

Въ военномъ отношеніи, это нововведеніе имѣло цѣлью раздѣленіемъ силъ облегчить завоеваніе. Наполеонъ приписывалъ системѣ единоличнаго управленія, представителемъ котораго былъ маршалъ Журданъ, ошибки и неудачи кампаніи 1809 года, и не сознавался въ томъ, что эти ошибки и неудачи скорѣе относились къ недостатку единства, нежели къ излишней сосредоточенности власти. Маршалу Журдану постоянно препятствовали то несвоевременныя повелѣнія Наполеона, то неповиновеніе генераловъ. Умноженіе числа лицъ, командующихъ независимо и подъ своею отвѣтственностью, не вело къ уменьшенію зла, и единоличное управленіе, хотябы и посредственное, все-же лучше высокихъ даровитостей, лишенныхъ единства дѣйствій.

Съ политической точки зрѣнія, декретъ 8 февраля былъ предвареніемъ объ окончательномъ присоединеніи къ имперіи провинцій отъ Пиренеевъ до рѣки Эбро. Это присоединеніе, говорилъ Наполеонъ, должно вознаградить его за издержки и пожертвованія, понесенныя имъ для Испаніи! Отдавъ сначала эту страну своему брату, онъ сталъ отнимать ее у него лоскутьями въ возмѣщеніе издержекъ по этому самому пожалованію; признавъ однако-же потомъ, что Іосифъ также имѣетъ право на вознагражденіе, онъ велѣлъ предложить ему Португалію въ замѣнъ провинцій по Эбро. Къ такому раздробленію, къ такому странному хаосу, къ такой безпорядочной смѣси въ словахъ и предметахъ привели недавнія столь торжественныя декларацiи о независимости и неприкосновенности Испаніи. Ужь не для того-ли, чтобъ приготовить Европу къ безпрекословному признанію захвата Голландіи, Валлиса, провинцій по Эльбѣ и Везеру, онъ предъявлялъ требованіе, послѣдствія котораго могли быть понятны для всѣхъ. Трудно бы и повѣрить такому безумію, еслибъ оно не было вполнѣ выражено въ перепискѣ императора съ королемъ

Іосифомъ: «Не ранѣе какъ черезъ нѣсколько дней, писалъ Наполеонъ къ Шампаньи, отъ 9 сентября 1810, вы дадите знать испанскимъ министрамъ, что *я хочу праваго берега Эбро за тѣ деньги и все прочее, чего мнѣ до сихъ поръ стоила Испанія* ..» Итакъ, по чудовищному извращенію идей, которое съ перваго раза представляется какой-то ужасающей ироніей, на его взглядъ, испанцы были его должниками, даже до преданности, за тѣ кровавыя истребленія, которыя онъ внесъ въ ихъ отечество!

Въ половинѣ мая 1810 Іосифъ возвратился въ свою столицу съ сердцемъ растерзаннымъ, съ горькими жалобами, съ заявленіями о своемъ отреченіи, къ осуществленію котораго на дѣлѣ его однакожъ безуспѣшно склоняли ближайшіе къ нему совѣтники [205]). Онъ посылалъ императору письмо за письмомъ, отправилъ къ нему одного за другимъ своихъ двухъ министровъ, Азанца и Альменара, для отклоненія его отъ принятаго рѣшенія. «Я теперь ни что иное, писалъ онъ, какъ попечитель мадридскихъ госпиталей». Онъ видѣлъ себя покидаемымъ большею частью своихъ служителей, потому что ихъ не на что было содержать. Самъ для себя онъ не желалъ ничего болѣе, какъ возвратиться къ частной жизни, «но онъ оплакивалъ перемѣну, происшедшую въ сердцѣ его брата, оплакивалъ *постепенное ослабленіе величайшей славы*... Страшусь, добавлялъ онъ, чтобъ ваше величество не увидали конца этого ужаснаго переворота.» Отъ времени до времени, у него вырывались вопли горести отъ труднаго положенія, въ которое его поставили: «Ваша слава не дозволяетъ вамъ продолжать *страдальческую агонію* брата на испанскомъ тронѣ» [206]).

Наполеонъ не затруднялъ себя отвѣтами на эти письма, которыя считалъ за пустыя іереміады. Рѣдко удостоивалъ

---

[205]) *Mémoires* de Miot de Melito.

[206]) Іосифъ къ Наполеону, 8 и 10 августа 1810.

онъ пріема министровъ Іосифа и не давалъ имъ никакого снисходительнаго отвѣта. Чтобы очистить себя въ глазахъ испанцевъ отъ всякаго подозрѣнія въ участіи по раздробленію ихъ монархіи, Іосифъ утѣшился мщеніемъ совершенно платоническимъ: онъ, по своему усмотрѣнію, раздѣлилъ всю Испанію на департаменты со включеніемъ и провинцій за Эбро. Но его подданные не признали никакой заслуги въ этомъ безполезномъ съ его стороны заявленіи о національной неприкосновенности. Они обращались къ нему съ почти нескрываемымъ презрѣніемъ, а Іосифъ принималъ ихъ неблагодарность съ такой печалью, съ такимъ убѣжденіемъ въ добротѣ своихъ намѣреній, что его сѣтованія по истинѣ были вмѣстѣ трогательны и смѣшны: «Я желаю, писалъ онъ своей женѣ, чтобъ потомство пожалѣло великую націю за непризнаніе короля, дарованнаго ей благостью Провидѣнія! [207])»

Какъ бы то ни было, андалузская кампанія была важнымъ промахомъ, добавленнымъ ко всѣмъ ошибкамъ, сдѣланнымъ нами въ Испаніи. Правда, она доставила намъ изобильныя средства, особенно въ началѣ; она нѣкоторымъ образомъ оживила до извѣстной степени голодавшее наше правительство и армію; но съ военной точки зрѣнія оказывается, что въ результатѣ она парализовала семидесятитысячную армію, которая могла-бы быть направлена съ большею пользою на другіе пункты, въ другія битвы, рѣшавшія судьбу полуострова. Завоевавъ съ такой, относительно, легкостью Андалузію, армія только съ большимъ трудомъ могла удерживать за собою эту страну. Оставалось или покинуть Андалузію, что было-бы постыдно, или оставаться въ ней, вмѣсто обладанія, какъ-бы въ плѣну. Наши войска повидимому держали Андалузію, но въ дѣйствительности ихъ держала Андалузія. Надобно было имѣть до тридцати тысячъ человѣкъ передъ Кадиксомъ; надобно было почти столько-же

---

[207]) Іосифъ къ королевѣ Юліи, 8 ноября 1810.

чтобъ противостоять взбунтовавшимся горцамъ Ронда, обороняться со стороны Гибралтара и арміи Мурціи и Валенціи, предводимой Блакомъ; сверхъ того былъ нуженъ наблюдательный корпусъ къ сторонѣ Бадахоза, нужны гарнизоны въ главныхъ городахъ и дивизія въ Сіерра-Морена и Ламанчѣ для охраненія нашихъ сообщеній съ Мадридомъ. Всѣ эти необходимыя и тяжкія обязанности были едва по силамъ андалузской арміи. Это оказалось вскорѣ, когда отъ этой арміи потребовалась помощь Массенѣ.

ГЛАВА IX.

Торресъ-Ведрасъ. — Массена и Веллингтонъ. — Отступленіе Массены.—Фуентесъ де Оноро. (Августъ 1810.—Іюнь 1811.)

Пока эти событія совершались на югѣ Полуострова, лордъ Веллингтонъ не предпринималъ никакого движенія для поданія помощи испанцамъ. Все, что онъ могъ для нихъ сдѣлать—это оставаться какъ можно долѣе на Гвадіанѣ для того, чтобъ задержать въ наблюдательномъ положеніи одинъ изъ корпусовъ нашей арміи. Не смотря на то, что онъ былъ осаждаемъ самыми настоятельными предложеніями, ему не хотѣлось ни подвергнуться риску погубить свою немногочисленную армію для того, чтобъ поддержать Арейцагу въ кампаніи, предпринятой вопреки его совѣтамъ и печальный исходъ которой онъ предсказывалъ [208]), ни попытаться сдѣлать въ пользу Андалузіи диверсію въ старую Кастилію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ принужденъ-бы былъ сражаться съ Неемъ, Келлерманомъ и Ренье, соединенныя силы которыхъ были гораздо значительнѣе его войскъ, не говоря уже о подкрѣпленіяхъ, которыя вступали въ это время въ Испанію. «Я очень хорошо понимаю, писалъ онъ по этому

---

[208]) Онъ предсказалъ пораженіе Арейцаги въ письмѣ къ полковнику Рошу отъ 19-го ноября 1809 г.

поводу, всю выгоду, которую дѣло союзниковъ могло-бы извлечь изъ движенія англійской арміи въ Кастилію, пока непріятельскія подкрѣпленія еще не вступили въ Испанію. Я сомнѣваюсь въ томъ, что прибыло только восемь тысячъ человѣкъ, какъ сказано въ одномъ донесеніи. Непріятель слишкомъ остороженъ для того, чтобы вступить въ Сіерра Морену съ такими большими силами, если-бы не ожидалъ подкрѣпленій изъ Кастиліи. Но и эти предположенія о вѣроятномъ прибытіи подкрѣпленій не помѣшали-бы мнѣ идти на Кастилію, если-бы непріятель и теперь уже не располагалъ тамъ силами, которыя превышаютъ мои [209]).

Независимо отъ этихъ обстоятельствъ, предусмотрѣнныхъ съ такою замѣчательною проницательностью, Веллингтонъ могъ-бы указать на неудобство оставленія беззащитнымъ Лисабона, на опасность раскрыть непріятелю содержимыя имъ въ тайнѣ предположенія, которыя столь блистательно впослѣдствіи оправдались, и съ которыми онъ справедливо связывалъ не только спасеніе Испаніи и арміи, но также до нѣкоторой степени дѣло всей Европы противъ Наполеона. Съ тѣхъ поръ, какъ Австрія сложила оружіе, подписавъ вѣнскій миръ, и послѣдніе союзники Англіи отъ нея отложились; съ тѣхъ поръ, какъ большая часть государей континента стали куртизанами или подданными Наполеона, Веллингтонъ понялъ, что всѣ средства и всѣ усилія этого гигантскаго могущества направятся противъ той единственной страны, въ которой еще боролись за свободу Европы. Что могла сдѣлать Испанія со своими инсурекціоными шайками, со своими неутомимыми, но всегда побиваемыми войсками; что могла сдѣлать слабая англійская армія противъ страшнаго противника и соединенныхъ силъ столькихъ націй? Въ то время, когда всѣ считали дѣло проиграннымъ, когда самые упорные противники Наполеона стали ослабѣвать, Веллингтонъ не от-

---

[209]) *Dispatches:* Веллингтонъ Бартле Фреру, 30 января 1810.

чаявался въ дѣлѣ, которое онъ принялъ на себя. Онъ не упалъ духомъ въ виду неизбѣжной и великой опасности, напротивъ, съ рѣшимостью биться до послѣдней крайности, въ немъ созрѣлъ планъ, исполненіе котораго останется предметомъ удивленія для историка и вѣчнымъ урокомъ народамъ, порабощаемымъ чужестраннымъ владычествомъ.

Онъ всегда хранилъ ту мысль, что рано или поздно, наступитъ день, когда вся Европа поднимется противъ тираніи Наполеона, ежели только ей предоставить къ тому случай, поддерживая войну въ какихъ-бы то ни было мѣстахъ. Итакъ цѣль, къ которой въ то время надо было стремиться, заключалась не въ томъ, чтобъ изгнать французовъ изъ Полуострова, на чемъ химерически настаивали тактики центральной испанской юнты, но въ томъ, чтобъ продлить во что бы то ни стало открытое сопротивленіе до тѣхъ поръ, пока не поднимется неизбѣжное возстаніе. Въ виду новаго вторженія, которое должно было обрушиться на Испанію, ему уже нельзя было предпринимать противъ французовъ наступательныхъ движеній. Его ограниченныя силы, хотя-бы геніально руководимыя, скоро истощились бы. Съ своею немногочисленною арміею—храброю, устойчивою, дисциплинированною, но содержимою среднимъ числомъ не болѣе какъ въ тридцать тысячъ человѣкъ, притомъ принужденною переносить союзъ со вспомогательными войсками, далеко ее нестоющими, онъ не продержался-бы и мѣсяца среди массы французскихъ войскъ. Поэтому онъ рѣшился расположить свои войска за сильными укрѣпленіями на выгодныхъ позиціяхъ, употребивъ къ тому всѣ оборонительныя средства. Тамъ они могли противостать многочисленности непріятелей и случайностямъ нечаянныхъ нападеній; тамъ имъ представлялось удобство получать припасы моремъ, а въ случаѣ неудачи они могли отплыть оттуда на корабляхъ; тамъ они могли обращать въ свою пользу дальность разстояній и трудность сообщеній,

которыя такъ быстро истощали наши войска; опустошивъ окрестности и обративъ ихъ въ пустыню, они лишали насъ средствъ къ существованію. Въ этихъ условіяхъ ограниченныхъ, но здраво обдуманныхъ—сопротивляться французамъ съ непобѣдимымъ упорствомъ до тѣхъ поръ, пока Европа, устыдясь своего бездѣйствія въ виду его гибели, не явится ему на помощь,—вотъ единственный способъ дѣйствія, который представлялъ нѣкоторый залогъ успѣха, при незначительности средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи; онъ и избралъ этотъ способъ съ неуклонною рѣшимостью. Необходимость, къ тому его вынудившая, нисколько не уменьшаетъ важности этой военной заслуги и оригинальности подвига, образца которому не встрѣчалось еще въ военной исторіи.

Онъ нашелъ искомую позицію въ ближайшихъ окрестностяхъ Лиссабона, на полуостровѣ, который образуетъ Таго при своемъ впаденіи въ океанъ. Защищенный почти со всѣхъ сторонъ моремъ и рѣкой, расширяющейся въ этомъ мѣстѣ какъ внутренній заливъ, этотъ полуостровъ былъ доступенъ только съ сѣверной стороны, гдѣ соединялся съ твердою землею. Но тамъ продолженіе сіерры д'Естрелла представляло цѣлый рядъ возвышенностей, крутыхъ скатовъ, глубокихъ ущелій, быстрыхъ потоковъ, представлявшихъ настоящую естественную преграду, неодолимость которой и прежде поражала не одного военнаго наблюдателя. Въ 1799, сэръ Чарльзъ Стюартъ, а позже французскій инженеръ полковникъ Венсанъ, производили съемку мѣстности, но только для устройства полевыхъ укрѣпленій, а не укрѣпленнаголагеря [210]).

Веллингтонъ первый составилъ и осуществилъ проектъ преобразованія всего полуострова въ одну колоссальную крѣпость, около сорока лье въ окружности. Онъ хотѣлъ, чтобъ эта крѣпость состояла изъ трехъ концентрическихъ окружностей, вооруженныхъ артиллерійскими орудіями, чтобъ она

[210]) Napier: *Peninsular War.*

была достаточно обширна для вмѣщенія не только его арміи и вспомогательныхъ португальскихъ силъ, состоявшихъ изъ регулярныхъ войскъ, милицій, ордононзасовъ, но также и всего годнаго для войны населенія южныхъ провинцій Португаліи съ собраннымъ урожаемъ полей, со скотомъ, съ домашними запасами, такъ чтобы страна, окружающая Лиссабонъ, не представляла никакихъ средствъ существованія для завоевателей. Онъ обезпечилъ свое отступленіе обширнымъ и укрѣпленнымъ портомъ, изъ котораго, въ случаѣ несчастія, англійская армія и даже португальскія войска могли въ полной безопасности отплыть на корабляхъ. Эта громадная цитадель простиралась на сѣверѣ отъ Зизембра и возвышенностей Торресъ-Ведраса, прикрывавшихъ ея фронтъ, до Алемкера; оттуда она направлялась къ востоку, чрезъ Собраль и Альверку къ скалистой Эстреллѣ, обрывисто наклонной къ Таго, и шла до Лиссабона, гдѣ она была прикрыта и устьемъ рѣки, и океаномъ.

Какъ ни была сильна эта позиція, — но можно ясно видѣть изъ записки Каннинга къ маркизу Уэллеслею и изъ корреспонденціи лорда Ливерпуля съ Веллингтономъ, что англійскій кабинетъ долго отдавалъ особенное преимущество позиціи Кадикса, которая была еще болѣе неприступна. Но, вполнѣ признавая это преимущество, Веллингтонъ настоялъ на своемъ проектѣ обороны линій Торресъ-Ведраса. Кадиксъ былъ крѣпокъ самъ по себѣ, и два центра сопротивленія были выгоднѣе одного. Кромѣ того Торресъ-Ведрасъ былъ такимъ мѣстомъ, при занятіи нами Андалузіи, откуда можно было съ большимъ удобствомъ проникать въ самую средину Полуострова, также какъ и отступать оттуда. Наконецъ передъ Торресъ-Ведрасомъ можно было задерживать въ бездѣйствіи непріятельскую армію, болѣе многочисленную чѣмъ та, которая требовалась для обложенія или занятія острова Леона [211]).

[211]) *Dispatches:* Wellington à lord Liverpool, 1 mars 1810.

Послѣ дѣйствительно постыднаго исхода Вальхеренской экспедиціи, которая стоила Англіи такъ много людей и денегъ, не говоря уже о потерѣ вліянія на Европу, англійскій кабинетъ былъ отчасти возобновленъ вступленіемъ въ министерство Персиваля, Ливерпуля и Уэллеслея, старшаго брата Веллингтона. Тѣмъ не менѣе этотъ кабинетъ былъ чрезвычайно робокъ для дѣйствій внѣ страны, что въ особенности происходило отъ его слабости въ парламентѣ. Ожесточеніе оппозиціи противъ военной администраціи произвело реакцію въ мнѣніяхъ англичанъ, которые стали относиться съ особенной суровостью не только къ виновникамъ этой несчастной экспедиціи, Чатаму и Кастлери, но даже и къ самому Веллингтону, хотя его щедро поощряли почестями и національными наградами. Ни на что не отваживаться, ничего не предоставлять случайности, избѣгать малѣйшаго сомнительнаго дѣйствія—было неизмѣннымъ припѣвомъ министерства, которое знало, что при первой неудачѣ оно будетъ низвергнуто; но такія предписанія генералу были равносильны запрещенію никогда, ни въ какомъ случаѣ, не вступать въ сраженіе. Хотя для поддержки его мнѣній у него былъ членомъ въ кабинетѣ его братъ, хотя онъ не менѣе всякаго другаго зналъ цѣну осторожности, однакожъ терпѣніе Веллингтона подвергалось невыносимому испытанію подъ этимъ постояннымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ всѣми его предпріятіями. «У насъ ваши предположенія объ успѣшной защитѣ, писалъ ему лордъ Ливерпуль, отъ 10 марта 1810, считаются до такой степени невѣроятными всѣми военными и невоенными людьми, что я не могу вамъ больше совѣтовать никакой попытки такъ называемаго отчаяннаго сопротивленія.»

Таково было дѣйствительно господствовавшее мнѣніе. «Если-бы я хотѣлъ давать отчаянныя сраженія, отвѣчалъ ему Веллингтонъ, я бы могъ сражаться ежедневно. Я доказалъ, сопротивляясь во многихъ случаяхъ просьбамъ нашихъ союзниковъ и совѣтамъ моихъ друзей, что меня нельзя отвра-

тить отъ моей великой цѣли неразумнымъ увлеченіемъ въ частныя предпріятія. Я не утомлялъ моей арміи маршами и контрмаршами для слѣдованія за движеніями непріятеля, и мнѣ кажется, что всѣ на Полуостровѣ начинаютъ понимать, что я былъ правъ. Какъ единственно отвѣтственное лицо, я требую права дѣйствовать по собственному моему усмотрѣнію [212]).» Болѣе всего онъ огорчался несправедливостью своихъ соотечественниковъ, и хотя не унижался до жалобъ, но тѣмъ не менѣе чувство негодованія обнаруживается въ его письмѣ къ Ливерпулю. «Я знаю, что лондонскій общинный совѣтъ (common council) требовалъ назначенія слѣдствія надъ моими дѣйствіями. Достигну-ли я своей цѣли, или погибну — мнѣ нечего ждать пощады отъ этихъ людей; въ случаѣ моей неудачи, они не спросятъ себя, произошла-ли она отъ моей неспособности, отъ невольныхъ заблужденій, свойственныхъ всѣмъ людямъ, отъ ошибокъ другихъ лицъ, отъ недостатка средствъ, отъ крайней затруднительности нашего положенія, или отъ силы и талантовъ нашихъ противниковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я буду ихъ жертвой, но этотъ избытокъ опасностей не пугаетъ меня, и какія бы ни были послѣдствія — я останусь на своемъ постѣ и исполню свой долгъ до конца» [213]).

Съ октября мѣсяца 1809, при содѣйствіи искуснаго инженера, полковника Флетчера, онъ употреблялъ безпрерывно тысячи работниковъ и поселянъ для возведеній укрѣпленій, для постройки редутовъ, для устройства шлюзовъ, которые должны были служить для затопленія низменностей долины. Онъ добился отъ португальскаго регентства возстановленія старинныхъ военныхъ законовъ, на основаніи которыхъ могъ вооружить поголовно все населеніе страны. Онъ снаб-

---

[212]) *Dispatches:* Веллингтонъ къ Ливерпулю, 2 апрѣля 1810. *Suppl. disp.* vol. VI, VII: письма Ливерпуля и маркиза Уэллеслея.

[213]) *Dispatches:* 2 января 1810 г.

дилъ пиками тѣхъ, которымъ не могъ дать ружей. По официальному отчету за апрѣль мѣсяцъ 1810, это вооруженное пиками населеніе простиралось до двухъ сотъ девятнадцати тысячъ сорока человѣкъ, изъ которыхъ большая часть получила впослѣдствіи ружья; кромѣ того сто пять тысячъ человѣкъ имѣли уже ружья. Регулярная португальская армія, предводительствуемая англійскими офицерами, организованная маршаломъ Бересфордомъ и достигшая замѣчательнаго совершенства, простиралась до тридцати тысячъ человѣкъ; остальное войско образовалось изъ ополченій, набранныхъ въ городахъ, и ordenanzas, состоявшихъ изъ вооруженныхъ поселянъ. Эти войска, мало стойкія на открытомъ полѣ битвы, могли хорошо защищать укрѣпленія.

Регентство должно было издать дополнительныя постановленія, по которымъ жители должны были перейти со всѣмъ ихъ имуществомъ во внутрь укрѣпленныхъ линій. Это была тяжелая обязанность, но облегчалась она увѣренностью, что лучше спасаться за укрѣпленіями, нежели быть до-чиста ограбленными нашею арміею. Веллингтонъ совѣтовалъ также предложить *джентльменамъ* остаться въ странѣ, гдѣ они были инсуррекціоннымъ элементомъ [214]). Онъ велѣлъ разрушить мосты и мельницы по всѣмъ теченіямъ рѣкъ и ручьевъ, исключая только тѣхъ мѣстъ, гдѣ они ему были необходимы для его собственныхъ операцій. Лиссабонъ долженъ былъ подчиниться всѣмъ строгостямъ военнаго занятія. Флотъ, состоявшій изъ большаго числа фрегатовъ и транспортныхъ судовъ, остался подъ защитою пушекъ форта Сент-Жюльена— для обезпеченія отступленія арміи; наконецъ денежная субсидія, назначенная Португаліи, была возвышена, по просьбѣ Веллингтона, до двадцати пяти милліоновъ франковъ, не считая жалованья и содержанія арміи, всѣ издержки которой онъ платилъ съ строгою точностью.

---

214) *Dispatches:* Карлу Стюарту, 1 марта 1810.

Эти мѣропріятія, столько же искусныя, сколько и энергичныя, выполненныя не смотря на упорное сопротивленіе, представлявшееся Веллингтону въ упадкѣ духа, въ недовѣріи англійскаго правительства, въ вялости, рутинѣ, бездѣйствіи португальскаго регентства, были задуманы и осуществлены съ полнымъ и совершеннымъ предвидѣніемъ вліянія, которое они должны были произвести не только на испанское дѣло, но также и на Европу. Приходишь въ смущеніе, когда, постигнувъ всю обширность приготовленій этого замѣчательнаго подвига и возвышенныя мысли, ихъ внушившія, вмѣстѣ съ тѣмъ видишь, какъ наши авторы мемуаровъ и наши военные историки, напримѣръ Пеле и Мармонъ, приписываютъ счастливой звѣздѣ Веллингтона успѣхъ, увѣнчавшій его планы. Напротивъ, никто никогда не отдавалъ себѣ болѣе точнаго отчета о послѣдствіяхъ своего предпріятія, никто не подготовлялъ такъ тщательно и не былъ болѣе достоинъ своего успѣха, никто съ большимъ упорствомъ не вырывалъ этого успѣха у слѣпой фортуны. «Если мы сможемъ продержаться въ Португаліи, — писалъ онъ одному изъ членовъ португальскаго регентства,—война не окончится на полуостровѣ, а ежели война здѣсь продолжится, то Европа будетъ спасена. Я увѣренъ также, что позиція, избранная мною для борьбы, хороша, что дѣло наше разсчитано на ней такимъ образомъ, чтобы защитить *самую душу* Португаліи, что если непріятель не будетъ въ состояніи насъ осилить, то ему придется предпринять вѣроятно гибельное отступленіе и во всякомъ случаѣ покинуть Португалію [215])». Когда, еще такъ задолго передъ событіемъ, онъ писалъ эти пророческія строки, какъ мало значилъ тогда этотъ англійскій генералъ въ сравненіи съ повелителемъ Европы, но онъ былъ представителемъ нравственной силы противъ грубой многочисленности и жестокаго всемогущества. На его сто-

---

[215]) *Dispatches:* à don Forjas.

ронѣ были не только достоинство и правота дѣла, но также и преимущество въ предусмотрительности, осторожности, благоразумiи, въ условiяхъ достиженiя съ малыми средствами великихъ результатовъ, въ спокойной и непоколебимой рѣшимости, а этими-то средствами всего вѣрнѣе одерживаютъ побѣды. Такимъ образомъ Веллингтонъ заслужилъ славу нанесенiя самаго рѣшительнаго удара подавлявшему всѣхъ могуществу Наполеона. Война съ Россiей была, безъ сомнѣнiя, окончательной причиной его паденiя, но безъ этого желѣзнаго клина, уже съ 1810 глубоко проникшаго въ грудь колосса и парализовавшаго его движенiя, кто рѣшится утверждать, что была-бы когда-нибудь война съ Россiей?

Объявляя въ продолженiе шести мѣсяцевъ о своемъ отъѣздѣ въ Испанiю, Наполеонъ, — по нерасположенiю ли къ малой войнѣ, не обѣщавшей ему никакой славы, или, какъ говоритъ Жомини, по отвращенiю къ странѣ, порождавшей столькихъ фанатиковъ, — отказался отъ этого плана, если только онъ когда нибудь его имѣлъ, въ чемъ можно сильно усомниться, принявъ въ соображенiе самую гласность, приданную этому обѣщанiю. Онъ предложилъ командованiе португальской армiей тому изъ нашихъ генераловъ, который, послѣ него, былъ у насъ первымъ военнымъ человѣкомъ, съ тѣхъ поръ, какъ несправедливое осужденiе лишило Францiю услугъ Моро. Массена крайне не сочувствовалъ предпрiятiю, трудности и опасности котораго онъ очень ясно сознавалъ. Онъ безъ самообольщенiя судилъ о самой имперiи и ея ложномъ величiи. Рожденный въ 1758 и по лѣтамъ старшiй большей части своихъ товарищей по оружiю, онъ считалъ, что прiобрѣлъ право на спокойствiе и отдыхъ своими славными военными подвигами, а его организацiя, испытанная столькими походами и трудами, начинала подвергаться влiянiю приближавшейся старости. Тѣмъ не менѣе онъ уступилъ настоянiямъ, лести и обѣщанiямъ На-

полеона, и принялъ, противъ своего желанія, миссію, печальные недочеты которой онъ предугадывалъ только отчасти [216]).

Массена долженъ былъ принять подъ свое начальство корпуса Нея, Жюно и Рейнье, составлявшіе въ совокупности армію въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Потомъ ему назначались въ подкрѣпленіе съ сѣвера приблизительно двадцать тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ генерала Друе, и корпусъ Мортье, который, слѣдуя изъ Андалузіи, долженъ быть вступить въ Алентехо и соединиться съ нимъ на лѣвомъ берегу Таго. Сверхъ того Наполеонъ хотѣлъ, чтобы по вступленіи Массены въ Португалію, арагонская армія двинулась на поддержаніе его операцій. Сюше, блистательно окончившій двѣ осады Лериды и Мекиненца, долженъ былъ начать осаду Тортозы. По взятіи Тортозы, онъ долженъ былъ оставить половину своей арміи Макдональду, замѣнившему въ Каталоніи неспособнаго Ожеро, и идти съ другою половиною до Валладолида, гдѣ онъ былъ бы въ состояніи такъ же поддерживать операціи Массены [217]). Изъ всѣхъ этихъ силъ, Массена имѣлъ дѣйствительно въ своемъ распоряженіи только три корпуса арміи, а изъ всѣхъ подкрѣпленій, обѣщанныхъ ему съ такою щедростью, онъ получилъ только отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ Друе. Но важенъ уже былъ тотъ фактъ, что Массена принялъ это командованіе. Никто не сомнѣвался, что, разъ взявшись за это гибельное предпріятіе, онъ найдетъ средства выйти изъ него съ честью. Впрочемъ у Наполеона было предвзятое мнѣніе объ англійской арміи: Веллингтонъ имѣлъ всего двадцать четыре тысячи человѣкъ, ни однимъ солдатомъ болѣе; что касается португальцевъ, то ихъ не стоило и считать; какъ же вообразить, что эти войска будутъ въ состояніи держаться противъ семидесятитысячной арміи французовъ, предводимыхъ побѣдителемъ при Цю-

---

[216]) Генералъ Кохъ. *Мемуары Массены.*

[217]) Наполеонъ къ Сюше, 14 іюля 1810.

рихѣ и Риволи? Поэтому Наполеонъ не желалъ поспѣшныхъ дѣйствій. Весну пропустили, не открывъ кампаніи; лѣто нужно было употребить на осаду Ціудадъ-Родриго и Альмеиды, а экспедицію приходилось начать только послѣ спаденія жаровъ. «*Я не хочу вступать въ настоящее время въ Лиссабонъ*, писалъ Наполеонъ, адресуя эти приказанія Массенѣ, потому что не буду въ состояніи прокормить городъ, громадное населеніе котораго получаетъ свое продовольствіе моремъ [218])», по истинѣ странная забота, показывающая всю глубину его самообольщенія, но вовсе не представляющая той важности, какую онъ ей придавалъ.

Отказавшись пріѣхать въ Испанію, Наполеонъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности получать точныя свѣдѣнія о положеніи полуострова, вслѣдствіе чего онъ допустилъ выполненіе кампаніи въ Андалузіи и потерялъ драгоцѣнное время, которымъ англичане воспользовались для укрѣпленія линій Торресъ-Ведраса; образованіе же въ Испаніи разрозненныхъ командованій придавало имъ одинаковую неспособность какъ защищать самихъ себя, такъ и поддерживать другъ друга; ко всѣмъ этимъ промахамъ Наполеонъ прибавилъ еще важную ошибку, давъ Массенѣ двухъ помощниковъ, очень мало расположенныхъ ему повиноваться, — одинъ по характеру своему не уживался ни съ кѣмъ, кромѣ императора: то былъ Ней; другой, — потому что онъ уже прежде предводительствовалъ какъ главный начальникъ въ Португаліи, и теперь долженъ былъ вступить туда же въ качествѣ подчиненнаго: это былъ Жюно. Когда маршалъ прибылъ въ Испанію, эти оба генерала окружали Ціудадъ-Родриго, имѣя пятьдесятъ тысячъ человѣкъ войска, а Рейнье занималъ Алькантару на Таго. При самомъ вступленіи въ командованіе, Массена принужденъ былъ употребить власть и показать повелѣнія императора, для того, чтобъ заставить ихъ начать осаду крѣпкаго города, вмѣсто того, чтобы не-

[218]) Наполеонъ къ Бертье, 29 мая 1810.

медленно выступить въ походъ противъ англичанъ. Эти раздоры почти тотчасъ же стали извѣстны непріятелю: «Здѣсь, говорятъ, писалъ Веллингтону его братъ Генри Уэллеслей, бывшій тогда уполномоченнымъ въ Кадиксѣ, что всѣ французскіе генералы въ раздорѣ между собою и что Массена вообще ненавидимъ среди нихъ [219])». Между тѣмъ Массена замѣтилъ, что его армія далеко не имѣла тѣхъ средствъ, которыя были ей необходимы — въ одеждѣ, амуниціи, продовольствіи и военныхъ принадлежностяхъ, и что любимая поговорка императора — «война должна питать войну», была трудно примѣнима въ странѣ, истощенной непрестанными опустошеніями.

Массена употребилъ іюнь, іюль и августъ мѣсяцы на исполненіе своихъ приготовленій для португальской кампаніи и на осаду Ціудадъ-Родриго и Альмейды. Ціудадъ-Родриго былъ геройски защищаемъ Андреемъ Геррасти, ветераномъ испанскихъ войскъ. Съ слабымъ гарнизономъ, Геррасти болѣе двухъ мѣсяцевъ сопротивлялся усиліямъ пятидесятитысячной арміи. Веллингтонъ былъ въ недальнемъ разстояніи оттуда, въ Челорико, и могъ бы при, удобномъ случаѣ, подать помощь осажденнымъ. Андрей Геррасти обращалъ къ нему умоляющіе призывы, и онъ самъ былъ полонъ удивленія къ неустрашимому старику. Онъ ему писалъ, ободрялъ его, но не принялъ на себя никакого формальнаго обязательства [220]).

Маркизъ де-ла-Романа пріѣхалъ къ нему въ лагерь и умолялъ сдѣлать попытку въ пользу осажденныхъ. Изъ всѣхъ испанскихъ генераловъ Веллингтонъ наиболѣе питалъ уваженія и сочувствія къ ла-Романа. Его лучшіе офицеры присоединили свои просьбы къ настояніямъ испанца. Не смотря на то, Веллингтонъ допустилъ взятіе Ціудадъ-Родриго и не

---

[219]) Письмо отъ 19 іюня 1810.

[220]) Веллингтонъ Андрею Геррасти, 6 іюня 1810.

аттаковалъ французской арміи. Это рѣшеніе было для него тѣмъ болѣе трудно, что объявленное измѣной испанцами, неодобренное его друзьями, оно было предметомъ насмѣшекъ нашей арміи и самого Массены. Но англійскій генералъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только тридцать три тысячи человѣкъ, изъ которыхъ четырнадцать тысячъ было испано-португальцевъ [221]); онъ принужденъ былъ отдѣлить половину своихъ силъ въ распоряженіе генерала Гилля, для того, чтобъ удерживать корпусъ Рейнье на Таго; его кавалерія была слишкомъ малочисленна для того, чтобъ онъ могъ противопоставить ее нашей, простиравшейся до десяти тысячъ человѣкъ. Аттакуя съ такими силами пятидесятитысячную армію на ровной мѣстности, не представлявшей возможности для нечаяннаго нападенія, онъ подвергся бы неминуемой неудачѣ, и безспорное тому доказательство заключалось въ живѣйшемъ желаніи нашего главнаго штаба, чтобы онъ предпринялъ подобное нападеніе [222]). Защитники Ціудадъ-Родриго безъ сомнѣнія заслуживали со стороны Веллингтона такого риска, хотя-бы для того, чтобы почтить ихъ мужество. Но Веллингтонъ зналъ, что при первой неудачѣ онъ получитъ отъ англійскаго кабинета повелѣніе отправить свою армію обратно на корабли; тогда Португалія была-бы потеряна, и всѣ его планы разрушены. Онъ отказалъ въ помощи, и безропотно подвергся обвиненіямъ, упрекамъ, низкимъ намекамъ, предоставляя близкому будущему заботу о своемъ оправданіи,—мужество болѣе рѣдкое и болѣе трудное, чѣмъ то, которое требуется исключительно для подвиговъ военныхъ.

Съ тою же наружною безучастностью онъ смотрѣлъ и на осаду Альмейды, хотя командованіе этою крѣпостью было ввѣрено англичанину, генералу Коксу. Долгое время тревожась сомнѣніями относительно плановъ Наполеона

[221]) *Dispatches:* 20 іюня 1810.
[222]) Массена къ Бертье, 2 іюля 1810.

въ Испаніи, Веллингтонъ ободрился, узнавъ, что наличный составъ португальской арміи не превышаетъ семидесяти тысячъ человѣкъ, ввѣренныхъ Массенѣ, и что армія Сульта не можетъ покинуть Андалузіи. «Французы скоро увидятъ, писалъ онъ своему сослуживцу Кроуфорду, что они не на столько сильны, чтобы блокировать Кадиксъ и въ одно и тоже время аттаковать насъ въ Португалія [223])». Этими словами онъ опредѣлилъ всю важность ошибки, которую мы сдѣлали, занявъ Андалузію. По несообразности нашихъ мѣръ въ Испаніи, онъ разгадалъ недоразумѣнія, существовавшія между Наполеономъ и его братомъ Іосифомъ, и провидѣлъ послѣдствія, которыя должны были отъ этого произойти.

«Есть что-то нестройное, писалъ онъ своему брату Уэллеслею, во всѣхъ ихъ мѣропріятіяхъ въ Испаніи. Іосифъ раздѣляетъ свое королевство на префектуры, а Наполеонъ на области. Іосифъ предпринимаетъ андалузскую экспедицію и осажаетъ Кадиксъ, — Наполеонъ создаётъ для Массены португальскую армію..... невозможно, чтобъ подобныя мѣры были приняты по взаимному соглашенію [224])». Около половины іюля 1810, благодаря гверильясамъ, перехватывавшимъ всѣ наши сообщенія, къ нему попалъ въ руки секретный документъ большой важности. Это было «*росписаніе размѣщенія войскъ французской имперіи къ 11-му іюня 1810*». Изучивъ расположеніе нашихъ войскъ во всѣхъ областяхъ, зависѣвшихъ отъ Имперіи, и новыя предпріятія, начатыя Наполеономъ, онъ заключилъ, что единственныя войска, которыя могутъ быть перемѣщены безъ неудобства и слѣдовательно посланы въ Испанію, были войска, занимавшія городъ Нантъ [225]). И дѣйствительно, эти войска составляли корпусъ, который Друэ долженъ былъ привести къ Массенѣ

---

[223]) Веллингтонъ Кроуфорду; 20 іюня.
[224]) Къ Генри Уэллеслею, 11 іюня.
[225]) Веллингтонъ къ лорду Ливерпулю 11 іюля, 1810.

и который былъ единственнымъ подкрѣпленіемъ, проникнувшимъ въ Испанію. Это открытіе еще болѣе увѣрило его въ самомъ себѣ, и онъ уже безъ опасенія смотрѣлъ на вступленіе своего знаменитаго противника въ Португалію, когда взятіе Альмейды, послѣ взрыва въ ней пороховаго погреба, позволило французамъ начать болѣе дѣятельныя операціи.

Массена выступилъ въ походъ 16 сентября 1810 съ войскомъ, уменьшеннымъ по крайней мѣрѣ на десять тысячъ вслѣдствіе потерь и трудностей при осадахъ, болѣзней, гарнизоновъ, которые необходимо было ставить во всѣхъ завоеванныхъ городахъ, наконецъ отрядовъ, оставляемыхъ по дорогамъ для принятія солдатъ, вышедшихъ изъ больницъ, и для обезпеченія путей сообщенія [226]).

Имѣя неточныя свѣдѣнія о состояніи дорогъ, по которымъ онъ долженъ былъ двигаться, Массена ограничился слѣдованіемъ за англичанами по проходимой ими линіи, то есть чрезъ Челорико, Визе и вдоль лѣваго берега Мондего. Это была самая плохая дорога, которую только онъ могъ избрать. Она была не только вполнѣ испорчена, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ сіерра д'Алькоба сближается къ контр-форсамъ сіерры д'Естрелла, она представляла, какъ увидѣли впослѣдствіи, одно изъ самыхъ опасныхъ препятствій. Армія запаслась на пятнадцать дней съѣстными припасами, которые были добыты съ большимъ трудомъ. Всюду на своемъ пути, она находила мосты разрушенными, деревни покинутыми, поля опустошенными и, какъ писалъ Веллингтонъ, «за каждымъ камнемъ врага.» Дѣлая розыски по странѣ, солдаты нашли себѣ вина, нѣсколько еще не снятыхъ урожаевъ, напримѣръ:

---

[226]) По списку 15 сентября армія Массены считала 61,000 человѣкъ, состоявшихъ подъ ружьемъ. См. *Journal histor. de la campagne de Portugal en 1810—1811*, составленный по бумагамъ генерала Фриріона, начальника штаба Массены.

маиса, каштановъ и родъ жолудей [227]), употребляемыхъ въ пищу, но они не находили и слѣдовъ жителей: «Мы идемъ чрезъ пустыни, писалъ Массена.... женщины, дѣти, старики — все бѣжало; наконецъ нигдѣ нельзя найти проводника [228]).»

Между тѣмъ поселяне ополченія (ordenanza) не бѣжали; они постоянно тревожили нашихъ мародеровъ и нашихъ солдатъ, отставшихъ для грабежа; они взяли, между прочимъ, въ плѣнъ одного изъ нашихъ полковниковъ. Массена, по постыдному обычаю, введенному въ Италіи и потомъ примѣненному къ Германіи Наполеономъ, публиковалъ приказъ: разстрѣливать какъ разбойниковъ всѣхъ тѣхъ изъ поселянъ, которые будутъ взяты въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, — жестокость, которую впослѣдствіи обратили противъ насъ, когда мы испытали въ свою очередь уничиженіе пораженія и вторженіе къ намъ непріятеля. Нельзя придать довольно гласности уроку, данному Массенѣ по этому поводу англійскимъ генераломъ, потому что нѣтъ народа, который бы не сочувствовалъ защитѣ вѣчныхъ правъ патріотизма. Этотъ урокъ тѣмъ болѣе долженъ быть принятъ къ свѣдѣнію, что въ немъ отражается то величіе души, которое такъ достойно уваженія въ людяхъ военныхъ; въ самой своей строгости онъ содержитъ вѣжливое и лестное отношеніе къ тому лицу, которому оно было адресовано.

Массена противопоставилъ первой рекламаціи причину, приводимую обыкновенно въ поддержаніе подобныхъ жестокостей, то есть, что эти поселяне не носили мундировъ «Тѣ, кого вы называете поселянами безъ мундировъ и убійцами по большимъ дорогамъ, писалъ ему Веллингтонъ, составляютъ ополченіе этой страны. Въ дѣйствительности они составляютъ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ сообщить, часть

---

227) Генералъ-интендантъ Ламбертъ къ Бертье, 23 сентября.
228) Массена къ Бертье, 15 сентября.

войска, которому платится жалованье и которое дѣйствуетъ по военнымъ законамъ. Кажется вы требуете мундира для пользованія военными правами; но должно помнить, что вы сами увеличили славу французской арміи, командуя солдатами, не имѣвшими мундировъ [229]).» Массена выказалъ себя въ Испаніи гораздо болѣе человѣчнымъ, нежели остальные генералы, — это замѣчаніе принадлежитъ самому Веллингтону. Корреспонденція французскаго главнокомандующаго, лишенная декламаціи и хвастливости, бывшихъ въ модѣ между нашими войсками, доказываетъ много здраваго смысла, простую и твердую душу; онъ могъ понимать указанія противника, которыя при всей своей строгости были приличны и вѣжливы и очевидность и справедливость которыхъ нельзя было отрицать. Кто знаетъ, можетъ быть и подъ маршальскимъ мундиромъ имперіи, онъ съ сожалѣніемъ вздыхалъ о своихъ минувшихъ дняхъ бѣдности, молодости и славы, когда онъ сражался за свое отечество, а не рисковалъ своею жизнью по прихоти самаго безжалостнаго изъ повелителей:

«Мнѣ очень жаль, присовокуплялъ Веллингтонъ, что Ваше Превосходительство испытываете нѣкоторыя неудобства отъ того, что португальцы покидаютъ свои очаги при наступленіи французской арміи. Я считаю своею обязанностью брать съ собою тѣхъ, кого я не могу защитить на мѣстѣ. Впрочемъ, данныя мною по этому поводу приказанія врядъ-ли и нужны, потому что тѣ, которыя помнятъ вторженіе въ ихъ страну въ 1807 и завладѣніе правительствомъ ихъ государя во время полнаго мира, когда не было еще ни одного англичанина въ ихъ странѣ, не вѣрятъ вашимъ объявленіямъ, что вы ведете войну только съ одними англичанами.»

26 сентября, армія, продолжая слѣдовать по берегу Мондего, пришла въ глубь отверстія, чрезъ которое протекаетъ эта рѣка, передъ достиженіемъ Коимбры. Съ одной стороны сіерра

---

[229]) Веллингтонъ къ Массенѣ 24 сентября.

д'Алькоба, съ другой крутое развѣтвленіе д'Естреллы постепенно сближались вдоль узкаго пространства, по которому слѣдовала дорога и протекалъ Мондего, и образовали чрезвычайно опасное мѣсто. Англійская армія занимала всѣ возвышенности отъ Бусако до Пуэнте де Мурчела. Это была сильная позиція; намъ нужно было овладѣть проходомъ, или отступить до Визе, для того, чтобъ выйти на Вугу, что было-бы гораздо лучше, но что казалось слишкомъ постыднымъ. Такимъ образомъ аттака была рѣшена, несмотря на возраженія Нея, который не надѣялся на возможность успѣха, коль скоро не попытались взять Бусако нечаяннымъ нападеніемъ. Армія Массены простиралась еще до шестидесяти тысячъ человѣкъ, а англо-португальскихъ войскъ было около пятидесяти тысячъ, но ихъ малочисленность болѣе чѣмъ вознаграждалась неодолимостью позицій. Нечего было и думать о движеніи чрезъ Пуэнте де Мурчела, возвышенности которой были покрыты ретраншаментами [230]); такимъ образомъ наша армія обратила всѣ свои силы противъ Бусако. Цѣлый день 27 сентября, корпуса Рейнье и Нея отчаянно дрались на крутыхъ скатахъ горы. Нѣсколько разъ наши войска въ стремительныхъ порывахъ достигали до неровныхъ гребней, ее вѣнчавшихъ, но тамъ резервы инфантеріи, поддерживаемые искусно разставленными батареями, открывали смертоносный огонь и штыками сбрасывали ихъ обратно въ ущелья, откуда они всходили. Мы покрыли возвышенности нашими раненными и убитыми, въ числѣ которыхъ были генералы Мерль и Грендоржъ, нѣсколько полковниковъ и много офицеровъ. Но ни одной изъ нашихъ дивизій не удалось удержаться на площадкѣ горы. Вечеромъ, послѣ отчаянныхъ, но безполезныхъ усилій, какъ всегда можетъ случиться на мѣстности столь неудобной, стало очевиднымъ, что мы не можемъ взять этой позиціи. Мы поте-

---

[230]) Рапортъ Массены къ Бертье, 4 октября 1810.

ряли четыре тысячи убитыми и ранеными, тогда какъ англо-португальцы около тысячи двухсотъ [231]). Этотъ первый успѣхъ, какъ и предвидѣлъ искусный генералъ, рѣшившійся защищать позиціи Бусако, удвоилъ ихъ мужество и самоувѣренность: «Нужно французамъ или взять позицію, или умереть съ голоду!» писалъ Веллингтонъ Стюарту вечеромъ въ самый день сраженія.

Былъ еще третій исходъ, возможности котораго повидимому не допускалъ Веллингтонъ для такого генерала, какъ Массена,—это было отступленіе. Однако пришлось-бы къ тому прибѣгнуть, чего бы это ни стоило, если бы не нечаянное открытіе горной дороги, которая дозволяла перейти немного сѣвернѣе сіерру д'Алькоба чрезъ ущелье Карамула. Эта дорога, годная къ счастью для артиллеріи, спускалась на Сарда на дорогу Коимбры и огибала такимъ образомъ позиціи англійской арміи.

Массена поспѣшилъ выступить съ арміей въ тотъ-же день 28 числа, между тѣмъ какъ ложными тревогами привлекали вниманіе непріятеля на нашъ фронтъ. Вскорѣ вся наша армія кончила свой переходъ на Сардао. Много разъ обвиняли Веллингтона въ томъ, что онъ не понялъ важности и даже не подозрѣвалъ дороги на Карамулу, и что поэтому его побѣда осталась безполезной. Это обвиненіе исчезаетъ при самомъ простомъ просмотрѣ его корреспонденціи, потому что не только онъ далъ приказъ полковнику Трату занять Карамулу съ его милиціей, вполнѣ достаточной для охраны горной дороги, но уже съ 21 сентября, сообщая генералу Коттону свое намѣреніе дать сраженіе при Бусако, онъ прибавлялъ: «Къ несчастью, Гилль запоздалъ на одинъ день, а *съ нашей лѣвой стороны есть дорога, по которой мы можемъ быть обойдены и отрѣзаны отъ Коимбры.*»

---

[231]) Рапортъ Веллингтона, 30 сентября 1810.—Генералъ Кохъ: *Mémoires de Masséna.*

Отсутствіе Трана на столь важномъ пунктѣ зависѣло отъ одной изъ тѣхъ случайностей, которыя такъ часто представляются на войнѣ. Въ то время, какъ ему посланъ былъ приказъ, онъ былъ отозванъ по другому направленію генераломъ, командовавшимъ въ Опорто, а по возвращеніи своемъ на Сардао, онъ уже засталъ тамъ наши войска. Болѣе основательно обвиняли Веллингтона въ томъ, что онъ не воспользовался нашимъ обходнымъ движеніемъ и не попытался на аттаку съ фланга, что представляло много шансовъ на успѣхъ, но, судя по его движеніямъ, очень вѣроятно, что онъ имѣлъ также важныя причины не предпринимать такой аттаки [229]). Тѣмъ не менѣе результатъ побѣды при Бусако — въ особенности какъ нравственное вліяніе—былъ для него неоцѣнимъ, потому что онъ въ высшей степени воодушевилъ отвагой его вспомогательныя португальскія войска, до тѣхъ поръ мало въ себѣ увѣренныя, которые въ этомъ случаѣ вели себя превосходно лись рядомъ съ его собственными войсками [232]).

Счастливый маневръ, съ помощью котораго пали укрѣпленія Бусако, возвратилъ нашей арміи всю ея прежнюю увѣренность. Разсчитывали приблизиться къ Лиссабону и къ оконечностямъ Полуострова, и на этотъ разъ были увѣрены въ возможности настичь англичанъ, которымъ некуда будетъ дальше отступить. Прошли по ихъ слѣдамъ чрезъ городъ Коимбру, который былъ преданъ грабежу. Массена принужденъ былъ оставить въ Коимбрѣ нашихъ раненыхъ и больныхъ съ отрядомъ для ихъ охраны, что составляло около пяти тысячъ человѣкъ; такимъ образомъ армія его насчитывала пятьдесятъ

---

[232]) Napier *Peninsular War*.

[233]) Рапортъ Веллингтона. *Монитеръ*, публиковавшій до тѣхъ поръ всѣ бюллетени Массены, вдругъ прервалъ эту публикацію. Онъ превратилъ кровавую неудачу при Бусако въ побѣду: «Англичане были аттакованы, обращены въ бѣгство и живо преслѣдуемы.» Сраженіе при Бусако было только обманомъ, для того, чтобъ обогнуть позицію, и мы потеряли убитыми 200 человѣкъ. (*Монитеръ*, 20 октября и 23 ноября 1810.)

пять тысячъ человѣкъ. 8 октября 1810, нашъ авангардъ, предводимый Монбрюномъ, прибылъ въ Сантаремъ на Таго. 10-го онъ вступилъ въ Вилла Нова, слѣдуя на нѣкоторомъ разстояніи за непріятельскимъ арріергардомъ, съ которымъ имѣлъ частыя стычки, какъ вдругъ послѣдній скрылся какъ бы какимъ-то чудомъ. Впереди, на громадномъ пространствѣ, видна была только непроходимая линія укрѣпленныхъ возвышенностей.

Армія подошла къ подошвѣ линій Торресъ-Ведраса, столь знаменитыхъ впослѣдствіи, и существованія которыхъ она до тѣхъ поръ и не подозрѣвала. Самъ Массена только въ Коимбрѣ услыхалъ объ нихъ неопредѣленные толки, онъ не зналъ ни ихъ силы, ни обширности. Еще болѣе необъяснимо то, что Наполеонъ, находившійся въ самомъ центрѣ всѣхъ извѣщеній и имѣвшій агентовъ въ Англіи и во всей Европѣ, теперь только въ первый разъ узналъ о существованіи этихъ громадныхъ работъ, на которыя въ продолженіе цѣлаго года употреблялось по нѣскольку тысячъ человѣкъ. Въ слѣдующіе дни, рекогносцировки, произведенныя по всей непріятельской линіи отъ Торресъ-Ведраса до Виллафранка, послужили только къ подтвержденію силы этихъ неодолимыхъ ретраншаментовъ.

Деревни всюду были прикрыты засѣками, долины замкнуты редутами, равнины затоплены съ помощью плотинъ, устроенныхъ черезъ русла потоковъ. Болѣе подробныя объясненія, полученныя затѣмъ отъ плѣнныхъ и отъ очень рѣдкихъ изъ небѣжавшихъ жителей, увеличили первое впечатлѣніе недоумѣнія, произведеннаго при видѣ этихъ громадныхъ работъ. Узнали, что на разстояніи приблизительно двухъ лье за этою линіею находилась еще другая, значительно сильнѣйшая первой, гдѣ армія могла имѣть вѣрное убѣжище въ случаѣ взятія первой линіи; что между этими двумя линіями находились обширныя площади, на которыхъ всѣ англо-португальскія силы могли сосредоточиться и сражаться на опредѣленномъ мѣстѣ, при первомъ сигналѣ, данномъ многочисленными телеграфными постами, устроенными на возвышенно-

стяхъ; наконецъ еще далѣе, за этою второю линіею, возвышалась еще третья преграда, служившая редюитомъ для этой колоссальной крѣпости, достаточно сильной для защиты арміи въ продолженіе перемѣщенія ее на суда. До насъ не дошло полнаго и точнаго отчета объ укрѣпленіяхъ Торресъ-Ведраса, но существуетъ офиціальный обзоръ, составленный нѣсколько мѣсяцевъ передъ окончаніемъ работъ и который даетъ довольно ясное понятіе о томъ, въ какомъ состояніи они были при приближеніи нашихъ войскъ. Съ іюня мѣсяца 1810, оконченныя или оканчивающіяся укрѣпленія въ общей сложности состояли изъ ста двадцати семи редутовъ, вооруженныхъ пятьюстами одиннадцатью пушками; на нихъ было около тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, не считая дѣйствующей арміи [234]). Послѣдняя насчитывала тридцать тысячъ англичанъ, тридцать пять тысячъ португальцевъ, къ которымъ вскорѣ присоединилось десять тысячъ испанцевъ подъ предводительствомъ ла-Романа; все это въ общей сложности составляло семьдесятъ пять тысячъ человѣкъ, не говоря о милиціи и орденанзасахъ.

Эти подавляющія открытія, соединенныя съ затрудненіемъ доставать съѣстные припасы, съ совершенною потерею нашихъ сообщеній, вскорѣ подтвержденною извѣстіемъ о взятіи Коимбры съ оставленными тамъ пятью тысячами человѣкъ, повліяли самымъ прискорбнымъ образомъ на духъ нашей арміи, но не могли поколебать мужества Массены. Въ этой тяжкой крайности, остановленный непреодолимыми препятствіями, вдали отъ всякой помощи, окруженный врагами, лишенный продовольствія, худо поддерживаемый своими подчиненными, которые завидовали его власти, онъ не упалъ духомъ и устоялъ. Въ немъ опять выказался сильный характеръ защитника Генуи. Онъ принудилъ замолчать про-

---

[234]) Рапортъ инженернаго подполковника Ричарда Флетчера къ Веллингтону 25 іюня 1810.

тиворѣчіе однихъ и ропотъ другихъ, и внушилъ даже своимъ противникамъ уваженіе къ своей непоколебимой рѣшимости. Не допуская ни одной минуты возможности отступленія, что равнялось бы оставленію Португаліи, онъ рѣшилъ удержать свою армію передъ англійскими позиціями до тѣхъ поръ, пока подкрѣпленія, посланныя Наполеономъ, не дадутъ ему возможности аттаковать ихъ съ надеждою на успѣхъ. Но до тѣхъ поръ нечего было и думать объ аттакѣ. Только при крайне странномъ незнаніи событій можно было утверждать, что отважный и отчаянный поступокъ могъ бы удаться. Въ этомъ отношеніи можно положиться на показанія самого Веллингтона, вообще столь мало склоннаго увеличивать свои собственныя преимущества.

Во всѣхъ его письмахъ высказывается мнѣніе, что французы имѣютъ совершенно недостаточныя силы для достиженія своей цѣли. Онъ писалъ, 17 октября, къ адмиралу Берклею, который командовалъ флотомъ: «Непріятель въ безвыходномъ положеніи. Но поэтому-то, прибавлялъ онъ, мы и должны ожидать, что онъ рѣшится на все, чтобы достичь своей цѣли, а я по опыту хорошо знаю, что на войнѣ никогда нельзя быть увѣреннымъ въ результатѣ [235])». Десять дней спустя, 27 октября, онъ писалъ въ Англію, что даже прибытіе корпуса Мортье нисколько бы его не затруднило, и онъ удивлялся уже какъ Массена могъ такъ долго держаться при полномъ недостаткѣ въ съѣстныхъ припасовъ [236]). Въ этомъ заключалось дѣйствительно величайшее неудобство для французскаго генерала, причиною котораго была варварская и вмѣстѣ съ тѣмъ непредусмотрительная система, осуждавшая наши войска никогда не имѣть запасныхъ магазиновъ, никогда не платить за снабженіе припасами, — передъ непріятелемъ, который съ крайнею точностью оплачивалъ все, —

---

[233]) *Dispatches.*
[235]) Лорду Ливерпулю, 27 октября 1810.

однимъ словомъ система, осуждавшая войско на жизнь насильственными поборами или, что одно и тоже, грабежемъ; потому что эти контрибуціи, производившіяся довольно правильно въ городахъ, переходили по деревнямъ въ ужасный грабежъ.

Къ нашему счастью, приказы Веллингтона не были въ точности исполнены въ Бейрѣ и въ Алентехо, такъ что наши отряды, обыскивавшіе страну по всѣмъ направленіямъ на разстояніи пятнадцати и двадцати лье, находили еще съѣстные припасы. Но ихъ большею частью приходилось отнимать у несчастныхъ поселянъ, скрывавшихся со своими семействами въ горахъ и лѣсахъ, что равнялось обреченію ихъ на голодную смерть. Эти постоянно повторявшіяся сцены насилія, деморализовали солдатъ и развивали между ними чисто-разбойническія привычки. Когда средства къ пропитанію сдѣлались болѣе рѣдкими, это послужило къ такимъ дикимъ и жестокимъ поступкамъ, которые давно уже перестали безчестить военные обычаи. По этому поводу имѣется довольно вѣроятное свидѣтельство человѣка: участвовавшаго въ это время въ ужасной испанской войнѣ, и который принялъ командованіе изъ рукъ самого Массены «Въ каждомъ полку, писалъ Мармонъ, образовывались отряды изъ вооруженныхъ и невооруженныхъ людей, которые обыскивали страну и брали все, что ни найдутъ. Встрѣчая португальцевъ, они ихъ хватали и подвергали пыткамъ для полученія свѣдѣній, гдѣ были спрятаны съѣстные припасы. *Вѣшали до-красна*, это была первая угроза; *потомъ вѣшали до-синя* — и затѣмъ наступала смерть [237])». Вотъ каковы были средства цивилизаціи, употребляемыя Наполеономъ, въ то время, какъ онъ заставлялъ свой сенатъ подносить ему титулъ возстановителя Испаніи.

Эти жестокости достаточно доказали, какъ правъ былъ

---

[237]) *Мемуары* Мармона, т. IV.

англійскій генералъ, посовѣтовавъ португальцамъ перевести запасы во внутрь укрѣпленныхъ линій. Безспорно, что его свои приказанія, повидимому столь безжалостныя, были въ одно и тоже время для жителей самыми полезными мѣрами, а для насъ самыми разрушительными. Если бы они были въ точности исполнены, Массена не могъ бы продержаться пятнадцати дней передъ Торресъ-Ведрасомъ. Русскіе, въ систематическомъ опустошеніи, которое они противопоставили Наполеону въ 1812, примѣнили, какъ и въ самомъ своемъ отступленіи, методу Веллингтона. Эта метода была единственнымъ способомъ противодѣйствовать привычкѣ, очень удобной, но и опасной, усвоенной нашими войсками и которая заключалась въ томъ, чтобы брать продовольствіе у завоеванной страны и жить на счетъ ея жителей. Это былъ ужасный, но побѣдоносный отвѣтъ дикой аксіомѣ: «Война должна питать войну!»

Впрочемъ, ежели англійскій генералъ и не испытывалъ за своими линіями такихъ же затрудненій по поводу прокормленія своихъ войскъ, такъ какъ онъ былъ снабжаемъ съѣстными припасами моремъ, и хотя онъ могъ быть вполнѣ доволенъ мужественнымъ настроеніемъ своей арміи и хорошимъ расположеніемъ духа своихъ офицеровъ, которые отдыхали отъ военныхъ трудовъ, предаваясь удовольствіямъ охоты и рыбной ловли [238]), тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ бороться съ серьезными затрудненіями, поставляемыми ему португальскимъ регентствомъ и возрастающими опасеніями англійскаго кабинета, который онъ напрасно старался ободрить.

Регентство всегда питало надежду, что Веллингтону удастся удержать войну на границахъ Португаліи. Съ тѣхъ поръ, какъ столицѣ стала угрожать опасность, оно не теряло ни одного удобнаго случая мѣшать его дѣйствіямъ и выказывать ему свое неодобреніе. Лиссабонскій патріархъ и прин-

[238]) Lord Londonderry, Story of the peninsular war.

ципалъ Суза были самыми ревностными сподвижниками этой безумной оппозиціи. Они упрекали Веллингтона то за сдержанность, то за его строгіе приказы, которые были между тѣмъ необходимы для выполненія въ Алентехо мѣръ, принятыхъ уже въ другихъ провинціяхъ, то за лишенія, которымъ приходилось подвергаться ради общихъ интересовъ, или наконецъ за дополнительныя работы, производимыя имъ на лѣвомъ берегу Таго. Нѣсколько разъ Веллингтону угрожало возмущеніе въ Лиссабонѣ. Тѣмъ не менѣе ему удалось заставить молчать Сузу угрозою, что онъ его отправитъ въ Бразилію. Вскорѣ приказы, присланные изъ Бразиліи, куда удалился регентъ, дали понять членамъ португальскаго правительства, что необходимо подчиниться планамъ англійскаго генерала. Съ другой стороны, министерство Ливерпуля-Персиваля, угрожаемое въ своемъ существованіи разстройствомъ умственныхъ способностей короля, внушало ему болѣе чѣмъ когда либо величайшую осторожность, тогда какъ журналы и нѣкоторые изъ его собственныхъ офицеровъ упрекали его за то, что онъ не аттакуетъ ослабѣвшей арміи Массены.

Онъ сознавалъ, что могъ сдѣлать это, имѣя много данныхъ на успѣхъ. Однако онъ зналъ изъ нашей перехваченной корреспонденціи, что Массена очень бы желалъ быть аттакованнымъ; но въ случаѣ всегда могущей произойти неудачи, онъ открывалъ французамъ чрезъ свои линіи дорогу до Лиссабона и до своихъ кораблей, и тогда все было-бы потеряно. Зачѣмъ подвергаться столь большому риску, когда со временемъ можно было быть увѣреннымъ въ удачѣ, ничѣмъ не рискуя. Къ тому же, замѣчалъ онъ съ глубокою вѣрностью, его цѣль была не столько въ томъ, чтобъ изгнать французовъ изъ Португаліи, сколько въ томъ, чтобъ истощать ихъ силы до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ на столько ослаблены, что настанетъ возможность наносить имъ рѣшительные удары. До тѣхъ поръ, къ чему послужилъ бы ихъ выходъ изъ нѣкоторыхъ про-

винцій? Только къ образованію большихъ скопленій войскъ, съ которыми борьба была-бы невозможна. Очищенныя ими провинціи, разъ освобожденныя отъ ихъ присутствія, ничѣмъ уже не помогали-бы общему дѣлу; Галиція представляла тому разительный примѣръ. Выгоднѣе было поддерживать ихъ силы въ разъединенномъ положеніи, ихъ истощавшемъ, и употреблять противъ нихъ гверильясовъ: «Впрочемъ, прибавлялъ онъ, оканчивая свои проницательныя замѣчанія, положеніе Массены представляетъ необычайный примѣръ того, что можно ожидать отъ французской арміи [239]).»

Въ половинѣ ноября, Массена, вполнѣ истощивъ средства мѣстности, на которой онъ стоялъ лагеремъ, и находясь къ тому же все въ менѣе и менѣе надежномъ положеніи, по мѣрѣ того какъ уменьшались его силы, отодвинулъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ маневровъ свои линіи на нѣсколько лье назадъ. По его разсчету армія потеряла восемь тысячъ человѣкъ съ тѣхъ поръ какъ покинула Альмейду [240]). Онъ расположилъ свой главный штабъ съ корпусомъ Рейнье въ Сантаремѣ, между Таго у Ріо Майоръ; эта позиція, доступная только съ узкаго шоссе и окруженная болотами, была, по словамъ его противниковъ, самою сильною въ Португаліи. Жюно занялъ Альканґеде и Торресъ-Новасъ, а Ней растянулся отъ Томара до Пунгете; онъ разставилъ свою кавалерію въ Леиріи, на склонахъ д'Естреллы, для охраненія дороги чрезъ Коимбру. На этихъ новыхъ позиціяхъ, которыя были избраны и которыми воспользовались съ совершеннымъ искусствомъ, армія нашла въ своемъ распоряженіи новыя средства для существованія; она могла съ успѣхомъ выдерживать всѣ предпріятія непріятеля. Ежели нельзя было сказать, что Массена блокировалъ англійскія линіи, потому что Веллингтонъ имѣлъ сообщеніе чрезъ Алентехо и

---

[239]) *Dispatches*: Веллингтонъ лорду Ливерпулю, 21 декабря 1810.

[240]) Массена къ Бертье, 29 октября 1810.

получалъ припасы моремъ, по крайней мѣрѣ онъ сохранялъ въ отношеніи англичанъ наступательное и угрожающее положеніе, которое позволило-бы ему аттаковать ихъ, какъ скоро Наполеонъ дастъ ему на то средства. Генералъ Эбле принялся дѣятельно строить, по приказанію Массены, мосты чрезъ Зезеру и дѣлать приготовленія, болѣе сложныя и трудныя, для постройки моста чрезъ Таго, противъ Пунгете. Эта постройка, всѣ средства для которой долженъ былъ создать Эблэ съ помощью терпѣнія, настойчивости и умной изобрѣтательности, была необходима не только для совмѣстнаго дѣйствія съ корпусомъ Мортье, долженствовавшемъ прибыть изъ Андалузіи, но даже и на случай прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій съ сѣвера. Въ самомъ дѣлѣ, аттака линій Торресъ-Ведраса могла имѣть нѣкоторый шансъ на успѣхъ только при условіи, что она будетъ произведена въ одно и тоже время съ обоихъ береговъ Таго. Какъ ни были недоступны эти линіи со стороны лѣваго берега, по причинѣ большой ширины устья Таго, можно было изъ Альмады, гдѣ рѣка соединяется съ моремъ, бросать бомбы на низменныя части Лиссабона, и можетъ быть заставить удалиться флотъ. Эта опасность, не замѣченная сперва по невнимательности адмирала Берклея, немного позже заставила Веллингтона укрѣпить Альмаду.

Наши сообщенія были по прежнему прерываемы. Не знали, ни что происходитъ во Франціи, ни что дѣлается на остальномъ Полуостровѣ. Для передачи письма изъ одного мѣста Испаніи въ другое требовалось по меньшей мѣрѣ до пятисотъ человѣкъ конвоя, а иногда и до двухъ тысячъ. По словамъ самого короля Іосифа, изъ восьмидесяти плѣнныхъ, отправляемыхъ изъ Андалузіи, только сорокъ прибывали въ Мадридъ, а въ Байону не болѣе десяти [241]). Часто не при-

[241]) Іосифъ къ Наполеону, 31 августа 1810.

бывалъ ни одинъ: генералы торговали ихъ освобожденіемъ [242]). Массена такимъ образомъ имѣлъ полное основаніе думать, что спѣшныя депеши, въ которыхъ онъ просилъ помощи у Наполеона, не достигали до Бертье. Въ первыхъ числахъ ноября, онъ отправилъ въ Парижъ, подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя, генерала Фуа, — человѣка образованнаго, способнаго и краснорѣчиваго, поручивъ ему передать императору всѣ необходимыя свѣдѣнія для уясненія положенія нашей арміи.

Генералъ Фуа прибылъ въ Парижъ 22 ноября. Скоро допущенный къ императору, онъ нашелъ его полнымъ предубѣжденія противъ Массены и самообольщенія о возможности окончанія войны, а также недовольнымъ всѣми своими генералами, за исключеніемъ Сюше. Фуа нетрудно было оправдать своего начальника и доказать, что всѣ наши операціи были вынуждены силою обстоятельствъ. Къ этому оправданію онъ присовокупилъ откровенный и полный отчетъ о нуждахъ нашей арміи, о ея страданіяхъ, о недостаточности ея силъ противъ громадныхъ укрѣпленій Торресъ-Ведраса; наконецъ о необходимости послать значительныя подкрѣпленія, ежели только желали добиться счастливыхъ результатовъ.

Это объясненіе очевиднаго свидѣтеля, раздѣлявшаго всѣ испытанія португальской арміи и очень уважаемаго, какъ за характеръ, такъ и за познанія, должно-бы было разсѣять всѣ самообольщенія и недоразумѣнія. Это былъ послѣдній случай, представлявшійся Наполеону, чтобы загладить ошибки, допущенныя имъ въ Испаніи. Теперь пришлось-бы направить противъ Полуострова уже не двѣ дивизіи Друэ, а подкрѣпленіе по крайней мѣрѣ въ сто тысячъ человѣкъ; кромѣ того необходимо было самому лично туда отправиться для того, чтобъ прекратить соперничества и дать всѣмъ опера-

---

[242]) Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ Іосифомъ и самимъ Наполеономъ. 17 сентября, къ Бертье.

ціямъ одинъ общій починъ. Въ продолженіе этого времени необходимо было быть въ мирѣ съ Европой, то есть отказаться отъ политики на-авось, съ рисками, завоеваніями, вызовами и оскорбленіями. Но можно ли было ожидать такой перемѣны къ лучшему отъ императора, ввязавшагося уже въ двадцать новыхъ предпріятій и увлекаемаго фатальностью своихъ страстей?

Объявляя чрезъ *Монитеръ* о прибытіи Фуа, онъ продолжалъ обманывать страну относительно положенія португальской арміи. Онъ ее какъ бы оскорблялъ въ ея несчастіи, публикуя, «*что она имѣетъ въ изобиліи хлѣбъ, говядину, рисъ, вино, ромъ, сахаръ и кофе!*» По его словамъ, насъ всюду сопровождали успѣхи [243]). Таковъ былъ единственный видимый результатъ этого великаго и суроваго урока. Онъ пропустилъ, не воспользовавшись ею, эту послѣднюю отсрочку, дарованную ему фортуною. Онъ только-что осуществилъ гибельное присоединеніе ганзейскихъ городовъ, Валлиса и великаго, герцогства Ольденбургскаго, и собиралъ большую армію для завоеванія Россіи, смотря на эту новую войну, какъ на самую обыкновенную случайность, которая однакожь вынуждала его растянуть свою операціонную линію отъ Кадикса до Москвы! Онъ отправилъ генерала Фуа съ самыми лестными обѣщаніями, но не сдѣлалъ ничего для спасенія португальской арміи. Казалось, что съ этихъ поръ онъ смотрѣлъ на дѣла въ Испаніи, какъ на второстепенный вопросъ, въ разрѣшеніи котораго онъ былъ увѣренъ, какъ только окончитъ завоеваніе Европы.

До тѣхъ поръ, слѣдовательно, казалось ему возможнымъ безъ малѣйшаго неудобства тянуть войну, предоставляя нашихъ генераловъ ихъ собственнымъ силамъ. Приказы, посланные Друэ и Сульту, доказываютъ, что онъ зналъ всю важность операцій Массены и трудность его положенія,

---

243) *Монитеръ*, 23 и 29 ноября 1810.

а между тѣмъ эти приказы совершенно были лишены точности, необходимой для ихъ дѣйствительности. Тому и другому онъ давалъ знать, *что все дѣло было на Таго*, что прежде всего надо подать помощь Массенѣ и изгнать англичанъ изъ Полуострова; но онъ присовокуплялъ къ этимъ мѣрамъ добавочныя инструкціи, которыя парализовали ихъ дѣйствительность. Такъ, приказывая Друэ спѣшить на подкрѣпленіе Массены, онъ ему предписывалъ въ одно и тоже время «не дать отрѣзать себя отъ Альмейды [244])». Онъ высказывалъ свое неудовольствіе Сульту по поводу того, что тотъ оставилъ корпусъ Мортье въ Севильѣ и выпустилъ такимъ образомъ ла Романа, который соединился съ Веллингтономъ; онъ писалъ ему, «что приступы къ Кадиксу не могутъ быть отбиты жалкими войсками, находящимися въ этомъ городѣ,» и что его главная цѣль должна заключаться въ посылкѣ корпуса изъ арміи на Таго, между Монтальвао и Виллафлоръ, гдѣ его ожидалъ Массена. Но онъ опредѣлялъ силу этого корпуса въ *десять тысячъ человѣкъ* — цифра до такой степени недостаточная, что войско въ такомъ числѣ даже не достигло-бы до мѣста своего назначенія [245]).

Маршалъ Сультъ только и искалъ предлога, чтобы не повиноваться; онъ нисколько не хотѣлъ оказывать помощи Массенѣ и тѣмъ увеличивать славу своего соперника. Впрочемъ у него самого было довольно дѣла при оборонѣ отъ постоянныхъ нападеній, производимыхъ защитниками Кадикса, на фланги осаждающей арміи, посредствомъ высадки отрядовъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости, противъ вылазокъ изъ Гибралтара, противъ гверильясовъ Ронды и частыхъ аттакъ арміи мурційской. Онъ воспользовался затруднительностью отправки требуемой помощи, чтобы не послать никакой. У него, впрочемъ, былъ свой собственный взглядъ

[244]) Наполеонъ къ Бертье, 20 и 22 ноября 1810.
[245]) Бертье къ Сульту, 4 декабря 1810.

на степень содѣйствія, которое онъ долженъ былъ оказать Массенѣ. Когда уже нельзя было болѣе уклоняться отъ настоятельныхъ требованій, съ которыми къ нему обращались со всѣхъ сторонъ, онъ рѣшился явиться на помощь къ своему знаменитому сотоварищу; но, какъ очень мѣтко замѣтилъ Массена [246]), вмѣсто того, чтобъ оказать хоть какую нибудь поддержку португальской арміи, онъ самъ хотѣлъ воспользоваться ею, какъ передовою силой, для предпринятія съ полной безопасностью осады Оливенцы и Бадахоза, подъ предлогомъ невозможности оставить столь сильныя крѣпости позади своей арміи.

У генерала Друэ не было недостатка въ готовности и доброй волѣ, но онъ грѣшилъ излишествомъ совѣстливости, тогда какъ Сультъ грѣшилъ противоположнымъ недостаткомъ. Друэ привелъ въ послѣднихъ числахъ декабря подкрѣпленія, ожидаемыя съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ. Но онъ не имѣлъ съ собою ни съѣстныхъ припасовъ, ни денегъ. Это прославленное подкрѣпленіе состояло изъ какихъ-то восьми тысячъ человѣкъ, нуждающихся во всемъ; оно заключалось въ остаткѣ дивизіи Конру и въ отрядѣ, оставленномъ Массеною въ Альмейдѣ, подъ предводительствомъ Гардана. Друэ принужденъ былъ выступить, не дождавшись своей второй дивизіи, которая находилась еще на сѣверѣ. Озабоченный согласованіемъ противорѣчивыхъ инструкцій, предписывавшихъ ему въ одно и тоже время соединиться съ Массеной и сохранить сообщенія съ Альмейдой, два дѣла легко исполнимыя на бумагѣ въ Парижѣ, но которыхъ нельзя было осуществить въ Португаліи, — Друэ даже при условіи, что приведенныя имъ подкрѣпленія не были бы такъ ничтожны, не принесъ бы значительной пользы.

Такъ прошла зима среди жестокихъ лишеній, мужественно переносимыхъ. Генералъ Эблé окончилъ приготовленія

---

[246]) Массена къ Бертье, 20 марта 1811.

для двухъ мостовъ, которые нужно было устроить черезъ Таго; но нечего было и думать воспользоваться ими, пока корпусъ Мортье не покажется на лѣвомъ берегу рѣки. При настоящей своей силѣ армія Массены была въ полной невозможности дѣйствовать въ одно и тоже время на обоихъ берегахъ. Разъединясь передъ непріятелемъ, который благодаря укрѣпленіямъ Торресъ-Ведраса могъ переноситься на тотъ или другой берегъ, она подверглась-бы неминуемой гибели. Впрочемъ переправа черезъ Таго, неудобная во всякое время года, по причинѣ быстрой прибыли воды въ рѣкѣ и по ея значительной ширинѣ, становилась день ото дня затруднительнѣе. Верфи Пунгете давно уже обращали на себя вниманіе Веллингтона; онъ построилъ форты и размѣстилъ батареи въ нѣкоторомъ разстояніи одну отъ другой на лѣвомъ берегу Таго. Онъ приказывалъ своей кавалеріи и милиціи постоянно проходить по этому берегу; наконецъ онъ имѣлъ тамъ корпусъ войскъ подъ предводительствомъ Бересфорда, готоваго выступить противъ арміи, которая могла-бы придти изъ Андалузіи.

Возвращеніе генерала Фуа въ первыхъ числахъ февраля 1811, поддержало остатокъ вѣры и надежды въ португальской арміи, но вскорѣ послѣдовало новое разочарованіе. Полный обѣщаній императора и своихъ собственныхъ иллюзій, генералъ объявилъ за достовѣрный фактъ близкое прибытіе Сульта во главѣ вспомогательной арміи. Какъ бы для подтвержденія справедливости его словъ, съ 10 по 15 февраля слышны были артиллерійскіе выстрѣлы, хотя и ослабляемые разстояніемъ, но явственные, по направленію отъ Бадахоза. Нѣсколько дней спустя, послѣ перемѣны вѣтра, ничего уже больше нельзя было разслышать. Эти отдаленные и какъ бы ускользающіе отъ слуха выстрѣлы составляли все, что португальской арміи суждено было получить отъ содѣйствія Сульта.

Принужденный наконецъ формальными приказаніями идти

на помощь къ Массенѣ, Сультъ направился въ половинѣ января на Гваділану съ двадцатью тысячами человѣкъ. Онъ взялъ въ нѣсколько дней Оливенцу. Потомъ онъ приступилъ къ правильной осадѣ Бадахоза, въ то время какъ солдаты Массены умирали съ голоду и считали часы въ ожиданіи его прихода. А онъ вдобавокъ еще хотѣлъ, чтобы восхваляли его образъ дѣйствія. Онъ отвѣчалъ на упреки Бертье тономъ великодушнаго человѣка, который терпитъ несправедливыя обвиненія. Онъ приводилъ въ свое оправданіе, что если бы онъ послалъ въ Португалію только десять тысячъ человѣкъ, какъ того требовалъ императоръ, то это подкрѣпленіе не достигло бы даже своего назначенія; это было справедливо, но вовсе не извиняло его въ томъ, что онъ не послалъ всѣхъ двадцати тысячъ. Онъ обѣщалъ вскорѣ взять Кадиксъ, если только императоръ разрѣшитъ блокировать его одною изъ своихъ эскадръ: планъ дѣйствительно былъ бы очень удобоисполнимъ, но при томъ условіи, чтобъ адмиралъ Коллингвудъ, который только-что сжегъ недалеко оттуда пять нашихъ военныхъ кораблей, дозволилъ намъ дѣйствовать такимъ образомъ — безъ помѣхи. Наконецъ онъ кончалъ, «умоляя императора прислать достойнаго довѣрія военнаго человѣка, для разсмотрѣнія его образа дѣйствій и даже для занятія его мѣста. Онъ же самъ не могъ сдѣлать большаго и желалъ только славной смерти [247])».

Вмѣсто того, чтобъ умирать, гораздо бы лучше было испробовать, даже съ малымъ шансомъ на успѣхъ, одно изъ тѣхъ отважныхъ и энергическихъ предпріятій, которыя такъ высоко подняли славу нашихъ прежнихъ великихъ генераловъ. Но съ тѣхъ поръ все понизилось: отвага, честолюбіе, геній, и какъ замѣтилъ Веллингтонъ, когда Ней велъ осаду Ціудадъ-Родриго до прибытія Массены, «не такъ французы побѣждали Европу [248])!» Весь февраль мѣсяцъ прошелъ, а

[247]) Сультъ къ Бертье, 22 и 25 января 1811.
[248]) Къ Генри Уэллеслею, 11 іюня 1810.

между тѣмъ никто не показывался на лѣвомъ берегу Таго и не получалось отъ Сульта ни малѣйшаго ободрительнаго извѣстія. Страданія арміи сдѣлались невыносимыми! Страна, занятая нами уже около шести мѣсяцевъ, приведена была въ такое истощеніе на пятнадцать льё въ окружности, что англійская армія, послѣ нашего удаленія, нашла дома, полные мертвыми и умирающими отъ истощенія [249]). Наконецъ нужно было подумать объ удаленіи изъ этихъ мѣстъ, бывшихъ свидѣтелями стольких усилій и трудовъ, такого постоянства и стольких напрасныхъ жертвъ. Но еще и на этотъ разъ неукротимая душа Массены, недоступная отчаянію, которое сокрушало самые сильные характеры, не хотѣла подчиниться мысли объ отступленіи. Сыскать мѣстность для расположенія новаго лагеря, гдѣ бы армія могла жить, въ ожиданіи той минуты, когда она въ состояніи будетъ снова начать наступательныя движенія, — вотъ вся уступка, которую онъ согласился сдѣлать несчастному стеченію обстоятельствъ.

Армія могла избрать это новое расположеніе или въ Алентехо, перейдя вся на лѣвый берегъ Таго и сохраняя путь отступленія на Андалузію, или за Мондего въ пятнадцати льё отъ своего настоящаго расположенія. Перемѣститься въ Алентехо, значило отказаться отъ всякаго наступательнаго движенія противъ англичанъ, потому что невозможно было сохранить ни одного моста на Таго; при этомъ вся Старая-Кастилія предоставлялась ихъ вторженіямъ [250]). На Мондего можно было, напротивъ, держать англичанъ на сторожѣ и сохранять основаніе своихъ операцій въ Ціудадъ-Родриго, — словомъ, прикрывать центръ Полуострова. Вводя въ заблужденіе непріятеля единовременными демонстраціями по фронту своей линіи отъ Пун-

---

[249]) Непиръ.
[250]) Рапортъ Массены къ Бертье, 6 марта 1811.

гете до Леиріи, а держа, такимъ образомъ, Веллингтона въ неизвѣстности о томъ, перейдетъ ли онъ Таго у Пунгете, или отступитъ чрезъ Леирію на Коимбру, Массена воспользовался съ удивительнымъ искусствомъ нерѣшительностью непріятеля, для того, чтобъ отправить своихъ больныхъ, свой багажъ, затѣмъ главную часть своего войска по дорогамъ, которыя отъ Томара направлялись — одна на Помбаль, другая на Эспингаль. 8 марта, послѣ трехдневнаго похода, почти вся армія перешла за Эстреллу. 11-го, она приближалась къ Коимбрѣ, когда Ней, занимавшій Помбаль съ сильнымъ аріергардомъ, имѣлъ первую схватку съ англійскими войсками, пустившимися за нами въ преслѣдованіе.

Монбренъ двинулся на Мондего съ своею кавалеріею. Но онъ не могъ, какъ надѣялись, взять Коимбры, мостъ которой онъ нашелъ разрушеннымъ и всѣ проходы сильно защищаемыми милиціею полковника Трана. Коимбра была необходима для занятія линіи Мондего; такимъ образомъ нужно было завладѣть ею, во что бы то ни стало, прежде чѣмъ мы будемъ тѣснимы англійскою арміею. Все зависѣло, слѣдовательно, отъ сопротивленія, которое нашъ аріергардъ противопоставитъ непріятелю. Сраженіе при Редингѣ, гдѣ Ней выдержалъ съ удивительною стойкостью столкновеніе съ англійскими массами, которыя окружили его со всѣхъ сторонъ, дало поводъ надѣяться, что онъ выиграетъ время, необходимое для постройки моста на судахъ, безъ котораго нельзя было взять Коимбры. Но по временному ли упадку силъ, или по тайной враждѣ къ Массенѣ, власти котораго онъ подчинялся неохотно, этотъ маршалъ, впослѣдствіи столь великій въ гораздо труднѣйшемъ отступленіи, не выказалъ на другой день при Кондейксѣ ни прежняго хладнокровія, ни прежней стойкости. Послѣ короткаго сопротивленія, въ опасеніи за свой лѣвый флангъ, которому угрожалъ выдвинувшійся непріятельскій отрядъ, онъ свернулъ по направле-

нію къ Миранда де-Корво и предоставилъ непріятелю дефилеи Кондейксы. Размѣщеніе на Мондего по одной этой причинѣ сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ нельзя было предпринять переправы черезъ рѣку, въ полной увѣренности быть аттакованнымъ во время этой переправы [251]). Массенѣ ничего не оставалось болѣе, какъ подняться вверхъ по рѣкѣ чрезъ Пуэнте де Мурчелла, по направленію къ Ціудадъ-Родриго, слѣдуя по дорогѣ, параллельной той, по которой онъ проходилъ при вступленіи въ Португалію. Англичане сдѣлали еще новую попытку при Фозъ-д'Аронсѣ противъ нашего аріергарда, но послѣ этого послѣдняго усилія они отказались отъ кровопролитнаго наступленія, которое не представляло выгодныхъ результатовъ.

Массена возвращался на границу Испаніи съ сердцемъ, переполненнымъ горечью отъ неблагодарной роли, которую его заставили принять на себя къ концу его столь долго славной карьеры и отъ сознанія, что всѣ недостойно его покинули послѣ столькихъ обѣщаній. Но онъ не потерялъ въ этомъ гибельномъ отступленіи ни одной пушки, ни одной обозной фуры, ни одного больнаго [252]), и этимъ результатомъ онъ обязанъ только своей энергіи, потому что Ней по прибытіи въ Помбаль открыто говорилъ, что должно уничтожить всѣ экипажи и ящики для облегченія отступленія [253]). Армія Массены, отъ которой осталось только сорокъ тысячъ человѣкъ, какъ вслѣдствіе лишеній, такъ и битвъ, не имѣла ни съѣстныхъ припасовъ, ни амуниціи, ни сапоговъ, ни лошадей, способныхъ переносить долгое напряженіе; солдаты были покрыты мундирами въ лохмотьяхъ. Привыкшіе къ постояннымъ успѣхамъ, они не выказывали уже болѣе той дисциплины въ несчастіи и неудачахъ, которую они сохраняли при побѣдахъ.

---

[251]) Массена къ Бертье, 19 марта 1811.
[252]) Ibid.
[253]) Массена къ Бертье, 31 марта 1811.

Еще болѣе тяжкія испытанія, чѣмъ тѣ, которыя онъ перенесъ, ожидали Массену. Прибывъ въ Челорико 22 марта 1811, этотъ неустрашимый полководецъ, не хотѣвшій еще признать себя побѣжденнымъ и покинувшій Португалію только по необходимости, составилъ планъ для перевода своей арміи на Таго чрезъ Пласенцу и Корію; на этой позиціи онъ могъ по крайней мѣрѣ сохранять наступательное положеніе и маневрировать во флангъ англичанъ, если бы они стали подвигаться въ Старую Кастилію. Съ такою цѣлью онъ сталъ собирать свѣдѣнія о средствахъ для существованія въ той мѣстности. Какъ только Ней узналъ объ этомъ планѣ, тотчасъ къ довершенію дурныхъ отношеній къ своему начальнику, выказанныхъ имъ съ самаго открытія кампаніи, написалъ Массенѣ очень странное письмо, въ которомъ объявлялъ, что рѣшительно отказывается отъ выполненія этого маневра, если только онъ не будетъ ему предписанъ особымъ приказомъ императора. Къ этому объявленію, неслыханному со стороны подчиненнаго, была присовокуплена демонстрація о неудобствахъ операціи на Пласенцію [254]). Массена, вмѣсто всякаго отвѣта, ограничился повтореніемъ маршалу Нею приказанія приготовиться къ выполненію этого движенія. Ней, со своей стороны, настаивалъ на требованіи приказа отъ императора, опять объявляя о своемъ твердомъ намѣреніи не повиноваться, если ему его не предъявятъ: «Я знаю, писалъ онъ въ концѣ этого втораго письма, что, сопротивляясь такъ открыто вашимъ намѣреніямъ, я беру на себя большую отвѣтственность, но буду ли я разжалованъ или сложу свою голову, я не предприму движенія на Пласенцію и Корію, о которомъ мнѣ говоритъ Ваше Превосходительство, если только, я это повторяю, оно не будетъ приказано императоромъ [255]).

[254]) Ней къ Массенѣ, 2 часа по полудни.
[255]) Ней къ Массенѣ, 4 часа по полудни.

Подобное письмо, какова бы ни была личность его автора, никогда не могло быть написано въ арміи, въ которой чувство долга и уваженіе къ дисциплинѣ не была бы сильно подорвана. Въ войскахъ, сохранившихъ самоотверженіе, въ которомъ и заключается главная суть военной чести, общее настроеніе отражается на отдѣльныхъ личностяхъ и служитъ предохраненіемъ отъ столь опасныхъ отступленій. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ былъ тревожнымъ открытіемъ относительно нравственнаго состоянія нашей арміи; онъ доказывалъ, что она дошла до той степени изнеможенія, унынія и упадка духа, когда нечего уже ожидать отъ нея большихъ усилій, необходимыхъ для дѣятельной кампаніи: «Достаточно, писалъ Массена, непріятелю показать головы нѣсколькихъ своихъ колоннъ, чтобы испугать нашихъ офицеровъ и заставить ихъ открыто говорить, что это идетъ вся армія Веллингтона.» Впрочемъ извѣстія, пришедшія изъ Эстремадуры, показывали, что было бы очень трудно тамъ прокормиться, а Рейнье очень повредилъ этому плану, позволивъ напасть на себя врасплохъ при Сабугалѣ. Массена поневолѣ долженъ былъ возвратиться со своими войсками къ Ціудадъ-Родриго и Саламанкѣ, лишивъ Нея командованія и назначивъ въ шестой корпусъ начальникомъ генерала Лоазона.

Массена предвкусилъ уже въ первыхъ числахъ апрѣля ту немилость, которая ожидала его въ награду за его долгія испытанія: «Имѣйте успѣхъ, часто говорилъ Наполеонъ, я сужу людей только по результатамъ [256])!» Массена не выполнилъ этого знаменитаго правила. Письмо Бертье, отъ 29 марта, принесло ему мало скрытое нареканіе императора относительно операцій португальской арміи. Приказавъ ему такъ настоятельно идти прямо на англичанъ, за малочисленность и слабость которыхъ такъ самоувѣренно ручались, онъ

[256]) *Мемуары Моліена.*

упрекалъ его теперь въ томъ, что онъ слишкомъ смѣло аттаковалъ позицію Бусако и потомъ дошелъ до линій Торресъ-Ведраса, о существованіи которыхъ даже никто и не подозрѣвалъ! Императоръ, говорилъ Бертье, остановился бы у Коимбры, укрѣпился бы тамъ, построилъ магазины, поднялъ бы нравственное состояніе своихъ войскъ и т. д., совѣты, которые всегда легко говорить послѣ событій; незаслуженный упрекъ, который можно было только по недостатку стыда давать такому славному полководцу, всѣ несчастія котораго были причинены безпечностью и непредусмотрительностью самого Наполеона. Чтобы судить о настоящей стоимости этихъ упрековъ, достаточно припомнить нетерпѣніе, выказанное императоромъ при началѣ кампаніи, и этимъ опредѣлить его чувства, если бы маршалъ отказался отъ борьбы.

Въ это время счастливый соперникъ Массены, отмщенный наконецъ за зависть, опасенія, недовѣріе, мрачныя предсказанія, пристрастныя обсужденія, предметомъ которыхъ было его великое предпріятіе, былъ осыпанъ Англіею выраженіями признательности и восторга. Палата общинъ и палата лордовъ выразили ему самую лестную благодарность [257]), и всѣ партіи соединились въ единодушномъ національномъ чувствѣ. Министерство, которое, за нѣсколько дней передъ отступленіемъ Массены, писало Веллингтону, чрезъ лорда Ливерпуля, съ упреками за громадность издержекъ и давало ему понять, что не можетъ болѣе доставлять денегъ [258]), оказывало ему теперь самое почтительное вниманіе. Онъ одинъ все предвидѣлъ, онъ одинъ имѣлъ вѣрный взглядъ, онъ одинъ постигъ родъ тактики, которую нужно было противопоставить Наполеону; наконецъ ему одному были обязаны единственной большой неудачей, постигшей императорское могущество на континентѣ. Съ этихъ поръ Вел-

---

[257]) Резолюціи 26 апрѣля 1811.

[258]) Лордъ Ливерпуль къ Веллингтону, 20 февраля 1811.

лингтонъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе замѣтное превосходство вліянія не только на направленіе военныхъ, но такъ же и политическихъ дѣлъ.

Онъ не остановился на этомъ замѣчательномъ успѣхѣ и приготовлялся воспользоваться имъ для нанесенія намъ новыхъ ударовъ. Благодаря подкрѣпленіямъ, въ которыхъ ему уже болѣе не отказывали, и вынужденному разъединенію арміи Массены, которая умирала съ голоду въ Саламанкѣ, точно также какъ и въ Португаліи, Веллингтонъ сталъ на столько силенъ, что могъ раздѣлить свои войска на два корпуса и дѣйствовать въ одно и тоже время въ Эстремадурѣ и въ Старой Кастиліи. Онъ рѣшился возвратить португальцамъ укрѣпленія, которыя мы взяли въ этихъ двухъ провинціяхъ, то есть, Альмейду и Ціудадъ-Родриго, а такъ же и Бадахозъ, сдавшійся Сульту 12 марта. Догадываясь съ вѣрной проницательностью, что несчастная португальская армія должна была сильно сократить запасы Альмейды, Веллингтонъ ограничился обложеніемъ этого укрѣпленія, въ то время, какъ его подчиненный Бересфордъ долженъ былъ осадить Бадахозъ.

Португальская армія далеко еще не поправилась отъ своихъ усилій и въ особенности отъ перенесеннаго ею моральнаго потрясенія, когда уже пришлось отражать новую опасность. Но она получила подкрѣпленія, лошадей и часть обмундировки, въ которой очень нуждалась. Такъ какъ Альмейда могла продержаться только нѣсколько дней, то Веллингтонъ, ставшій менѣе осторожнымъ, ослабилъ себя почти на половину своихъ войскъ. Массена нашелъ случай удобнымъ для отбитія блокады отъ крѣпости и для блестящаго отмщенія англичанамъ. 2 мая 1811, онъ направился изъ Ціудадъ-Родриго на Альмейду, приблизительно съ тридцатью восемью тысячами человѣкъ, къ которымъ присоединились одна батарея и пятьсотъ конно-гвардейцевъ, приведенныхъ маршаломъ Бессьеромъ. 3 мая онъ расположился противъ

англійской арміи. Она укрѣпилась, по своему обыкновенію, на мѣстности, очень удобной для обороны, между двумя рѣчками — Досъ Казасомъ и Туроном. Оттуда она прикрывала свои работы по обложенію Альмейды и простиралась отъ форта Консепсіонъ и Аламеды до Фуэнтесъ де Оноро; ея фронтъ былъ защищенъ глубокимъ оврагомъ Досъ Казаса, а отступленіе обезпечено двумя мостами на Туронъ и Коа. Въ первый разъ послѣ Бусако она уступала намъ въ численности и не превышала тридцати шести тысячъ человѣкъ, считая также и испанскія вспомогательныя войска; но сила ея позиціи вполнѣ вознаграждала ее за наше преимущество.

Такъ какъ лѣвая сторона и центръ Веллингтона были очень трудно доступны по причинѣ глубины оврага Досъ Казаса, то Массена рѣшился аттаковать его правую сторону у Фуэнтесъ де Оноро, отнять у него, буде возможно, мостъ на Коа, обезпечивавшій ему отступленіе на Кастельбоне, затѣмъ отбросить всю его армію въ лощину, образуемую Дуро, Коа и Агуэдой. 3 мая, послѣ полудня, дивизія Ферея съ живостью аттаковала деревню Фуэнтесъ де Оноро; взяла ея низменную часть, въ которой и утвердилась безъ особыхъ затрудненій. Но когда она хотѣла завладѣть возвышенною частью, сильно занятою отрядами и прикрытою Досъ Казасомъ, ее встрѣтили ужасающимъ огнемъ, такъ что она принуждена была отступить за ручей. Вторая аттака, произведенная на этотъ разъ двумя дивизіями Ферея и Маршана, была еще усилена многочисленною артиллеріею, которая пронизывала ядрами всю деревню, въ то время какъ Рейнье производилъ нападеніе на Аламеду для привлеченія вниманія англичанъ на ихъ лѣвую сторону. Аттака эта имѣла не болѣе успѣха. Наши войска послѣ короткаго появленія на возвышенностяхъ Фуэнтесъ де Оноро, съ которыхъ ихъ сбрасывали штыками внизъ, принуждены были отступить за ручей, оставивъ за собою улицы деревни устланными мертвыми и ранеными.

Ночь заставила прекратить битву. Сдѣлалось очевиднымъ, что понадобилась бы самая кровопролитная борьба для отнятія возвышенностей Фуэнтесъ де Оноро, бывшихъ какъ бы ключемъ англійскихъ позицій. Но можетъ быть можно было ихъ обойти. На слѣдующій день, 4 мая, Массена произвелъ общій осмотръ непріятельскихъ линій для открытія доступной стороны. За Фуэнтесъ де Оноро, къ Позо-Вельо и Наве де-Аверъ, мѣстность понижалась, и Досъ Казасъ превращался въ маленькую струйку воды. Препятствіе отъ врага исчезало, наша кавалерія, бывшая гораздо многочисленнѣе непріятельской, могла развернуться и дѣйствовать съ успѣхомъ. Оттуда представлялась возможность обогнуть правый флангъ Веллингтона, прервать его сообщенія съ Сабугаломъ и угрожать его линіи отступленія на Кастельбоне. Перемѣщеніемъ фронта, произведеннымъ въ ночь съ 4 на 5 мая, Массена перевелъ на Позо-Вельо всю свою кавалерію, предводимую Монбреномъ, двѣ дивизіи Лоазона, части корпусовъ Друэ и Жюно. Рейнье остался передъ Аламедой для занятія непріятеля единовременными аттаками.

5 мая, рано утромъ, всѣ эти соединенныя силы аттаковали Позо-Вельо, позицію, защищаемую сперва только испанскими вспомогательными войсками дона Юліана Санчеза. Но ночью, Веллингтонъ, предвидя маневръ Массены, подкрѣпилъ эти войска португальскимъ корпусомъ, бригадой Гоустона и кавалеріей генерала Коттона. Стремительно аттакованныя дивизіями Маршана и Мерме и бригадой Мокюна, между тѣмъ какъ кавалерія Монбрена набросилась на ихъ фланги и аттаковала ихъ съ ожесточеніемъ, эти войска не выдержали столкновенія и были отброшены до Турона.

За этими отрядами находилась въ боевомъ порядкѣ дивизія Кроуфурда, которая встрѣтила и приняла отступавшихъ. Монбренъ врубился и смялъ два карре англійской инфантеріи; но открывшіяся неожиданно батареи остановили великолѣпный полетъ его конницы и нанесли ей жестокія потери. Въ

эту рѣшительную минуту, часть гвардейской кавалеріи отказалась отъ нападенія подъ предлогомъ, что она не получила на то приказаній Бессьера, ея непосредственнаго начальника. Англійская армія потеряла весь плато Позо-Вельо, то есть около одной льё съ своей правой стороны. Но Веллингтонъ подкрѣпилъ Кроуфурда одною дивизіей, бригадой Ашворта и артиллерійскимъ резервомъ; онъ соединилъ въ одномъ мѣстѣ всѣ войска, которыя мы смяли утромъ, и открыто отказываясь отъ сохраненія сообщеній съ Сабугаломъ, противопоставлялъ намъ новый фронтъ, опиравшійся съ одной стороны на Фуэнтесъ де Оноро, съ другой на Туронъ и Коа. Эта новая линія выдерживала съ непоколебимою твердостью самыя яростныя нападенія. Фуэнтесъ де Оноро снова сдѣлался главнымъ мѣстомъ дѣйствія; его нѣсколько разъ брали и отбивали обѣ арміи съ удивительнымъ остервененіемъ, но въ этотъ кровавый день мы не были счастливѣе, чѣмъ наканунѣ. Мы остались обладателями низменной части деревни, удержали также за собою равнину, на которой произошло утреннее сраженіе; но это жалкое утѣшеніе не могло однако заставить насъ забыть, что англичане все-таки продолжали блокировать Альмейду, и что, слѣдовательно, наша цѣль не была достигнута.

Массена хотѣлъ во что бы то ни стало возобновить сраженіе на слѣдующій день. Къ несчастью, снаряды его истощились и, что еще важнѣе, его главные помощники были всѣ противъ возобновленія аттаки. Припасы можно было добыть изъ Ціудадъ-Родриго; но ни Бессьеръ, ни Друэ, ни Рейнье не хотѣли возобновлять борьбы, а между тѣмъ каждый протекающій часъ непріятель употреблялъ на свое укрѣпленіе и на прикрытіе себя засѣками и ретраншаментами. Въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ дней, Массена оставался передъ англійскою арміею, фронтъ противъ фронта, кружась около ея позицій, какъ-бы ища мѣста куда-бы снова можно было ударить, и не рѣшаясь сознать себя побѣжден-

нымъ. Наконецъ 10 мая онъ удалился съ отчаяніемъ въ душѣ. Онъ отправилъ генералу Бренье, командовавшему въ Альмейдѣ, приказъ очистить отъ войскъ городъ и взорвать укрѣпленія, подъ которыя давно уже были подведены подкопы. Бренье вышелъ оттуда со своимъ небольшимъ гарнизономъ въ ночь съ 10 на 11 мая. Онъ оставилъ въ крѣпости нѣсколько человѣкъ, которые должны были поджечь мины; затѣмъ, прокрадываясь во мракѣ и тишинѣ уснувшаго лагеря, смѣло и благополучно прошелъ чрезъ англійскія линіи. Онъ соединился съ арміей на слѣдующій день [259]). Вскорѣ послѣ того Массена воротился во Францію, потерявъ популярность между солдатами, которые приписывали ему свои страданія, въ немилости у Наполеона, который не простилъ ему неудачи, единственной причиной которой онъ былъ самъ, обезславленный среди своихъ товарищей по оружію, завидовавшихъ его превосходству, унося съ собою въ уединеніе, которое должно было покрыть его забвеніемъ, умаленную славу, жгучее воспоминаніе о своихъ дурно оцѣненныхъ заслугахъ, разочарованіе и огорченіе навсегда уязвленнаго сердца. Преемникъ ему былъ уже назначенъ — это былъ легкомысленный и тщеславный Мармонъ.

Нѣсколько дней спустя узнали, что Сультъ попытался съ своей стороны заставить Бересфорда снять осаду Бадахоза, и что онъ былъ еще менѣе счастливъ, чѣмъ Массена. Бересфордъ выжидалъ его у Альбуеры, въ позиціяхъ, которыя за мѣсяцъ были ему указаны Веллингтономъ [260]), какъ мѣстность, на которой онъ долженъ дать непріятелю оборонительное сраженіе. На этотъ разъ Сультъ дѣйствовалъ на прямикъ и съ особенною энергіей, но тѣмъ болѣе кровопролитно было его пораженіе. Вмѣсто того, чтобъ послужить

---

[259]) Рапортъ Массены къ Бертье, 7 мая 1811.—Веллингтонъ Ливерпулю, 8 мая 1811.—Непиръ: *Peninsular War*.—Генералъ Кохъ: *Мемуары Массены*.

[260]) Въ письмѣ къ Бересфорду, отъ 16 апрѣля 1811.

къ славѣ Сульта, разсчеты, тайные замыслы, хитрая дипломатія этого маршала обратились къ его посрамленію. Его потери при Бадахозѣ, а его подчиненнаго Виктора при Кадиксѣ и въ особенности потери при Чикланѣ до такой степени обезсилили андалузскую армію, что онъ просилъ теперь помощи у всѣхъ: у Бертье, у Іосифа, даже у самого Массены, котораго онъ такъ вѣроломно покинулъ.

Военныя распоряженія Бересфорда при Альбуерѣ вполнѣ походили на распоряженія Веллингтона, какъ созданіе ученика походитъ на твореніе его учителя. Это было только оборонительное сраженіе, которое онъ скорѣе принималъ, чѣмъ давалъ самъ, съ осторожностью, доходившею до робости. Блестящіе *маневристы* имперіи съ полнымъ презрѣніемъ относились къ этой неподвижной, нерѣшительной и затрудняющейся тактикѣ, къ которой вынуждалъ англо-испанскія войска недостатокъ однородности. Самъ Массена, хотя и проницательнѣе другихъ, не могъ удержаться отъ замѣчанія, высказаннаго съ тайною досадою въ бюллетенѣ изъ Фуэнтесъ де Оноро, что ,его противникъ «употребилъ всѣ средства фортификаціи противъ аттаки открытою силою.» Наконецъ, *Монитеръ* въ статьяхъ, гдѣ слышно было вліяніе Наполеона, насмѣхался надъ «осторожностью» Веллингтона.

Эти насмѣшки были приблизительно такъ же осмысленны, какъ насмѣшки австрійскихъ генераловъ въ 1796, когда они ставили въ вину Бонапарту то, что онъ билъ ихъ не по правиламъ. Медленность и осторожность Веллингтона были также подходящи въ испанской войнѣ, какъ быстрота и смѣлость Бонапарта въ войнѣ итальянской. Эта новая тактика была не только приноровлена къ незначительности средствъ, которыми располагалъ англійскій генералъ, но она также была основана на глубокомъ знаніи слабыхъ сторонъ императорской методы, недостатковъ, какъ и достоинствъ французской арміи, какою ее создалъ Наполеонъ. Эта новая армія, болѣе пылкая, нежели твердая, мѣтившая прежде

всего на эфектъ и на блескъ, не столько заботившаяся о результатѣ, сколько о внѣшности, жившая добываемыми насильно средствами и грабежомъ, создающая себѣ враговъ изъза каждаго куска хлѣба, храбрая и доблестная при успѣхѣ, непокорная въ неудачахъ, начинала презирать, какъ предразсудки, стойкія и терпѣливыя добродѣтели, которыя доставили ей ея славу. Соперничество замѣнило соревнованіе, честолюбіе стало считаться патріотизмомъ, страсть къ отличіямъ ввела въ ней даже придворныя привилегіи. Какъ иначе объяснить въ арміи, образованной такимъ полководцемъ, какъ Наполеонъ, этикетъ, достойный только послѣднихъ временъ Византійской имперіи, запрещающій гвардіи вступать въ бой, какова-бы ни была необходимость, безъ особаго приказа ея главнаго начальника, какъ будто его обязанности около императора сообщали ему неприкосновенность священной особы послѣдняго.

Непреклонная дисциплина, постоянная забота объ удовлетвореніи нуждъ солдатъ, объ уплатѣ всѣхъ издержекъ, объ охранѣ сообщеній, систематическая оборона, принимающая сраженіе только по обращеніи всѣхъ преимуществъ на свою сторону, крайняя предусмотрительность въ предначертаніи, непобѣдимая настойчивость при дѣйствіяхъ, вотъ тѣ средства, которыя намъ противопоставилъ Веллингтонъ. Они конечно не были столь блестящи какъ наши, — съ эстетической точки зрѣнія. Они не представляли ни театральныхъ эфектовъ, ни ученыхъ соображеній, достойныхъ быть помѣщенными въ какомъ нибудь стратегическомъ сочиненіи; но они были дѣйствительны. Веллингтонъ никого не ослѣплялъ своими подвигами, но все-таки наносилъ намъ пораженія. Побѣдивъ попеременно Жюно, Сульта, Нея, Массену, то есть генераловъ, наиболѣе способствовавшихъ славѣ имперіи, можно было очень хладнокровно относиться къ нашему презрѣнію.

ГЛАВА X.

Александръ и Польша. — Приготовленія къ войнѣ съ Россіей. — Переговоры съ европейскими державами. (Декабрь 1810 — сентябрь 1811.)

Важныя событія, совершавшіяся на Полуостровѣ, не имѣли сначала въ Европѣ того сильнаго отголоска, который повидимому они должны-бы были произвести. Благодаря вынужденному молчанію прессы, факты не были хорошо извѣстны; они разъяснились только мало-по-малу; къ тому же страхъ, наводимый императоромъ, царствовалъ во всей своей силѣ. Только одна Англія, казалось, поняла всю важность долгаго и ужаснаго поединка, поприщемъ котораго была Португалія. Однако скоро увидѣли, что урокъ не прошелъ даромъ для другой державы, единственной, осмѣлившейся тогда стать прямо противъ Наполеона, среди порабощеннаго континента. Долгое время самая снисходительная и уступчивая изъ союзницъ, но наконецъ возмущенная тираническими требованіями Наполеона, Россія возставала передъ нимъ, какъ послѣдній боецъ за права Европы. Ея положеніе внушало тѣмъ больше опасеній, что она воздерживалась съ величайшимъ стараніемъ отъ вызововъ и угрозъ, хотя и выказывала твердую рѣшимость стоять за свои права: «Глаза всѣхъ устремлены на обѣ имперіи», писалъ Іосифъ

де Местръ изъ Петербурга уже въ февралѣ 1811 [261]). Антагонизмъ обоихъ императоровъ не былъ болѣе тайною ни для кого. Ихъ распря, долго скрываемая въ тѣни канцелярій, показалась на свѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ, не давая даже наружнаго предлога для своихъ поступковъ, наложилъ руку на владѣнія герцога Ольденбургскаго, не смотря на кровное родство этого принца съ Александромъ. Однако, что бы ни говорили, этотъ безразсудный поступокъ не былъ окончательнымъ мотивомъ охлажденія Александра. Не принимая въ разсчетъ его нравственныхъ оскорбленій,— узурпаціи, сопровождавшія и предшествовавшія присоединенію герцогства Ольденбургскаго, были вполнѣ достаточны для оправданія разрыва. Въ этомъ послѣднемъ насилованіи человѣческихъ правъ заключалось какъ-бы личное оскорбленіе, дававшее протестамъ Александра не только законную силу, но и силу убѣжденія, что представляетъ капитальную важность въ подобныхъ случаяхъ.

Съ этихъ поръ Александръ принялъ рѣшительный и энергическій образъ дѣйствія. Его первымъ отвѣтомъ по поводу присоединенія герцогства Ольденбургскаго былъ указъ отъ 31 декабря 1810, въ которомъ онъ напрямикъ отказывался отъ торговой политики Наполеона, освобождалъ отъ стѣсненія тарифы и, не допуская какъ и прежде ввоза англійскихъ товаровъ, запретилъ нѣкоторыя изъ нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, также впрочемъ, какъ и мы исключили нѣкоторые русскіе продукты. Что онъ имѣлъ полное право дѣйствовать такимъ образомъ, что онъ нисколько не былъ связанъ измѣнчивыми и произвольными декретами, которые образовали континентальную систему и были составлены безъ его участія и неудобоисполнимы въ Россіи, и которымъ самъ Наполеонъ подчинялся, только сообразуясь со своими

---

[261]) *Дипломатическая корреспонденція*, публикованная Альбертомъ Бланомъ.

собственными выгодами—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Можно даже привести по этому поводу свидѣтельство самого автора этихъ декретовъ, который, ставя въ вину Александру нарушеніе ихъ своимъ указомъ, призналъ въ точныхъ выраженіяхъ, что впрочемъ «онъ имѣлъ полное право принять эту мѣру, но что въ ней замѣтно *что-то* враждебное къ Франціи и благопріятное для Англіи [262]).» Но что значило законное право противъ этой гордой и насильственной воли? И какъ-бы ничтожно ни было это *что-то*, о которомъ говорилъ Наполеонъ, не представляло-ли оно въ его глазахъ достаточной причины для войны даже противъ Россіи?

Принявъ въ разсчетъ характеръ своего опаснаго противника, Александръ разсудилъ, съ полною проницательностью, что эта война была уже неизбѣжна. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ къ ней готовиться всѣми своими средствами, не принимая на себя безполезнаго и унизительнаго старанія скрывать свои вооруженія. Однако онъ придавалъ имъ чисто-оборонительный характеръ. Онъ назначилъ новый наборъ рекрутъ, перевелъ нѣсколько дивизій изъ Финляндіи и съ Дуная на границы Польши и производилъ оборонительныя работы на Днѣпрѣ и Двинѣ. Хотя его право на объявленіе войны сдѣлалось безспорнымъ послѣ послѣдняго покушенія Наполеона на общее европейское право, императоръ Александръ не могъ смотрѣть иначе, какъ съ живымъ и горестнымъ безпокойствомъ на эту, всегда столь тяжкую, крайность. Долженъ ли онъ былъ сохранять до конца это выжидательное положеніе и дождаться вторженія непріятеля въ русскую землю, для того, чтобъ сдѣлать его несправедливости еще болѣе очевидными, или не лучше ли было самому напасть на него до окончанія его приготовленій и разрушить его планы одною изъ тѣхъ неожиданныхъ аттакъ, которыя часто бываютъ лучшимъ средствомъ для собственной защиты?

[262]) Наполеонъ королю Виртембергскому, 2 апрѣля 1811.

Искушеніе должно было быть сильно для Александра, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что хотя онъ и послѣ насъ началъ приготовленія къ войнѣ, однакожъ, былъ готовъ ранѣе Наполеона. Въ продолженіе всей зимы 1811, слухъ о неизбѣжномъ вступленіи въ кампанію русскихъ ходилъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Петербургѣ. Одинъ изъ нашихъ дипломатовъ, бывшій уполномоченнымъ въ Варшавѣ, Биньонъ, увѣдомленный княземъ Понятовскимъ, упоминалъ объ этихъ слухахъ въ депешахъ, и самъ Александръ сдѣлалъ объ нихъ косвенный намекъ въ разговорѣ съ нашимъ посланникомъ въ маѣ мѣсяцѣ, когда онъ сказалъ: «Еслибы я хотѣлъ аттаковать, кто бы могъ мнѣ въ этомъ помѣшать? *Два мѣсяца какъ я уже готовъ!*» [263]) Приписываемое ему намѣреніе, столь естественное въ его положеніи, существовало ли оно дѣйствительно въ видѣ плана, или было только преходящимъ желаніемъ? Долго по этому поводу можно было дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, но, въ настоящее время, намъ представляется возможность уяснить этотъ вопросъ.

Александръ никогда вполнѣ не отказывался отъ своей старинной мечты помирить Польшу съ Россіей. И тогда, какъ при началѣ своего царствованія, онъ охотно бы протянулъ руку полякамъ, но съ условіемъ, чтобъ ихъ освобожденіе совершилось съ пользою для Россіи и безъ перерыва связей, соединяющихъ ихъ съ имперіею; онъ ни за что не хотѣлъ, чтобъ Польша дѣйствовала подъ постороннимъ вліяніемъ. Принужденный отложить на неопредѣленное время свою утопію молодаго человѣка, при популярности, пріобрѣтенной Наполеономъ въ Польшѣ, посредствомъ учрежденія великаго герцогства Варшавскаго, онъ долженъ былъ возвратиться къ ней по необходимости съ тѣхъ поръ, какъ великое герцогство было усилено и увеличено при-

---

[263]) Депеша Лористона отъ 1 іюня 1811.

соединеніемъ части Галиціи, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ приближеніе грозной возможности новой войны. Въ этой неравной борьбѣ онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, имѣть Польшу своей союзницей и готовъ былъ на всякія жертвы, лишь-бы оторвать ее отъ Наполеона.

Что возстановленіе Польши было грознымъ оружіемъ противъ Россіи и что Наполеонъ рѣшился воспользоваться когда-нибудь этимъ оружіемъ,—Александръ не могъ въ этомъ уже болѣе сомнѣваться послѣ своихъ безполезныхъ усилій получить отъ Наполеона обѣщаніе никогда не возстановлять Польши. Было только одно средство отнять у него необыкновенную власть, которую онъ взялъ надъ поляками; оно заключалось въ томъ, чтобъ приблизиться къ нимъ, заставить ихъ позабыть вражду, прежнее недовѣріе, предложить имъ болѣе того, что могъ бы имъ дать Наполеонъ. Александръ вовсе и не отступалъ передъ этимъ естественнымъ слѣдствіемъ его великаго рѣшенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ отвергъ его планъ соглашенія относительно Польши, царь возобновилъ свои прежніе разговоры съ княземъ Адамомъ Чарторійскимъ, другомъ и наперсникомъ его молодости. Онъ ему ясно указалъ на шансы возможнаго соглашенія съ Польшею и на выгоды, могущія отъ того произойти для этой несчастной страны. Князь не скрылъ отъ него трудностей выполненія подобнаго плана, привязанности своихъ соотечественниковъ къ Франціи, надежды, возлагаемыя на нее,—препятствія, которыя Наполеонъ не преминетъ ему противопоставить.

25 декабря 1810, подъ очевиднымъ впечатлѣніемъ вѣстей, пришедшихъ изъ Франціи, предложенія Александра вдругъ перестаютъ быть неопредѣленными и формулируются съ желательной точностью: «Мнѣ кажется, писалъ онъ Чарторійскому, что настало время доказать полякамъ, что Россія не врагъ имъ, а скорѣе ихъ естественный и настоящій другъ; что, несмотря на то, что ихъ заставляютъ смотрѣть

на Россію, какъ на единственное существующее препятствіе противъ возстановленія Польши, ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что она-то, напротивъ, и осуществитъ его. То, что я вамъ говорю, удивитъ васъ, можетъ быть, но я повторяю, что обстоятельства кажутся мнѣ благопріятными, и я могу предаться мысли, которая встарину была моею любимою мечтою, и которую я принужденъ былъ два раза откладывать въ силу обстоятельствъ, но которая, тѣмъ не менѣе, осталась въ глубинѣ моей души» [264]). Затѣмъ онъ дѣлаетъ князю рядъ вопросовъ, которые можно подвести къ слѣдующимъ двумъ: «Имѣете ли вы основаніе думать, что поляки съ готовностью примутъ всякое удостовѣреніе (не вѣроятность, но *удостовѣреніе)* въ ихъ освобожденіи? Примутъ ли они его, откуда бы оно ни явилось, и соединятся ли они съ державой, которая искренно захочетъ дѣйствовать въ ихъ интересахъ?» Въ отвѣтѣ такого патріота, каковъ былъ Чарторійскій, нельзя было сомнѣваться: «Да, писалъ онъ императору, удостовѣреніе возстановленія Польши будетъ принято съ готовностью и благодарностью, откуда бы оно ни пришло, *лишь бы это удостовѣреніе существовало въ дѣйствительности*».

Но, какъ онъ говорилъ, въ этомъ-то и заключалось все затрудненіе. Каковы-бы ни были несправедливости Наполеона относительно поляковъ, онъ съумѣлъ убѣдить ихъ въ своемъ желаніи освободить ихъ и ему одному они только и довѣряли. Кромѣ того онъ имѣлъ 20,000 поляковъ въ Испаніи, которые могли служить ему какъ-бы залогомъ. Однакожь князь считалъ возможнымъ соединить большинство польской націи, если только ему обѣщаютъ три предмета: конституцію 3 мая 1791, соединеніе всей Польши подъ однимъ скипетромъ и, наконецъ, выгоды коммерческія, которыя ей были необходимы. Но слѣдовало дѣйствовать съ благо-

---

[264]) Александръ къ князю Чарторійскому, 25 декабря 1810.

родствомъ и величіемъ, и такимъ образомъ, чтобъ произвести впечатлѣніе на воображеніе, безъ полумѣръ или скрытности, но даже и при этихъ условіяхъ успѣхъ казался ему сомнительнымъ: «Слишкомъ было бы хорошо, еслибъ можно было этого достичь!» восклицалъ онъ съ грустью, кончая свое письмо [265]).

На этотъ разъ императоръ Александръ сталъ дѣйствовать открыто и сдѣлалъ рѣшительный шагъ. Единство Польши, либеральная конституція — онъ все обѣщалъ Чарторійскому, но поставилъ въ условіе, *sine qua non*, чтобъ Польша образовала королевство, соединенное съ Россіей; титулъ императора и короля будетъ носить Александръ, и чтобъ самыя вліятельныя лица Польши дали ему формальное обязательство. Съ принятіемъ этихъ условій, онъ провозглашалъ возстановленіе Польши и аттаковалъ-бы безотлагательно Наполеона, не смотря на отвращеніе свое къ роли зачинщика. Онъ надѣялся, прибавлялъ онъ, что можетъ дѣйствовать съ большими шансами на успѣхъ. Онъ имѣлъ армію въ 106,000 человѣкъ, вполнѣ готовую вступить въ кампанію. Другая армія, въ 134,000 человѣкъ, должна была слѣдовать за нею, для ея поддержанія. Онъ считалъ въ 50,000 человѣкъ содѣйствіе, ожидаемое отъ поляковъ, и такое же число со стороны Пруссіи. Эти силы образовали бы массу болѣе чѣмъ въ 300,000 человѣкъ, противъ которой Наполеонъ могъ, по его разсчету, противопоставить сравнительно немногочисленную армію, въ особенности, если, какъ имѣли основаніе надѣяться, удастся привлечь на свою сторону Австрію, предложивъ ей дунайскія провинціи въ замѣнъ оставшейся у нея части Галиціи [266]).

Эти предложенія были искренни, императоръ Александръ вполнѣ доказалъ это впослѣдствіи, возвратившись къ осуществленію своей либеральной программы въ то время,

---

[265]) Чарторійскій Александру, 30 января 1811.

[266]) Александръ Чарторійскому, 31 января 1812.

когда обстоятельства вовсе его къ тому не понуждали. Но князь Чарторiйскiй, при всемъ своемъ усердiи и патрiотизмѣ, не могъ обезпечить ему гарантiй, которыхъ онъ требовалъ. Планъ образованiя изъ Польши королевства, такъ же какъ нападенiе на Наполеона были покинуты, и Александръ нашелся въ необходимости возвратиться къ оборонительной системѣ [267]). По всей вѣроятности, Россiи нечего было жалѣть о своемъ возвратѣ къ осторожности. При самыхъ благопрiятныхъ предположенiяхъ, первый успѣхъ, прiобрѣтенный Александромъ, не могъ бы доставить ему большихъ выгодъ. Извѣстно, съ какою быстротою Наполеонъ собиралъ свои войска. Вмѣсто того, чтобъ дать сраженiе на Вислѣ, онъ вступилъ бы въ бой на Одерѣ, Эльбѣ или Везерѣ; а тамъ эта новая коалицiя кончилась бы въ одинъ день, какъ всѣ тѣ, которыя предшествовали ей, но съ болѣе тяжкими и печальными послѣдствiями для европейскаго дѣла. Не обративъ въ свою пользу, противъ столь сильнаго врага, какъ Наполеонъ, преимуществъ большихъ пространствъ и суровости климата, Россiя добровольно отказалась бы отъ своихъ лучшихъ шансовъ на побѣду. Въ январѣ 1811 императоръ не предвидѣлъ этой истины; она уяснилась ему послѣ кампанiи Массены въ Португалiи.

Планъ, на которомъ онъ остановился, былъ отчасти творенiемъ графа Армфельдта, шведа по рожденiю, который занималъ высокое положенiе въ своей странѣ и удалился въ Россiю вслѣдствiе возвышенiя Бернадота на степень королевскаго принца. Принятый съ уваженiемъ въ Петербургѣ и назначенный Александромъ финляндскимъ губернаторомъ, Армфельдтъ выразилъ ему свою признательность, посылая разные политическiе и военные мемуары, которые повидимому имѣли сильное влiянiе на рѣшенiя императора. Его

---

[267]) Планъ образованiя великаго герцогства Литовскаго, о которомъ говоритъ графъ Огинскiй въ своихъ *Мемуарахъ*, т. III, появился только послѣ паденiя того, о которомъ я говорилъ, и былъ оставленъ по тѣмъ же причинамъ.

планы поддерживали и исправляли вліятельныя личности, замѣчательныя въ разныхъ отношеніяхъ, Барклай-де-Толли, Серра Капріола, адмиралъ Мордвиновъ.

Принимать всевозможныя мѣры предосторожности противъ Наполеона, не давая ему, однакожь, повода слишкомъ открытой оппозиціей къ чему нибудь придраться, создавать ему вездѣ тайныхъ враговъ, воздерживаясь отъ всякой компрометирующей выходки, сопротивляться ему силой инерціи, принудить его къ нападенію, угрожая ему постоянно, но никогда его не вызывая; по объявленіи войны, отступать передъ нимъ, истребляя все на его пути и обращая страну въ пустыню вокругъ его арміи, завлечь его въ глубь Россіи, отказываясь отъ рѣшительнаго сраженія или принимая бой только при увѣренности въ побѣдѣ, довольствуясь дѣйствіями на его сообщенія до тѣхъ поръ, пока его не истощатъ и не обезсилятъ по методѣ, которая такъ удалась Веллингтону, — вотъ та программа, которую, сколько можно судить по весьма неполнымъ свѣдѣніямъ, развивали Армфельдтъ и его друзья. По всей вѣроятности, не они одни предлагали ее, потому что эти идеи носились тогда въ воздухѣ; вездѣ можно найти нѣкоторые ихъ слѣды. Дипломатическіе документы и журнальныя статьи также подтверждаютъ ихъ существованіе. Во всякомъ скучаѣ, вотъ та система, которая была принята Александромъ. Этотъ планъ сдѣлался извѣстенъ съ іюля мѣсяца 1811, и Алькье, нашъ министръ въ Стокгольмѣ, указалъ Наполеону на его существенныя данныя; но это предостереженіе было безполезно, какъ и многія другія, полученныя имъ въ это же время.

Разъ установивъ эту программу, кто бы ни былъ ея изобрѣтателемъ, Александръ придерживался ея съ неизмѣнной твердостью и выполнялъ ее съ удивительнымъ искусствомъ. Съ этихъ поръ война между двумя могущественными державами была неизбѣжна: это знали одинаково съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ, желавшій этой войны, смотрѣлъ теперь

на нее съ какимъ-то страхомъ, котораго онъ до сихъ поръ никогда не испытывалъ; но такъ какъ ни тотъ, ни другой изъ императоровъ не хотѣлъ сдѣлать уступокъ, необходимыхъ для предотвращенія войны, то она становилась день ото дня все неизбѣжнѣе. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что, несмотря на невыгоду своего положенія, Александръ сохранилъ до конца надъ своимъ противникомъ превосходство въ прямотѣ, умѣренности и достоинствѣ, такъ же какъ на его сторонѣ было и законное право. Въ этомъ длинномъ рядѣ взаимныхъ обвиненій, длившихся въ продолженіе всего 1811 года, Александръ вообще говоритъ такъ же, какъ и дѣйствуетъ.

Какъ только Коленкуръ потребовалъ отъ него объясненій касательно его вооруженій, онъ не скрылъ ихъ, давая замѣтить посланнику, что они были только отвѣтомъ на вооруженія Наполеона, что было вполнѣ правдиво. Въ это же время Наполеонъ упорно отрицаетъ свои приготовленія къ войнѣ съ притворствомъ, тѣмъ болѣе мелкимъ, что оно было безполезно. Вся Европа знаетъ и обсуживаетъ отправки оружія, припасовъ, солдатъ въ Гамбургъ, Данцигъ, въ герцогство Варшавское; его транспорты загромождаютъ дороги и каналы; между тѣмъ онъ продолжаетъ отпираться, а если видитъ себя въ необходимости сознаться, то находитъ уклончивыя объясненія на все. То отправка войскъ имѣетъ цѣлію наблюдать за Пруссіей, то она предназначается для отраженія предполагаемой высадки англичанъ. У него такая привычка, такая потребность лгать вездѣ и всегда, что онъ продолжаетъ лгать даже тогда, когда самъ знаетъ, что ему никто не повѣритъ. Онъ не могъ надѣяться, послѣ всего, что произошло, завоевать Россію втихомолку, какъ онъ завладѣлъ Испаніей, говоря постоянно о союзѣ и дружбѣ въ то время, какъ его войска завладѣвали всѣми крѣпкими мѣстами государства. Между тѣмъ его настоящій образъ дѣйствія въ отношеніи къ Александру казался точнымъ снимкомъ съ способовъ, примѣненныхъ имъ къ Карлу IV.

Чѣмъ дѣятельнѣе шли его приготовленія къ войнѣ, тѣмъ дружелюбнѣе становились его заявленія: «Онъ не намѣренъ сдѣлать ничего такого, писалъ онъ 17 февраля 1811, что могло бы быть непріятно императору Александру. Онъ сдѣлалъ все, зависящее отъ него, предложивъ Эрфуртъ въ вознагражденіе принцу Ольденбургскому. *Термины сенатскаго постановленія такъ точны!*» Желанія Наполеона, связанныя терминами сенатскихъ постановленій—не было ли это геніальною находкою? «Вы уполномочите, продолжалъ онъ, герцога Виченцскаго объявить императору, что я настаиваю на союзѣ; что я не предвижу никакого возможнаго обстоятельства, могущаго заставить меня предпринять войну противъ Россіи, исключая единственнаго случая, когда Россія будетъ дѣйствовать заодно съ Англіей; *наконецъ, что я не въ союзѣ ни съ какою державою* [268]).» Между тѣмъ въ этотъ же день, въ этотъ же часъ онъ послалъ предложенія Турціи [269]), которая поспѣшила открыть ихъ всей Европѣ, а нѣсколько дней спустя, 25 февраля, онъ дѣлалъ такія же предложенія Австріи, скромность которой могла измѣряться исключительно ея собственными интересами: «Франція, долженъ былъ объявить графъ Отто Меттерниху, смотрѣла съ неудовольствіемъ на расширеніе россійскихъ владѣній занятіемъ Молдавіи и Валахіи, но, давъ на это свое согласіе изъ непріязни къ Австріи во время эрфуртскаго свиданія, она не могла уже болѣе помѣшать этому, не прибѣгнувъ къ войнѣ. Эти провинціи имѣли для Франціи второстепенное значеніе, но для Австріи онѣ были въ высшей степени важны. До какой мѣры Австрія расположена дѣйствовать и что въ состояніи она предпринять для того, чтобъ *помѣшать присоединенію дунайскаго прибрежья къ Россіи?* Дойдетъ ли ея неудовольствіе до того, что она не будетъ страшиться войны съ Россіей [270]).

---

[268]) Наполеонъ къ Шампаньи, 17 февраля 1811.

[269]) Ibid.

[270]) Наполеонъ къ Шампаньи, 25 февраля 1811.

Удивляешься соединенію такой наивности съ такой наглостью. Въ самомъ дѣлѣ, не было-ли избыткомъ наивности предполагать, что Австрію испугаетъ расширеніе русской территоріи, когда ей указывалъ на это человѣкъ, въ нѣсколько лѣтъ завладѣвшій болѣе чѣмъ половиной Европы и отнявшій у самой Австріи ея лучшія провинціи? Можно ли было предполагать, что подобныя предложенія останутся тайною? Не безумно ли было надѣяться, что держава, пораженная съ такою неумолимою жестокостью, вдругъ откажется отъ своихъ преданій, отъ своихъ интересовъ, отъ своей вражды, отъ своихъ надеждъ въ силу того, что императоръ Францъ увидѣлъ себя доведеннымъ до униженія отдать собственную дочь за своего непріятеля, для того, чтобъ его обезоружить; что онъ согласился, по выраженію Людовика XVIII въ письмѣ къ графу д'Аварай, сдѣлаться «продавцомъ человѣческаго тѣла?» Дипломатія, основывающаяся на столь нелѣпомъ самообольщеніи и рискующая такъ легкомысленно подобными поступками, была очень жалка. Какъ могли не знать въ Парижѣ, что самый близкій другъ Меттерниха въ Вѣнѣ былъ графъ Разумовскій, прежній русскій посланникъ при австрійскомъ дворѣ?

Александру сообщалось изо дня въ день о ходѣ нашей дипломатіи, не только его агентами, но также, какъ это легко было предвидѣть, самими иностранными дворами, для которыхъ чрезвычайно важно было держать его въ извѣстности относительно замысловъ общаго врага. Онъ получалъ не менѣе точныя свѣдѣнія о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ и о перемѣщеніи нашихъ войскъ чрезъ своего флигель-адъютанта Чернышева, одного изъ блестящихъ офицеровъ-дипломатовъ, очень хорошо принятаго въ парижскихъ салонахъ. Повидимому занятый исключительно своими удовольствіями и успѣхами въ свѣтѣ, Чернышевъ, благодаря тайному содѣйствію, разузналъ до тонкости операціи нашего военнаго министерства. Послѣ такихъ сообщеній, какое впечатлѣніе могли

произвести на Александра дружескія изъясненія, которыя Наполеонъ продолжалъ къ нему обращать?

Наполеонъ рѣшился отозвать Коленкура, котораго обвинялъ въ томъ, что тотъ сдѣлался болѣе русскимъ, чѣмъ французомъ, подъ вліяніемъ благосклонности Александра. Онъ замѣнилъ его Лористономъ, который, выказавъ такую же искренность, вскорѣ подвергся тому же упреку. Наполеонъ писалъ по этому поводу Александру: «я старался найти около себя личность, которая могла бы быть наиболѣе пріятна Вашему Величеству и наиболѣе способна упрочить нашъ миръ и союзъ. Чувства мои въ отношеніи Вашего Величества не измѣнились; но, прибавляетъ онъ съ грустью, я не могу болѣе скрыть отъ себя, *что Ваше Величество не питаете ко мнѣ прежней дружбы* [271])! Затѣмъ слѣдовалъ длинный перечень всего, что онъ сдѣлалъ для Александра. Онъ предоставилъ ему отнять Финляндію и дунайскія провинціи у старинныхъ союзниковъ Франціи. Онъ могъ бы возстановить Польшу, но не сдѣлалъ этого. Наконецъ, по его словамъ, Россія обратила въ свою пользу всѣ выгоды союза.

Онъ забывалъ, что въ теченіе того же времени онъ завладѣлъ Испаніей, Тосканой, Папской областью, Иллиріей, Тиролемъ, Голландіей, частью Гановера, Ганзейскими городами, Ольденбургомъ и Валисомъ, пріобрѣтеніями, которыя конечно могли равняться съ Финляндіей и Молдаво-Валахіей! Такъ какъ онъ предугадывалъ, что, не смотря на все то, что онъ дѣлалъ для скрытія своихъ вооруженій, все-таки кое-что выходило наружу, онъ рѣшился открыть ихъ отчасти въ нотѣ, адресованной князю Куракину, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряя его, что мы недостойно оклеветаны, «что злоумышленники стараются преувеличить малѣйшія случайности и очернить всякое наше движеніе, что исключительно только ожиданіе большаго предпріятія англичанъ на Балтійскомъ морѣ

---

[271]) Наполеонъ къ Александру, 28 Февраля 1811.

понудило его увеличить гарнизонъ въ Данцигѣ, что наконецъ лучшимъ средствомъ для уничтоженія недоброжелательства было взаимное предупрежденіе другъ друга о всемъ, что могло бы дать поводъ къ дурнымъ истолкованіямъ [272]).

Эти объясненія, столь дружелюбной откровенности, Наполеонъ посылалъ Александру въ то время, когда былъ занятъ образованіемъ великой арміи съ такою мелочною дѣятельностью, что даже самъ опредѣлялъ число *потаенныхъ фонарей*, необходимыхъ для каждаго ящика его артиллерійскаго парка [273]). Онъ отправлялъ къ Даву до трехъ депешъ въ одинъ и тотъ же день для поощренія его рвенія. Къ тому же онъ не хотѣлъ ни на одну минуту допускать мысли, что Россія имѣла намѣреніе его аттаковать. Онъ не хотѣлъ, въ особенности, чтобы могли предполагать такой избытокъ смѣлости со стороны этой державы. Она была, по его словамъ, слишкомъ занята турками, чтобы думать о Европѣ. То, что писали поляки по этому поводу, «*было пустяки*» [274]). Зная, что на Даву можно положиться, онъ предписывалъ ему велѣть Раппу *держать языкъ за зубами* и объявлять, что всѣ приготовленія были направлены противъ англичанъ.

Такимъ образомъ, продолжая отвергать войну, которой онъ желалъ и боялся въ одно и то же время, и какъ бы увлекаемый непроизвольно въ пропасть, онъ съ каждымъ днемъ подвигался къ своей погибели, иногда съ тайнымъ желаніемъ возвратиться назадъ, но не имѣя силы избавиться отъ своей злополучной гордости и отъ своихъ прежнихъ ошибокъ. Есть основаніе предполагать, что наканунѣ того, какъ онъ поставилъ на карту эту громадную ставку, онъ имѣлъ много минутъ смущенія и колебаній; можетъ быть онъ не

---

[272]) Наполеонъ къ Шампаньи, 19 марта 1811.
[273]) Наполеонъ къ Кларку, 19 марта.
[274]) Наполеонъ къ Даву, 24 марта.

всегда былъ недобросовѣстенъ, когда предлагалъ Александру возвратиться къ ихъ прежней дружбѣ. Но для достиженія соглашенія представлялось только одно средство: оно заключалось въ простомъ возстановленіи герцогства Ольденбургскаго, а подобное отступленіе отъ прошлаго до такой степени возмущало всѣ его инстинкты, оно было такъ несовмѣстимо съ понятіемъ, которое онъ хотѣлъ, чтобъ объ немъ имѣли, съ ролью, которую онъ себѣ присвоивалъ въ мірѣ, что представлялось совершенной нравственной невозможностью.

Наполеонъ отступился бы отъ всего своего прошлаго, отказался бы отъ всѣхъ своихъ новыхъ и старыхъ притязаній, отрекся бы отъ всей своей системы владычества, если бы онъ подвергъ самъ себя подобному униженію. Между тѣмъ онъ никогда не могъ обуздывать своихъ страстей, а въ настоящее время онъ не могъ уже болѣе совладать и со своей системой. Онъ былъ рабомъ своей судьбы, какъ онъ называлъ эту роль всемогущества и непогрѣшимости, которою онъ завладѣлъ такъ рано. Если бы онъ позволилъ нанести себѣ хоть одинъ ударъ, все зданіе рушилось бы. Итакъ онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе говорить, что сдѣланнаго невозможно уже воротить, не смотря на то, что онъ иногда этого желалъ. Эта невозможность отступленія была войною, потому что Александръ также рѣшился поддерживать свой протестъ и не быть уже болѣе соучастникомъ поработителя материка. Не смотря на то, что его система была только оборонительною, развязка этого пассивнаго, но непоколебимаго сопротивленія была тѣмъ не менѣе неизбѣжна. Такъ какъ одинъ не отступалъ, другой же продолжалъ все подвигаться—встрѣча конечно должна была произойти въ извѣстный моментъ.

Эти соображенія объясняютъ, какимъ образомъ война, которую такъ легко можно бы отвратить, была однако подготовляема, рѣшена, объявлена медленно, холодно, безъ малѣйшей вражды какъ съ одной, такъ и съ другой стороны,

со всевозможными дружелюбными и миролюбивыми изъявленіями. Въ этотъ разъ дѣло шло объ избіеніи милліона людей, и это громадное бѣдствіе Наполеонъ могъ бы отвратить однимъ своимъ словомъ. Но не во власти этого чудовища могущества и гордости, какимъ его воспитало презрѣнное уничиженіе народовъ, было произнести это слово; а тѣ, которые возвеличили идола, могли ли они жаловаться на то, что должны приносить ему жертвы? Дѣйствительно, повторяя постоянно: «я не хочу войны», онъ видѣлъ ее какъ бы идущею одушевленно передъ его глазами и не былъ въ состояніи избавиться отъ производимаго ею притяженія. Это видѣніе не покидало болѣе его воображенія: «*Война будетъ*, писалъ онъ къ королю Виртембергскому, *она будетъ противъ моей воли, противъ воли императора Александра, не взирая на интересы Франціи и Россіи*. Я уже такъ часто это видалъ, и мой опытъ прошлаго открываетъ мнѣ это будущее. Все это сцена изъ оперы, а пружины держатъ въ своихъ рукахъ англичане!» [275])

Нѣсколько дней спустя, въ его письмѣ къ русскому императору проглядывало тоже мирное настроеніе, и онъ открывалъ ему въ первый разъ часть своихъ приготовленій. «Мнѣ сообщили изъ Бухареста, что пять русскихъ дивизій покинули Молдавію и Валахію и отправились въ Польшу.... Я долженъ былъ также позаботиться о собственныхъ дѣлахъ и принять надлежащія мѣры. Мои приготовленія послужатъ къ тому, что Ваше Величество увеличите свои; то, что вы предпримете, огласится здѣсь и заставитъ меня предпринять новый наборъ, и *все это изъ-за призраковъ!*.... Что до меня касается, я останусь другомъ Вашего Величества *даже тогда, когда роковая судьба, увлекающая Европу*, заставитъ взяться за оружіе обѣ наши націи [276])».

---

[275]) Наполеонъ къ королю Виртембергскому, 2 апрѣля 1811.
[276]) Наполеонъ къ императору Александру 8 апрѣля.

Наполеонъ опредѣлялъ свое собственное нравственное состояніе, а не состояніе своихъ противниковъ, когда писалъ эти характеристическія строки. Дѣйствительно его одного, а не Европу увлекала роковая судьба, потому что Александръ, ограничиваясь поддержаніемъ своего законнаго права, безъ желанія быть зачинщикомъ, слѣдовалъ неуклонно путемъ чести и долга, неподлежащимъ колебаніямъ судьбы и случайностямъ. Онъ не былъ отвѣтственъ за послѣдствія, какъ бы ни были они печальны для него и для насъ.

Европейскія правительства были предупреждены уже съ марта мѣсяца, твердымъ и благороднымъ протестомъ русскаго кабинета противъ присоединенія Ольденбурга, о разногласіи, происшедшемъ между обоими императорами. Они могли пока догадываться о подробностяхъ, но знали, что съ этихъ поръ между императорами открытая вражда и ожидали ея исхода съ боязнью и надеждой. Хотя ихъ тайныя желанія были на сторонѣ дѣла, которое относилось и къ нимъ, но они знали, что если допустятъ только подозрѣніе о своихъ чувствахъ, то подвергнутся быстрой и вѣрной гибели. Чтобы быть въ состояніи воспользоваться предвидимыми ими случайностями, необходимо было прежде всего жить и терпѣть. Въ томъ состояніи безсилія, къ которому привели ихъ пораженія, они не могли ни остановить на одну минуту войскъ Наполеона, ни принести, по крайней мѣрѣ въ началѣ, полезнаго содѣйствія Россіи. Слѣдовательно нужно было выигрывать время, притворяться, уступать до тѣхъ поръ, пока можно будетъ обратиться съ успѣхомъ противъ общаго врага. Ихъ подчиненіе и готовность повиноваться вытекали непосредственно изъ боязни, которую онъ имъ внушалъ. Все шло само собою и понималось по полуслову; никто не удивлялся, ни оскорблялся этимъ. Всѣ тогдашнія правительства знали очень хорошо различіе, которое они принуждены были поддерживать между настоящими своими

чувствами и офиціальнымъ положеніемъ, и только тотъ, который научилъ ихъ этому притворству пушечными выстрѣлами, упорно называлъ потомъ неблагодарностью и измѣною естественныя слѣдствія своей тираніи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1811 Наполеонъ, видя своего министра Шампаньи молчаливымъ и сдержанннымъ, нашелъ достаточный поводъ заподозрить его въ тайномъ неодобреніи и лишилъ его портфеля иностранныхъ дѣлъ. Онъ назначилъ на его мѣсто государственнаго секретаря Маре, герцога Бассано. Вѣрный и преданный истолкователь мыслей своего повелителя и съиздавна привыкшій придавать имъ обработанныя формы, Маре былъ слишкомъ расположенъ дѣйствовать въ направленіи страстей и идей императора. Онъ восторгался имъ; онъ преклонялся передъ его непогрѣшимостью, хотя самъ былъ ослѣпленъ своими собственными достоинствами. Подобный министръ не былъ годенъ на то, чтобъ возвратить нашей дипломатіи обаяніе, потерянное ею по удаленіи Таллейрана; и дѣйствительно, она все болѣе и болѣе стала отражать непослѣдовательности и насилія того, кто ее внушалъ. Можно сказать, что съ назначеніемъ Маре исчезло всякое посредничество между Наполеономъ и тѣми, кто велъ съ нимъ переговоры. Недостатокъ какихъ бы то ни было средствъ къ соглашенію и отсутствіе всякой уступчивости не могли конечно облегчать переговоровъ. Однако, въ тогдашнее время, такъ какъ силѣ, прибравшей въ свои руки всѣ политическія убѣжденія, нельзя было сопротивляться, недостатки этой методы выказались только отчасти. Они выяснились въ полномъ своемъ свѣтѣ только въ то время, когда эта сила была потрясена.

Такимъ образомъ уже Маре получилъ отвѣтъ австрійскаго кабинета на странный вопросъ, заданный ему Шампаньи отъ имени императора. Наполеонъ, послѣ брака своего съ Маріей-Луизой, не внушалъ уже болѣе вѣнскому двору прежняго ужаса и ненависти. Въ Вѣнѣ не любили ни его

личности, ни его системы, но чувствовали себя подъ защитою связи, соединявшей обоихъ императоровъ, сознавали въ себѣ довольно силы для предложенія своихъ условій, и хотѣли, какъ можно меньше себя компрометируя, держаться такимъ образомъ, чтобъ имѣть возможность воспользоваться какъ нашею побѣдою, такъ и нашимъ пораженіемъ. Для достиженія такого результата, нейтральная, сговорчивая, безцвѣтная политика, дающая всѣмъ надежды и несвязывающая себя никакими обязательствами, была самымъ вѣрнымъ и въ одно и то же время самымъ ловкимъ маневромъ. Меттернихъ былъ именно превосходенъ въ этихъ искусныхъ проволочкахъ, при которыхъ нужно было пускать въ ходъ гораздо болѣе теорій и словъ, нежели дѣйствій. Въ этомъ его отлично поддерживалъ императоръ Францъ, который разыгрывалъ передъ Наполеономъ роль добродушнаго отца семейства, отказавшагося отъ дѣлъ; онъ старался казаться занятымъ исключительно своими удовольствіями, говорилъ какъ человѣкъ, образумившійся и рѣшившійся не вмѣшиваться болѣе въ политику. На вопросъ, заданный Наполеономъ Меттерниху по поводу Молдаво-Валахіи, тотъ отвѣчалъ, что дунайскія провинціи представляли для Австріи безспорно очень важное значеніе, что она имѣла въ этомъ отношеніи серьезную претензію противъ Россіи, но не могла смотрѣть на это, какъ на достаточную причину къ немедленной войнѣ по тому состоянію истощенія, въ которое привела ее послѣдняя кампанія. Можно было ясно заключить изъ этого отвѣта, что Австрія не воспротивится угрожающему предписанію Наполеона, но что она неохотно послѣдуетъ за нимъ и заставитъ дорого заплатить себѣ за свои услуги, имѣя притомъ твердое намѣреніе покинуть насъ при первомъ удобномъ случаѣ [277]).

Въ совершенно другомъ положеніи находилась Пруссія.

---

[277]) Архивы иностранныхъ дѣлъ, *Австрія*, 270. Отто, 10 апрѣля 1811.

Эта держава была по неволѣ принуждена вступать противъ насъ въ заговоры, благодаря нестерпимымъ притѣсненіямъ, тяготѣвшимъ надъ нею послѣ Тильзита; до такой степени въ ея интересахъ были наши неудачи, что она сама не могла не предполагать, что первымъ мѣропріятіемъ Наполеона, передъ вступленіемъ въ кампанію противъ Россіи, будетъ довершеніе ея погибели, и эта будущность страшила ее до крайности. При первыхъ слухахъ о разрывѣ, она поспѣшила предупредить насъ и предложить свои услуги, прежде чѣмъ даже мы подумали ихъ потребовать. Полуразрушенная подъ ударами, нанесенными ей Наполеономъ, занятая еще отчасти нашими войсками, подавленная налогами и военными контрибуціями, Пруссія, не смотря на то, начала поправляться, чего мы не замѣчали, хотя имѣли ее подъ глазами. Это совершалось съ помощью энергіи, порядка, труда, экономіи, терпѣливой настойчивости и въ особенности благодаря полному и постоянному единству между народомъ и его правительствомъ. По рѣдкому и необыкновенному счастью, начиная съ послѣдняго подданнаго и кончая государемъ, всѣ содѣйствовали одной общей цѣли безъ предварительнаго приказанія и безъ громкаго лозунга. Происходило это по безмолвному соглашенію въ желаніяхъ; никогда нигдѣ не было видано подобной дисциплины. Даже непослушаніе содѣйствовало общему дѣлу. У короля не было слуги, болѣе преданнаго какъ бунтовщикъ Шилль. Не существовало ни стачекъ, ни партій; всѣ были воодушевлены одною мыслію: освобожденіемъ страны.

Даже тайныя общества и тѣ служили поддержкою правительству, выполняя обязанность, которой оно не могло бы принять на себя и которая заключалась въ поддержаніи рвенія и пропаганды. Усилія Штейна и Шарнгорста не пропали даромъ. Со времени мемельскихъ постановленій, изданныхъ въ октябрѣ 1807, въ Пруссіи произошла цѣлая политическая и соціальная революція, остававшаяся тогда неизвѣстною

Европѣ; революція безъ разговоровъ, безъ шума, безъ эшафотовъ, но глубокая и долговѣчная, обновившая старую монархію Фридриха. Новые законы освободили городскихъ жителей и поселянъ отъ всякой феодальной зависимости, призвали ихъ въ широкой мѣрѣ къ поземельной собственности, къ участію въ мѣстномъ управленіи и къ дѣятельности въ ихъ собственныхъ интересахъ. Для нихъ умножили школы и образовательные центры; въ нихъ возбудили всѣ чувства, создающія гражданъ и патріотовъ. Не смотря на печальное положеніе финансовъ, народное просвѣщеніе было преобразовано по плодотворнымъ, хотя и дорого стоившимъ планамъ Вильгельма Гумбольдта. Былъ основанъ берлинскій университетъ, между профессорами котораго находились личности, прославившія свое время, Фихте, Савиньи, Вольфъ, Шлейермахеръ, Гуфеландъ, Клапротъ. Такимъ образомъ научный и гражданскій духъ господствовалъ надъ духомъ военнымъ и былъ его регуляторомъ. Армія, трактатомъ 8 сентября 1808, ограниченная постояннымъ числомъ 42,000 человѣкъ, насчитывала въ дѣйствительности 150,000, благодаря новому порядку, дополнявшему численность частыми наборами: Пруссія имѣла готовые кадры для двухъ сотъ-тысячной арміи.

Не смотря на чудеса дѣятельности, скрываемой съ неподражаемымъ искусствомъ, Пруссія была тѣмъ не менѣе въ рукахъ Наполеона. Зная проницательность своего врага, она предполагала, что ему извѣстно гораздо больше о ея враждебныхъ намѣреніяхъ, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Она всего опасалась съ его стороны въ столь критическое для нея время, и такъ какъ не хотѣла разыгрывать ни неумѣстнаго достоинства, ни напрасной откровенности, то и предавала себя въ его руки съ самозабвеніемъ раскаянія и страха. Въ началѣ апрѣля 1811 король Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ нашему посланнику Санъ-Марсану съ предложеніями предварительнаго союзнаго трактата между

Франціей и Пруссіей. Вскорѣ, ободренный вкрадчивостью Наполеона, хотѣвшаго узнать, до какой мѣры расположены были дойти въ Берлинѣ, король самъ составилъ проектъ трактата, который долженъ былъ быть переданъ императору прусскимъ министромъ Круземаркомъ. По этому проекту Наполеонъ долженъ былъ гарантировать Пруссіи цѣлость ея настоящихъ владѣній, а король обѣщалъ съ своей стороны дать въ его распоряженіе корпусъ вспомогательныхъ войскъ въ томъ случаѣ, когда Франція будетъ вовлечена въ войну или въ Германіи, *или на границахъ Пруссіи* [278]).

Это двусмысленное выраженіе, къ которому принуждены были прибѣгнуть для обозначенія Россіи, указывало на неудобство подписанія слишкомъ заблаговременно подобнаго трактата. Но предложеніемъ вспомогательнаго корпуса затрогивали слабую сторону Наполеона, потому-что онъ искалъ себѣ солдатъ и матросовъ повсюду, даже у своихъ враговъ и доводилъ страсть къ вербованію солдатъ до маніи. Въ его войскахъ находились не только поляки, нѣмцы, итальянцы, голландцы, швейцарцы, иллирійцы, далматы, но даже испанцы и португальцы. Одинъ его геній долженъ былъ замѣнять и дополнять всѣ патріотическія побужденія этого сброда разныхъ національностей; но хотя онъ не могъ ни въ какомъ случаѣ разсчитывать на этихъ странныхъ сподвижниковъ, тѣмъ не менѣе онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на залоги, гарантирущіе вѣрность ихъ правителей. Въ это время король прусскій писалъ русскому императору и предупреждалъ его, что, не имѣя возможности сохранять нейтралитета, онъ принужденъ вступить въ союзъ съ Франціей [279]). Но Александръ зналъ настоящую цѣну подобнаго союза и не обратилъ вниманія на заявленіе, въ полной увѣренности, что Пруссія возвратится къ нему вмѣстѣ съ наступленіемъ благопріятныхъ

---

[278]) Письмо короля прусскаго къ Круземарку, 14 мая 1811.
[279]) Фридрихъ-Вильгельмъ къ Александру, 16 мая.

обстоятельствъ. Съ своей стороны Наполеонъ, узнавъ, чего можно ожидать отъ прусской угодливости, хранилъ на предложеніе союза глубокое и загадочное молчаніе, подвергавшее жестокому испытанію терпѣливыя добродѣтели прусскаго кабинета. Какія намѣренія скрывались подъ этою сдержанностью? Не предвѣщала ли она рѣшимости уничтожить Пруссію? Было ли съ другой стороны возможно перейти на сторону Россіи прежде несомнѣннаго ея разрыва съ Франціею? Какъ приметъ она столь внезапную перемѣну?

Затрудненія государственныхъ людей Пруссіи вскорѣ доведены были до пароксизма неизвѣстностью, поддерживаемою разсчитаннымъ молчаніемъ Наполеона. Они нашли наконецъ исходъ въ рѣшимости, повидимому очень рискованной, но которая въ дѣйствительности была гораздо разумнѣе и въ особенности гораздо честнѣе ихъ прежней покорности. Они принялись открыто укрѣплять оставшіяся въ ихъ распоряженіи крѣпости, объявили о своемъ намѣреніи вооружаться, приводя въ оправданіе этихъ мѣръ предлогъ, выставленный прежде и Наполеономъ въ отношеніи къ Россіи, то есть необходимость приготовиться къ защитѣ противъ воображаемой высадки англичанъ. Но монополію такого рода лжи Наполеонъ предоставлялъ исключительно только себѣ, и принялъ очень дурно эту шутку со стороны Пруссіи. «Можно было, велѣлъ онъ написать Санъ-Марсану, *стараться увѣрить Россію, что войска посылались противъ англичанъ, но очень хорошо извѣстно, что англичане не предпримутъ высадки!*» Лживая изворотливость была уже неумѣстна. Видя свою страну компрометированною въ отношеніи Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ ничѣмъ необезпеченною со стороны Франціи, Гарденбергъ рѣшился дѣйствовать напроломъ; онъ смѣло объявилъ нашему посланнику Санъ-Марсану, «что лучше умереть со шпагою въ рукахъ, чѣмъ погибать съ позоромъ; что отъ Франціи зависѣло сдѣлать выборъ

25*

между преданною союзницею или отчаянною борьбою [280])». Круземаркъ получилъ приказъ объявить то же самое Маре и прибавить, что Пруссія можетъ немедленно выставить въ поле сто тысячъ человѣкъ. Этотъ смѣлый и ловкій поступокъ привелъ въ крайнее раздраженіе Наполеона. Въ первыя минуты гнѣва, онъ отправилъ Даву всѣ необходимыя приказанія для уничтоженія Пруссіи, если она тотчасъ же не прекратитъ своихъ военныхъ приготовленій; но такъ какъ онъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ дать ей понять, что вознагражденіемъ за обезоруженіе будетъ союзный трактатъ [281]) то ему не трудно было добиться подобнаго удовлетворенія. Роли странно перемѣнились при этихъ новыхъ переговорахъ: казалось, что Наполеонъ, за то, что хотѣлъ слишкомъ злоупотребить своими преимуществами надъ Пруссіей, самъ вынужденъ былъ подчиниться предлагаемому союзу, вмѣсто того, чтобы настаивать на принятіи угодныхъ ему условій [282]).

Россія нисколько не была намѣрена оспаривать у насъ этихъ союзниковъ, малую надежность которыхъ она очень хорошо сознавала. Въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ были до такой степени связаны близкою солидарностью интересовъ, что не нуждались въ письменныхъ обязательствахъ, или во взаимныхъ оправданіяхъ. Знали, что поймутъ другъ друга безъ объясненій, что снова соединятся, когда настанетъ рѣшительный моментъ. То же самое происходило въ малыхъ королевствахъ, которыя, какъ Саксонія, были до нѣкоторой степени нашими естественными союзниками. Хотя они еще повиновались, но были наготовѣ воспользоваться слу-

---

[280]) Гарденбергъ къ Круземарку, 30 августа 1811.

[281]) Маре къ Санъ-Марсану, 13 сентября.

[282]) Депеши Санъ-Марсана августа и сентября мѣсяцевъ особенно важны. (Архивы иностр. дѣлъ; *Пруссія*, 213). Биньонъ, объ этихъ переговорахъ, т. X, Шёлль: *Сокращенная исторія трактатовъ*, т. X, *и Мемуары, извлеченные изъ бумагъ государственнаго человѣка*, т. XI.

чайностями [283]). Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ принялъ тактику отступленія передъ нашею арміею, съ цѣлью завлечь ее въ глубь Россіи, обращеніе къ Пруссіи или къ Австріи съ предложеніемъ принять его сторону могло привести только къ немедленному истребленію силъ, которыя было гораздо цѣлесообразнѣе сохранить въ цѣлости на будущее время. Для него важно было пріобрѣтеніе только двухъ союзниковъ—Турціи и Швеціи, потому что онѣ могли или прикрывать, или угрожать на обѣихъ оконечностяхъ его громадной имперіи. Онъ зналъ, что когда захочетъ, то достигнетъ, по крайней мѣрѣ, нейтралитета Турціи, заключивъ съ нею миръ. Въ Константинополѣ были извѣстны, благодаря услужливымъ сообщеніямъ англичанъ, всѣ вѣроломства Наполеона относительно Порты, въ вознагражденіе за ея долгую вѣрность; поэтому предложенія Наполеона были очень дурно приняты въ Турціи, и тамъ почти открыто презирали его посланника Латуръ-Мобура. Что касается Швеціи, бывшей также, какъ и Турція, одною изъ самыхъ старинныхъ нашихъ союзницъ, то въ Петербургѣ были увѣрены въ возможности ея отдѣленія отъ Франціи, потому что этому способствовало могущественное содѣйствіе, заключавшееся въ образѣ дѣйствія самого Наполеона.

Послѣ отказа Бернадота присоединиться къ мѣрамъ континентальной блокады противъ нейтральныхъ, наши сношенія съ Швеціей принимали все болѣе непріязненный оборотъ, а отъ этого возникло начало солидарности между этою страною и Россіей, находившейся въ точно такомъ же положеніи. Бернадотъ, также какъ и Александръ, не могъ согласиться на окончательное разореніе своего государства изъ-за очевидно безумнаго соображенія, и событія уже представляли имъ обоимъ ясное указаніе на основательность ихъ сопротивленія.

---

[283]) *Мемуары* графа Зенфта, бывшаго тогда главнымъ министромъ саксонскаго короля.

Во Франціи открылся очень опасный промышленный и торговый кризисъ (мартъ 1811), и никто не могъ сомнѣваться въ томъ, что рѣшительнымъ поводомъ къ тому была континентальная система. Страданіями, испытанными Франціей, несмотря на преимущества ея привилегированнаго положенія, можно было измѣрять бѣдствія, которыя принуждены были переживать страны, необладавшія ни богатствами земледѣльческихъ произведеній, ни промышленной монополіей, ни безчестными выгодами отъ лиценцій, ни добычей отъ побѣжденныхъ народовъ. При такомъ положеніи дѣлъ Швеція, изгнаніемъ нейтральныхъ, буквально присуждала бы себя къ голодной смерти. Наполеонъ настаивалъ тѣмъ не менѣе на принятіи этого неисполнимаго закона, утверждая съ невозмутимостью, «что нейтральныхъ не существовало, что подъ видомъ нейтральныхъ были только англичане». А когда ему противопоставляли свидѣтельство американскаго министра, удостовѣрявшаго національность кораблей своей страны, онъ отвѣчалъ безъ колебанія: *Нѣтъ американскихъ кораблей. Если американскій министръ утверждаетъ противное, то онъ самъ не знаетъ, что говоритъ* [284]).

Столь безумно избранный образъ дѣйствія долженъ былъ рано или поздно бросить Швецію въ объятія Россіи. Однако симпатіи шведовъ были еще на нашей сторонѣ. Они устояли противъ внушеній Александра, предлагавшаго имъ Норвегію съ начала декабря мѣсяца 1810; склонить ихъ къ союзу съ нами было тогда нетрудно. Несмотря на свои предубѣжденія, Наполеонъ желалъ побороть свое личное нерасположеніе къ Бернадоту, для того, чтобъ окончательно привлечь его на нашу сторону. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 онъ попытался на сближеніе, снизойдя до личной съ нимъ переписки, несмотря на свои прежніе отказы. Бернадотъ принялъ съ радостью эту почесть, потому что не безъ живаго

[284]) Наполеонъ къ Маре, 15 іюля 1811.

сожалѣнія смотрѣлъ на необходимость разрыва со своею родиною. Наполеонъ, попрежнему, не хотѣлъ допускать его до завладѣнія Норвегіей, принадлежавшей нашему союзнику, датскому королю, хотя Бернадотъ крайне желалъ пріобрѣсть эту страну, чтобы имѣть возможность что-нибудь предоставить шведамъ на память своего радостнаго возшествія на престолъ; но въ замѣнъ того онъ формально обязывался въ случаѣ войны противъ Россіи содѣйствовать къ завоеванію вновь Финляндіи [285]).

Послѣ такого сближенія, наши отношенія къ Швеціи стали почти дружественными, какъ неожиданное происшествіе, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ континентальной системы, затруднило ихъ въ высшей степени. Два французскіе корсара, захвативъ нѣсколько шведскихъ кораблей, подъ предлогомъ, что тѣ нарушили правила блокады, укрылись со своею добычею въ стральзундскомъ портѣ, гдѣ ихъ приняли очень дурно померанскіе конскрипты. Бернадотъ не могъ, не унизивъ себя въ глазахъ своихъ новыхъ соотечественниковъ, допустить у себя подобнаго присвоенія французами права распоряженія и вдобавокъ въ такой наступательной формѣ. Съ своей стороны Наполеонъ не былъ человѣкомъ, расположеннымъ къ уступкамъ и отреченію отъ своихъ корсаровъ. Онъ потребовалъ наказанія виновниковъ ссоры въ повелительныхъ выраженіяхъ, высокомѣріе и грубость которыхъ были еще преувеличены Алькье, его министромъ въ Швеціи. Алькье, бывшій прежде членомъ конвента, но уже давно примирившійся съ тираніей, противъ которой онъ когда-то такъ сильно декламировалъ, былъ вполнѣ лишенъ такта и мѣры. Въ дипломатѣ проглядывалъ прежній демагогъ. Оскорбительный для всѣхъ, по замѣчанію Коленкура, онъ ненавидѣлъ Бернадота, и всѣ его депеши были памфлетами неслыханной дерзости. Въ нихъ только и гово-

---

[285]) Шампаньи къ Алькье, 15 апрѣля 1811.

рилось, что о *безуміи* Бернадота, о его *посредственности*, о его *тривіальной снисходительности* и *неспособности*. Онъ критиковалъ даже его платье. Подобныя сообщенія конечно не могли дѣйствовать успокоительнымъ образомъ на Наполеона.

Это происшествіе, какъ бы ни было оно непріятно, не могло однакожь привести къ разрыву съ Швеціей, драгоцѣнною союзницею въ случаѣ войны съ Россіей, потому что шведы, по положенію свой страны, могли дѣйствовать въ тылу русскихъ войскъ и угрожать непосредственно Петербургу. Наполеонъ самъ сознавалъ, что корсары преступили свое право, напавъ на шведскія суда; нѣсколько позже, въ письмѣ къ Даву, онъ говоритъ, «что эти корсары злоупотребили вліяніемъ генерала Раппа для того, чтобъ ограбить берега и произвести насилія, втягивавшія Францію въ ссоры [286]).» Но могъ ли допустить императоръ, чтобъ даже самые послѣдніе изъ его агентовъ были неправы? Не необходимо ли было поддерживать прежде всего обаяніе и превосходство имперіи? Алькье былъ отозванъ изъ Стокгольма, но уже послѣ того, какъ успѣлъ раздражить до послѣдней степени Бернадота и уничтожить всякую возможность къ примиренію. Швеція, доведенная до крайности нашими наглыми поступками, слишкомъ слабая для того, чтобъ остаться одинокою среди судорожной борьбы Европы, наконецъ принужденная заботиться о своей собственной безопасности, отдалилась отъ насъ и склонялась болѣе и болѣе на сторону Россіи [287]).

---

[286]) Наполеонъ къ Даву, 2 декабря 1811.

[287]) Архивы иностранныхъ дѣлъ: *Швеція* 296; депеши Алькье іюля, августа и сентября 1811.

ГЛАВА XI.

Образованіе арміи для вторженія въ Россію. — Мѣры противъ ослушниковъ. — Промышленный и торговый кризисъ. — Рожденіе короля Римскаго. — Сессія 1811. — Національный соборъ. — Неизбѣжность разрыва съ Россіей. (Май — декабрь 1811.)

Эти переговоры, неприводившіе къ счастливымъ результатамъ даже тогда, когда представлялись успѣшными, потому что давали намъ только ложныхъ союзниковъ, не могли уже никого примирить съ владычествомъ, внушавшимъ лишь чувства ненависти и недовѣрія. Они далеко не занимали перваго мѣста въ заботахъ императора. Масса другихъ, не менѣе важныхъ дѣлъ требовала его вниманія. Необходимо было уладить затрудненія въ дѣлахъ церкви и въ сношеніяхъ съ папскимъ престоломъ, затрудненія малошумныя, но поддерживавшія глубокое волненіе въ народонаселеніи имперіи; затѣмъ слѣдовалъ бѣдственный промышленный и торговый кризисъ, бывшій запоздалымъ, но вполнѣ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ континентальной системы; но въ особенности главнымъ предметомъ его заботливости, его ежедневною и ежечасною мыслію, важнѣйшею, единственною цѣлью, на которой онъ сосредоточивалъ свои несравненныя способности организатора, были его военныя приготовленія къ борьбѣ съ Россіей. Если принять во вниманіе, что онъ продолжалъ вни-

кать во всѣ подробности внутренняго управленія такой громадной имперіей, управлять изъ Парижа военными операціями въ Испаніи и Португаліи, то неудивительно, что его дѣятельность, какъ ни была необыкновенна, не могла выполнить подобной задачи, что онъ былъ какъ бы затопленъ обширностью и многосложностью дѣлъ, и только поверхностно прикасался къ каждому изъ нихъ безъ той послѣдовательности и тщанія, которыя необходимы для успѣшнаго ихъ веденія.

Это неудобство было тѣмъ болѣе важно, что качество, самое необходимое для высшаго руководства столь обширной совокупностью дѣлъ, то есть мѣрность, вѣрность и точность ума, начинало измѣнять его генію, все еще мощному, но безпорядочному и необузданному. Болѣе чѣмъ когда либо плодовитый въ соображеніяхъ, въ изобрѣтеніи всевозможныхъ средствъ, въ искусствѣ сочетать малѣйшія подробности для достиженія своихъ цѣлей, онъ утратилъ, если когда нибудь обладалъ имъ, этотъ тактъ, это высшее чувство, которое при первомъ взглядѣ открываетъ условія возможнаго и предѣлъ, котораго не слѣдуетъ преступать. Но въ военныхъ дѣлахъ, гдѣ главнымъ образомъ необходимо было распредѣлять и организовать громадныя средства, бывшія подъ его руками, гдѣ операціи не столько зависѣли отъ нравственной оцѣнки, сколько отъ математической точности, снова выказывался весь его геній съ его удивительнымъ могуществомъ созиданія и труда. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ предусмотрѣлъ и почти рѣшилъ войну съ Россіей, онъ принялся за образованіе такой арміи, которая соотвѣтствовала бы его гигантскимъ планамъ всемірнаго владычества, какимъ онъ его задумалъ, то есть могущества невиданнаго еще на свѣтѣ. По многочисленности и силѣ этой арміи видно было, что даже въ его глазахъ эти несбыточные планы были насиліемъ надъ естественнымъ ходомъ вещей и не было для нихъ другаго шанса на осуществленіе, какъ только побѣда. Но если они

сами по себѣ не имѣли ни прочности, ни возможности существованія, то въ замѣну онъ хотѣлъ придать имъ безпримѣрную матеріальную поддержку. Его политика не была ли всегда въ противорѣчіи съ осторожностью и съ духомъ времени, и не его ли шпага всегда и все исправляла?

Въ сущности армія, предназначенная на то, что онъ сталъ называть войною съ Россіей, была всѣмъ въ его глазахъ; ему не было дѣла до того, что эта война предпринималась безъ всякаго основанія и вопреки справедливости, лишь бы имѣлось въ виду окончить ее съ успѣхомъ. Когда страхъ быть захваченнымъ врасплохъ прошелъ, успѣхъ этотъ казался ему все менѣе и менѣе сомнительнымъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1810, наборъ далъ ему 120,000 человѣкъ въ счетъ набора 1811, къ которымъ слѣдуетъ прибавить еще 30,000, завербованныхъ съ четырнадцати-лѣтняго возраста въ морскую службу. Эту мѣру восхваляли ораторы сената, какъ черту необыкновеннаго великодушія, потому что послѣ многихъ лѣтъ въ первый разъ конскрипція не была произведена до срока. Никто даже и не подумалъ замѣтить, какая горькая насмѣшка надъ существующими учрежденіями заключалась во взглядѣ на точное исполненіе закона, какъ на благодѣяніе со стороны императора. Эти рекруты были распредѣлены въ кадры, взятые изъ прежнихъ корпусовъ германской арміи. Благодаря этимъ подкрѣпленіямъ, обсерваціонные корпуса, образованные на Эльбѣ, на Рейнѣ, въ Италіи, сдѣлались вскорѣ настоящими арміями, состоявшими первая изъ пяти, а двѣ другія изъ четырехъ дивизій. Резервный корпусъ, состоявшій изъ четырехъ другихъ дивизій, былъ образованъ на югѣ Франціи съ цѣлью посылать подкрѣпленія въ Испанію или Италію, смотря по надобности. Въ это же время всѣ государи германскаго союза были понуждаемы выставить свои контингенты. Эти приготовленія производились съ такою дѣятельностью, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1811, Даву, командовавшій обсерваціоннымъ корпусомъ на Эльбѣ, имѣлъ въ

своемъ распоряженіи 200,000 человѣкъ, готовыхъ двинуться по первому сигналу. Его армія достигала до 120,000 человѣкъ, саксонскій король выставилъ 24,000, герцогство Варшавское 34,000, король вестфальскій 15,900 [288]). Въ это же время, 16 іюня, въ день открытія законодательной сессіи, Монталивье могъ напечатать въ *Обзорѣ состоянія имперіи:* «Франція имѣетъ подъ ружьемъ 800,000 человѣкъ!»

Несмотря на офиціальные диѳирамбы докладчиковъ сенатусъ-консульта относительно конскрипціи, въ которыхъ упоминалось о рвеніи и готовности, выказываемыхъ молодыми французами въ ихъ стремленіи къ славѣ [289]), эти великіе результаты достигались уже не иначе, какъ съ большими усиліями и при большомъ сопротивленіи. Глубокое молчаніе, систематически хранимое объ уронахъ нашихъ войскъ въ Испаніи, не могло вполнѣ помѣшать обнаруженію правды. Если и не знали въ точности, до какой мѣры безславна была для насъ эта война, то по крайней мѣрѣ знали, на сколько она была кровопролитна, и съ какимъ-то недоумѣніемъ принимали извѣстіе о близости новой войны, неоправдываемой никакою необходимостью или какимъ бы то ни было интересомъ. Родители старались всѣми средствами избавить своихъ дѣтей отъ военной службы, а число молодыхъ людей, спасавшихся отъ нея бѣгствомъ, возрасло до неслыханныхъ размѣровъ. Два факта достаточно показываютъ, на сколько важны были хвалебные вымыслы сенатскихъ ораторовъ: первый заключается въ томъ, что въ этотъ самый 1811 годъ, нанятый на мѣсто другаго конскриптъ оплачивался уже суммою, доходившею *до восьми тысячъ франковъ* [290]), что

[288]) Наполеонъ къ Кларку, 23 іюня 1811.

[289]) *Доклады* Сенъ-Жанъ-д'Анжели и Ласепеда, въ засѣданіяхъ 10-го и 13-го декабря 1810.

[290]) Авторъ приводитъ этотъ фактъ со словъ человѣка, свидѣтельство котораго не подлежитъ сомнѣнію, потому что онъ говоритъ о томъ, что случилось *съ нимъ самимъ*.

равняется удвоенной суммѣ въ настоящее время; второй фактъ тотъ, что число ослушниковъ конскриптовъ достигло тогда почти до 80,000 человѣкъ.

Эти ослушники составляли какъ-бы фондъ многихъ лѣтъ возмущенія противъ закона; они представляли постоянный дурной примѣръ непослушанія, котораго не могло терпѣть никакое правительство. Тогдашнее правительство было до излишества вооружено противъ такихъ преступниковъ, и если бы оно довольствовалось мѣрами, предоставляемыми ему закономъ, то оставалось бы только одобрить прекращеніе уклоненій отъ службы. Но эти законныя мѣры, какъ бы жестоки ни были онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, далеко не были достаточны для удовлетворенія нетерпѣнія и раздражительности Наполеона. Ему не столько хотѣлось подавить ослушничество, сколько какъ можно скорѣе захватить въ свои руки этотъ многочисленный и энергическій классъ людей и включить ихъ во что бы то ни стало въ свою армію. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія подобнаго результата было заставить возможно наибольшее число людей принимать участіе въ арестованіи конскрипта-ослушника. Съ этою цѣлью, вмѣсто него, подвергали наказанію его родителей и друзей.

Это варварское средство было придумано и примѣняемо директоріей противъ вандейскихъ инсургентовъ. Первый консулъ въ то время, когда былъ милосерденъ изъ разсчета, прославился отмѣною этой мѣры. Не только принципъ *закона о заложникахъ*, который когда-то такъ справедливо осудили, былъ снова возстановленъ, но его еще болѣе обобщили, распространивъ не только на семью конскрипта-ослушника, но и на его общину и даже на цѣлый округъ, къ которому онъ принадлежалъ. Наказаніе избрали такое, которое должно было быть всего тяжелѣе для бѣдныхъ. Оно состояло въ обязательствѣ помѣщать, кормить и оплачивать подъ именемъ экзекуціи извѣстное число солдатъ, до тѣхъ поръ, пока

ослушникъ не покорится. Отцы и матери, затѣмъ братья и сестры, потомъ лица, у которыхъ преступникъ ѣлъ, пилъ и спалъ, наконецъ сама община были послѣдовательно привлекаемы къ отвѣтственности за чисто личное преступленіе [291]).

Такъ какъ эти средства, какъ бы жестоки они ни были, не дѣйствовали довольно быстро по желанію Наполеона, то экзекуціи получили себѣ въ подмогу подвижныя колонны, болѣе извѣстныя подъ именемъ *адскихъ колоннъ*, которыя грабили и наводили ужасъ на цѣлые округи. Эти мѣры были дѣйствительны, но онѣ показываютъ, чего стоило уже тогда образованіе большой арміи, и до какой степени нація тяготилась наборами, не смотря на свои наклонности къ военному быту. Всѣ средства считались годными для избѣжанія столь тяжкой службы, но съ другой стороны употреблялись и всѣ мѣры съ цѣлью забрать людей на войну, и если бѣгство представляло мало безопасности, то ни замѣна себя другимъ лицомъ, ни увольненіе отъ службы не гарантировали свободы. Какъ лица замѣщенныя, такъ и уволенныя были неизмѣнно, по прошествіи извѣстнаго промежутка времени, снова вписываемы въ новыя категоріи, и можно было часто встрѣтить молодыхъ людей, заплатившихъ три или четыре раза выкупъ за свое освобожденіе, и которые при всемъ томъ не могли считать себя окончательно свободными.

По этому сокращенному изложенію народныхъ бѣдствій видно, что французской націи очень дорого обошлась честь, ставшая впрочемъ довольно сомнительною, дать повелителя Европѣ. Но это было еще не все; бѣдствія, причиняемыя ей континентальной системой, были еще болѣе жестоки. Не подлежитъ сомнѣнію, что блокада была прямою и главною причиною промышленнаго кризиса, разорившаго Францію въ продолженіе зимы 1811, хотя и можно

---

[291]) См. въ «*Bulletin des Lois*» декреты, впрочемъ, очень неполные, отъ 12 января, 5 апрѣля и 23 сентября 1811.

допустить, что тому много способствовали наши нескончаемыя войны. Наполеонъ придумалъ создать въ пользу Франціи родъ промышленной и торговой монополіи. Ея мануфактуры получали по лиценціямъ и конфискаціоннымъ продажамъ хлопокъ, красильное дерево, индиго и т. д.—единственныя сырыя произведенія, допускаемыя на континентъ, и такимъ образомъ онѣ однѣ обладали привилегіей фабрикаціи, и если онѣ не имѣли никакого сбыта моремъ, то могли по крайней мѣрѣ разсчитывать на европейскіе рынки. Въ такомъ же положеніи находились и другіе калоніальные товары, исключительную торговлю которыми онъ намъ предоставилъ, хотя и довелъ ее до ограниченныхъ размѣровъ.

По этимъ даннымъ, теоретически обезпечивавшимъ успѣхъ, наши фабриканты обратились къ усиленной производительности. Съ своей стороны спекуляторы разнаго рода набросились на пріобрѣтеніе колоніальныхъ товаровъ, разсчитывая на потребленіе всей Европы. Но если разсчетъ казался вѣренъ въ теоріи, онъ не могъ осуществиться на практикѣ, потому что не было принято въ соображеніе необыкновенное вздорожаніе, бывшее неизбѣжнымъ слѣдствіемъ системы. Во-первыхъ англичане, ставшіе вслѣдствіе нашихъ мѣръ противъ нейтральныхъ и вслѣдствіе уничтоженія всякой конкурренціи, полновластными распорядителями цѣнъ на эти товары, которыми они почти одни владѣли, продавали ихъ за громадныя цѣны обладателямъ лиценцій. Они брали съ нихъ до четырехъ и пяти франковъ за фунтъ сахара, обходившагося имъ самимъ по пятидесяти сантимовъ. Негоціантъ, снабженный лиценціей, все-таки получалъ свой товаръ за очень высокую цѣну. Кромѣ того, онъ долженъ былъ прибавить къ цѣнѣ, въ какую ему обходился товаръ, во-первыхъ, стоимость товаровъ, запрещенныхъ въ Англіи, и которые онъ былъ поэтому принужденъ бросать въ море, потому что Наполеонъ принуждалъ вывозить ихъ за границу; затѣмъ очень большіе расходы на лиценцію и

наконецъ его собственные барыши. Можно себѣ представить, до какихъ цѣнъ доходили въ такой мѣрѣ обложенные товары, прежде даже чѣмъ они поступали на наши фабрики или въ наши магазины. Товары отъ захватовъ были также недоступны для покупателей вслѣдствіе высокихъ пошлинъ и въ особенности налога 50 на 100, которымъ ихъ обременилъ Наполеонъ.

Результатомъ всего этого, какъ и слѣдовало ожидать, было то, что товары не распродавались. Ихъ дороговизна возвышала барыши контрабандистовъ, выигрывавшихъ все то, что теряла правильная торговля. Фабрики прекратили свою дѣятельность, банки, ссудившіе имъ фонды, не получая слѣдуемыхъ ими процентовъ, принуждены были прекратить свои платежи, а такъ какъ всѣ производства были солидарны между собою и всѣ пострадали отъ войны, то даже тѣ, которыя казались защищенными отъ внѣшнихъ вліяній, какъ напримѣръ фабрикація шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, были вовлечены въ общее бѣдствіе.

Наполеонъ попытался остановить кризисъ выдачею въ пособіе нѣсколькихъ милліоновъ, которыми онъ ссудилъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе запутавшихся и пострадавшихъ негоціантовъ; но онъ не обратилъ вниманія на благоразумные совѣты Молліена и окружавшихъ его компетентныхъ людей. Никогда не могли его заставить согласиться съ тѣмъ, что его столь могущественная воля не имѣла вліянія на кредитъ. Эти вспоможенія не спасли никого. Онъ одолжилъ заразъ одному торговому дому до милліона пятисотъ тысячъ франковъ [292]), но вскорѣ принужденъ былъ отказаться отъ подобнаго способа вспоможенія въ виду громадныхъ требованій.

Заказы военныхъ снабженій, убранства для императорскихъ дворцовъ принесли слабое облегченіе печальному поло-

---

[292]) Mollien: *Mémoires d'un ministre du trésor.*

женію рабочаго класса; но даже если бы употребили всѣ государственные доходы для прекращенія бѣдствія, то они далеко не были бы достаточны для поправленія дѣлъ. Единственнымъ дѣйствительнымъ облегченіемъ была бы отмѣна мѣръ, приведшихъ къ кризису; но это было также единственнымъ средствомъ, о которомъ Наполеонъ не хотѣлъ и слышать. Когда, 25 марта 1811, депутаты торговой палаты, предводимые двумя главными промышленниками того времени, Мартэномъ и Терно, хотѣли сдѣлать ему нѣсколько скромныхъ замѣчаній о средствахъ для прекращенія промышленныхъ и торговыхъ бѣдствій, онъ остановилъ ихъ, не давъ имъ высказать ни слова о ихъ жалобахъ. Затѣмъ онъ принялся пространно и непослѣдовательно восхвалять континентальную систему и свою политику, примѣшивая еще къ тому угрозы, направленныя противъ Россіи и бывшія по меньшей мѣрѣ крайне неумѣстными въ то время, когда онъ старался обмануть Россію и скрыть свои вооруженія.

«Купцы жалуются какъ и всегда, а между тѣмъ сами виноваты въ наступленіи кризиса. Они хотѣли обогатиться слишкомъ скоро, выигрывать состояніе, какъ выигрываютъ сраженія, вмѣсто того, чтобъ разсчитывать на всегда медленно приходящіе результаты труда и экономіи. Они должны винить только самихъ себя, такъ какъ были жертвами своей собственной жадности. Что до него касается, то онъ остался вѣренъ своей системѣ, заключавшейся въ ограниченіи Англіи. Когда-то очень осуждали его берлинскіе и миланскіе декреты, а между тѣмъ теперь Англія приходила въ упадокъ, *она погибаетъ!* Онъ обладаетъ окраинами всей Европы, онъ ежегодно строитъ по двадцати пяти кораблей, онъ вскорѣ будетъ имѣть флотъ въ двѣсти кораблей, и тогда Англія принуждена будетъ покориться. Но до тѣхъ поръ горе государствамъ континента, которыя откажутся слѣдовать за нимъ! Всѣ заговоры, которые англичане постараются завя-

зать съ этими державами, *онъ разрубитъ своею шпагою;* онъ присоединитъ эти государства такъ же, какъ присоединилъ всѣ тѣ, которыя ему сопротивлялись. Въ Тильзитѣ, онъ *пощадилъ* русскаго императора за его обѣщанія содѣйствія, но если эти обѣщанія не будутъ исполнены, онъ пойдетъ даже *въ Ригу*, *въ Москву*, *въ Петербургъ!* онъ не простой французскій король, онъ *императоръ континента*, онъ располагаетъ двумя стами милліонами, находящимися въ тюильрійскихъ кладовыхъ. Франція, наибогатѣйшая страна земнаго шара, и онъ ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ чего бы то ни было въ тарифѣ пошлинъ, въ этомъ могутъ быть вполнѣ увѣрены».

Эти отступленія, затрогивавшія всѣ вопросы, исключая главнаго предмета жалобъ купцовъ, послужили только къ обнаруженію смущеннымъ слушателямъ Наполеона, что рядомъ съ его старинною мечтою ограничить Англію, изнуривъ голодомъ Европу, новая забота начинала тревожить императорскій мозгъ; эта забота заключалась въ томъ, чтобъ идти искать себѣ новаго врага на оконечности континента. Угрозы, направленныя противъ Россіи въ этой несчастной рѣчи, получили громадную огласку за границей. Въ продолженіе нѣкотораго времени канцеляріи и газеты были исключительно заняты передачей варіантовъ, и это впечатлѣніе показалось до такой степени зловѣщимъ самому императору, что онъ напечаталъ краткое повтореніе своей рѣчи, равнявшееся отреченію отъ своихъ словъ.

Впрочемъ, онъ справедливо говорилъ, что континентальный кризисъ отразился также и на Англіи. Эта страна не могла не пострадать отъ бѣдствій Европы, коснувшихся также и Великобританіи; но она страдала отъ нагроможденія и отъ избытка, а не отъ бѣдности. Ея доки, ставшіе складнымъ пунктомъ цѣлаго свѣта, преизобиловали товарами, главнымъ образомъ сахаромъ и кофе. Одно хлопчатобумажное производство серьезно пострадало отъ неосторожныхъ

спекуляцій [293]). Въ Франціи же избытокъ существовалъ только у нѣкоторыхъ фабрикантовъ и привилегированныхъ владѣльцевъ колоніальныхъ товаровъ, а всюду былъ крайній недостатокъ и сплошное обѣднѣніе. Въ Англіи у всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ классовъ было неслыханное скопленіе богатствъ и всевозможныхъ товаровъ, которые, въ данную минуту, не имѣли достаточнаго сбыта, не смотря на то, что тому способствовало уничтоженіе всякой конкуренціи, но на продажу этихъ товаровъ можно было разсчитывать навѣрно только нѣсколько позже. Доказательствомъ служило то неисчерпаемое могущество кредита, которое позволяло Англіи занимать ежегодно по милліарду, — задача очень трудная, которую повелитель Европы едва ли бы могъ разрѣшить къ своей чести.

Въ самомъ разгарѣ промышленнаго кризиса, 20 марта 1811, родился тотъ ребенокъ, о которомъ предрекалъ Наполеонъ еще прежде своего бракосочетанія съ Маріей-Луизой, какъ будто сама природа должна была покорствовать его желаніямъ. Восклицанія, привѣтствовавшія императорскій брачный союзъ, раздались точно также и вокругъ колыбели новорожденнаго короля Рима: энтузіазмъ тогда былъ ничто иное какъ искусно организуемый механизмъ, которымъ располагали по произволу. Но мирныя надежды, сопровождавшія австрійскій бракъ, слишкомъ скоро оказались несбыточными, и на этотъ разъ не могло уже быть прежняго довѣрія къ офиціальному торжеству. Не менѣе того, никакое событіе не было столько восхваляемо, столько воспѣваемо въ храмахъ, во дворцахъ и даже въ темныхъ деревняхъ. Сто одинъ пушечный выстрѣлъ, возвѣстившій въ Парижѣ рожденіе короля Рима, повторились отъ Данцига до Кадикса во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у насъ былъ какой нибудь

[293]) *Report from the Select committee on the state of commercial credit;* mars 1811.

полкъ и батарея. Веллингтонъ, въ своей перепискѣ, не безъ удивленія и не безъ ироніи разсказываетъ, что къ нему явился французскій офицеръ съ предупрежденіемъ отъ Массены, бывшаго уже тогда въ полномъ отступленіи, о безвредномъ значеніи этой канонады. Не смотря на такое извѣщеніе, говорилъ онъ, я ожидалъ атаки, до того эта радостная демонстрація показалась мнѣ невѣроятною въ арміи, столь жестоко пострадавшей. Сколько разъ эти самыя пушки и эти солдаты повторяли міру наши клятвы въ вѣчной враждѣ къ тиранамъ! Какъ представить себѣ, что они выражали тогда только нашу вѣчную непослѣдовательность? И если, какъ говорили, съ упованіемъ довольно страннымъ, рожденіе императорскаго наслѣдника упрочивало нескончаемость существовавшаго порядка, то какая надежда могла оставаться французамъ на окончаніе ихъ бѣдствій?

Сенатъ и государственный совѣтъ высказали по этому случаю свои обычныя ласкательства. «Мы приходимъ первые, говорилъ президентъ сената, и приносимъ къ подножію трона тѣ восторги, тѣ радостные клики, которые распространились по всей имперіи вмѣстѣ съ извѣстіемъ о рожденіи короля Рима. Ваши народы привѣтствуютъ единодушными рукоплесканіями *новую звѣзду, появившуюся на горизонтѣ Франціи, и первый лучъ которой разсѣеваетъ послѣднія тѣни, омрачавшія будущность»*[294]). Вся сенаторская рѣчь была въ такомъ напыщенномъ тонѣ, и если я привожу изъ нея этотъ отрывокъ, то отнюдь не для того, чтобъ это приняли за исключительную гиперболу, но съ тѣмъ, чтобъ подлинностью тогдашняго офиціальнаго языка дать понятіе о томъ уничиженіи, въ которое пали правительственныя власти той эпохи. Можно судить по этому о пареніи фантазіи поэтовъ, по самому своему ремеслу обязанныхъ подниматься выше прозаиковъ. Надъ звѣздами некому быть кромѣ боговъ,

[294]) Рѣчь графа Гарнье, президента сената, 22 марта 1811.

и въ самомъ дѣлѣ поэты стали заимствовать свои сравненія изъ надзвѣзднаго міра, привѣтствуя появленіе на свѣтъ *новаго Мессіи* [295]). *Монитеръ* публиковалъ безчисленныя переложенія знаменитаго стиха:

«Jam nova progenies cœlo dimittitur alto.»
«L'éclair luit, le ciel souvre et t'offre ton image
Sous les traits de ton fils.»

(Молнія блещетъ, небеса разверзаются и представляютъ тебѣ твой образъ въ чертахъ твоего сына [296]).

Законодательный корпусъ, созванный двумя мѣсяцами позже, лишился случая отличиться соревнованіемъ въ прославленіи властелина. Въ утѣшеніе ему предоставлена была особенная честь поднести свои поздравленія самому младенцу. Президентъ законодательнаго корпуса, прямой потомокъ учредительнаго собранія и конвента, явился, во главѣ избранной депутаціи, почтить поздравительной рѣчью двухмѣсячнаго ребенка; онъ говорилъ ему о преданности собранія, потомъ получилъ и передалъ своимъ товарищамъ отвѣтъ гувернантки! Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ передалъ имъ отчетъ о своей почетной коммиссіи: «Мы ему поднесли, милостивые государи, изъявленія нашихъ нѣжнѣйшихъ чувствъ вмѣстѣ съ тѣми пожеланіями, которыя внушала намъ наша любовь къ собственнымъ дѣтямъ. Госпожа гувернантка приняла эти пожеланія и благодарила насъ отъ имени юнаго принца, безъ сомнѣнія, сожалѣя, что не могла присоединить выраженія своихъ личныхъ чувствъ законодательному корпусу [297]).

Эта рѣчь, произнесенная у колыбели короля Рима, была чуть ли не самымъ важнымъ дѣломъ законодательной сессіи 1811. Наполеонъ, какъ мы уже сказали, давно задумалъ упразднить законодательный корпусъ, точно также какъ уни-

---

[295]) *Le Noël nouveau*, подношеніе трубадура, Армана Гуффе.
[296]) Delrieu.
[297]) Рѣчь президента Монтескіу въ засѣданіи 25 іюля 1811.

чтожилъ трибунатъ. Прежде нанесенія окончательнаго удара призраку этого собранія, онъ хотѣлъ, чтобы вся публика убѣдилась въ совершенной его безполезности. Для этого онъ отнялъ у него, одно за другимъ, всѣ его дѣйствительныя права, замѣнилъ законы декретами, сенатскими постановленіями, даже простыми распоряженіями; словомъ, довелъ до того, что законодательному собранію оставалось ничего не дѣлать. Въ 1811 бездѣйственное положеніе собранія выказалось вполнѣ. Въ 1812 онъ уже его и не созывалъ, что почти не было замѣчено публикой, такъ искусно было подготовлено уничтоженіе этого ненужнаго учрежденія. Журналы сессіи 1811 суть такой историческій документъ, который представляетъ смыслъ наполеоновскихъ учрежденій и роль, предоставляемую Бонапартомъ національному правительству: отъ усовершенствованія къ усовершенствованію законодательный корпусъ достигъ той окончательной формы, которая ему предназначалась, то есть—ничтожества. Отчеты за двадцать засѣданій, бывшихъ въ эту сессію, заключаются не болѣе какъ въ пятидесяти страницахъ.

Бюджетъ, единственное важное дѣло, занимавшее собраніе, былъ голосованъ и принятъ въ одно засѣданіе, по докладу въ нѣсколько строкъ депутата Моллеруса, и никто изъ ораторовъ не потребовалъ слова [298]). Въ прочія засѣданія занимались императорскимъ посланіемъ, отчетомъ о состояніи имперіи, произведеніемъ министра Монталиве, выборомъ бюро, разсмотрѣніемъ замѣчаній на сочиненія, представленныя законодательному корпусу, похвальными рѣчами въ честь умершихъ депутатовъ, наконецъ узаконеніями по отчужденію, пріобрѣтенію и обмѣну общинныхъ имуществъ, единственной законодательной работой, оставленной за представителями націи. Все это покончено, и депутаты расходятся съ тою же покорностью, съ какою пришли; ихъ провожаютъ съ презри-

---

[298]) Засѣданіе 15 іюля 1811. *Парламентскіе архивы.*

тельнымъ почетомъ, въ тысячу разъ болѣе оскорбительнымъ, нежели прежніе проводы штыками, когда ихъ выгнали изъ оранжереи Сен-Клу.

Именно, по самому ничтожеству этой законодательной сессіи, два императорскіе манифеста объ открытіи собранія особенно привлекли общее вниманіе. Послѣ обзора положенія Европы, новыхъ присоединеній территорій, что выставлялось какъ естественное послѣдствіе «принятой англійскимъ правительствомъ политической системы», и наконецъ постепеннаго ослабленія «испанской инсуррекціи», императоръ, обращаясь къ послѣднимъ сраженіямъ, даннымъ Веллингтономъ, восклицаетъ: *кровь англичанъ наконецъ полилась обильными струями!...* Этотъ сердечный вопль громко отозвался въ Европѣ. Нисколько не отдавая себѣ отчета о силѣ, сообщенной Англіей испанскому возстанію походами англійскихъ войскъ до внутреннихъ областей полуострова, онъ видѣлъ въ этомъ обстоятельствѣ только возможность побѣдить Англію въ Испаніи, не гоняясь за ея кораблями по морямъ. Онъ сталъ предсказывать день, когда «половина англійскихъ семействъ покроется трауромъ, и громовый ударъ закончитъ эту вторую пуническую войну, въ отмщеніе Англіи за Европу и Азію [299])». Вотъ все поученіе извлеченное имъ изъ строгаго урока, даннаго ему на полуостровѣ.

Отчетъ о состояніи имперіи, прочитанный въ засѣданіи 29 іюня, былъ только распространеннымъ повтореніемъ императорскаго посланія, но положительное и холодное изложеніе этого документа еще болѣе выказывало глубину Наполеонова заблужденія. Въ особенности былъ поразителенъ сравнительный выводъ о состояніи Франціи и Англіи: оптимизмъ предвзятаго въ немъ мнѣнія просто страшенъ. У насъ все шло къ лучшему, *континентальная система нисколько не измѣнила нашего положенія*, запрещеніе англійскихъ то-

[299]) Рѣчь при открытіи собранія, 16 іюня 1811.

варовъ открыло нашимъ произведеніямъ рынки всего континента, наконецъ Франція могла оставаться десять лѣтъ въ настоящемъ своемъ положеніи, не увеличивая своего долга и покрывая наличными деньгами всѣ свои расходы. Англія, напротивъ, закрыла половину своихъ конторъ, ежегодно увеличиваетъ свой долгъ на восемьсотъ милліоновъ, и ей предстоитъ банкротство; вскорѣ у насъ будетъ сто пятьдесятъ линейныхъ кораблей, и мы заставимъ ее заключить миръ. «Этотъ миръ намъ будетъ полезенъ конечно, но онъ болѣе необходимъ нашимъ врагамъ, нежели намъ [300])».

Отчетъ, также какъ императорское посланіе, упоминалъ о разногласіяхъ между Наполеономъ и папскимъ престоломъ; но умалчивалъ о тѣхъ крайностяхъ, до которыхъ онъ дошелъ въ отношеніи къ лицу папы: «Если половина Европы, говорилъ онъ и не безъ основанія, отдѣлилась отъ римской церкви, то это можно приписать въ особенности противорѣчію между принципами религіи, существенными для всей вселенной, и притязаніями и домогательствами, относившимися къ ничтожному уголку Италіи. Я положилъ навсегда конецъ этому скандалу. Я присоединилъ Римъ къ имперіи. Я далъ папамъ дворцы въ Римѣ и въ Парижѣ. Если они примутъ къ сердцу интересы религіи, то конечно захотятъ имѣть частое пребываніе въ центральномъ городѣ христіанства. Такъ апостолъ Петръ предпочелъ Римъ Святой Землѣ.» Монталиве закончилъ дѣло, объявивъ, что «отказъ папы посвятить епископовъ, назначенныхъ императоромъ, уничтожаетъ конкордатъ, который затѣмъ и *не существуетъ* [301])».

Значительная часть публики въ первый разъ узнала тогда о важности ссоры, до того времени едва замѣтной. Стало извѣстнымъ, что соборъ, имѣющій быть въ Парижѣ, рѣшитъ: «будетъ ли Франція, подобно Германіи, безъ епи-

---

[300]) *Exposé de la situation de l'empire*, du 29 juin 1811.
[301]) Ibid.

скопата.» Что-же такое могло произойти между папой и императоромъ, если самъ авторъ конкордата объявилъ недѣйствительнымъ этотъ договоръ, которымъ онъ столько разъ хвалился какъ дѣломъ величайшей мудрости? Какъ могъ ненавистникъ всякихъ разсуждающихъ собраній, по собственному почину, рѣшиться созвать соборъ, который могъ обратиться въ генеральные штаты французской церкви?

Дѣло было въ томъ, что раздоръ между Наполеономъ и святымъ отцомъ принялъ въ послѣднее время такой острый характеръ, вслѣдствіе терпѣливаго упорства первосвященника и насильственныхъ мѣръ императора, что совѣтники послѣдняго уговорили его, послѣ многихъ почтительныхъ настояній, принять эту примирительную мѣру. Такимъ образомъ его отвлекли отъ крайностей, которымъ онъ готовъ былъ предаться. Со стороны папы Пія VII не проявлялось никакихъ новыхъ актовъ, никакихъ вызывающихъ на вражду дѣйствій. Подвергнутый суровому заключенію въ Савонѣ, отдѣленный отъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ, лишенный не только своихъ привилегій, но и всѣхъ своихъ правъ, папа продолжалъ пользоваться единственнымъ оставшимся ему оружіемъ для возвращенія себѣ свободы: онъ отказывался отъ посвященія епископовъ, назначенныхъ императоромъ. Чтобъ выбить его изъ такого чисто оборонительнаго положенія, Наполеонъ рѣшился обойтись временно безъ папскаго посвященія для своихъ епископовъ. Онъ велѣлъ церковнымъ капитуламъ избирать ихъ въ санъ епархіальныхъ викаріевъ, что доставляло имъ право на управленіе пока епархіями. Эта продѣлка, дозволявшая выжидать папскаго посвященія, нейтрализировала-бы до времени папскую оппозицію; но Пій VII поставилъ въ обязанность капитуламъ не избирать на викаріатъ назначенныхъ Наполеономъ епископовъ. Это распоряженіе, непревышавшее духовной прерогативы папъ и представлявшееся не болѣе какъ охранительной мѣрой неоспоримаго права святаго престола, было единственнымъ отзывомъ савонскаго плѣнника

на предложенія Наполеона, переданныя въ Савону черезъ посредство кардиналовъ Спина и Казелли.

Между предупрежденными папой были капитулы Флоренціи, Асти и Парижа; послѣдній враждовалъ уже противъ своего назначеннаго, но еще не посвященнаго епископа, кардинала Мори, покорнаго соревнователя преднамѣреній Наполеона. Воспрещеніемъ папы этотъ прелатъ какъ-бы устранялся отъ епископства, что ревностно оглашалось нѣкоторыми изъ членовъ капитула. Во главѣ такихъ смѣльчаковъ отличался каноникъ д'Астро, которому досталась опасная почесть полученія папскаго указа. Наполеонъ, подозрѣвавшій происки аббата д'Астро, въ присутствіи всего двора и государственныхъ сановниковъ, накинулся со своими угрожающими вопросами на испугавшагося монаха, который смѣшался въ отвѣтахъ, и послѣдствіемъ было приказаніе немедленно его арестовать. По окончаніи аудіенціи, Мори отвезъ его въ своей каретѣ къ Савари. Министръ полиціи, которому слѣдовало арестовать аббата, предоставилъ, во избѣжаніе скандала, эту почетную миссію кардиналу [302]). Д'Астро, допрошенный и сбитый вновь Савари, сознался не только въ томъ, что получилъ папское бреве, но сказалъ также, что сообщилъ о немъ своему родственнику, директору по дѣламъ печати, Порталису. Дѣйствительно Порталисъ былъ почтенъ этимъ непрошенымъ довѣріемъ, но не распространялъ запрещеннаго документа, а далъ знать о его существованіи своему пріятелю префекту полиціи Паскье, и слѣдовательно могъ подлежать отвѣтственности развѣ за то, что не подалъ доноса на своего родственника д'Астро.

Наполеонъ нашелъ нужнымъ прекратить однимъ ударомъ то, что онъ называлъ «*скандалезной борьбой поповщины противъ императорскаго авторитета* [303]).» Онъ мало заботился

---

[302]) *Mémoires du duc de Rovigo.*

[303]) Наполеонъ къ принцу Евгенію, отъ 5 января 1811.

о законности своихъ рѣшеній, когда хотѣлъ произвести сильный эфектъ устрашенія. Чѣмъ выше заподозрѣнныя лица стояли въ кругу государственныхъ сановниковъ, тѣмъ сподручнѣе былъ ему выборъ своей жертвы. Въ самомъ дѣлѣ, надобно было цѣлить на вершины служащей іерархіи, чтобы ударъ произвелъ вполнѣ ожидаемое впечатлѣніе. 4 января, въ собраніи государственнаго совѣта, послѣ нѣсколькихъ неопредѣленныхъ указаній на происки духовенства, Наполеонъ вдругъ обратился къ Порталису, сталъ укорять его въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ за неблагодарность, за предательство, не давая трепещущему директору ни оправиться, ни произнести что-либо въ свое оправданіе; потомъ выслалъ его изъ залы собранія, съ тѣмъ, чтобъ онъ никогда въ ней не появлялся. Несчастный Порталисъ, оглушенный какъ громовымъ ударомъ, выговоривъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, удалился, а его товарищи, подъ гнетомъ страха и униженія, остались безмолвны лицомъ къ лицу съ раздраженнымъ императоромъ. Одинъ Паскье осмѣлился сказать два, три слова въ защиту опальнаго, упомянувъ о томъ, что ему было сообщено о документѣ Порталисомъ, и затѣмъ гнѣвъ императора угасъ среди наступившей тишины.

Эта громогласная сцена предназначена была для внушенія всѣмъ должностнымъ лицамъ, что отъ нихъ требуется повиновеніе даже до степени доноса на собственныхъ родственниковъ. Мѣры, еще болѣе знаменательныя, показали духовенству, что лица ихъ сословія, покаряющіяся преимуществено папѣ передъ императоромъ, будутъ поражаемы нещадно. Д'Астро, заключенный въ Венсенскій замокъ, содержался тамъ до конца имперіи. Кардиналы ди Піетро, Оппицони и Габріелли, обвиненные въ распространеніи папскихъ манифестовъ, подвергнуты такому же наказанію. Руководителей капитуловъ Асти и Флоренціи за подобную же вину посадили въ тюрьмы Фенестреллы, гдѣ уже находился кардиналъ Пакка и многіе другіе священники.

Но какое значеніе могло имѣть преслѣдованіе лицъ подчиненныхъ, если нельзя было покарать того, кто ими распоряжался. Всѣ эти люди были только орудіями; настоящимъ преступникомъ, въ глазахъ Наполеона, былъ папа, а какъ еще наказать царственную особу, у которой онъ уже отнялъ владѣнія и самого подвергъ жестокой неволѣ? Въ первую минуту императоръ хотѣлъ низложить Пія VII, не только какъ государя, но и какъ первосвященника. Осталась записка Наполеона къ его библіотекарю Барбье, помѣченная слѣдующимъ днемъ за изгнаніемъ изъ государственнаго совѣта Порталиса, въ которой онъ спрашиваетъ: «есть ли примѣры императоровъ, низлагавшихъ папъ [304])». Въ ожиданіи разъясненія этого вопроса, онъ приказалъ усилить до крайности строгія мѣры противъ савонскаго плѣнника; оставленныя ему малыя удобства были сокращены, пенсія была убавлена до размѣра содержанія чиновника четвертаго разряда. Надзоръ за нимъ учрежденъ былъ безпрерывный, отняли у него экипажи, лишили его всякаго сообщенія и переписки съ внѣшнимъ міромъ, арестовали его духовника, ближайшихъ его служителей; захватили его бумаги, отобрали у него чернильницу, перья, молитвенникъ и даже кожаный кошелекъ съ нѣсколькими монетами. Наконецъ къ достойному увѣнчанію этихъ оскорбленій, потребовали отъ него, черезъ жандармскаго капитана Лагорза, перстень рыбаря, пока еще не найденный прежде посланными сыщиками. Таково было злое и подлое притѣсненіе, на которое дерзнулъ, противъ беззащитнаго и немощнаго старика, человѣкъ, впослѣдствіи такъ громко жаловавшійся на строгости своего заключенія на островѣ святой Елены, несравненно болѣе снисходительныя, нежели тѣ, которымъ онъ подвергалъ своихъ противниковъ [305]).

---

[304]) 5 января 1811.

[305]) Эти недостойныя дѣйствія были часто приписываемы исключительно агентамъ Наполеона. Неизданныя письма императора, опублико-

Эти мѣры устрашенія, какъ ни были ужасны для духовенства, неблиставшаго чрезвычайными добродѣтелями, нисколько однакожь не рѣшали главнаго вопроса, и прежнее препятствіе существовало во всей своей неприкосновенности. Парижскій капитулъ, въ довольно жалкомъ адресѣ, выразилъ свою покорность и преданность, итальянскіе капитулы рабски послѣдовали этому примѣру. Епископскія каѳедры не менѣе того оставались вакантными за недостаткомъ каноническаго посвященія. Въ своемъ нетерпѣніи поскорѣе кончить дѣло, Наполеонъ охотно бы предоставилъ рѣшеніе вопроса сенату. Его совѣтники доложили ему, что сенатъ, можетъ быть, не будетъ имѣть, въ глазахъ католиковъ, желаемой для того компетентности. Такимъ образомъ императоръ былъ постепенно доведенъ до предположенія, на первый взглядъ неимовѣрнаго, созвать соборъ. Духовныя лица всегда представлялись ему столь слабыми, столь послушными, что ему показалось вполнѣ возможнымъ господствовать надъ общимъ собраніемъ духовенства и преобразовать этотъ соборъ какъ бы въ законодательный корпусъ для дѣлъ духовныхъ. Искусно направляемый соборъ положилъ бы конецъ существовавшимъ затрудненіямъ, отклонилъ бы опасность ересей, придалъ бы ему возможность обойтись безъ папы, и быть можетъ единолично управлять Церковью.

До приступленія къ такой важной мѣрѣ, необходимо было сначала опредѣлить съ крайней точностью программу вопросовъ для предложенія собору и развѣдать шансы достиженія желаемаго успѣха. Чтобъ выяснить себѣ обстоятельства дѣла, Наполеонъ назначилъ совѣщанія въ духовномъ комитетѣ, измѣнивъ его составъ назначеніемъ туда нѣсколькихъ прелатовъ по своему сердцу, какъ напримѣръ, кардинала Казелли и аббата Прадта, наименованнаго, но не посвящен-

---

ванныя графомъ Госсонвиллемъ, доказываютъ неопровержимо, что именно одинъ Наполеонъ былъ ихъ авторомъ.

наго, архіепископа Мехельнскаго. Вопросы, сообщенные комитету были тѣ самые, которые надо было предложить потомъ собору. Такъ какъ всякія сношенія съ папой были прерваны, то слѣдовало рѣшить: къ кому обращаться какъ за подлежащими папѣ разрѣшеніями, такъ и за каноническимъ посвященіемъ, въ которомъ онъ отказывалъ назначеннымъ епископамъ. Вопросъ относительно епископовъ былъ самый затруднительный и сложный.

Обрядъ ихъ посвященія съ древнихъ временъ дѣйствительно во многомъ измѣнился. Но къ какой бы эпохѣ ни обращались, всегда встрѣчали обоюдное соучастіе въ этомъ дѣлѣ свѣтскихъ и духовныхъ властей. Даже въ тѣ времена, когда выборъ принадлежалъ собранію вѣрныхъ,—посвящалъ митрополитъ. Всегда обѣ, другъ отъ друга независимыя и особыя власти, дѣйствовали совокупно. Въ дѣйствительности Наполеонъ хотѣлъ упразднить одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ въ пользу другаго, такъ какъ при тогдашней организаціи властей политическихъ и духовныхъ, митрополитъ не имѣлъ достаточнаго права на посвященіе епископовъ: право это, послѣ многихъ превратностей, было окончательно признано за папой. Нельзя было иначе передать власть на посвященіе митрополиту, какъ освободивъ его отъ всякаго подчиненія свѣтскому правительству; да и при томъ, по убѣжденію католиковъ, только одна Церковь имѣла достаточное полномочіе на освященіе подобнаго возврата къ древнему преданію.

Сущность затрудненія была не новая. То же самое препятствіе противостало учредительному собранію, когда оно узаконяло гражданскую конституцію духовенства. Съ тѣхъ поръ оно часто возобновлялось подъ той или другой формой, и такъ какъ оно можетъ быть разрѣшено только взаимной независимостью церкви и государства, то и не удивительно, что даже въ наше время нѣкоторыя правительства, болѣе заботливыя о своемъ авторитетѣ, нежели о свободѣ богослу-

женія, увеличиваютъ это затрудненіе, воображая достигнуть въ этомъ дѣлѣ примиренія—насиліемъ. Члены духовнаго комитета 1811 конечно понимали настоящій смыслъ императорскихъ притязаній, но имъ крайне хотѣлось угодить, и ихъ уклончивый отвѣтъ выразилъ ихъ двойственную заботу. Они очень сожалѣли о прекращеніи сношеній съ папой, «центромъ духовнаго единства», надѣялись на возстановленіе этихъ сношеній. Они полагали, что областные соборы могли бы совершать посвященіе въ случаѣ отказа папы—«безъ каноническаго основанія», но рѣшеніе такого вопроса подлежитъ національному собору. Поэтому они устремили всѣ свои желанія на учрежденіе такого собранія, но считали необходимымъ предварительно послать къ папѣ депутацію для выясненія ему нуждъ церкви Франціи [306]).

Итакъ, комитетъ только указалъ путь къ достиженію примиренія, выразилъ желаніе мира, но не надежду на миръ. Самый знающій и значительнѣйшій изъ членовъ, аббатъ Эмери, не скрылъ отъ Наполеона, что, по всей вѣроятности, папа никогда не откажется отъ своего права на посвященіе [307]). Слѣдовательно, безъ особенной увѣренности въ успѣхѣ, и, вѣрнѣе, съ затаеннымъ намѣреніемъ обратить всю отвѣтственность на упорство первосвященника, императоръ рѣшился на отправленіе къ нему депутаціи. Не менѣе того, онъ принялъ самыя утонченныя предосторожности, чтобы воспользоваться душевнымъ смятеніемъ папы, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ къ его устрашенію.

Наполеонъ распорядился такъ, чтобы отвѣтъ комитета былъ ему представленъ, какъ самопроизвольный актъ французскаго епископата, а программа собора, авторомъ которой былъ одинъ онъ, имѣла видъ ультиматума, адресованнаго

---

[306]) *Fragments relatifs à l'histoire ecclésiastique*, par Mgr de Barral, archevêque de Tour. Это изданіе представляетъ взгляды комитета и главные документы, написанные лицами; руководившими разсужденіями членовъ.

[307]) D'Haussonville.

папѣ отъ французской церкви, готовой отдѣлиться отъ римской. Чтобъ придать всему дѣлу такую обстановку, которая могла бы поразить воображеніе савонскаго плѣнника, онъ назначилъ время созванія собора прежде отправленія депутаціи, а пригласительный циркуляръ написалъ въ родѣ настоящаго обвинительнаго акта противъ Пія VII. Такимъ образомъ онъ заранѣе какъ-бы приготовился къ разрыву, признаваемому неизбѣжнымъ, и поставилъ папу въ необходимость или во всемъ покориться, или во всемъ отказать. Сверхъ того, девятнадцать епископовъ, собранныхъ къ кардиналу Фешу, какъ представители общаго мнѣнія всего французскаго духовенства, подписали прошеніе, которымъ умоляли святаго отца: «не доводить французской церкви до печальной крайности самой заботиться о своемъ существованіи» [308]). Угроза была очевидна, хотя и выражалась въ формѣ прошенія.

Три епископа, назначенные для устныхъ переговоровъ съ папой, были болѣе извѣстны по своимъ дарованіямъ и богословской учености, нежели по независимости характера. То были: архіепископъ турскій, де Барраль; епископъ нантскій, Дювоазенъ, и епископъ трирскій, Маннэй. По данной имъ инструкціи, они уполномочивались предложить Пію VII возобновленіе конкордата, съ такими двумя условіями: во-первыхъ, посвятить назначенныхъ уже епископовъ; во-вторыхъ, на будущее время, пользоваться этимъ правомъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, послѣ императорскаго назначенія, а затѣмъ посвященіе предоставляется совершать митрополиту. Если папа выкажетъ расположеніе мирное, то предложить ему болѣе опредѣленный договоръ, на слѣдующихъ основаніяхъ: возвращеніе въ Римъ, съ условіемъ принесенія присяги императору. Вмѣсто присяги можно удовлетвориться простымъ обѣщаніемъ — ничего не предпринимать противъ

[308]) De Barral: *Fragments sur l'histoire ecclésiastique.*

свободы галликанской церкви; но въ такомъ случаѣ резиденціей папы назначается Авиньонъ. Онъ получитъ двухмилліонное содержаніе; при немъ будутъ повѣренные въ дѣлахъ христіанства, ему будетъ подлежать духовная администрація. Ни въ какомъ случаѣ не допускается рѣчи о возстановленіи свѣтской власти папъ [309]). Депутаты не должны объявлять о своемъ полномочіи иначе, какъ убѣдившись въ томъ, что святой отецъ находится «въ разсудительномъ состояніи духа».

Прибывъ къ Савону, въ началѣ мая мѣсяца 1811, три епископа нашли Пія VII подвергнутымъ келейному образу жизни, опредѣленному для него уже пять мѣсяцевъ Наполеономъ, и подъ особымъ надзоромъ монтенотскаго префекта де Шаброля. Все было такъ разсчитано на устрашеніе старика, что въ первую минуту онъ вообразилъ, будто прелаты пріѣхали для преданія его суду. Они сами описали, какъ имъ пришлось его разувѣрять [310]). Разсѣявъ его опасенія живѣйшими изъявленіями преданности и почтенія, они приступили къ изложенію порученнаго имъ дѣла, разъяснили ему, говоря какъ бы отъ лица всего духовенства, необходимость положить предѣлъ затруднительному состоянію французской церкви; потомъ, въ общихъ выраженіяхъ, представили условія новой сдѣлки, не высказывая прямо Пію VII требованій Наполеона относительно галликанской свободы.

Папа, обрадованный устраненіемъ новыхъ притѣсненій, оказался снисходительнымъ: онъ съ трогательной добротой припомнилъ о своей прежней дружбѣ къ Наполеону, и безъ горечи говорилъ о жестокомъ заключеніи, которому его подвергъ прежній другъ. Но онъ совершенно основательно настаивалъ на невозможности съ своей стороны принять какое бы то ни было рѣшеніе, пока не будетъ свободенъ и

309) Инструкція тремъ епископамъ, 26 апрѣля 1811.

310) Первое письмо епископовъ, отъ 10 мая 1811.

окруженъ своими законными совѣтниками. Въ этомъ оборонительномъ положеніи онъ былъ непобѣдимъ; такъ какъ всякому безпристрастному человѣку было, очевидно, возмущающае злоупотребленіе силы, принуждающей подписать договоръ, столь значительно измѣняющій конституцію церкви, плѣнника, не только разлученнаго съ своими совѣтниками и подвергнутаго стѣсненіямъ, вліяющимъ и на свободу духа, но даже лишеннаго способовъ къ изученію и оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла.

При слѣдующихъ совѣщаніяхъ папа обсуждалъ подробности предлагаемой сдѣлки. Онъ указалъ на то, что передача митрополиту права посвященія—послѣ извѣстнаго срока по назначеніи, равнялась отмѣнѣ первосвященническаго посвященія и оставляетъ въ силѣ только право императора. Онъ объяснилъ, что не можетъ признать условій галликанской свободы, осужденныхъ однимъ изъ его предмѣстниковъ, хотя лично готовъ никогда не возбуждать объ нихъ вопроса; потомъ опять отозвался необходимостью совѣщанія съ учеными богословами церкви до принятія окончательнаго рѣшенія.

Но уже депутаты замѣтили, что сопротивленіе старика становится менѣе энергичнымъ. Въ особенности его смущала мысль, что отказъ его поведетъ къ ереси. Тревожное состояніе духа лишило его сна; слабое здоровье не выдерживало мучительныхъ тревогъ совѣсти; а по мѣрѣ упадка его нравственной силы, настоянія прелатовъ оживлялись. Единственнымъ довѣреннымъ лицомъ у папы былъ его медикъ, подкупленный де-Шабролемъ и вторившій увѣщаніямъ епископовъ; къ этому присоединялся то ласкательный, то угрожающій голосъ монтенотскаго префекта. Подавляемый такими безпрерывными нападками, отягчаемый сознаніемъ непосильной отвѣтственности, папа Пій VII поддался тогда малодушію, какъ бывало и прежде во всѣхъ рѣшительныхъ

обстоятельствахъ его жизни [311]). Онъ согласился, не подписать, а принять ноту, по которой обязывался: 1) посвятить епископовъ, назначенныхъ императоромъ; 2) предоставить митрополиту посвященіе, въ случаѣ если папа не воспользуется своимъ правомъ въ теченіе шести мѣсяцевъ; 3) разсмотрѣть предложенія, имѣющія цѣлью возстановленіе мира въ церкви.

Едва прелаты выѣхали изъ Савоны, какъ живое воображеніе Пія VII представило ему съ неотразимой силой всѣ послѣдствія его малодушія. Онъ сталъ укорять себя въ симоніи, безчестности, преступленіи. Онъ хотѣлъ немедленно отречься отъ своего рѣшенія, и не прежде успокоился, какъ пославъ нарочнаго въ догонку за епископами — объявить имъ, что принимаетъ ноту только въ видѣ проекта, безъ окончательнаго и оффиціальнаго значенія. Эта внутренняя борьба, эти томленія совѣсти, искренность которыхъ несомнѣнна, достаточно показываютъ, на сколько было трудно разрѣшеніе вопроса о посвященіи епископовъ, особенно въ условіяхъ, предложенныхъ Наполеономъ, то есть при упраздненіи духовной власти въ пользу свѣтской. Эти трудности были такъ мало понятны императору, или казались ему такъ неважными, что онъ вовсе не былъ удовлетворенъ чрезвычайными и неожиданными уступками, исторгнутыми его коварнымъ насиліемъ у святаго отца, и надѣялся достигнуть гораздо большаго отъ покорности членовъ собора. Поэтому онъ обязалъ трехъ епископовъ строжайшимъ молчаніемъ о результатѣ ихъ переговоровъ съ папой. Всегда будетъ время, думалъ онъ, воспользоваться добытымъ рѣшеніемъ, если угодливость собора не вполнѣ оправдаетъ большія ожиданія.

---

[311]) Донесенія префекта Шаброля, въ первый разъ опубликованныя Госсонвиллемъ, въ его замѣчательной книгѣ Histoire de l'Eglise romaine sous le premier empire, бросаютъ совершенно новый свѣтъ на средства, употребленныя Наполеономъ, для преодолѣнія сопротивленія Пія VII.

Соборъ 1811 не былъ, собственно говоря, ни національнымъ соборомъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова, потому что въ немъ участвовали епископы Франціи и Италіи, ни вселенскимъ соборомъ, что предпочелъ бы Наполеонъ, еслибъ его не остановила невозможность созвать епископовъ Испаніи и нѣкоторыхъ другихъ католическихъ странъ. Во всякомъ случаѣ, это было внушающее уваженіе собраніе, и составъ его представлялъ императору всѣ гарантіи желаемаго имъ повиновенія. Онъ лично зналъ многихъ изъ созванныхъ прелатовъ и довольно часто испытывалъ ихъ угодливость, такъ что могъ разсчитывать на нихъ съ увѣренностью. Но его геній, чисто математическій, впадалъ въ большую ошибку, предполагая, что духъ собранія будетъ выражаться точною суммою индивидуальныхъ характеровъ личностей, его составляющихъ, и что соборъ изъ епископовъ, ему преданныхъ, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ раболѣпнымъ.

На самомъ дѣлѣ бываетъ такъ, что люди, соединившіеся для общаго дѣла, проникаются такой совѣстливой разборчивостью, какой, взятые поодиночкѣ, они вовсе не выказываютъ, и поэтому подобныя собранія такъ часто обманываютъ ожиданія тѣхъ, которые считаютъ себя знающими лица и дѣло, имъ предоставленное. Открытое отъ имени императора, 17 іюня 1811, первое засѣданіе собора окончилось торжественной присягой членовъ на повиновеніе папѣ. Эта клятва была обычной формальностью; но принесенная государственному плѣннику, на глазахъ его гонителя, и раздавшаяся какъ отголосокъ свободы посреди рабскаго безмолвія, она придавала совершенно новый смыслъ критическимъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находилась католическая церковь, и сильно повліяла на умы; она внезапно приняла значеніе революціонной клятвы духовенства. И кто же былъ поставщикомъ на сцену, конечно, невольнымъ, такой почти враждебной манифестаціи? То былъ кардиналъ Фешъ, президентъ

собора, дядя императора, человѣкъ и по личной склонности, и по своему положенію, наиболѣе заинтересованный успокоеніемъ умовъ, отклоненіемъ всякаго щекотливаго столкновенія.

Эта клятва, этотъ голосъ, подобный взрыву долго сдерживаемаго чувства, страстность, сопровождавшая это заявленіе, и неожиданное значеніе, приданное всему дѣлу, очень не понравились Наполеону. По представленіямъ своихъ совѣтниковъ, онъ согласился принять эту манифестацію за обычный, по преданію, церемоніалъ; но на другой же день опредѣлилъ къ собору двухъ опекуновъ, въ лицѣ министровъ вѣроисповѣданій Франціи и Италіи, Биго де-Преаменё и Марескальки. Императорское посланіе, полное оскорбительныхъ выраженій въ отношеніи Пія VII, возвѣстило членамъ собора, чего ожидаютъ отъ ихъ доброжелательства. Расписавъ *гибельные проекты папы* и вредныя послѣдствія его буллъ, «возбудившихъ общее негодованіе», Наполеонъ включилъ въ этотъ документъ историческое изложеніе своихъ раздоровъ съ папскимъ престоломъ, но тщательно воздержался отъ малѣйшаго намека на свои жестокія насилія надъ особой святаго отца. Онъ напоминалъ о всѣхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ имъ церкви, и присовокуплялъ, «что намѣренъ держаться въ дѣлѣ о епископахъ того рѣшенія, какое будетъ постановлено соборомъ», а впредь не допускать, чтобы «одинъ человѣкъ вздумалъ замѣнять собою всѣхъ» [312]). Никто, конечно, не рѣшился замѣтить несообразность этого республиканскаго правила въ устахъ человѣка, совершившаго восемнадцатое брюмера, ни опровергнуть поношенія, расточаемыя всемогущимъ императоромъ своей жертвѣ.

Но, хотя и сдерживаемое страхомъ, мнѣніе собранія, однакожъ, обнаружилось въ засѣданіи, когда обсуждался проектъ

---

[412]) *Discours d'ouverture*, переданный императоромъ министру вѣроисповѣданій, 18 іюня 1811.

адреса въ отвѣтъ на посланіе императора: «Какъ! воскликнулъ епископъ шамберійскій, Дессоль, мы разсуждаемъ объ адресѣ, а въ немъ нѣтъ ни слова о свободѣ папы! Пойдемте всѣ, если это необходимо, бросимся къ ногамъ императора и будемъ просить этой свободы» [313]). Эта ораторская выходка произвела невыразимое впечатлѣніе на собраніе. Встаютъ, аплодируютъ, хотятъ немедленно отправиться въ Сен-Клу упрашивать императора, и только съ великимъ трудомъ удается кардиналу Фешу, при содѣйствіи нѣсколькихъ наиболѣе осторожныхъ прелатовъ, отложить на время эту просьбу.

Наполеонъ, обманутый и раздраженный совершенно неожиданной самостоятельностью, хотя и очень робкой, членовъ собора, выказалъ имъ свое неудовольствіе, отказавъ въ принятіи ихъ адреса. Онъ жестко напомнилъ имъ, что ожидаетъ отъ нихъ только устава о каноническомъ посвященіи и ничего болѣе. Онъ назначилъ имъ *восьмидневный срокъ* для разрѣшенія вопроса. Поэтому надобно было немедленно приступить къ разсмотрѣнію существовавшихъ затрудненій. Съ перваго засѣданія комиссіи, выбранной для изученія дѣла, представилось капитальное возраженіе, на которое прежде мало было обращено вниманія. Въ вопросѣ о посвященіи епископовъ противостояли другъ другу двѣ власти — императорская и папская. Могъ ли національный соборъ, то есть соборъ ограниченный, каковъ бы ни былъ его авторитетъ, рѣшать дѣло о правѣ, принадлежащемъ папскому престолу? Очевидно, что даже съ точки зрѣнія галликанизма, такая власть была достояніемъ только самой церкви, то есть собора вселенскаго. Колеблясь между сознаніемъ своего долга и опасеніемъ раздражить до крайности императора, комиссія провела нѣсколько дней въ изысканіи средствъ къ соглашенію разнорѣчивыхъ мнѣній, или, вѣр-

---

313) Journal de l'évêque de Gand, Mgr de Broglie, publié par M. D'Haussonville.

нѣе, столь противоположныхъ интересовъ. Послѣ долгихъ преній, епископы турнайскій, бордосскій и гентскій, обличители неполноправности собора, взяли верхъ надъ сторонниками императорскаго всемогущества: Фешемъ, Дювоазеномъ и Барралемъ.

Тогда только, при очевидной невозможности дойти до желаемаго результата и убѣдившись въ недѣйствительности своихъ насмѣщекъ надъ прозванными имъ «церковными сторожами [314])», Наполеонъ велѣлъ предъявить коммисіи уступки, добытыя отъ папы тремя посланными въ Савону епископами. Итакъ, сдѣлка предлагалась на основаніи соглашенія, состоявшагося съ папскимъ престоломъ, и всѣ препятствія, казалось, были устранены. Но это позднее соглашеніе не имѣло ожидаемаго успѣха, потому ли, что обнаружившаяся задержка внушала подозрѣнія, или потому, что узнали кое-что о перемѣнѣ въ образѣ мыслей Пія VII. Коммиссія, поддавшаяся было на требованія Наполеона, почти немедленно возвратилась къ прежнему своему заключенію о некомпетентности собора. Впрочемъ, она согласилась признать декретъ, предложенный отъ имени императора, но съ оговоркою, что документъ этотъ будетъ представленъ на одобреніе папы. 20 іюля 1811 соборъ вновь собрался для слушанія доклада турнайскаго епископа о занятіяхъ коммиссіи. Выведенныя въ докладѣ заключенія распространили смятеніе въ средѣ собранія. Сторонники какъ папы, такъ и императора дошли до взаимныхъ обвиненій, укоряя другъ друга, съ одной стороны, въ насиліи надъ правами церкви, съ другой злоупотребительнымъ правомъ отлученія отъ церкви: «Если папа не можетъ отлучать государя, такъ обвините же церковь, создавшую такое право!» воскликнулъ архіепископъ бордосскій.

Въ подобныхъ преніяхъ выразилось гораздо болѣе того,

---

[314]) Vie du cardinal Fesch par l'abbé Lyonnet, t. II.

что могъ допустить сторонникъ *власти всѣхъ* противъ могущества одного. Слова архіепископа были смертнымъ приговоромъ національному собору. На другой же день появился императорскій декретъ о распущеніи этого собранія. Когда Наполеонъ пожелалъ созвать соборъ, то конечно имѣлъ въ виду подразумѣваемое условіе, что этотъ соборъ всегда будетъ думать по его волѣ; между тѣмъ прелаты какъ бы забыли эту существенную часть той обязанности и роли, для которыхъ они были призваны. Трое главныхъ вождей оппозиціи, епископы турнайскій, гентскій и труасскій, были арестованы и заключены въ венсенскіе казематы, хотя за ними не было другаго преступленія, какъ выраженіе и защита потребованнаго отъ нихъ мнѣнія. Эта развязка была впрочемъ логическимъ послѣдствіемъ порядка, несовмѣстнаго ни съ какимъ свободнымъ собраніемъ. Это было 18 брюмера противъ представителей церкви, составлявшее необходимое дополненіе къ 18 брюмеру противъ представителей націи. Наполеонъ, испробовавшій на дѣлѣ все то, чего можно достигнуть посредствомъ устрашенія, пущеннаго въ ходъ какъ парламентское вліяніе, приготовился извлечь изъ устрашенныхъ остатковъ *очищеннаго* собора, то же самое, что ему удалось извлечь изъ разсѣянныхъ членовъ правительственныхъ совѣтовъ, послѣ совершеннаго имъ государственнаго переворота.

Далеко не сознавая себя побѣжденнымъ, онъ считалъ, что поле сраженія осталось за нимъ, потому что могъ бороться уже не противъ убѣжденій, а только противъ малодушія. Ему представилась возможность дѣйствовать не на собраніе, всегда волнующееся, хотя бы и покорное, а на отдѣльно взятыхъ епископовъ, и такъ какъ онъ по опыту зналъ, что имѣетъ дѣло съ людьми трусливыми, то былъ увѣренъ въ томъ, что заставитъ каждаго изъ нихъ по одиночкѣ говорить совершенно противное тому, что утверждалось ихъ большинствомъ на соборѣ. Легко угадать, какими средствами было до-

стигнуто такое печальное отступничество, когда знаешь, что онъ употребилъ на этотъ конецъ совокупное дѣйствіе своего министра вѣроисповѣданій и своего министра полиціи: «Тогда, пишетъ въ благодушномъ тонѣ Савари, императоръ велѣлъ мнѣ *обратить взоры моей администраціи* на соборъ, прежде, по особому его приказанію, предоставленный самому себѣ [315])». Подъ гнетомъ полиціи, члены собора подписали одинъ за другимъ, въ числѣ восьмидесяти пяти, декретъ, присвоивавшій митрополиту каноническое посвященіе, если этимъ правомъ, въ шестимѣсячный срокъ, не воспользуется папа. Опредѣлено было представить декретъ на одобреніе папы, но во всякомъ случаѣ соборное постановленіе оставалось обязательнымъ. Такимъ образомъ пренія собора заключились самымъ постыднымъ отступничествомъ. Затѣмъ, несчастные прелаты, смущенные и униженные собственнымъ малодушіемъ, снова были созваны на соборъ 5 августа 1811. Побѣдители и побѣжденные опять сошлись лицомъ къ лицу съ равнымъ правомъ на стыдъ какъ за побѣду, такъ и за пораженіе; съ поникшими головами они проголосовали декретъ и разошлись.

Въ первыхъ числахъ сентября, новая депутація кардиналовъ и епископовъ явилась въ Савону для поднесенія Пію VII декрета собора. Представляя ему изложеніе трудовъ достопочтеннаго собранія, прелаты обошли молчаніемъ мѣры, употребленныя императоромъ для ихъ убѣжденія. Подъ вліяніемъ такихъ избранныхъ совѣтниковъ, единогласно твердившихъ ему о благоразуміи и необходимости уступокъ, святой-отецъ, сначала державшійся прежняго своего мнѣнія «о невозможности что-либо рѣшать, пока онъ не будетъ свободенъ», не устоявъ въ этомъ неодолимомъ положеніи, и самоотверженно послѣдовалъ примѣру, поданному соборомъ: совѣсть его успокоивалась тѣмъ, что онъ могъ оправдывать

---

[315]) Mémories du duc de Rovigo.

свое малодушіе такимъ же качествомъ прибывшихъ къ нему князей церкви. Онъ далъ одобреніе декретамъ собора въ формѣ граматы къ епископамъ, прибавивъ впрочемъ нѣкоторыя ограниченія относительно галликанскихъ доктринъ.

Уступки папы были неожиданнымъ торжествомъ для Наполеона. Дѣло его было выиграно, и ему оставалось воспользоваться своимъ успѣхомъ для прекращенія опасной ссоры. Но все это ничего не значило сравнительно съ тѣми преимуществами, которыхъ онъ ожидалъ въ будущемъ. Онъ поспѣшилъ включить декретъ собора въ государственные законы и велѣлъ ввести въ управленіе назначенныхъ имъ епископовъ. Но первосвященническая грамата къ епископамъ не была внесена въ государственный совѣтъ, какъ содержавшая въ себѣ ограниченія, несогласныя съ принципами галликанской церкви.

Болѣе и болѣе увлекаясь своими приготовленіями къ войнѣ съ Россіей, въ убѣжденіи что эта война доставитъ ему величіе, силу и обаяніе, безпримѣрныя въ исторіи міра, Наполеонъ не удостоилъ отвѣтомъ дружественное письмо, которымъ Пій VII увѣдомилъ его о своемъ рѣшеніи. Онъ оставилъ въ сторонѣ дѣла церкви до того времени, когда, по его выраженію, западная имперія будетъ возстановлена, и папы возвратятся къ той скромной роли, которую они выполняли при императорахъ запада. Эти слова: «императоръ запада, императоръ континента» постоянно имъ повторялись и обличали тайную мысль, овладѣвшую его умомъ. Наши дипломатическія сношенія съ Россіей принимали тотъ новый оборотъ, который въ правленіи Наполеона неизмѣнно предвѣщалъ начало военныхъ дѣйствій. Отъ періода тайныхъ вооруженій, прикрываемыхъ дружественными заявленіями, онъ скоро перешелъ къ похвальбѣ своими силами и къ явной угрозѣ. Скромность и постоянная умѣренность Александра только убѣждали его въ томъ, что въ концѣ концовъ онъ запугаетъ русскаго императора; при томъ же Наполеонъ не

могъ обольщать себя долѣе возможностью маскировать факты, извѣстные всей Европѣ.

Поэтому онъ измѣнилъ свою тактику: согласился съ княземъ Куракинымъ въ томъ, что приготовленія его дѣйствительно предназначались противъ Россіи, что, ссылаясь на будто бы возможную экспедицію англичанъ въ Балтику, онъ видѣлъ въ этомъ только *предлогъ* къ вооруженію [316]). Такое сознаніе, конечно, представляло мало поводовъ къ довѣрію въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ велѣлъ Лористону объявить русскому императору, «что Наполеонъ вооружился и еще будетъ вооружаться, что онъ произвелъ на сто милліоновъ экстраординарныхъ расходовъ, что можетъ издержать другіе сто милліоновъ, не касаясь своихъ запасовъ, что къ конскрипціи 1811 онъ добавитъ конскрипцію 1812, что онъ закупилъ тридцать тысячъ лошадей, что всѣ его союзники подражаютъ поданному имъ примѣру, и при всемъ томъ онъ однакожъ согласенъ выслушать всѣ предложенія, непротивныя его чести [317]).»

Къ несчастью, то, что онъ объявлялъ противнымъ этой чести, были именно тѣ два способа, которыми только и можно было удовлетворить Россію, то есть, простое возвращеніе владѣній, отнятыхъ имъ у герцога Ольденбургскаго, или соотвѣтственное тому вознагражденіе въ той части Польши, которая была имъ присоединена къ Саксоніи. Такъ какъ первыя его демонстраціи, казалось, произвели недостаточное впечатлѣніе на петербургскій кабинетъ, оставшійся невозмутимымъ въ своей оборонительной системѣ, то Наполеонъ счелъ нужнымъ добавить къ своимъ воинственнымъ заявленіямъ и публичный вызовъ, какъ будто скандалъ могъ придать болѣе значенія его угрозамъ. Во время большаго пріема 15 августа 1811, послѣ фейерверка, Наполеонъ, по своему

---

[316]) Депеша князя Куракина отъ 7 мая 1811. *Русскіе архивы.*
[317]) Наполеонъ къ Маре, 21 іюня 1811.

обыкновенію, проходя по заламъ тюильрійскаго дворца, наполненнымъ въ этотъ вечеръ блестящей толпой, и вступивъ въ тронную залу, подошелъ прямо къ Куракину. Обращаясь исключительно къ нему, въ присутствіи посланниковъ иностранныхъ державъ, онъ лицомъ къ лицу напалъ на него съ одною изъ тѣхъ вызывающихъ рѣчей, которыми онъ періодически заявлялъ Европѣ о началѣ новой войны. Ровно три года тому назадъ, Меттернихъ испыталъ подобное нападеніе, и никто на забылъ послѣдствій. Эта выходка, со всѣми заранѣе разсчитанными въ ней наглостями, продолжавшаяся болѣе двухъ часовъ [318]), не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ обвиненіемъ безотвѣтнымъ, что еще сильнѣе характеризовало ея приличіе. Посланнику, обязанному взвѣшивать каждое свое слово и не компрометировать своего правительства, было вполнѣ невозможно принимать вызова на дипломатическія пренія въ такомъ мѣстѣ, при такихъ слушателяхъ и противъ такого обвинителя. Онъ былъ обреченъ на принятіе всѣхъ ударовъ — безъ возможности обороны, и Наполеонъ, злоупотребляя выгодами своего положенія, тѣшился замѣшательствомъ своего противника, какъ бы торжествуя свою первую побѣду надъ державой, подпавшей его немилости.

Въ этой длинной обвинительной рѣчи противъ Россіи, Наполеонъ подобралъ одну за другой всѣ настоящія и подложныя причины къ возникающей враждѣ. Онъ жаловался на то, что въ теченіе полугода отвѣчаютъ только приготовленіями къ войнѣ на его мирныя предложенія и на его вызовъ вознаградить герцога Ольденбургскаго, который былъ, если не прямымъ подданнымъ, то конечно его вассаломъ, и несравненно болѣе зависѣлъ отъ Франціи, нежели отъ Россіи, такъ какъ онъ былъ членомъ рейнской конфедераціи. Желаютъ, разумѣется, этого вознагражденія въ Польшѣ, но тамъ

---

[318]) Русскіе архивы: депеша князя Куракина, 15 августа 1811.

онъ не уступитъ ни пяди земли; а такъ какъ не хотятъ принять вознагражденія въ Германіи, то значитъ хотятъ войны. Вотъ причина поспѣшныхъ вооруженій Россіи, передвиженіе войскъ съ Дуная, тогда какъ они были тамъ очень нужны противъ турокъ, что доказала неудача подъ Рущукомъ. Какъ ему вѣрить послѣ этого, что не желаютъ войны? *Что до него, онъ, какъ человѣкъ природы, когда не понимаетъ, то и не довѣряетъ!* Поэтому онъ также сталъ вооружаться для своей защиты, и *хотя у него болѣе денегъ и болѣе средствъ, нежели у Россіи,* онъ однакоже не можетъ продолжать такихъ пожертвованій. Наступитъ время, когда мѣра переполнится, когда, чтобы достигнуть конца, онъ по неволѣ долженъ будетъ обнажить свою шпагу..... Тѣмъ не менѣе онъ не желаетъ войны, хотя и можетъ выставить противъ Россіи шестьсотъ тысячъ войска, не задерживая притомъ ежегодной отправки въ Испанію по двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Если его доведутъ до крайности, если эта бѣдственная война возгорится, тогда Александръ и Румянцевъ одни понесутъ на себѣ отвѣтственность за это зло; всякому становится извѣстнымъ начало войны, но никто не можетъ знать, когда и какъ она кончится. Ихъ ослѣпленіе въ этихъ обстоятельствахъ просто непонятно. Въ Петербургѣ страдаютъ головокруженіемъ; *они похожи на зайца, которому попали въ голову дробиной, и который кружится на мѣстѣ, не зная, куда бѣжать.* Но имъ слѣдовало бы помнить, что у него нѣтъ привычки быть битымъ; имъ не должно забывать судьбы Пруссіи, также хлопотавшей о своей погибели [319]).

Когда императоръ окончилъ свою нагло-обвинительную рѣчь, залы дворца были уже пусты, и всѣ свидѣтели этой тягостной сцены исчезли одинъ за другимъ, кромѣ австрійскаго и неаполитанскаго посланниковъ. Эта безмолвная, но

---

[319]) *Русскіе архивы*: депеша князя Куракина отъ 15 августа 1811.

знаменательная протестація какъ бы подтверждала слова, сказанныя Талейраномъ: «Какъ жаль, что такой великій человѣкъ столь дурно воспитанъ!» Князь Куракинъ, еще страдавшій послѣ своего обжога на пожарѣ дворца Шварценберга, выслушивалъ императорскую рѣчь стоя, хотя ноги его жестоко болѣли, «не обнаруживая ни безпокойства, ни нетерпѣнія и какъ онъ писалъ съ улыбкою на устахъ». На другой день всѣ узнали, что разрывъ съ Россіей неминуемъ. Дѣло стояло въ такомъ положеніи, что еслибъ не позднее время года, военныя дѣйствія начались бы немедленно. Публичныя угрозы Наполеона Россіи ни въ чемъ не измѣнили настроенія петербургскаго кабинета: весь результатъ угрозъ былъ тотъ, что Александръ немедленно объявилъ Лористону, «что онъ отказывается отъ всякаго вознагражденія въ Польшѣ и требуетъ возврата Ольденбурга».

Продолжали однакожь говорить о мирѣ, поддерживали сношенія, каждый стараясь выставить себя правымъ, а противника виноватымъ. Предлагали даже разоруженіе [320]). Оба императора изъявляли на это согласіе, а между тѣмъ оба удваивали скорость своихъ приготовленій. Александръ разоружался, назначая стотысячный наборъ рекрутъ, а Наполеонъ призывая на службу конскриптовъ 1812 и притомъ завѣряли, что первымъ ни тотъ, ни другой не обнажитъ шпаги. Александръ хотѣлъ прислать новаго переговорщика съ полномочіемъ все уладить, а Наполеонъ притворно придавалъ особенную важность прибытію этого дипломата, который однакожь не пріѣзжалъ. Все это продѣлывалось для видимости. На самомъ же дѣлѣ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить, но оба сознавали всю громадность этой войны, неисчислимыя послѣдствія этого бѣдствія, и желали каждый отклонить отъ себя отвѣтственность хотя бы на первое время. На этомъ поприщѣ формальностей и приличій Наполеонъ, также какъ и въ правѣ, не достигъ преимущества.

[320]) Наполеонъ къ Маре, 6 ноября 1811.

надъ своимъ соперникомъ. Александръ говорилъ при концѣ распри то же самое, что и въ началѣ: я не буду нападать, но буду защищаться; Наполеонъ сталъ говорить: меня заставятъ атаковать, чтобъ защищаться.

Увѣренный въ томъ, что вся Европа послѣдуетъ за нимъ, не исключая правительствъ Пруссіи и Австріи, столь жестоко отъ него пострадавшихъ, онъ укрѣплялся въ своихъ предначѣреніяхъ сознаніемъ, что успѣлъ пріобрѣсти для себя всѣ шансы на побѣду. Онъ уже подводилъ счетъ тѣмъ выгодамъ, которыя можетъ ему принести эта война. Она доставитъ ему не только господство надъ міромъ, но и средства къ возстановленію своихъ финансовъ! «Я поведу эту войну въ интересахъ моей политики, а также и въ интересахъ моихъ финансовъ. Не всегда ли я поправлялъ мои финансы войною?» сказалъ онъ въ отвѣтъ на представленія своихъ министровъ Година и Молліена [321]). Дозволительно предполагать, по нѣкоторымъ словамъ, изрѣдка у него вырывавшимся, и по необычайной медленности, съ которою онъ рѣшался на эту войну, что въ немъ возникали иногда сомнѣнія объ исходѣ его предпріятія; но громадная обширность его приготовленій, чрезвычайныя подробности его исчисленій, все обнимавшихъ, все предугадывавшихъ, болѣе и болѣе закрывали отъ его взгляда ту пропасть, къ которой онъ стремился. По всѣмъ положительнымъ даннымъ предстоявшей ему грозной задачи развѣ не былъ онъ увѣренъ въ успѣшномъ ее рѣшеніи? Развѣ не имѣлъ онъ на своей сторонѣ превосходства въ численности, въ средствахъ, въ войскахъ, въ командованіи?

Съ этой точки зрѣнія, единственно доступной его могучему уму, свою будущую побѣду онъ могъ доказать себѣ почти научнымъ образомъ. Но въ такомъ дѣлѣ не подлежали ли разсчету и другіе элементы, столько же важные, хотя и менѣе извѣстные? Рядомъ съ этой офиціальной Европой про-

---

[321]) Mémoires de Mollien.

стертой въ униженіи у его ногъ, не было ли и другой Европы, не было ли народовъ, имъ раздраженныхъ, грозно готовыхъ ополчиться противъ него? На ряду съ вооруженной силой не было ли съ другой стороны силы патріотизма, любви къ свободѣ; не было ли чувства народной ненависти и жажды мести? Наконецъ, надъ средствами правильной стратегіи не могли-ли восторжествовать страшныя и неисчислимыя средства той тактики отчаянія, которая поддерживала испанцевъ?

Затаенные эти элементы существовали и обусловливали пробужденіе нравственныхъ силъ европейскаго общества, ни во что невмѣняемыхъ Наполеономъ. Отрицая и попирая эти силы, онъ успѣлъ такъ высоко поднять свою фортуну; съ какой же стати сталъ бы онъ потомъ признавать ихъ могущество? Предостереженій получалъ онъ достаточно. Не разъ ему указывали на отчаянные планы Россіи, на ея грозную рѣшимость, въ случаѣ его вторженія, истребить вокругъ него все, съ тѣмъ, чтобъ погубить и его самого среди общаго разрушенія. Еще съ большей настойчивостью доносили ему о германскихъ заговорахъ. Алькье передалъ ему изъ Стокгольма знаменательныя слова Александра: «Если императоръ Наполеонъ потерпитъ неудачу, то вся Германія возьмется за оружіе, чтобъ преградить ему отступленіе, или чтобъ не допустить къ нему подкрѣпленій.» Братъ его Жеромъ, имѣвшій возможность близко наблюдать за тѣмъ, что происходило въ Германіи, увѣдомлялъ его, въ январѣ 1811, о полученномъ имъ предложеніи вступить въ тайный союзъ противъ Франціи Наполеонъ, вмѣсто благодарности за это извѣщеніе, упрекнулъ его тѣмъ, что онъ своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ поощрилъ подобныя откровенности [322]). Жеромъ опять возвратился къ этому предмету въ іюлѣ, а потомъ въ декабрѣ 1811.

«Если вашему величеству говорятъ о покорности и спокойствіи, то это обманъ. Разгаръ страстей достигъ высо-

---

[322]) Correspondance du roi Jérôme, t. V. 16 et 21 janvier 1811.

чайшей степени, самыя несбыточныя надежды поддерживаются и распространяются съ энтузіазмомъ, хотятъ подражать примѣру Испаніи, и если вспыхнетъ война, то всѣ страны между Рейномъ и Одеромъ запылаютъ въ обширной и дѣятельной инсуррекціи [321]).» Маршалъ Даву и генералъ Раппъ передавали ему тоже самое изъ Гамбурга и Данцига. Наполеонъ не только не поощрилъ подобныхъ предостереженій, но даже пришелъ въ раздраженіе, потому ли, что принялъ это за сомнѣніе въ его фортунѣ, или потому, что счелъ это за дерзость противъ непогрѣшимости своего генія.

«Ничего нѣтъ общаго между Испаніей и Германіей, писалъ онъ къ Даву.... Бояться нечего, еслибъ даже нѣмецъ былъ столько же празденъ, столь же лѣнивъ, столь же смертоубійца, столь же преданъ монахамъ какъ народъ испанскій, среди котораго шныряютъ триста тысячъ такихъ отшельниковъ. Судите же, чего можно опасаться отъ народа столь благоразумнаго, хладнокровнаго, разсудительнаго и терпѣливаго, до такой степени чуждаго всякой крайности, что не было примѣра смертоубійства француза въ Германіи во все время войны... Если-бы и оказалось тамъ воинственное движеніе, то скорѣе *въ нашу пользу* противъ ничтожныхъ владѣтельныхъ князей!» Донесенія Раппа приняты съ бо̀льшею еще строгостью: «Не понимаю, къ чему Раппъ *мѣшается не въ свое дѣло*.. Что онъ толкуетъ о томъ, что дѣлается въ Венгріи, о духѣ, оживляющемъ конфедерацію и тѣ страны. отъ которыхъ онъ такъ удаленъ!... *Прошу не соватъ мнѣ подъ глаза подобныхъ рапсодій*. Мое время слишкомъ дорого, чтобъ терять его на пустяки. все это приводитъ меня только къ потерѣ времени и *пачкаетъ мое воображеніе* предположеніями и видами нелѣпыми [322]).»

Передъ такою галлюцинаціею гордости и самообольщенія,

---

[321]) Жеромъ къ Наполеону, 5 декабря 1811.
[322]) Наполеонъ къ Даву, 2 декабря 1811.

какъ будто слышишь Макбета, отвергающаго въ своемъ изступленіи вѣстниковъ, доносившихъ ему о приближеніи непріятельскихъ войскъ: «Прочь отъ меня вы, блѣдныя, трусливыя лица! Не нужно мнѣ болѣе вѣстей! Ни духъ, меня оживляющій, ни сердце, бьющееся въ моей груди, не могутъ ни поколебаться сомнѣніемъ, ни подвергнуться страху!» Итакъ этотъ выскочка, этотъ великій счетчикъ, этотъ наблюдатель прежде столь прозорливый, столь быстро охватывавшій все то, что могло быть ему пригоднымъ, дошелъ въ концѣ до ребяческой раздражительности противъ непреложнаго могущества фактовъ. Все неподходящее къ своимъ намѣреніямъ онъ сталъ считать какъ-бы не существующимъ, точно могущественный король, уничтожающій или изгоняющій мятежныхъ придворныхъ. Онъ не удостоивалъ вниманія сущности обстоятельствъ. Препятствія не было съ той минуты, какъ онъ отвергъ его существованіе. Вотъ до чего, въ теченіе десятилѣтія, довела его абсолютная власть! Въ одинъ изъ послѣднихъ дней этого 1811 года, оканчивавшагося при столь печальныхъ предзнаменованіяхъ, проблескъ разсудочности озарилъ вскружившуюся голову Наполеона: 19 декабря онъ письменно потребовалъ отъ своего библіотекаря «все, что мы имѣемъ по-французски самаго подробнаго *о походѣ Карла XII въ Польшу и Россію.*» Какое поученіе въ этомъ имени Карла XII и въ воспоминаніяхъ о Полтавскомъ пораженіи! Не случайно пришло ему на умъ это прорицательное имя. Что ему въ немъ представлялось? предчувствіе? предостереженіе высшей силы? Не искалъ ли онъ повода къ самовосхваленію себя на счетъ знаменитаго шведскаго искателя приключеній? Впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого чтенія, остались неизвѣстными, но послѣдующія его дѣянія достаточно доказали, что урокъ для него былъ потерянъ. Ищущему погибели самое средство къ спасенію обращается на погибель.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

V ТОМА.